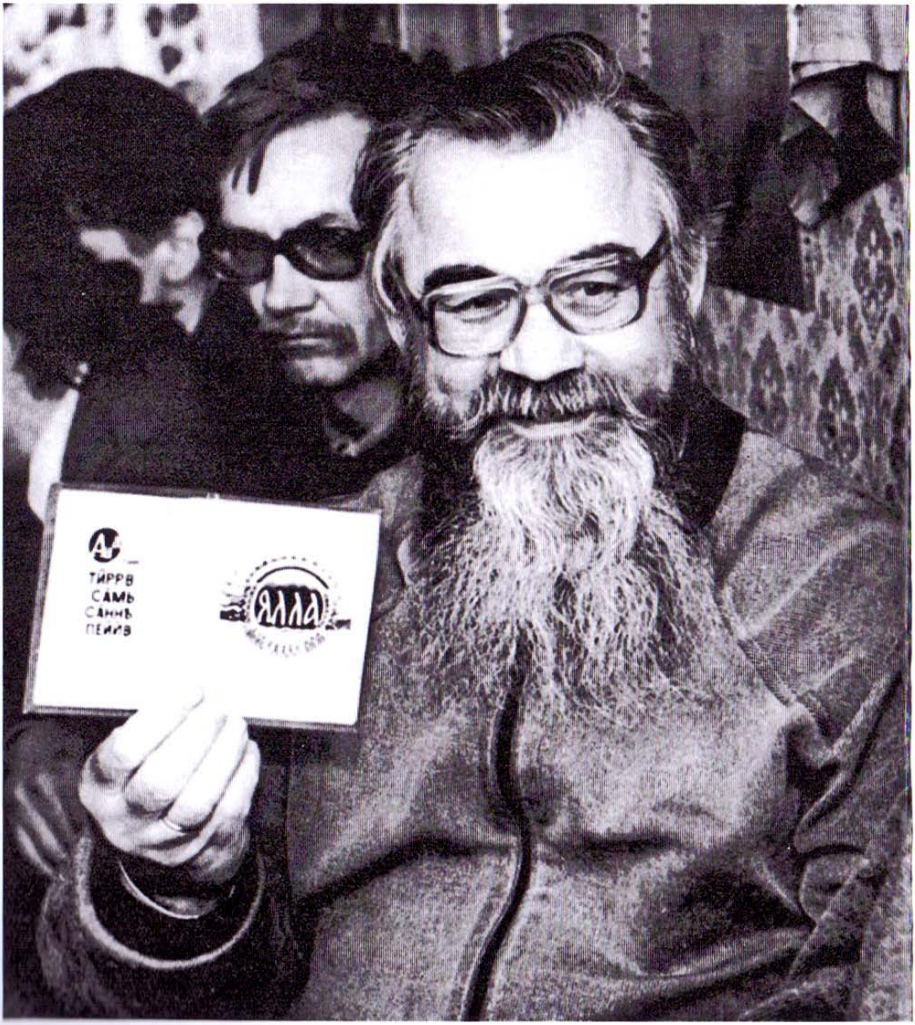
Надежда Большакова

Мой Маслов

Книга-дневник


ТИРРВ
САМЬ
САННЬ
ПЕЙИВ
ЯЛЛА

Надежда Большакова

Мой Маслов

Книга-дневник

ОПИМАХ

Мурманск

2011

Надежда Большакова

Мой Маслов!

Издательство «Опимах»
Полярный
2011

Посвящается памяти
писателя Виталия Семеновича Маслова

Удк 821.161.1.09(093.3)
ББК83.3 (2Рос=Рус)6
Б79

Большакова Н.П.
Б79
Мой Маслов (Н.П.Большакова. – Мурманск: (Издательство – **«Опимах»),** 2011. - ---------
С.: ил. ----------

ISBN 978-5-903748-47-1

Предлагаемая читателю книга посвящена Виталию Семеновичу Маслову – писателю, поэту, общественному деятелю, Гражданину.

Это книга-дневник, в которой автор очень откровенно делится воспоминаниями о Маслове, близком ей по духу, а также о писателях и других людях, с которыми свела её судьба.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

© Надежда Большаков

От автора

Я часто задумываюсь, почему в 2007 году отошла от деятельности Мурманской писательской организации Союза писателей России. Скорее всего, этому решению сопутствовали не только неприязненные отношения в Ушаковском ходе ко мне наших поэтов, наверно, было что-то большее. И, наконец, поняла - в писательской организации не стало близких, родных мне по духу людей, определяющих ее жизнь: Владимира Смирнова, Александра Миланова, Виталия Маслова, Викдана Синицына, Николая Скромного…

Я умоляла Господа остановить счет. Писала в дневнике: сначала - Дмитрий Михайлович Балашов, затем - Виталий Семенович Маслов и Викдан Синицын. Все трое были слишком дороги моему сердцу. После убийства Балашова испытала шок. Когда узнала о смерти Маслова, душу обволокла тоска, когда пришло сообщение, что ушел из жизни Викдан, сердце заныло нестерпимой болью. Балашова и Маслова любила, считала своими друзьями, но все же в нашей дружбе преобладала больше отеческая опека, с одной стороны, и глубокое почтение к сединам и творчеству - с другой. Викдан был другом души, преданным и родным, с которым могла говорить часами и никогда не становилось скучно… Они ушли, и я резко ощутила, как мне не стало хватать их поддержки. Но оставался еще Николай Скромный, который, несмотря на свою болезнь, как мог, держал Союз, находя компромиссы в возникающих противоречиях. Но и он нас покинул…

Николай Колычев, известный поэт не только на Мурмане, но и в России, как и все мы, очень сильно переживал смерть Виталия Семеновича Маслова, считая его своим учителем и наставником. Меня всегда потрясало и восхищало умение Николая передать в стихи свою внутренняя боль за деревню, друзей, Россию... Читаешь и чувствуешь, как кровоточит каждая строка поэта, как натянут нерв стихотворения. «Дорогие мне люди уходят в меня» родилось у него сразу после ухода Маслова, и сразу болью вошло и в мою душу:

Снится белое поле. И зыбкой тропы первопутье.
Кто-то скрылся вдали. Кто-то следом побрёл, догонять…
Вереницей из жизни уходят хорошие люди.
Дорогие мне люди уходят из жизни — в меня.

Все там будем… Туда — не бывает ни поздно, ни рано.
Но как больно извне провожать и копить их внутри.
Молодой-молодой усмехнулся в усы Тараканов…
Мёртвых память хранит, а живущих былое — старит.

С неба сыплется снег и ложится пуховой периной.
И вздымается вновь. И, струясь, заплетается в свей…
И в одеждах оленьих над полем встаёт Октябрина.
И поёт о любимой земле — и своей, и моей.

Поле. Белое поле. И ферма. И вздохи коровы.
Уходящая тень исчезает на скорбной тропе
За сараем… За баней… А баню-то я — для Смирнова!
Ах, Владимир Лексаныч! Прости. Не успел. Не успел…

Тени голых деревьев холодным мерцаньем залиты,
Словно взлётное поле расчерчено стыками плит.
Разгоняясь, взлетает серебряной птицей Гулидов.
Никуда, никогда он из памяти не улетит.

Эти лица — во мне? Или я в этом мире загробном?
Вот, завыла пурга — и рассыпалась веером брызг.
Белый-белый корабль проплывает валами сугробов,
И стоит капитан у штурвала — Романов Борис.

Там, за рябью кустов, кто-то режет лыжнёю поляну,
И слезятся глаза, и — солёная россыпь в груди.
Узнаю — со спины! И кричу я: «Сан Саныч! Миланов!»
Как он там, без меня? Я ж обычно ходил впереди.

Побледнела луна и за чёрною тучей погасла.
Но я видел, я видел! Я чувствовал — там, в темноте,
Обернувшись, взглянул на меня укоризненно Маслов…
И хотелось догнать. И прижаться лицом к бороде.

Сколько ж я не сказал, не услышал, не взял, не отдал им!
А теперь — лишь копить, но уже не вернуть им любовь.
Тяжело от вины. Я пред каждым виновен — немало.
Но ещё тяжелей от хороших несказанных слов.

Эти люди были близки мне по духу, взрослили меня, являлись моей защитой. Но вот писательская организация стала пополняться новыми членами, совсем не близкими моей душе, и тогда я ушла, ушла туда, где моя душа обрела новых друзей и новую защиту. Человеку свойственно искать, где лучше, и с этим ничего не поделаешь. И в десятую годовщину памяти Виталия Семеновича Маслова я своими дневниковыми воспоминаниями-размышлениями выражаю огромную благодарность писателю-другу и тем, кто был ему, а значит, и мне все эти годы соработником и сотворцом. Теперь они уже соработники и сотворцы Господа, Церковь же самое близкое место к Богу, а значит и к ним. Они не ушли от меня, они продолжают жить со мной и во мне.

Эта книга создана из моих дневниковых записей. Я благодарна судьбе за счастливые годы, подаренные мне Виталием Семеновичем Масловым, Владимиром Александровичем Смирновым, Сан Санычем Милановым, Викданом Синицыным, Николаем Скромным.

А так как Маслов был по натуре человеком, притягивающим к себе людей, в книгу помимо своих дневниковых записей я поместила и воспоминания других, чтобы теперь уже книга о нем стала своеобразным центром притяжения, и вновь, как в добрые времена все объединились вокруг имени этого великого человека, настоящего пассионария.

Маслов при жизни являлся настоящим центром притяжения, потому и в книгу я включила не только свои воспоминания, но и воспоминания о нем других людей, чтобы теперь уже книга притянула всех снова вокруг его имени.

В реферате ловозерской ученицы Таисии Кротовой о творчестве Маслова я прочла, что после общения со мной в Музее саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой, знакомства с моими рассказами о Маслове, устными и опубликованными в журнале «Наука и бизнес на Мурмане», посвященном жизни и творчеству писателя, ей вдруг захотелось обратиться уже и к книгам Владимира Личутина, Федора Абрамова, Василия Белова и вновь к произведениям Виталия Семеновича. Наверно, ради этого я и пишу…

Из писем Валентина Курбатова

Имя псковского писателя Валентина Курбатова я слышала перед каждыми Балашовскими чтениями от Ольги Балашовой, вдовы писателя Дмитрия Балашова, которая сокрушалась, что опять из Пскова на чтения Курбатов не приедет. Я никак не могла понять, зачем он ей. Книг его не читала, потому не знала, что он из себя представляет, хотя вполне осознавала, раз Ольга жаждет его приезда, значит достоин. Однако начинала возмущаться, если этот самый Курбатов знал Дмитрия Михайловича то, как же ему не стыдно не приехать ни на одни Балашовские чтения, чтобы отдать долг памяти. Но, как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Вот мы с Ольгой Балашовой в 2007 году во время Ушаковского хода и приехали в Псков, где у нас состоялась встреча с писателями и где я, наконец-то, увидела, услышала Валентина Курбатова. И прониклась... великим восхищением к нему...

Дома, читая «Подорожник» Валентина Яковлевича, поняла — в книге раскрыта целая литературная эпоха нашей страны: Анастасия Цветаева, Анна Ахматова, Арсений Тарковский, Павел Антакольский, Виктор Астафьев, Виктор Конецкий, Юрий Левитанский, Александр Вампилов, Булат Окуджава, Василий Шукшин, Юрий Казаков, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Валентин Распутин, Василий Белов... Я их всех читала, а Распутина и Куняева видела на пленуме и съезде Союза писателей России, Белову была Масловым представлена. Пишет Валентин Яковлевич и о Владимире Личутине, Иване Рогощенкове, с которыми не раз общалась, о Дмитрии Балашове и Виталии Маслове, с которыми дружила.

Читаешь курбатовский «Подорожник» и понимаешь, что ты эту литературную эпоху совсем не знаешь, будто прошла она в другом временном измерении, точно в стороне от тебя. А затем сама себе начинаешь возражать: да, лично я этих писателей не знала, но ведь они живы в памяти того же Курбатова, Валентины Кузнецовой, о многих рассказывал Виталий Маслов, Виктор Тимофеев… И уже ловлю себя на мысли: а ведь они все уже вошли в мое собственное сознание через воспоминания людей, знавших их, стали живыми в моих представлениях, а не только надписями имен на своих книгах. В этих воспоминаниях писатели начинают обретать голос, характеры, физические очертания, причем заметила, чем талантливее рассказчик, будь он писатель, как Курбатов, или, как Валентина Кузнецова, учитель и музейный работник, тем живее становятся те, о ком они рассказывают.

Валентин Яковлевич пишет, что ушла эпоха, когда литература была как зеркало жизни, сегодня она превращена в рынок, причем в рынок литературы-однодневки без всяких моральных принципов и духовности. Мне, начавшей свой литературный путь в последнее десятилетие ушедшего тысячелетия, все же посчастливилось видеться, общаться и даже быть в дружбе с некоторыми из них. А они уж точно невидимой нитью связали с теми, кто ушел.

Прочла Курбатова и восхитилась: каким светом он вошел в мою душу! Порадовалась, что нашла там воспоминание об автографе Виталия Семеновича, и решила послать Валентину Яковлевичу в Псков «своего Маслова». В ответ получила несколько писем.

«31.05.2008. 16:20. *Спасибо, Надя! Присланные Вами воспоминания о Маслове светлы и прекрасны, без этих наших обыкновенных "приподнятостей". Если даже Вы их уже сто раз напечатали в Мурманске, давайте попробуем еще в одном, только становящемся журнале "Письма из России". Правда, он, подлец, ссылаясь на становление, денег не платит, но воспоминания ведь не для них и пишутся. Только для этого надо еще раз взглянуть на текст и на поминаемые имена и прибавить пару слов о том, кто есть кто (этот - писатель, та тетка - уборщица, эта – из райкома). И хорошо бы самую сухую справку из местной энциклопедии о Виталии Семеновиче (родился, учился, служил и т.д.). Мы так стремительно уходим из минувшего, что и лучшие имена, чуть отъедешь от родного места, требуют пояснения. А сейчас очень важно хранить эти лучшие имена, чтобы жадная новизна нас не сделала вовсе беспамятными.*

Жду ответа, как соловей... Ваш В.Курбатов. С уважением Валентин».

«08.06.2008. 16:35. *Дорогая Надя, сегодня же перешлю материал о Маслове в редакцию. Хотя, естественно, ничего гарантировать не могу. Там народ всякий. Больше молодой. Что им до стариков и до святых воспоминаний. Но пробовать будем. Самих себя до времени сдавать не надо. А то они набалуются, молодые-то, решат, что до них и литературы не было. И замечательных людей тоже. А уж приехать к вам в Мурманск на конференцию в этом году точно никак. Дал бы Бог сил потянуть то, что надумано, - в Сибирь собирался с Валентином Григорьевичем Распутиным съездить, по Ангаре пройти, да в Красноярск к Марье Семеновне Астафьевой завернуть. А потом - Ясная Поляна и Астафьевские чтения в Перми. Концы всё разные, далёкие, и сил надо много. А поезда мне трудны. Вот если бы р-р-раз и сразу оказаться! То, эх, я бы уж и во Владивостоке побывал, куда давно зовут, и в Барнауле, и в Мурманске. Только где эти эх! и р-р-раз! Ваш В.Курбатов».*

«21.10.2008. 10:39. *О Маслове материал попробую отдать в "Литературную Россию". Журнал "Письма из России", куда я предлагал, отреагировал диковато. Редактор написал, что ему уже не хочется печатать о "секретарской литературе". Видать, дурак набитый. Попробуем в "Лит. Россию"».*

«02.11.2008. 12:14. *"Православные газеты" прочитал почти все и очень порадовался и за Вас, и за Вашего владыку, который позволяет такую живую человеческую газету, не страшась обвинений благочестивых читателей. Мы, к сожалению, выпускаем подлинный "барабан духовный", как звал такие газеты В.В.Розанов. И наш владыка на пушечный выстрел не подпускает туда светские материалы, так что "спасаются" чтением и без того спасенные, а мы как хочешь, так и погибай. Улыбнулся своему соседству на полосе с Володей Личутиным, который мой крестник. Спасибо за укрепляющее чтение. Газеты передам в наш приход - пусть тоже порадуются. А вот Маслова опять отвергли - на этот раз "Литературная Россия". На этом мои возможности исчерпаны. Простите. С любовью Ваш В.Курбатов».*

В это трудно сейчас поверить,
Только рядом недавно был.
Вдруг ушел, притворивши двери,
«До свиданья» сказать забыл.

Не дописаны в книгу главы.
Мне на сердце печаль легла:
Не успел рассказать о главном
На костре своего греха.

Викдан Синицын

Маслов Виталий Семенович
(1.09.1935 – 9.12.2001)

Статью о Виталии Семеновиче Маслове, о которой пишет Валентин Курбатов, думаю, правильно будет начать со слов самого Маслова, с его «Автобиографии», написанной в Ленинграде 18 декабря 1977 года. Это не сухие автобиографические сведения, а творческий взгляд писателя на события, происходившие с ним с момента рождения:

> *«Я, Маслов Виталий Семенович, родился в деревне Сёмжа Архангельской области Мезенского района 1 сентября 1935 года. Родители – Маслов Семен Виссарионович - 1899 года и Маслова Александра Никифоровна 1902 г., оба уроженцы Сёмжи. Кроме меня, было еще шестеро детей - Вениамин, Сергей, Виктор, Анна, Вячеслав, Николай. Дедов не помню ни которого. Из бабушек с нами жила Елизавета Фоминична (баба Лиза), мать отца. Я был ее любимцем. Сама бабушка была непоседа или нужда заставляла, но с самых малых годов я помню себя с нею в лодке, в лесу, на болотах, на пожнях (еще до покоса), во всем, поэтому, когда она умерла (в январе 1947 г.), я уже прекрасно знал ближние и дальние окрестности: леса,*

болота, пожни и все, что есть в них. Видимо, это уже ценилось - из шестого класса, из Каменки, я вызывался председателем, чтобы найти и поймать коней, совсем одичавших за лето. Вообще за время учебы в 5-7 классах (после четвертого год пропустил) светлыми местами в жизни были только каникулы да многие-многие прогулы: убегал домой. Домой - всегда пешком (40 км с гаком), обратно – всегда ждал попутья, хоть до четверга. В шестом классе которую-то четверть вообще не учился: гуляла скарлатина. Вижу, что к кому-то идет фельдшер, сразу же за ним, тут же хватали за плечо - и на карантин. А мне только то и надо было, тут же на лыжи - и домой. Голодно было и тоскливо.

Если спросить, когда я начал писать, я бы сказал – в шестом классе, в осеннюю распуту, когда не мог удрать домой. Задали сочинение "Один день каникул". Помню, что сидел в школе на втором этаже в физическом кабинете, глядел в домашнюю сторону и сквозь слезы писал, чем пахнет сёмженский лес в начале мая… Через день учитель (настоящего учителя почему-то не было) долго держал в углу, требовал признаться, откуда списал, а потом поставил единицу.

Вообще же как-то вышло, что семилетку окончил на "отлично". Собрали денег и отправили в Ленинград в Мореходку. Если бы в сельхозтехникуме тоже кормили и одевали, наверное, поступил бы в сельскохозяйственный, мечтал вывести растения такие, чтобы росли в Сёмже.

В училище писал рассказы, помню такие – "Из Замезенья", "Норд" (против районщиков), куда-то носил, и всем почему-то казалось, что это про какие-то давние-давние времена… Надолго решил, что весь Я и все Мое – самая настоящая дикость… Хотя уверен, что "Норд" можно было и сегодня писать, и он не был бы вчерашним словом.

Курсе на третьем надо было что-то читать в самодеятельности на фестивале молодежи и студентов, ничего подходящего не нашел, написал сам. И вдруг – лауреата дали! Как, оказывается, просто.

Вообще же должен сказать, что стихов я довольно и очень разных знал на память еще в школе, притом любил стихи, как и песни, "подлиннее". Уже в шестом классе стихов хватало, чтобы читать, не повторяясь, все сорок километров от Каменки до Сёмжи и песен, чтобы хватило на обратную дорогу, на возу. Высчитал, что, читая Маяковского, добежишь до Семжи на час быстрее, чем читая Некрасова…Песни любил с малолетства и пел много сам в лесу или где, а зимой, бывало, и дома.

Помню, у Поповых я дружил сразу с двумя братьями – Толей и Валей. Влезем на печку и друг перед дружкой десяток ямщиков переберем, и народные, и "бродягу". А если из-за стенки соседка, услышав, придет с балалайкой, – и вовсе праздник. И в Каменке в пятом классе осенью, еще по воде, месяца два жил в портовом доме у Дерягиных, где почти каждый вечер собирались молодые бабы-грузчицы и пели. "Запой, Виталя!" И я запевал с печки. У них любимой песней была "У Муромской дорожки", правда, они пели "У мурманской дорожки". Бабы бывали и выпивши, и порой матюкались, но меня не смущало, они пели, и я их любил и до сих пор за версту со всеми здороваюсь.

Так вот, стал я писать стихи на третьем курсе, кое-что напечатано было, но вспомнить нечего, разве то, что в Мезени в "Севере", да "Мать" в альманахе "Советское Приморье". Но эти стихи были о том же, о чем и рассказы, о чем был рассказ "Норд", о том и поэма "В сорок седьмом".

Пишу порой стихи и до сих пор, но к поэзии это никакого отношения, считаю, не имеет. А перелом наступил в феврале 1956 года, когда, будучи на крейсере "Александр Невский", прочитал поэму А. Яшина "Мать и сын". Помню, даже написал кому-то из композиторов; "Что ж вы комбайны и экскаваторы в оперные спектакли на сцену тащите! Вот же она высокая поэзия, вот она Высокая музыка!» Понял, что мне так, как А. Яшин, не написать никогда. После этой поэмы до "Золотой жилы" В. Федорова читал поэм не очень много. Из всех "Золотая жила" до сих пор самая любимая.

В 1958 году собрал большой материал о том, что намечаемое отключение от моря, от тральщиков некоторых поморских деревень грозит их гибелью. Никак не оформив, а может быть как-то оформив, отправил в "Советскую Россию", рассчитывая, что там сразу же поймут мою болезнь и профессионально откликнутся. Тогда еще понятия не имел обо всей структуре журналистской кухни (да и сейчас не больно знаю). Материал так и пропал, копий не было.

Этот же вопрос через 10 лет поставил в своем рассуждении "Жить или не жить? ", о том же, но на новом этапе: что факт передачи свершился и деревни оказались на грани краха, рассуждал уже о методах спасения. Отдал в Архангельске одному из членов редколлегии "Севера" в надежде привлечь внимание. Он ответил, что в таком виде для печати не годится и

вообще я все утрирую. А я не для печати и готовил. Я уже успел понять, что не сумею никогда написать очерк, хотя и напечатал ранее в бытность в Тикси очерк в "Советской Якутии" о мотористе Н. Попенкове.

В Тикси же начал писать рассказы, решив, что они должны, прежде всего, "нравиться", решив, что, если будет рассказов десять, то назову книгу "Тиксинский Декамерон". Были написаны "Ватерпас, или Козел ищет похмелиться", "Рыбаков приехал в Тикси", "Баба с водяным подогревом", "Капитан с номерами", "Буся"… К нынешней моей книге рассказов они не имели отношения, кроме разве "Капитана", которого писал с дальнего своего родственника. «Тиксинским Декамероном» называл, не зная, что был уже когда-то "Русский Декамерон". А потом и вообще охладел к настоящему "Декамерону", когда убедился, что те моменты в нем, которые меня больше всего восхищали, были трафаретами в литературе еще до Боккаччо.

К тиксинским рассказам отношусь серьезно в том смысле, что в них - настоящая Арктика с ее вольницей и вольностями. Тогда же была написана какая-то повесть, не помню какая.

В шестом рассказе, из десяти запланированных, понял, что пишу совсем не то, к чему лежит душа. Бросил писать и года полтора не писал… Думал насовсем. Пока офицер, товарищ тиксинский, Иван Жилин вдруг как-то под весну притащил на судно (а мы зимовали посреди бухты) всамделишного писателя, который забрал неоконченную повесть и два рассказа, которые были перепечатаны, и унес в гостиницу. Назавтра, прочитав, велел писать и присылать. Это было в 1962 году.

Однако я уже выключился, уверовал, что не сумею, и не давал вести писателю года два-три. Тогда он сам меня разыскал уже в Мурманске. Отругал и велел что-нибудь прислать нового. Нового ничего не было. Написал "Слепого" и отослал в Москву.

В 1967 году, будучи в Антарктиде, получаю радиограмму от своего старого тиксинского капитана И.С. Степанова: "Прочитал в "Смене" рассказ" - поздравляю". Так что тут больше виноват не я, а Семен Иванович Шуртаков.

Однако "Слепой", хотя и о том месте, да совсем не о том, чем я был, болел со школы.

Убежден, что, если бы не "Две зимы" Федора Абрамова, долго бы еще все то МОЁ было для меня признанной "дикостью".

Ни над одной книгой в жизни я не плакал так, как над этой. Над жизнью той. И от счастья: оказывается, все, что есть во мне моего, все МОЁ заветное, которое меня давило и заставляло молчать, ибо ругань в лай была бы обращена, имеет право на жизнь, что оно прекрасно! Более прекрасно, чем все, что я знал в жизни!.. Прочитав "Три лета", я впервые вместе с Мишкой Пряслиным почувствовал себя человеком, что б ни случилось потом, если я об этом забуду, пусть буду я проклят.

Я с радостью развязал горло моим дорогим людям, чтобы они заговорили… сами и о себе. Именно заговорили. Вот почему в первом рассказе "Свадьба" столько много разговоров, может быть, больше, чем надо.

Напечатал "Свадьбу" мезенский "Север", петрозаводский "Север" отнесся внимательно, но не напечатал… Написано две книги – "Крутая Дресва", "Шестьденьгова Щелья". Это делится с общим названием "Круговая порука". Пока напечатана одна "Шестьденьгова Щелья" (под названием "Круговая порука"). Хотя и названа книга романом, ощущаю ее рассказом, большим по объему.

Напечатаны также рассказы "Николай Поморский", "Заиндевелые бока", "Едома" ("Север", Петрозаводск"), "Зырянова бумага" (в мурманской областной газете), "Восьминка" ("Наш современник").

В редакции находятся три рассказа (около шести печатных листов) и книга для детей "Болят ли у рыбы зубы?". Еще одна детская "Когда папа в Мозамбике" (на мезенском материале).

Сейчас работаю над книгой, которая будет называться, вероятно, "Из рук в руки". Место действия – между морем и берегом, на срезе. Время действия 17 – 21 августа 1977 года. Говорю, потому, что все это уже на бумаге. О другом упоминать раньше времени боюсь, суеверен.

После мореходного училища плавал в Сахалинском (Холмск) пароходстве, как член экипажа сравнительно долго был в Индонезии и Китае. Зиму 1958/59 годов работал в Северном (Архангельск) пароходстве, а летом 1959 года на гидрографическом судне (ГП ММФ) ушел в Арктику и задержался там до декабря 1962 года. В конце 1962 года перевелся в Мурманское пароходство, где и работаю до сих пор. Радист.

Прописан в Мурманске. Вместе со мной семья: отец Семен Виссарионович - 78 лет, мать

Александра Никифоровна - 75 лет, жена Маслова Валентина Устиновна, сын Евгений - 13 лет, сын Олег – 12 лет, дочь Александра – 1 год.

Около полугода родители проводят в деревне Сёмжа. Отец до последнего каждое лето поступает работать в бригаду Гослова (от Мезенского рыбокомбината)».

То, что описано в «Автобиографии» Маслова 1977 года, – это предтеча писательского пути члена Союза писателей России, почетного полярника, почетного радиста, почетного гражданина г. Мурманска. А теперь рассмотрим его путь по годам:

Родился 1 сентября 1935 года в деревне Сёмжа Архангельской области Мезенского района.

Четыре класса окончил дома, в Сёмже, семилетку – в Каменке Мезенского района.

1951-1956 годы – учеба в Ленинградском мореходном училище.

1956-1959 годы – работа (по направлению) в Сахалинском пароходстве (теплоходы «Буденовск», «Большерецк», пароход «Азов»).

1959-1962 годы – зимовка в Арктике на гидрографическом судне «Иней».

С 1962 года — атомный ледокол «Ленин» - радист (20 лет).

1967-1968 годы – участник 13-й Антарктической экспедиции.

1973 год - лауреат литературного конкурса им. Подстаницкого (I место за рассказ "Зырянова бумага").

1978 год – принят в Союз писателей России после публикации романа "Круговая порука"; награжден Почетным дипломом Союза писателей СССР и ЦК ВЛКСМ за победу во Всесоюзном конкурсе им. Николая Островского (роман «Круговая порука»).

С 1983 года – писательская работа – главные книги: «Крутая Дресва», «Круговая порука», «Из рук в руки», «Внутренний рынок», «Проклятой памяти», «Еще живые», «На костре моего греха», «Искупление» (рукопись).

1984 год – открытие Дома памяти в деревне Сёмжа.

1985 год – лауреат областной литературной премии им. Александра Подстаницкого за очерк «Беломорское горло»; лауреат премии ВЦСПС и Союза писателей СССР за лучшее произведение о рабочем классе и колхозном крестьянстве (роман «Внутренний рынок»).

1986 год – первый День славянской письменности и культуры в Мурманске.

1989 год – первый День саамского слова на Мурмане.

1990 год – открытие в Мурманске памятника первоучителям Кириллу и Мефодию, подаренного городу Болгарским фондом «13 веков Болгарии».

1991 год – лауреат премии Союза писателей России за книгу «Еще живые».

1992 год - избран ответственным секретарем Мурманской областной писательской организации Союза писателей России.

1992-1996 годы – издание книг молодых поэтов серии «Первая книга поэта», а также книг на саамском, коми, ненецком языках.

1996 год – лауреат премии «Северная звезда», учрежденной президентом Якутии и Союзом писателей России за книги, воспевающие Российский Север.

1997 год – Славянский ход «Мурман-Черногория».

С 1986 года – вместе с Борисом Макаровичем Соколовым работали по сохранению атомного ледокола «Ленин».

1999 год – лауреат премии им. Валентина Пикуля.

1999-2001 годы – сменный помощник капитана атомохода «Ленин».

Умер 9 декабря 2001 года.

«Мост дружбы»

22.05.1993. Когда меня пригласили участвовать в семинаре молодых литераторов в Ловозере, сообщив о приезде большой группы писателей из Мурманска, попросили организовать встречи с поэтами Виктором Тимофеевым и Владимиром Смирновым в школах Ревды. А затем - Ловозерская библиотека и семинар! Переживала очень. В Ловозере поэты Виктор Тимофеев и Владимир Смирнов познакомили меня с остальными гостями, представили секретарю Мурманской писательской организации Виталию Семеновичу Маслову. Семинар помню отрывками. Казалось, каждый писатель был со своим лицом и в то же время сливался во

что-то большое, цельное. Помню, как хорошо обо мне высказались Тимофеев и Смирнов, как после этого очень внимательно поглядел Маслов, точно пробуравил насквозь.

После семинара участникам в ресторане «Чум» вечер устроили. Наконец-то я почувствовала себя в своей стихии. Я не знала, как пишу - плохо, или хорошо (тогда это было всего лишь увлечением), а вот ведущей вечеров считала себя профессиональной. Казалось, - после такого ответственного семинара люди просто обязаны отдохнуть, и я вышла на сцену дарить им хорошее настроение. Между конкурсами, проводимыми для гостей, присаживалась за столик к поэтам. Тимофеев восхитился моими способностями ведущей, и я, окрыленная похвалой, сказала, мол, подождите, сейчас на игру вашего Маслова вытащу, вот тогда и буду молодец. Но все посмотрели на меня, как на ненормальную. Руками замахали, мол, ты что - Маслов серьезнейший писатель и человек строгих правил на твои авантюрные игры никогда не выйдет. Меня это только раззадорило.

- Не пойдет, говорите? Да он у меня еще и разденется.

Тимофеев открыто засмеялся, произнеся: «Даже не мечтай».

На игру «Мост дружбы» Виталий Семенович вышел со всеми остальными приглашенными. Суть в том, чтобы от одной стены до другой проложить «мост дружбы» из вещей, которые есть на игроках обеих команд. Виталий Семенович оказался не ханжой, потому снял не только башмаки, галстук и пиджак, но даже рубашку, оставшись в одной майке и брюках. Впрочем, подобным образом поступили и все остальные игроки. А уж как он радовался, когда их команда победила, точно мальчишка.

Когда я вновь за столик села, Тимофеев, поцеловав мне руку, сказал, что я для них открыла нового Маслова. А чуть позже мы с Виталием Семеновичем танцевали вальс, и я удивлялась, как он прекрасно и легко танцует. Это был наш единственный танец. Потом уже таких вечеров писателям нигде не устраивали.

«Стыдно» Балашова

В 1993-м, когда я впервые приехала в Союз писателей в Мурманск, услышала бурное возмущение Виталия Семеновича по поводу судьбы брошюры писателя Дмитрия Балашова «Стыдно», которую тот прислал ему для публикации. Оказывается, почти весь тираж брошюры как только о ней узнали влиятельные лица, тут же пошел под нож. И небезосновательно, по мнению тех, кто уничтожал книгу. Заявить после событий у Белого Дома: «Но тот ли Ельцин с его командой диктатор, который нужен стране?» - был Поступок! Поступок не только мудреца провидца, но и смелого человека. Виталий Семенович подарил мне одну из спасенных брошюр с напутствиями прочесть и оценить того, кто ее написал.

Энергия, излучаемая на всех

30.01.1994. Маслова люблю, хотя с его творчеством еще не была знакома. Люблю его свет, ум, энергию, которую он так щедро излучает на всех. Бывает, ворчит, будто старик, жалуется, и в эти мгновения мне его хочется утешить или по-матерински пожалеть. В нем так много ребячьего: то вспыхивает точно спичка и начинает кричать, что-то кому-то доказывая, то осердится, фыркнет, уткнется в бумаги – не подходи. Но и отходчив, осветится улыбкой и расскажет какой-нибудь смешной случай. Такой он и есть – взрослый, мудрый и все же мальчишка.

«Теперь я за саамов спокоен»

10.03.1994. 16 марта 1994 года. В этот год не раз подкатывало отчаяние. Сегодня особенно пустой день, не написала почти ничего, а значит, прожила впустую. На работе новость преподнесли - до 1 июля меня отправляют в отпуск без содержания. Вот так. На что жить - неизвестно, и так мама с папой всех на свою пенсию кормят, а если еще и я работать не стану, то вообще мрак? Позвонила начальнику ЖКХа Вильмсу, спросила, почему в отпуск отправляет, почему не посадит на вахту, по крайней мере, стану хоть какие-то крохи получать. Он

удивился, разве я пойду на вахту? Пойду! Куда хочешь пойду, лишь бы без работы, без средств к существованию не оставаться. Думают если у меня высшее образование, и я директором клуба работала, воспитателем, то вахта, мое самолюбие ущемит, ошибаетесь, господа. Чтобы детей кормить, мать и не на такую работу пойдет.

Хочется отдыха, но этого я позволить себе не могу, кто-то толкает: пиши, пиши… Иногда спрашиваю: «Для кого «пиши»?» Ответа нет, только - пиши! Сказки так и не издают, рассказы о детстве тоже на месте стоят. Для чего ж напрягаться тогда? Пишу целыми днями без отдыха?

На комбинате жуткое сокращение… Вопрос - как жить? Какое будущее нас ждет? Буквально всем приходится поднимать настроение, отдавать часть своей энергии, лишь бы люди не отчаялись, а сегодня, после известия, преподнесенного Вильмсом, сдала сама. Почти ничего не написала. Расстроилась, плакать хочется, слезы в горле стоят, а наружу не идут. Прямо в отчаяние впала. Надо взять себя в руки. Это все оттого, что пока холодок сокращения меня не касался, жизнью своих героев жила, а когда и перед моим носом хвостом покрутил, тут же почувствовала себя слабой и не защищенной…

Чего-то от семинара молодых литераторов ждала, проходившего 7 марта этого года в Мурманске, где, по приглашению Маслова представляла свои сказки из будущей своей книги «Подарок чайки». Семинар прозы вели Виталий Семенович и гость из Карелии писатель Станислав Александрович Панкратов. Сказки приняли хорошо. В конце семинара Маслов, обращаясь ко всем, вдруг сказал:

- Давайте-ка мы с Большаковой слово возьмем, что она никогда не оставит саамскую тему.

- Такое слово я уже дала, - взволнованно ответила я.

- Кому?..

- Господу!

Маслов улыбнулся, развел руками и растяжно произнес:

- Теперь я за саамов спокоен.

А позже у Маслова в очерке «На костре моего греха» читаю: «Задача писателя, сына своей земли, - возбуждать в родном народе стремление к родовой памяти, к ответственности перед предками и потомками».

И сразу понятно, почему Маслов с меня слово взять хотел.

Это было на семинаре, а теперь лезут мысли: ради чего писать? Вышла бы книга сказок, людям понравилась, тогда понятно ради чего, а так...

Вот ведь, только жалеть себя принялась и слезы пошли. Это хорошо, это профилактика, нужно всласть выплакаться, тогда вновь силы появятся, сопротивление всем ненастьям жизненным. Мне еще хорошо, я хоть пишу это моя отдушина, а каково тем, у кого ею только работа является? Тем во сто крат хуже меня.

Поплачу и яйца на Пасху на деревянных болванках начну расписывать, может, что продать удастся… Наивная, и что себя не знаю, ведь раздарю, как в прошлый год. 52 яйца расписала и все раздала. Ну и ладно, пусть хоть ими людей порадую, самое главное не киснуть. Ведь если внутренний сигнал на какую-то работу идет, ее и надо выполнять, а там видно будет для чего труды твои. Сейчас приказываю себе, найди силы и жить. Господи, верни мне уверенность и энергию. Самое главное, что пишу, а это важнее всех «воспитателей» и «вахт», вот моя работа и мое жизненное оправдание.

Маслов – океан бездонный

26.04.1994. Маслов – океан бездонный добродушия и шуток, подколов и насмешек. И тучность ему к лицу. И несмотря на его напускную простоватость, через минуту общения с ним понимаешь, сколько в этом человеке ума, знаний, философского мышления. Но Маслов и горючая смесь огня и взрывов, в этом я уже убедилась и не раз. Тимофеев сказал, что Маслов принял меня и возлагает большие надежды, вот бы их еще оправдать. Тимофеев моя защита, с ним спокойно, а Маслов вручив «Азбуку» на саамском, заставил учить язык и работать, работать, работать… И с создателем саамского букваря Александрой Андреевной Антоновой помог познакомиться, чтобы она мне в постижении саамского языка помогла.

Прочла всего Маслова по аннотациям к его книгам

10.05.1994. В очередной приезд в Мурманск меня Маслов спросил, прочла ли я что-нибудь из его книг. Честно призналась: в библиотеке все книги взяла, но пока что прочла только аннотации к ним, свободная минута появится, начну читать.

Он громко и весело засмеялся. Так весело, что на глазах появились слезы. А затем всем заходившим в Союз писателей рассказывал, как Большакова прочла всего Маслова по аннотациям. Я не обиделась, потому что от моего нечаянного признания у него весь день приподнятое настроение было. Перед уходом сказал:

- Ты зря, Надежда, Маслова не читаешь, я ведь серьезный прозаик. Может быть, книги мои и тебя научат чему-нибудь.

Позже, когда прочла «На костре моего греха» Маслова, где он, отзываясь о Личутине, написал: «Рядом с ним я впервые, уже будучи в Союзе писателей, сказал себе: никакой я не писатель», подумала: а кем же тогда мне себя считать перед их «университетами»? Так, ученицей начальных классов, не более. Потому, как понимаю: нет в моих произведениях еще ни той глубины, ни той мудрости, которая есть у Маслова и Личутина.

С чего начинается настоящий художник

(Из очерка В. Маслов «На костре моего греха»)

«…пишу безоглядно. Иначе – не хочу, не могу, стыдно».

«…не настолько, может быть, опытен я, но уверен: настоящий двигатель в настоящей литературе – не честолюбие, а любовь».

«Начинается настоящий художник с воспитанья и осознанья собственной души, с познанья – любовного и горестного, горького и сладкого – родины. Никуда от этого не уйти, ибо без этого не может быть ни человека недоброго, ни гражданина, ни тем более писателя».

«Когда-то, еще молодой, я запаристо заявил: двигатель в настоящей литературе — не честолюбие, а любовь. То же, уже без запальчивости, скажу и сейчас. И главное дело мое всегда было, когда брался за перо, — служение ей. Кто-то сказал, что любить больше, чем Бога любишь, это — идолопоклонство, грех. Я в своем отношении к малой родине и к людям ее, вероятно, идолопоклонник. Оправдаюсь ли, когда срок придет? Сладостна эта несвобода — от любви. Но вот тогда-то, когда я познал, осознал и признал эту сладость, я и вынужден был сознаться, что никакой я не писатель. Ибо не литературе служил. Ибо клетка — она все равно клетка, неважно — железная или грудная, несвобода по собственному выбору — все равно несвобода. Тягостно это признание, и не уверен, что может быть понято. Не дума о литературе заставляла меня садиться за письменный стол, но всегда что-то надо было защитить, о чем-то круто вопрос поставить, с кем-то шпаги скрестить, — это и выливалось в романы ли, в очерки ли: использовал я литературу, а не служил ей».

Это тебе зачтется

13.05.1994. Показала Маслову с Тимофеевым альбом с вырезками из газет стихов Октябрины Вороновой и статей о ней. Маслов внимательно посмотрел его и сказал: «Знаешь, Надежда, ты большое дело делаешь, это тебе зачтется». Отвечаю ему: «Я ведь это, Виталий Семенович, не для зачтения делаю, а потому что нравится, интересно материалы собирать, да и дома у меня много подобных книг». Он искренне удивился.

Вернула ему книгу Харузина «Русские лопари» и сказала, что там, где листы отстали от переплета, я их проклеила лейкопластырем. Сначала заворчал, а когда посмотрел, что все сделано аккуратно, одобрил.

Лучше петь, чем реветь

13.05.1994. После того как в газете «Мурманский вестник» отказались взять мою статью о первой саамской поэтессе Октябрине Вороновой к ее 60-летию, в писательскую шла не просто

расстроенная, а изнутри переполняемая слезами обиды. Думала: «Нет, надо же так сказать: для них, видите ли, Тимофеев не авторитет, что им не простой рассказ о первой саамской поэтессе нужен, а ее метания, поиски. В тайники души залезть и только потом предлагать материал читателям. Жареные факты подавай? А больше вам, господа газетчики, ничего не надо?». Такой взъерошенной и предстала пред Масловым. Чтобы не разреветься, ходила по писательской, напевая мелодию песни Тани Булановой. Маслов «стучал» на машинке, печатая какой-то текст для факса. От нечего делать, стала листать книги. Вдруг слышу:

- Не пой, мешаешь.

Отвечаю, не глядя:

- По мне лучше петь, чем реветь.

Увидела календарики, посвященные праздникам славянской письменности, говорю:

- Виталий Семенович, не подарите по календарику…

И тут Маслов как заорет:

- Я тебе говорил, не мешай, - и криком, точно плеткой, хлестнул.

Вздрогнула. Долю секунды держалась, а затем развернулась к нему и со слезами, которые тут же брызнули из глаз, членораздельно выговорила:

- Вы никто меня здесь не любите. Злые вы, злые. Домой хочу.

Он, не ожидая увидеть подобную реакцию на свой окрик, ласково произнес:

- Только не реви, лучше чайник поставь, оголодался я.

А мне так захотелось в голос завыть, завопить, чтобы сразу весь ком обид и выплеснуть из себя. Последние дни на нервах держалась. Но мой настрой сбил вдруг резко раздавшийся телефонный звонок. Схватила трубку и, узнав голос прозаика Игоря Чеснокова, спросила, что надо? Попросил Маслова позвать, и тут я выпалила:

- Занят Маслов, просил не беспокоить, - и положила трубку.

А Маслов, точно большой мяч, подпрыгнул на стуле, выскочил из-за стола, подлетел к телефону и растерянно забегал вокруг:

- Ну вот, теперь говорить будут, что Маслов женщин до слез доводит. Кто хоть звонил, узнала?

- Не беспокойтесь, Чесноков звонил, устроит Вас? - устало произнесла я.

- Ну ладно, этот перезвонит, - проговорил он, обрадовавшись, и… пошел сам наливать в чайник воду.

Когда пришел в писательскую Тимофеев и мы стали общаться, он спросил:

- Маслов, Надежда, тебя очень балует?

Я возмущенно спросила:

- Это теперь так называется, когда на тебя постоянно орут, значит балуют?

- Балует, балует, – пряча усмешку в усы, поддакнул Тимофеев, - книгами своими дает пользоваться. Никому не дает, а тебе, пожалуйста… Вот и говорю, что балует...

- Тоже мне балует, - возмущалась я, дал Харузина «Русские лопари» на две недели и уже балует.

Леонтьевич засмеялся:

- Так ведь он только редким людям из своей библиотеки раритетные книги на вынос дает. А если баловать начал, значит, почувствовал силу твою на работу. Цени это его к себе отношение.

День славянской письменности и культуры, как все начиналось

(Из очерка В.С.Маслова «На костре моего греха»)

«24 мая 1986 года в Мурманске прошел первый День славянской письменности. Когда же пришла мысль о возрождении этого праздника, о необходимости его?

Но разве знаем мы, когда впервые забродила в нас некая идея, которая, подвсплыв однажды, тут же исчезла, оставив в душе лишь как бы тревогу неосознанную - оттого что сознание наше как бы припоздало, не успело мгновение мелькнувшее запечатлеть. Более того, даже если и на бумаге одним словом второпях успеешь черкнуть, - на полях ли, на уголке ли, даже и в этом случае разве найдешь потом тот росчерк? А если и встретишь случайно, спустя годы, так разве вспомнишь, о чем это? Хотя, конечно, росчерк - уже след...

Казалось сперва, что первая о Дне славянской письменности запись сделана была 1 февраля 1980 года: "Без шума, исподволь, перенести к нам праздник славянской письменности, праздник Кирилла и Мефодия... С чего начать? М. б. сперва - в СП (Союз писателей. - В. М.) Мурманска: отметить и пять строчек об этом. Потом - можно шире, с привлечением литобъединения - в областной библиотеке, с привлечением и читателей тоже. А м. б., пользуясь тем, что много болгар в Архангельской области, как- то продвинуть это в Архангельске и в тех леспромхозах, где болгары работают? И - тоже пять строчек в "Пр. Севера" хотя бы. Мечтаю, чтобы праздник был всероссийский... Знаю, что это непросто, сколько угодно найдется врагов..."

Через две недели, 14 февраля, в Малеевке под Москвой - еще одна запись-отметка: "Сегодня... толковали с Дементьевым В. В. О болгарской литературе. О неск. болгарских писателях. О празднике Кирилла и Мефодия. Мои задумки назвал несбыточными»... (Потом, на празднике в Вологде в 1987 году я сказал В.В-чу об этом разговоре. Он ответил: "Не помню! " И я вполне верю: добрых- то дел не сочтешь, а тут - бред с моей стороны.)

Примерно в то же время, вероятно, по дороге из Малеевки, фраза о разговоре с Семеном Ивановичем Шуртаковым. Но этот разговор хорошо помню и без записи. Я спросил, нет ли у него, писавшего о Болгарии и бывавшего в Болгарии, каких-либо материалов о проведении Дня письменности. Семен Иванович понял, улыбнулся по-доброму: "Хорошо бы! Но..." - и пообещал посмотреть. Я понял, что, если буду воевать, поддержка со стороны Шуртакова С. И. обеспечена, что впоследствии и подтвердилось.

Следующая запись - 15 ноября 1985 года: "Внести на собрание официальное предложение о праздновании ДСП. Напомнить, что уже вносил". Речь - о собрании Мурманской писательской организации.

Далее - 29 ноября того же года - разговор с Виктором Тимофеевым, нашим новым ответственным секретарем. Записано, что Виктор согласился "твердо, хотя и с условием". Это согласие многого стоило. Теперь требовалась, во-первых, хитрость, чтобы обмануть обком, во-вторых и в-третьих - напористость и самоотверженность. Напористости и самоотверженности Виктору Тимофееву не занимать, труднее с первым. И всё-таки он справился, сделав всё возможное и казавшееся невозможным. Думаю, что, если бы не он, и на этот раз с праздником могло ничего не получиться...

Итак, казалось, что первая запись - 1.2.1980 года, за шесть лет до первого праздника. Но вот, перелистывая бумаги арктической навигации 1974 года, между листами с впечатлениями о работе капитана-ледоколыцика Федора Ивановича Федосеева и с выпиской из Н.М.Карамзина ("просить... без унижения и гордости, повинуясь судьбе, но не забывая своих прав") нахожу такую, от себя, запись:

"Сознание необходимости единства всех славянских земель никогда не должно покидать нас. Всегда надо помнить, думать, напоминать об этом и воспитывать на этом. Глубоко правы болгары с праздником славянской письменности"».

Бутылка абрикосового ликёра

31.05.1994. После проведения Праздника славянской письменности в Мурманске Маслов решил в писательской собрать всех организаторов для подведения итогов. Мы с поэтом Владимиром Смирновым пришли раньше всех. Владимир Александрович был в красивом пуловере, подтянутый и совершенно трезвый. К совещанию купил торт, кофе, чай. Деньги остались, обратился к Маслову:

- Семёныч, может, еще что прикупить?

Маслов, занятый разбором каких-то бумаг, отмахнулся.

В писательской ожидался приход женщин-педагогов – профессора пединститута Людмилы Тимофеевны Пантелеевой и доцента Надежды Георгиевны Благовой, учителя Дины Николаевны Ибрагимовой, потому Смирнов подошел ко мне:

- Надюш, как думаешь, что из спиртного взять?

- Женщины будут… Ликёр, думаю, в самый раз, - сказала я Владимиру Александровичу.

Когда тот принес бутылку абрикосового ликёра и Маслов увидел её, тут же набросился на меня:

- Я тебе этот ликёр, Большакова… с собой в Ревду отдам. У нас что пьянка или серьезный разговор намечается?

Мне от Масловского раздражения вновь стало не по себе, потому, обидевшись, села в

кресло и практически все совещание промолчала. Стали кофе разливать. Женщины, не сговариваясь, вроде как в шутку, сказали, что в честь завершения праздника неплохо бы и ликёрчика выпить. И надо было видеть в этот момент Маслова! Он весь осветился чуть ли не голливудской улыбкой и, довольнёхонький, тут же вытащив абрикосовый ликёр, торжественно водрузил его на стол. Женщины зааплодировали, завосхищались им:

- Виталий Семенович, вы волшебник!

- Молодец!

- Настоящий мужчина, все заранее предусмотрит!

Смирнов, пряча улыбку в бороду, глянул на меня победно. Да и Маслов, разливая по стопкам ликёр, лукаво поглядывал в мою сторону, и с тайным намеком произнес:

- Предлагаю всем попробовать любимый ликёр Большаковой…

«Любимый ликёр Большаковой»… Да я вместе со всеми его в первый раз и пила, хотя, признаюсь, вкус у него оказался отменный. Весь остаток вечера Маслов нет-нет да и подкалывал меня и, наконец, добился моего прощения.

«И не смей на меня больше орать…»

1.06.1994. На следующий день мы вновь собрались в писательской, чтобы, пока не разъехались в отпуска, обсудить, как будем в октябре проводить 60-летний юбилей Октябрины Вороновой. Наметили план, и Виталий Семенович сел печатать его. Прозаик Николай Скромный с поэтом Виктором Тимофеевым вышли на улицу покурить, а я стала просматривать старые подшивки газет. Просмотрев их в комнате, пошла в коридор к столику, на котором хранились совсем старые. Тут Маслов, точно коршун, налетел на меня сзади и наорал, что, мол, в комнате - смотри, а эти - не трожь. Мне аж худо стало от его негодующих слов. На неделю в Мурманск приехала и каждый день от Маслова нагоняи терплю, точно котенок нашкодивший. Зазвонил телефон, и Маслов побежал к нему. В комнату Скромный зашел. Тимофеев к себе в «Русский Север» ушел. Поговорив по телефону, Маслов оправдываться стал:

- Газеты все кому не лень смотрят, но ни один не соизволил их за собой сложить.

Стараясь из последних сил держать себя в руках, я медленно поворачиваюсь к нему и, натыкаясь на усмешку, не выдерживаю и гневно членораздельно произношу, к концу почти срываясь на крик:

- Грубый мужик, я тебе не все, слышишь, не все… И не смей на меня больше орать, слышишь, не смей…

Внутри от обиды все клокотало. Как смеет он меня сравнивать с мужиками. Если они позволяют ему на себя орать - пожалуйста, а я этого терпеть не намерена. Высказала все и отвернулась, мельком увидев, как у Николая Скромного от неожиданности услышанного и изумления вытянулось лицо. Маслов при этом, как ни в чем не бывало, преспокойненько обращается к нему:

- Вот видишь, Коля, она вся такая: сначала накричит, затем поплачет, а после в любви признается.

И сказал это так мягко, с такой нежностью и любовью в голосе, что враз мою обиду, как рукой отвел.

*«И вдруг, как ураган,
в писательскую врываешься ты…»*

1.06.1994. Через некоторое время, беседуя с Тимофеевым, пожаловалась ему:

- Виктор Леонтьевич, ну почему Маслов на меня постоянно кричит?

И Тимофеев стал обстоятельно растолковывать ситуацию:

- Понимаешь, Надежда, писательская организация в основном состоит из моряков, людей суровых, скупых на похвалы, сухих в эмоциях и резких в общении. С самого начала в писательской были только мужчины, но вот появилась поэтесса Октябрина Воронова, она была старше всех нас и тихая, как мышка. На собраниях чаще молчала. Ушла из жизни - и вновь остались одни мужики, совершенно не привыкшие друг с другом церемониться.

Никто из нас и не подозревал, что в Союз может прийти ещё одна женщина, а уж тем более молодая. Не то, чтобы все места были заняты - для таланта занятого места не существует, как, например, Николай Скромный. Он пришёл и сразу занял свое место, замечу, не чьё-нибудь - своё…

Но вдруг, как ураган, в писательскую врываешься ты – эмоциональная, молодая, красивая и в добавок ко всему смелая. Причем, не будучи ещё принятой в Союз, сразу и прочно занимаешь в нем тоже своё место. И произошло это так стремительно, что никто из нас не сумел перестроиться, потому на тебя очень часто падает то, что все мы принимаем от Маслова естественно и никаким местом не обижаемся.

Ты женщина и ко всем проявлениям извне очень чуткая, потому тебя так и ранит любая грубость Виталия Семеновича. Мужики же её как хорошую песню воспринимают. Не переживай, Маслов, как и я, скоро перестроится по отношению к тебе, станет более сдержанный, дай время ему… И потом, ведь тебя никто по-настоящему не читал кроме меня. Они все верят Тимофееву, а вот, когда у тебя книга выйдет и тебя прочтут, увидят, что ты из себя представляешь – уверяю: их мнение резко изменится…

Пусть политика останется на крыле

(Из статьи Сергея Доморощенкова «Правда Севера» от 12. 08.1994)

«Виталий Маслов известен северянам не только как автор рассказов, очерков, повестей, романов, основанных на мезенских мотивах. О его работах нередко уважительно писала критика. С уважением относятся к нему и те, кто знает, что Маслов в 1984 году создал и своей родной мезенской деревне Сёмжа Дом памяти, о котором добрая молва пошла довольно широко. Еще бы! В погибшей, казалось бы, деревне, давно закрытой из-за "неперспективности", открывают Дом, в котором чтят память земляков, погибших в войнах XX века, собирают родословные односельчан чуть не всех поколений... Случай единственный в своем роде. А два года спустя Маслов же начал проведение в Мурманске Дня славянской письменности - праздника, который стал теперь официальным. В Москве ему даже Кремль отдавали. А мечты Маслова о Дне казались до 1986 года несбыточными. Однако же масловское упорство, страсть, его способности организатора, умение "подбить" людей на доброе дело и тут сказались. Но и этого было мало - требовалось еще и обком КПСС обхитрить.

Маслов нередко приезжает в Поморье, в свою Сёмжу, которую даже летом пронизывают крепчайшие ветры.

Как живется сейчас 58-летнему писателю? Как работается? Об этом разговаривает с ним собкор газеты.

– ***Виталий Семенович, возможно, в наше время писателям особенно сложно работать. Потому что читатели психологически устали и столько узнали за последние годы, что их ничем не удивишь. Им кажется, что они уже в этой жизни все знают... Писатели это учитывают?***

- Тут надо совершенно четко отличать литературу художественную от прочей. Литература как источник информации - не главная. Поэтому если в литературе есть душевный заряд, душевное движение, она по-прежнему существует. Другое дело, что не издают-то сейчас пока. Потому что среди литераторов богатых людей нет. Издать роман - никак без пятнадцати миллионов не обойтись. (Самое мерзкое - деньги оказываются в руках людей, лишенных порядочности). Поэтому писатели работают "в стол". Русским писателям к этому не привыкать. И его в общем-то даже не удручает.

Информацией пытается питать что-то около литературы - не то беллетристика, не то публицистика, что-то среднее. Типа "Ледокола" Суворова. Много грязи-чернухи и порнухи, роскошно изданной. Но я заметил, что от нее уже стали отворачиваться. И даже так бывает, что издают хорошую книгу в хорошем переплете, а к ней относятся с предубеждением. Это я в Москве наблюдал.

Пример того, что мы перешагнули эту грязь, - выставка-продажа книг в Мурманске в этом году у памятника Кириллу и Мефодию в День славянской письменности. Первая книга, которая разошлась, за которой бегали, - это большой кирпич Валентина Распутина, недавно изданный.

– ***Вам ведь есть что издать...***

– Ну, где я возьму деньги?! Это нереально. А потом, если б я не был ответственным секретарем Мурманской писательской организации, я бы принял меры к тому, чтобы выпустить что-то. Предложения были. Но я не хочу, чтобы существовала "секретарская" литература. Уйду с должности, тогда...

– Валерий Чубар рассказывал недавно в "Правде Севера" о поездке в Норвегию и завидовал мурманским собратьям, у которых множество конкурсов, литературных праздников. Проводите все это Вы, являясь к тому же и руководителем Мурманского отделения Фонда культуры. Как Вам это удается? Откуда время? Все эти вещи - прекрасно, но не в ущерб ли Вашим писательским делам?

– Каждый писатель должен ответить для себя на вопрос: что для тебя главное - литература или ты сам в ней?.. Худо-бедно как писатель я состоялся. Противники и сторонники у меня есть. Ладно. Значит, надо думать о литературе, как ей дальше развиваться. Нужно увидеть талант, а как? При отделении Союза писателей есть литературное объединение, до шестидесяти человек. Объединения есть и в Мончегорске, Кандалакше, Апатитах и так далее. Прекрасные ребята, умные, талантливые. Надо их издавать. Этим я и занимаюсь. И крайне важно, чтобы даже самая маленькая книжечка не осталась незамеченной. Отругают или похвалят - это уже другое дело. Самое страшное - если никто не заметит.

Семинары для членов литобъединений проводим, чтобы ребята друг друга послушали, посмотрели друг на друга, пообщались, по рюмке выпили, книжками обменялись. Это некая аура. Тут тоже мои секретарские обязанности, я считаю. И конкурсы нужны. "Храмы России" и другие. У победителей конкурсов (делали их вместе с управлением народного образования) уже книги вышли. У девятиклассников, десятиклассников. Кто даже повесть написал, кто публицистическую работу. Тиражи - до четырех с половиной тысяч экземпляров.

В прошлом году было 25 тем на конкурсе. В этом году новый конкурс объявили. Финляндия хочет к нему присоединиться... Вот так и выявляются настоящие таланты.

— В Вашем романе "Проклятой памяти" один из героев говорит: "...не будут разрешать - все равно придумать надо. Под видом чего… Подпольно. Теперь все так хорошее делается".

- Дом памяти делали подпольно. Первый День славянской письменности – подпольно. Сейчас книги издаешь - где-то законно, где-то незаконно.

Кстати сказать, и Дом памяти, и День славянской письменности - каждый из них стоит романа.

– Дому памяти уже десять лет. Стал ли он тем центром, как Вы задумывали, который помог бы возрождению Сёмжи?

– Тогда надо было прежде всего не дать уничтожить Сёмжу окончательно. То есть не дать прервать родовые корни, связи, связь с могилами. Нужно было сохранить память. Создали мы совет Дома памяти. Задачу свою он выполнил, хотя и работал потихонечку. Смотрите, сколько сейчас строек в Сёмже! А еще одна сторона, она даже, может быть, важнее - родовые книги составлены, чтобы знать, кто мы, откуда... Хотя есть у меня норой ощущение: помру я - и все порушится в Сёмже с памятью... Никому эти книги будут не нужны... Ишь, как жизнь-то повернулась! Мы многое потеряли. Пытаются нас сделать ультраиндивидуалами. Но никогда мы не были и не будем индивидуалами.

Кстати сказать, кто бы что ни говорил, как бы ни орали, я уверен: Советская власть как форма правления для России нормальная, родная власть. Она из Новгородского вече. Бороться с ней — значит бороться против русского народа.

– Еще одна цитата из Вас: "Не знаю, как другим - из тех, кто пишет романы и повести, - но мне, положа руку на сердце, приходят письма чаще ругательные, чем признательные. А то и просто жалобы, пересланные из разновысоких инстанций и редакций". А теперь что пишут?

- То, что ругают, это нормально. Чем дальше, тем больше я в этом убеждаюсь. Вот мне говорят: "Ты с той властью ругался, с этой не ладишь.

– Чего ты?!" Я отвечаю: а зачем я писатель? Я должен не ладить и с самим собой… Поэтому, естественно, меня будут ругать.

Вот у нас обсуждается вопрос об объявлении Мурманска свободной зоной. То есть надо закрыть границы с Архангельском и Карелией, открыть с Норвегией. Как тут не ругаться?!

Меня никто не звал, но я пришел в областную администрацию на совещание по этому поводу.

Сейчас у меня несколько другая ситуация с письмами. Книги-то новые у меня не выходят. А старые оказались в школьных программах. И вот много получаю писем от учеников. К одной

книге иллюстрации прислали, целую пачку...

– *В* ***определенном смысле с собой-то надо ладить, иначе...***

– *Нет, нет! С собой сегодняшним - да, где-то. К завтрашнему, вчерашнему с собой ты в оппозиции. Хотя я многим доволен из того, что сделал. Главное, доволен тем, что ни за одну мою строчку мне не стыдно. Мне ничего переделывать не надо.*

Поскольку на должности, приходится иной раз промолчать, не вставать в оппозицию. Это крепко ложится на душу. Есть люди, которых я терпеть не могу, видеть не могу, но знаю, что если упрусь, все полетит в тартарары, все испоганится... Могли и не состояться в Мурманске такие праздники, как День саамского слова, День языка коми и другие...

– ***Еще в одной книжке 1988 года у Вас говорится: "...чем хуже знал редактор наш язык, тем агрессивнее был по отношению к этому языку, тем больше наших родных, но незнакомых ему слов снабжалось ругательными ярлыками и подвергалось запрету как устаревшее, просторечное, диалектное, вульгарное и т. п. и т. д." А нынче как?***

А нынче пиши что хоть, можно и матом ругаться, если нравственного чутья нет. Но не это главное. Главное - языковая агрессия. Очевиднейшая. Посмотрите, что на радио делается. Нет ни одного канала, на котором бы можно послушать русский язык. А языковая агрессия всегда или предварялась, или сопровождалась другими видами агрессии. В данном случае это агрессия бездуховности. В Сёмже происходят процессы те же, что и во всей стране. В малом отражается большое. Людей в деревне стало больше, а памяти меньше. Впервые в этом году никто не пришел к старообрядческой церкви и не покадил. Когда это запрещалось, ходили. Все стало можно - не пришли..

– ***У Вас есть тетрадки, куда вы записываете те*** *слова,* ***которых нет у Даля. Много там таких слов?***

– *Не знаю. Надо смотреть. Но немало.*

– ***Сергей Залыгин в 1981 году писал о Вас: "Что-то в его творчестве настояшее, серьезное, искреннее, но что-то есть еще и чужое, ему самому несвойственное".*** *Он назвал* ***непорядком сочетание народного языка и модернизированного сюжета. Как вам думается, Вы преодолели что-то чужое, если оно было?***

– *У Сергея Павловича свой взгляд. Я уважаю Сергея Павловича, но не во всем с ним согласен.*

– ***Лет десять назад я слышал от вас такие слова: "Хоть сзади, да в том же стаде". Имелось в виду, что вы вместе с Абрамовым, Распутиным, Беловым. Вы и сейчас в том же "стаде"?***

– *Я в том же писательском стаде. А что касается "сзади", то дело в том, что это вовсе не значит, что человек, который это говорит, обязательно сзади. Это поговорка.*

Я по-прежнему уважаю Валентина Распутина, Василия Белова, Сергея Залыгина. Спорю, но тоже уважаю Виктора Петровича Астафьева.

Вещи, которые происходят в Москве, в писательской среде, они не литературные, а политические. Жаль, что они прошли и по провинции. В Мурманске, слава Богу, с большими усилиями, но удалось этого избежать. Этого стоило добиваться. Главное - ради молодежи. У нас на литературном объединении, на литературных вечерах практически исключены политические распри. Я сказал: "Политика на крыльце". Если же что-то начинается, я просто прекращаю, запрещаю. Это единственный способ удержать литературу на литературном уровне.

– ***Раньше Вы активно*** *занимались* ***публицистикой. Ваши статьи появлялись как в районной, так и в центральной прессе. А сейчас Вы, кажется, отошли от публицистики. Почему?***

Почему же отошел? Нет. Только теперь моя публицистика - это мои дела. Делать что-то надо, а не говорить. Еще бы не мешали - совсем бы хорошо».

60-летний юбилей Октябрины

6.10.1994. Из Мурманска в Ревду на юбилейные дни первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой приехало много писателей и гостей. Даже из Краснощелья на вечер в библиотеку прилетела младшая сестра Октябрины Александра Владимировна. Читали стихи, пели, делились воспоминаниями. Затем все большой компанией ужинали у меня. А так как людей набралось около двадцати человек, Виталий Семенович решил их как-то занять и предложил по кругу читать стихи, свои или чужие - неважно. И получился своеобразный вечер поэзии. А

поздно вечером я всех размещала на ночлег в общежитие, где в то время работала заведующей. Поутру Виталий Семёнович один сходил в церковь, поставил свечу и помянул Октябрину.

Далее наш путь лежал в Ловозеро. Я сильно нервничала, потому как не было конкретной договоренности от отдела культуры на проведение вечера в Ловозерском ДК, и, если бы там все сорвалось, считала бы себя виноватой. От этого ночь практически не спала, как, впрочем, плохо спала и все предыдущие ночи недели за две до праздничных дней. И чувствуя, что от малейшего сбоя могу сорваться, прихватила с собой настойку успокоительных капель.

Владимир Смирнов купил бутылку лимонада, отхлебнув хороший глоток успокоительных, попросила лимонад, чтобы запить. Кто-то затянул песню Володи «Я люблю моё Заполярье» и я, подхватив ее вместе со всеми, запела. Когда песня закончилась, Смирнов наклонился ко мне и ласково произнес: «Вот за что я тебя, Надюша, люблю! Умеешь ты всё стерпеть и виду не показать, как тяжело тебе с нами приходится».

Я улыбнулась. От этой его незначительной поддержки у меня сил прибавилось и сразу на душе стало легко и спокойно. Умеет Владимир Александрович ненавязчиво так поддержать в трудную минуту.

У могилы Октябрины выступили почти все поэты и писатели. Сказала длинную, скучную и очень пространную речь саамская поэтесса Ираида Виноградова, сестра Октябрины. Не говорит, ажуры плетет, и так все мысли сама себе запутает, не понять, что и сказать хотела. Вот Тимофеев с Масловым не речь говорят – морские узлы вяжут, каждое слово - в память. Вот это речь!

Чего я опасалась, то и произошло. В Ловозерском ДК нас никто не ждал, и мне пришлось хорошо побегать, чтобы добиться открытия здания. Перенервничав, почувствовала голод, и когда нам открыли одну из комнат, вытащила из сумки бутерброд и стала медленно и сосредоточенно его жевать. Моему примеру последовали и другие. Подошёл Виталий Семенович и, протягивая большущий апельсин, заботливо произнес:

- Подкрепись, милушка, апельсинчиком, тебе ещё силы в вечере потребуются…

Помолчал секунду и затем добавил:

- Ты мне, Большакова, очень нравишься своей работоспособностью, только после этих моих слов смотри не загордись.

Я, дожёвывая бутерброд, спокойно произнесла:

- За апельсин, Виталий Семёнович, спасибо, а насчет загордиться, не беспокойтесь, не загоржусь. На это тоже талант требуется, а я его напрочь лишена. Мне бы хоть с тем, что имею, разобраться…

И Маслов как-то сразу этому поверил.

На вечере со сцены он ловозерцам произнес, прямо сказать, гневную речь о том, как нельзя относиться к памяти их первой саамской поэтессы и вообще к памяти людей, отмеченных Божьей милостью и талантом.

После концерта Александра Андреевна Антонова пригласила нас к себе. Я наконец-то расслабилась и позволила себе немного подурачиться, на что некоторые из присутствующих смотрели с неким осуждением. Произносила тосты, была весела. Маслова называла то на «ты», то на «Вы». Ольга Федосеева, библиограф Областной научной библиотеки, когда писатели и гости возвращались в Мурманск, Раисе Ронжиной, моей подруге, которая тоже принимала в праздновании участие, высказала, мол, я слишком фамильярно вела себя по отношению к Виталию Семеновичу. Когда мне Раиса об этом рассказала, я сильно запереживала, хотя и надеялась, что Маслов мое раскрепощение у Антоновой правильно поймет. И всё же, когда приехала в очередной раз в Мурманск и шла в писательскую, чувствовала какое-то внутреннее напряжение, а вдруг и Маслов меня как Ольга Федосеева, осудит. Но только открыла двери и переступила порог, как попала в его объятия, чего раньше никогда не было. Виталий Семёнович, представляя меня рядом стоявшему писателю финну - Свену Локко, говорил:

- Это солнышко мое, освещающая в писательской берлогу мою.

И все мои тревоги после этих его слов сразу улетучились. Поприветствовавшись поцелуем с Масловым и Свеном, я побежала ставить чай…

Николай Рубцов

23.10.1994. В Мурманском отделении Союза писателей России висит увеличенная до портрета фотография поэта Николая Рубцова, которая, точно магнит, притягивает к себе. И хочется снова и снова вглядываться в это лицо, в эти проникновенные глаза.

Конечно, я прекрасно знала, что был такой поэт Николай Рубцов, читала, пела песню на его стихи «В горнице моей светло...»

Но когда стала вхожа в круг мурманских писателей, никак не могла понять, почему они все с таким трепетом относятся к этому имени, к памяти поэта. Сначала было предположение: это оттого, что он, как они все, служил на Северном флоте: *«Я тоже служил на флоте! / Я тоже памятью полн…»*

Понимала: да, Рубцов прекрасный поэт, но писатели о нем говорили всегда с каким-то непонятным мне, трепетным поклонением, с щемящей душу тоской, что-то постоянно умалчивая… От этого образ Рубцова в моем воображении окутывался ореолом тайны. Виталий Семенович Маслов, Виктор Тимофеев, Александр Миланов, перед тем как произнести имя поэта, делали длинную паузу. Наблюдая за ними, я постоянно думала, в чем же тут причина? Отчего я не знаю того, что знают они? И мне становилось стыдно. Вот ведь, общаюсь с писателями, которые воспринимают меня как начинающего серьезного литератора, а сама ничего не знаю о судьбе того, перед кем они склоняют головы.

Пришла к Тимофееву, спросила: «У тебя ничего нет почитать про Рубцова?». Он подарил двухтомник: стихи поэта и повесть Виктора Коротаева «Козырная дама». Все прочла и была потрясена.

Если умру – по мне
Не зажигай огня!

Теперь и у меня самой в сердце возникает боль, стоит только подумать о нем. И с легкостью, как раньше, я уже тоже имя это произносить не могу. Почему? Не знаю, может, подсознательно чувствую перед ними свою вину. А может, стыдно и обидно за наш мир, больной равнодушием, завистью и злобой…Читала Коротаева и душа моя вместе с Рубцовым страдала на суде, где не нашлось ни одного разумного свидетеля поднять затоптанное в грязь имя поэта, стихи которого читаешь, словно русскую песню поешь. На душе спокойно и привольно. Не нужно искать в стихах его подтекст, расшифровывать мысли поэта. Но есть в его поэзии и пророческие стихи, от которых вдруг так сердце зажмет, что и вздохнуть больно.

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы…

Странные мы все-таки люди. Ведь чувствуем, плохо человеку, гнетет его жизнь, корежит, вот уж и строки роковые начинают тревожно звучать в его поэзии, но остаемся глухи к ним. Ни шагу не сделаем, чтоб уберечь от пропасти… А ведь это именно он, Николай Рубцов, написал, как завет на все времена:

«Россия, Русь! Храни себя, храни!».

Поэзия Рубцова, как и Есенина, одновременно очень личностная и в то же время народная. Он сумел стереть грань между поэзией личностной и народной, поэтому и стал всеми любимым поэтом.

«Облако в штанах»

24.10.1994. После года нашего знакомства с Виталием Семеновичем я писала в своем дневнике объяснения в любви всем нашим писателям, каких знала, и в портреты которых постоянно всматривалась. Они висели на стене большой комнаты в писательской организации и не могли не притягивать моего взгляда. Маслову писала следующее:

«После презентации моих сказок мы вышли из научной библиотеки и я Вас спросила (тогда мы еще были на "Вы"), как Вам мой рассказ "Хлебные горбушки" показался. Вы произнесли: "А что говорить, сама знаешь, как!" И тогда я возмутилась: "Но Вы же мужчина! Хоть раз можно женщине комплимент сделать?" Вы усмехнулись: "Да что Вы, Надежда, я не мужчина, я "Облако в штанах". И я уже старый. Это было, конечно, прекрасно применить к себе выражение Маяковского, но я призналась Вам, что не умею любить облако. Какое же Вы, Виталий Семенович, облако? Вы просто очень большой, красивый, добрый мужчина, конечно, не без резкости и нетерпимости, даже, порой, не без ревности и грубости, но мужчина! И кто Вам сказал, что Вы старый? У мужчины нет возраста. И когда в сто лет мужчина сможет отличить красивую женщину от ослицы, он и тогда будет оставаться мужчиной. Я так радуюсь, что Вы есть у меня! У Вас большое, доброе, горячее и смелое сердце, подобное костру, возле которого хочется погреться. Не запрещайте мне восхищаться Вами и любить Вас. Я знаю, порывы моей души Вы принимаете за детство, хорошо, я буду ребенком. Вы же любите детей?!»

А если серьезно, позже он про рассказ «Хлебные горбушки» сказал так: «Хорошо написала, а главное - выше пояса, в твоем рассказе небо видать».

Я всегда стремилась говорить людям, которых искренне люблю, о своих чувствах к ним. Особенно людям творческим. Знаю по себе, как они нуждаются в поддержке, в добром слове. И не важно, говорятся слова мужчине или женщине. Главное - говорить эти слова.

Мы были дружны с Виталием Семеновичем девять лет, и вот уже девять лет я храню память о нем в своем сердце и могу сказать то же самое. Только, к великому сожалению, уже в прошлом времени: я искренне любила этого человека. Очень. Он был для меня не просто другом, старшим товарищем, секретарем писательской организации. Маслов для меня был точно отец. Чаще журил, реже хвалил, но и любил по-своему, по-масловски. Помню в юности, совершая те или иные поступки, я всегда мысленно спрашивала себя, а не подведу ли своего папку, не опозорю ли его? После знакомства с Масловым, стала спрашивать уже, а как отреагирует на то или иное Виталий Семенович, оправдаю ли его ожидания?

Встреча с Владимиром Пожидаевым

28.11.1994. В этот раз ехала в Мурманск без особой приподнятости. Проблемы на работе, дома, постоянное безденежье точно придавливали к земле. Оставив у подруги Раисы Ронжиной сумку, сразу направилась в Союз писателей. К удивлению, Маслов обрадовался мне, как никогда. Раскрыв руки для объятия, шел навстречу:

- Ну вот и моя любушка Текуса приехала…

- Что еще за Текуса, Виталий Семенович? А хотя какая разница, хоть горшком назови, только в печь не ставь…

- Не горшком назвал, а именем моей любимой героини, чем дольше наблюдаю тебя, тем больше прихожу к выводу, что глубинная сущность у вас одна. А не знаешь о ней потому, что так до сих пор моего ничего не прочла…

- А вот и неправда, - чуть обиделась я, - прочла. Уже все рассказы Ваши прочла, но никакой Текусы в них и близко не наблюдала.

- Если рассказы прочла, уже достижение, хвалю, а когда до романов дойдешь, там с Текусой и познакомишься.

- Дайте время, дойду…

- Что-то ты, любушка, не в настроении в Мурманск приехала. А ну-ка, выкладывай как на духу, что стряслось?

Мы сидели у Маслова в кабинете, и я рассказывала последние свои новости: и унизительную зависимость от денег, и о проблемах со здоровьем, о решении сесть по этому поводу на очередную сухую пятидневную голодовку, и что запуталась в мыслях об Октябрине, работая над повестью о ней. Уже и откладывала по его совету, и новыми глазами смотрела, а все, кажется, не о том пишу. И тут Виталий Семенович посоветовал мне встретиться с

Владимиром Александровичем Пожидаевым, директором Областного краеведческого музея. Созвонился с ним и сказал, что он примет меня. Я к назначенному часу помчалась в краеведческий музей. Правда, Пожидаева пришлось довольно долго ждать, но зато и разговор у нас состоялся обстоятельный и не короткий, вышла после которого я несколько потрясенной.

Пожидаев понравился. Умнейший человек, и что самое важное - его слова находили отклик в моей душе, были созвучны моим взглядам. Иногда я ловила себя на мысли: а не считывает ли он то, о чем я думаю, облекая затем в свои слова?

Сказал, что нужно писать о душевном величии Октябрины, так как по жизни она была человеком очень скромным, незаметным и даже непримечательным. Писать о том, как человек природы, попадая в мир цивилизации, становится задавленным ею, и только его чистая душа имеет свойство парить над миром и землей. Что энергетика прошлых эпох зарядила саамскую поэтессу, приоткрыв ей природные тайны, чем и подняла над другими.

Удивительно, но об этом я собственно и пишу…

Недаром Маслов сказал: «Сходи к нему, любушка, сходи. Пожидаев мужик с головой, поговоришь и поймешь, что людям об Октябрине сказать важнее всего…»

Объяснения в любви разрядили обстановку

30.11.1994. Зашла в Союз писателей поздравить Маслова с шестнадцатилетием писательской. Он удивился:

- С чем, с чем?

- С важной вехой в жизни писательской, с переходом от отрочества в юность.

- Так ты по этому поводу в Мурманск приехала!? Деньги на дорогу скопила, ради того, чтоб поздравить нас? А я-то, старый чурбан, и не вспомнил бы об том… Спасибо, любушка, что учишь меня внимательным быть…

И тут же стал обзванивать писателей, приглашая после лито, зайти на чашку чая в Союз. Затем спросил, как обстоят дела с изданием книги моих сказок «Подарок чайки». Я ответила:

- Все зависевшее от меня я сделала, теперь Ваш ход.

Маслов вызвал к себе в кабинет Виктора Леонтьевича Тимофеева и стал его при мне почем зря распекать. Впервые, став свидетелем резкого разговора, мне стало не по себе. Те, кого я больше всего люблю в Союзе, ругались из-за моих сказок. Испугавшись, что могу потерять дружбу этих двух дорогих мне людей, сказала:

- Виталий Семенович, милый, да пусть книга еще столько же пролежит, только, ради Бога, не ругайтесь с Виктором Леонтьевичем.

Маслов, почувствовав в моем голосе настоящий испуг, уже спокойнее произнес:

- А никто и не думал ругаться, - это работа, просто работа…

Когда Тимофеев ушел, Маслов предложил мне остаться на лито. На литобъединении обсуждались стихи Игоря Козлова. Я удивилась, Игорь давно уже член Союза писателей, а его стихи кто-то начинает разбирать. Прошептала на ухо Маслову: «С чего бы это?»

Маслов тоже тихо ответил, что это он Игорю предложил проверить себя. Вначале заседания Игорь сидел уверенный, но с каждым новым выступлением я видела, как с него слетает лоск. А литовцы точно с цепи сорвались, некоторые стихи построчно начинали «терзать», и ругали в пух и перья. Когда обсуждение остановилось на мне, Маслов предложил:

- Надежда теперь и ты слово свое скажи.

Я этого предложения не ожидала, потому как стихи, которые разбирали, не читала, но меня распирало от возмущения и потому сказала, обращаясь к околопоэтической братии:

- Я не знаю, по каким правилам и критериям на ваших заседаниях разбирают стихи того или иного поэта, только считаю, вы могли бы разбором своей самодеятельности заниматься, но не критикой поэта, у которого уже не один сборник вышел. Мнение высказать вправе каждый, но то, что я сегодня наблюдала, это не высказывание мнений, это бичевание объединенных в псиную свару слабых поэтов сильного. Сначала сами писать научитесь, а потом профессионалов разбирайте. И извините, если мое сравнение грубым оказалось, но таковым ваш разбор мне увиделся со стороны…

Пришел опоздавший бард Олег Алистратов и попал как раз на высказывание Виктора

Тимофеева, в завершение заговорил Маслов. Тут Олег, перебив его, встрял и сказал, что тоже хотел бы сказать свое слово о стихах Козлова. Тимофеев с Масловым спросили, а читал ли он стихи Игоря? Олег сказал, что пока Тимофеев говорил, просмотрел несколько. Виталий Семенович, не выдержав, резко одернул того:

- Значит, просмотрел и уже слово просишь, что за неуважение к творчеству поэта. Хватит, подобными выступлениями мы сегодня накормлены досыта…

И Виталий Семенович заговорил резко и безжалостно, подводя черту услышанному…

Но, видимо, Олег это принял на свой счет и, возмущаясь, стал высказывать Маслову, а затем и Тимофееву все, что, видимо, накипело у него на душе, обвинив их, что ему затыкают рот и так далее и тому подобное…

Наверно просто день выдался такой ругательный. Игорь Козлов расстроенный после слов Маслова ушел, сославшись на дела. Думала и остальные тихонько разойдутся, но не тут-то было. Когда остались только свои, Маслов велел мне ставить чайник, чтобы семейно посидеть, отметить писательский день рождения. И мне в который раз было приятно убедиться в своей сопричастности к жизни Союза, что принята в писательские ряды без всяких официальных документов, принята душой писателей, что гораздо важнее, чем иметь удостоверение члена Союза писателей, по сути принятой в Союз. Мы сидели вчетвером: Маслов, Тимофеев, Миланов и я. Пили чай, и тут Виталий Семенович, не выдержав, произнес:

- Да хватит уже просто чаевничать, у нас сегодня день рождения или нет…

И побежал за бутылкой коньяка. Выпили, и я прочла им свои «Объяснения в любви», этим обстановку и разрядила.

7.02.1995. Ездила в Мурманск в больницу. Зашла в писательскую там были Маслов и Тимофеев. Виталий Семенович сразу на блюдечке преподнес мне огромное красное яблоко. Таких больших яблок я еще не видывала, сказав: «Это только для тебя!». Я была очень рада. Затем зашли в писательскую по очереди Владимир Смирнов и Владимир Сорокажердьев и Алексей Пушкин – художник, принесший Маслову книгу «Гербы». Маслов передал ее мне, чтобы посмотрела, да подумала об участии в конкурсе гербов, объявленном Мурманском. Для Маслова я готова сделать все, надо принять участие, если у меня что-то получится, примем. До чего же я люблю его, и постоянно хочется мне его чем-то радовать. Привезла им в этот раз в писательскую полотенца, тарелки… Просил сделать рамку для папируса, плотник в общежитии у меня над этим уже работает. С Виктором Леонтьевичем тоже хорошо пообщались. Все что привезла, он уже прочел и на следующий день разбирали…

Праздник Слова в Мончегорске

1.05.1995. Ездила в группе писателей на проведение Дней славянской письменности в Мончегорск. Выступали в школах и библиотеках. Мы с Виталием Семеновичем - в школе № 18. Там собрались ребята, интересующиеся литературой, некоторые уже в третий раз писали сочинения на областной историко-литературный конкурс «Храмы России». Завалили Виталия Семеновича вопросами. Мне Маслов тоже предоставил время рассказать о своём творчестве и об Октябрине Вороновой. Потом, когда выходили из школы, сказал:

- Выступать умеешь, дети, заметил, слушают с интересом, так что будем тебя теперь чаще привлекать к таким поездкам.

Я от похвалы на седьмом небе была.

Вечером того же дня в гостинице, когда общалась со Скромным и Тимофеевым, у нас с Николаем вышла чуть ли не настоящая ссора из-за поэта Николая Колычева. Скромный ругал его за выпивки и неумение вести себя в приличном обществе, а я защищала, оправдывая все его срывы, ставя в сравнение Есенина и Рубцова. Виктор Леонтьевич, чтобы разнять нас, готовых уже не на шутку схватиться друг в дружку, запел украинские песни. Виталий Семенович в это время находился в номере со Свеном Локко.

Следующий день также прошел в выступлениях, ходили на встречу с администрацией города, посмотрели великолепный концерт, и после завершения работы нас повели отобедать в ресторан. Играла танцевальная музыка, и, когда мне порядком надоели разговоры и

провозглашаемые тосты, я вышла танцевать. Танцевала одна, потому как кроме нас в ресторане никого не было. Танцевала, как всегда, с большим чувством, за что, стоило только выйти из ресторана, получила от Маслова сильнейший нагоняй. Мне казалось, он готов был даже побить меня. От обиды я рыдала всю дорогу до гостиницы и затем - всю поездку до Оленегорска, где писатели меня высадили. Дальше я добиралась до Ревды сама. Дома на следующий день я написала Маслову письмо.

Первое письмо В.С.Маслову

*«**2.05.1995.** Здравствуйте, уважаемый Виталий Семенович! Решила всё же объясниться с Вами, тем самым прекращая конфликт, который вышел между нами в Мончегорске. Я знаю, если не сделаю это сейчас, не преодолею своей гордости и обиды, потом это сделать будет гораздо труднее… Заранее прошу прощения за сумбурность написанного. Мы все с ранимыми сердцами и каждый со своими слабостями.*

И Вы, Виталий Семенович, не ангел, а уж я и вообще просто невоспитанная, обидчивая девчонка, допустившая в отношении Вас, по словам Николая Скромного, непозволительную фамильярность. Я поняла, Вы не принимаете меня за одну из вас, что прекрасно продемонстрировал Мончегорск… Значит недостойна.

И всё же я хочу объясниться, чтоб и Вы, и Николай Александрович знали: для меня до сих пор понятия "фамильярность", как его принято понимать, вообще не существовало. С чужими я всегда предельно уважительна, имею в виду с чужими душой. Их я и сама не приближу к себе на "ты", а с друзьями… до сих пор, в каком бы они не были возрасте, ни разу не возникало подобного непонимания.

Я хочу, чтобы Вы знали, на самом деле от меня исходила по отношению ко всем вам не фамильярность, а огромная любовь, доверие, даже где-то материнское участие и преданность. А ещё - наивная вера в Ваше понимание и мудрость. Всех вас я впустила к себе в сердце и думала, что и вы приняли меня. Так всегда получается, обижаешь, хотя и неосознанно, особенно больно тех, кого больше всего любишь. Извините за запутанность моих мыслей. Пишу Вам, а заодно разбираюсь в себе.

Вы поняли моё "ты" как неуважение, фамильярность и даже мою невоспитанность. Я же с друзьями, а тем более с мужчинами, не умею долго "выкать". Для меня "выканье" создает расстояние. Но я не дура, Виталий Семенович, чтобы не понять Вашего окрика в гостинице: "И не "ты", а "Вы!". Вы стегнули меня этим окриком, словно плетью, хотя, кто его знает, может, только так и учат. И я принимаю Ваше учение, принимаю ради нашего общего дела.

Теперь, когда я ответственна в жизни не только за себя или за своих родных, но ещё и за всех вас в Союзе писателей, я принимаю этот удар…

И обещаю, что впредь для меня в Союзе останется на "ты" только Виктор Леонтьевич, к остальным я буду учиться обращаться на "Вы" и по имени отчеству, как вы все того заслуживаете, как этого требует этикет и, как я поняла, этого хотите Вы. Это не вызов, не хмурьте брови, Виталий Семенович, и не кричите: "Нет, она ничего не поняла". Просто я знаю – Виктор Леонтьевич мой друг, большой и настоящий, и его не оскорбит моё "ты" так, как не может оскорбить преданность и любовь.

Я решилась на это письмо лишь потому, что верю в то, что и Вы, Виталий Семенович, по-своему любите меня (ведь женское сердце не обмануть), а я, в свою очередь, не хочу обманывать Ваших надежд и прошу прощения лично у Вас, у Николая Александровича и Виктора Леонтьевича. Прощения за свое, как Вы выразились, "бабское поведение"…

Вы все даже и помыслить не можете, насколько это самое "бабство" меня тяготит. В конце концов, пусть я выскажу один раз и навсегда всё до конца, всю свою боль, а уж Вы решайте, как это воспринимать. Я знаю, Виталий Семенович, Вы сильно разозлились на меня за то, что я танцевала и что, по-Вашему, это было не к месту. Тогда ответьте мне, а когда это у Вас бывает к месту? В Союз к Вам приеду – одни разговоры, на праздник приехали – опять разговоры, и уж, когда, закончив работу, в ресторане сидели, оказалось и тут не к месту. Ну потанцевала, что тут криминального?

За все эти дни кто-нибудь нашел минутку поинтересоваться, а что у меня на душе, чем я жила весь этот месяц, какие у меня проблемы? Ни один из вас не захотел заглянуть мне в душу. А может, этот самый танец был выходом моей женской сущности, может, он мне, как воздух, был необходим. Вы об этом не подумали?

Вы все говорите, что я литератор. Давайте будем честными друг перед другом, ведь я

знаю себе цену и знаю, что мне до литератора пока что, как до Китая.

Разве я отказываюсь работать? Работа для меня всё, но я еще и женщина и женщина совсем не старая… И мне, как женщине, не хватает внимания и понимания именно мужского. Я не эгоистка и не виновата, что родилась бабой, да ещё угораздило меня писать… Я не виновата, что стоит только услышать музыку - я не могу удержаться на стуле, не виновата, что люблю танцевать столь же сильно, сколько и писать. Хоть в танце могу отвести душу. Ну не напиваться же мне до одури, чтоб забыть своё женское начало: Да, Виталий Семёнович, я хочу быть красивой, хочу нравиться мужчинам, тем более, что большего-то я ни у кого и не прошу, просто нравиться, хочу оставаться женщиной, пока это возможно.

Если вы такие умные мужики, описывающие женские образы в своих книгах, почему не замечаете той боли, которая находится в душе моей, почему открещиваетесь от меня, как чёрт от ладана… Вы все говорите высокие слова об Октябрине, а ведь ей, в первую очередь, не хватало именно мужского тепла, внимания, понимания, а иначе она бы не выкрикнула:

Истаяла любовь,
как звёздный след,
Теперь уж точно –
не услышу вовсе
Слова, что я ждала пятнадцать лет,
Пятнадцать зим, и осеней, и весен.
Не дождалась…

Мне больно оттого, что, видя меня раз или два в месяц, никогда не поговорите со мной по душам. Только по делу, только по литературе. Так и проходит жизнь мимо человека даже самого талантливого. А потом начинаем кричать: «Как же мы так не заметили его боли?» Я говорю о таких, как Рубцов, Есенин. Кому в таком случае нужна душа какой-то там Большаковой.

Виталий Семенович, я впервые высказала Вам всё, что копилось многие месяцы, не выдержала, сорвалась. Высказала и уже больше не вернусь к этой теме…

Не подумайте, что я Вас в чем-то упрекнула, я просто выкрикнула свою боль. Если Вам что-то во мне не нравится, поговорите, я пойму… и если будет в моих силах, постараюсь изменить что-то в себе…

Этим письмом ставлю точку на Мончегорском конфликте… С завтрашнего дня начинаю работать по Празднику саамского слова в Ревде и Ловозере…

Моё отношение к Вам и поведение останутся прежними с учётом вышеизложенного…

С уважением и почитанием Надежда Большакова».

Встреча с Дмитрием Михайловичем Балашовым

23.05.1995. Мурманск празднует десятый Праздник славянской письменности и культуры. В гостиничном номере я и Николай Колычев ждем, когда секретарь Мурманской писательской организации Виталий Семенович Маслов познакомит нас с великим Балашовым. Но проходит с назначенного времени час, второй, третий… Сидим с Колей на полу, на ковровой дорожке, и мирно беседуем. Он потягивает из бутылки вино, я ем банан. В это время распахивается дверь номера и входит небольшого росточка седой человек с цепким проницательным взглядом, а за ним появляется и Виталий Семенович с московским журналистом Владимиром Бондаренко. Мы, словно ужаленные, вскакиваем и приветствуем гостей. Быстро откланявшись, ухожу в свой номер. Разве я могла в тот момент как следует рассмотреть Дмитрия Михайловича? Запомнился только его небольшой рост, так как в своем воображении я рисовала русского писателя-историка подобным былинному новгородскому богатырю Василию Буслаеву. Только на второй день в научной библиотеке, где проходил круглый стол, как следует и смогла рассмотреть знаменитого романиста. Седой, как лунь, а лицо почти без морщин. Быстро и весело реагирует на юмор, заразительно смеется, по-мальчишески хулигански прищуривая при этом свои небесно-голубые озорные глаза. Весь круглый стол я сидела напротив и не спускала с него восторженных глаз.

Когда возвращались в Союз писателей втроем, Виталий Семенович перед Балашовым оправдывал поведение в гостинице подвыпившего Николая Колычева:

- Поэты, Дмитрий Михайлович, все бзикнутые…

Затем посмотрел на меня и, четко произнося каждое слово, добавил:

- А вот она, бзикнутее всех.

Мне же в тот момент каждое слово Маслова, как елей на душу, потому как была ему безмерно благодарна, что, несмотря на мою бзикнутость, на все эти дни он поручил Балашова именно моим заботам.

На Празднике славянской письменности и культуры в Мурманске

24.05.1995. На Праздник славянской письменности и культуры в Мурманск из Ревды приехали и мои девчоночки - победительницы областного литературно-исторического конкурса «Храмы России», привезли саамскую хоругви, где обозначены просветители саамов Трифон Печенгский, Феодорит Кольский и первая саамская поэтесса Октябрина Воронова. Маслов в Ревде договорился с частным предприятием о пошиве ее, и теперь она вместе с Самарским знаменем была освящена у гостиницы «Арктика» на Пяти Углах за час до начала праздничного шествия.

Какая красота, какой восторг! Там же, у гостиницы, собрались ученики из всех мурманских школ. Колонны украшены буквицами, портретами просветителей, учителей, в руках веточки с зелеными листочками, ощущение - будто на Мурман из советских времен вернулся Первомай. Виталий Семенович моих девчонок поставил в почетный ряд шествия с курсантом, несшим Самарское знамя.

У памятника священники заканчивали Божественный молебен, люди стали возжигать свечи. В это время к «Научке» стали стекаться ярко-оформленные колонны школьников. На импровизированной сцене выступали Виталий Семенович Маслов, Виктор Леонтьевич Тимофеев, Николай Колычев, поморский коллектив пел песни и так далее. Затем все понесли цветы к памятнику Кириллу и Мефодию, море цветов…

Удивительно красивое и радостно счастливое получилось зрелище.

После шествия мне надо было где-то моих девчонок накормить, и тут Виталий Семенович предложил пойти к нему. А со мной семь человек. Говорю:

- Виталий Семенович, где еды-то столько найдешь?

- Не беспокойся, Большакова, голодным никто не останется, даже тебе чашка чая перепадёт.

Пошли. Валентина Устиновна, жена Маслова, увидев нас, ахнула и тут же принялась на кухне пиццу разводить. Раскатала тесто, набросала на него, что оказалось под рукой, а через полчаса мы объедались вкуснейшей пиццей. Когда я увидела, как она стряпала, решила тоже попробовать подобное дома сотворить. Ничего сложного, а вкуснотища потрясающая! А еще у нее оказались испечены рыбники с зубаткой – не обед – просто праздник! Какая мастерица Устиновна печь!

Посвящение Октябрине от Владимира Пожидаева

14.07.1995. Виталий Семенович обрадовал стихотворением, которое передал в музей имени Октябрины Вороновой Владимир Александрович Пожидаев. Я была удивлена, что он вообще пишет стихи, да еще написал такое, где недвусмысленно высказывал то, о чем шептались в кулуарах:

Когда убивали саамскую речь
Бездушным ножом алфавита,
Пришла она звуки родные сберечь.
И тоже убита… Убита!
…Ей древний петроглиф стиральной доской
служил на речном мелководье,
лаская рисунков бесплотной рукой
нагие девичьи угодья.

Избраннице юной он нежно вручил
букет голосов неолита…
Теперь их лишили магических сил,
упрятав в тюрьму алфавита.
Остались на воле лишь сорок из ста.
И те вдохновеньем Смирнова
по возрасту казни Ивана Христа
уже перекроены снова.
В консервные банки кирилловских букв
закатаны песни Поноя.
По-русски страдает обрезанный звук.
И стонет запев от запоя.
Сейчас двадцать восемь латинских солдат
грозят им удушливым пленом
Бледнеет восход, пламенеет закат.
Живое становится тленом.

Владимир Пожидаев

Те, кто близко знал Октябрину, вспоминали, что в последнее время она тяжело болела. В доме все было заброшено, не прибрано, но ее это не беспокоило. Она вся отдавалась поэзии. Для Оли, удочеренной племянницы, писала записки: «Я дома» или «Меня нет», что означало: расположена она кого-нибудь принимать в этот день или нет. В то время у Октябрины были уже «отключения» (кризы). Мозг как бы засыпал, и она жила словно в полусне. Потому и ценила каждое мгновение бодрствования. Писала днем, писала ночью, когда просыпалась, писала всегда, покуда были силы.

Разве думали про это те, кто направил всю свою энергию против выхода ее книги на саамском языке, книги, с которой по существу и началась саамская литература.

Вспоминая наш разговор об Октябрине с Пожидаевым, я пишу о его размышлениях по поводу того, рано или поздно приходит человек на эту землю? Одни о неординарном человеке скажут, что вот, якобы, слишком рано родился, ему бы погодить. Но бывает и так: придет талантливый человек на землю, а оказывается - слишком поздно, не в свою эпоху, когда цивилизация ему только во вред. По мнению Пожидаева, подобное случилось и с Октябриной Вороновой. Те перемены, которые принесла саамам революция, дали народу больше минусов, нежели плюсов. Люди природы, веками наследовавшие дела своих предков, вынуждены были отрываться от родовых мест, принимать чужие, навязанные им условия жизни.

Энергетика прошлых эпох зарядила ее чистый и высокий дух, приоткрыла тайны природы, изучение в институте мировой культуры дало знания, и Октябрина выделилась в своей среде. Но вместе с тем ей катастрофически не хватало соответствующей атмосферы, общения с равными себе в Ловозере...

В некрологе «Памяти товарища» мурманские писатели пустыми фразами не разбрасывались, они скромно сказали о том, что: «Среди двенадцати мурманских писателей Воронова была не только первой саами, но и вообще первой писательницей - женщиной». Недаром же Виталий Семенович шел на все, чтобы выпустить первую книгу ее стихов на саамском.

«Дочь сочинение напишет – поедешь на Соловки»

10.09.1995. То, с каким патриархальным уважением и любовью Виталий Семенович относился к родине и истории, говорят его дела. В мартовском интервью 1986 года Михаилу Крюкову «Воспитание историей» Виталий Семенович делится с корреспондентом своими планами на устроение первого на Мурмане Праздника славянской письменности и культуры: «Этот праздник – прикосновение к истории, он очень важен в деле воспитания… Мы должны, обязаны вглядываться в историю, изучать ее. А через нее изучать и себя». И далее рассказывает о том, как будет проходить выставка, на которой 15 студентов педагогического института

станут экскурсоводами, радуется, что они, готовясь к ней, проникнутся идеями славянства, которые затем понесут в жизнь. «В школах пройдут конкурсы сочинений на темы древнерусской литературы, истории. Лучшие будут отмечены писательской организацией». Это были истоки ещё одного начинания Маслова - областного литературно-исторического конкурса «Храмы России».

Помню, как в писательской, в ноябре 1994 года в писательской Виталий Семенович обмолвился, что победители этого конкурса со своими наставниками поедут на Соловки. А я, столько уже наслышанная о Соловках, но толком ничего о них не знавшая, мечтала там побывать. Говорю: «Виталий Семенович, а меня возьмете?» Он помедлил с ответом, а затем произнес: «Если твоя Наталья сочинение напишет, поедешь на Соловки». Я приехала домой воодушевленная, рассказала дочери о предложении Маслова, а она ни в какую: итак в 10-м классе нагрузка нешуточная. Тут я на хитрость пошла: «Любишь маму, сделай ей подарок – Соловки». Когда вновь приехала в писательскую, похвасталась: у меня не только дочь пишет, но и две ее одноклассницы. Маслов похвалил. Все трое вышли в победители и поехали со мной на Соловки. Когда же я увидела, что на Соловки едут и наши поэты Татьяна Агапова, Дмитрии Коржов и Ермолаев, Николай Колычев, другие, подошла к Маслову с упреком: «Почему Вы ребят просто так взяли, ведь они с детьми не работали?» Маслов хитро улыбнулся и ответил: «Так ведь они не прозаики. Им, чтобы вдохновение почерпнуть, Соловки необходимы, а тебе работа с детьми лучше поможет увидеть собственные ошибки».

Правду сказал Виталий Семенович. Разве бы Дмитрий Коржов написал стихотворение «Соловки» в трех частях, если бы не поехал туда:

Небосвод чист и празднично светел,
Крылья Белого моря легки,
Рвется свистом закрученный ветер,
Улетая на Соловки…

Вот и мы, вот и мы улетаем,
Словно птицы, над белой водой:
Близость неба, осеннего рая,
Близость счастья за дальней звездой.

Дмитрий Коржов

Главным действием на Соловках стало возложение цветов на предполагаемую могилу Феодорита Кольского – крестителя и просветителя лопарей, создателя зачатков саамской письменности, исторической личности. И, как пишет Виталий Семенович «он добыл и доставил на Русь подписи почти трех десятков восточных православных иерархов, Разрешительную грамоту Патриарха Царьградского, бармы-оплечья царские византийские, возложил эти бармы на плечи Иоанна Грозного, после чего Великие князья московские стали официально признанными царями, Россия обрела царственное достоинство. То была дипломатическая победа России. И эту победу принес человек, оставшийся в истории под именем Феодорита Кольского». Возле его предполагаемой могилы Виталий Семенович сказал по этому поводу проникновенные слова. Имя Феодорита Кольского стоит в конкурсе «Храмы России» отдельной темой. Хотя до этого оно было практически полностью вычеркнуто и забыто. А сегодня о нем знают в каждой школе Мурманской области. Все это благодаря конкурсу «Храмы России» и стараниям Виталия Семеновича, готового на белый свет вытаскивать все новые забытые имена.

Незадолго до кончины Маслова на оргкомитете в народном образовании ему поставили в вину, что именно он не организовал в 2001 году поездку победителей конкурса «Храмы России» на Соловки. А как можно было прошибить стену равнодушия и неприятия администрации? Ноги отбил, пока по инстанциям ходил в надежде поймут, навстречу пойдут. Ведь долг перед ребятами (Соловки) с каждым годом рос, сея недоверие к руководителям конкурса. Но… кому-то было выгоднее устраивать детский оздоровительный лагерь под Ленинградом и тем самым обесценивать то, что нарабатывалось годами… Видно

представителям народного образования не важно, что конкурс рассчитан не только на школьников до 14 лет, но и на тех, кому 15, 16, 17, на студентов средних и высших учебных заведений. Вот они-то и остаются вообще без поощрения, хотя ждут, надеются еще увидеть Соловки, обещанные им Виталием Масловым…

60-летний юбилей Маслова

21.09.1995. В Областной научной библиотеке отмечали 60-летний юбилей Виталия Семеновича. Целый день мы с Валентиной Устиновной и Сашей (дочерью Маслова) стряпали, ведь после библиотеки домой к Масловым должны были прийти сорок человек. Я делала салаты. Виталий Семенович тоже помогал, резал семгу, таскал столы, лавки, в шутку постоянно подкалывая меня: «Большакова, кто капусту так режет? Да ты, я вижу, совершенно готовить не умеешь». Когда все было устроено как надо, мы с Сашей пошли в Союз писателей за книгами Маслова, чтобы затем продавать их в библиотеке, куда народу вместо ожидаемых семидесяти человек, пришло двести, и каждый желал выразить юбиляру именно здесь свою любовь. Мне на этом вечере Валентин Кальте, управляющий по делам молодежи администрации Мурманской области, вручил премию имени Баева-Подстаницкого. Вечер в библиотеке затянулся с 18-ти аж до 23 часов, а потом еще до трех ночи приглашенные сидели в гостях у Виталия Семеновича. Много было сказано добрых слов, поднято тостов, пели, читали стихи, шутили…

Нам с Устиновной за хлопотами вокруг гостей было не до праздного сидения. Разве я могла беспечно усесться за стол, когда видела, в какой запарке находилась Устиновна. Когда последние гости покинули квартиру, мы все прибрали, перемыли и в пятом часу утра усталые свалились спать. Провел ночь здесь же и Николай Колычев.

Мне было радостно, что помогать в приготовлении юбилейного пиршества Виталий Семенович позвал не кого-то другого, а именно меня, доверяя быть рядом с самыми близкими ему людьми.

«Лучшая тамада года»

22.09.1995. Начиная с 1980 года, мною проведено несколько сотен свадеб, и, естественно, материал по ним собран тоже достаточный - в том числе и тосты на все случаи жизни. Как-то собрала часть и послала в газету «Мурманский вестник», в которой был объявлен конкурс «Лучший тамада года». Этот титул присваивался мне два года подряд (1993-1994). Маслов все это время звал меня не иначе, как тостовуха…

И вот наутро после юбилея у Масловых сели мы завтракать. И вдруг Колычев стал высказывать юбиляру свое мнение обо мне, делая это в третьем лице, будто я рядом и не сижу вообще. Говорит:

- Виталий Семенович, что ты все с этой Большаковой возишься, ведь она ничего, кроме тостов, и написать не может. А ты все Большакова, Большакова…

Я молчу, у меня на самом деле еще даже книга сказок не вышла, одни тосты в газетах печатали, и те не сама сочиняла. Маслов, насупившись, слушает, что Колычев еще скажет, а тот с тяжелой головой еще хлеще мне характеристики выдает:

- Да нет, правда, Виталий Семенович, пустышка она. Читал тосты ее, такая чушь, доложу я вам…

И тут Маслов не выдержал, взорвался:

- А ты сказки ее читал? Ту чушь, про которую говоришь, не она написала, всего лишь собрала и сдуру в газету отправила, а ее сказки - вот творчество, которые ты, Коля, как хороший поэт, даже не соизволил глазами пробежать…

Да, слушать о себе в третьем лице, да еще подобную критику, я вам скажу… Тут и у бескомплексного человека комплексы появятся…

Кстати о комплексах. Как-то на репетиции в Новгородском культпросвет училище как-то на режиссуре педагог Ольга Николаевна Колобкова сказала, что в группе есть только один человек без комплексов - я. Не зная на тот период, что такое комплексы, я спросила у однокурсницы:

- Наташа, только честно, я что ненормальная? Все с какими-то комплексами ходят, а я нет.

Наталья, как могла, попыталась объяснить, но её доводы мне казались совершенной глупостью, а потому, устав приводить примеры, она выпалила:

- Вот потому у тебя их и нет.

Но я не желала оставаться без каких-то загадочных комплексов, и целых две недели выискивала их у себя. На очередном занятии победно заявила:

- Вы не правы, Ольга Николаевна, я нормальная, у меня тоже комплекс есть: я боюсь в компании в туалет ходить, потому как все будут слышать моё журчание, вот!..

Все засмеялись… Я, не понимая, чем вызвала столь неудержимое веселье, пыталась дознаться: «Что, скажите, - это не может быть комплексом? А мне девчонки с хорового говорили – может!». И все смеялись ещё больше, я же готова была разрыдаться… Когда смеховая истерика прошла, Ольга Николаевна, вытирая глаза от слез, произнесла:

- Теперь ты, Надежда, точно от последнего избавилась.

Страх, высказанный публично, прошёл, будто его и не было.

Ее просто пожалеть надо

Октябрь 1995 года. Со Свеном Локко отношения у меня складывались очень добрые. Вижу, как он наблюдает за мной со стороны. Что при этом думает, не знаю, но относится хорошо.

Однажды у меня сильно подскочило давление, было это как раз перед творческим вечером Александры Антоновой. От головной боли я не находила места себе, хотя и выпила уже две таблетки. Свен подошел ко мне, нежно обнял, прижал к себе и стал гладить по голове, точно маленького ребенка:

- Ну что ты, Надюша, такая невесёлая сегодня?

Маслов, увидев, как Свен Петрович жалеет меня, подхватил:

- Да, Свен Петрович, вот как пришла в Союз, так я и не знаю, чем развеселить ее, чем отвлечь? Уж что только не делал - и чай предлагал, и яблочком угощал, все отвергает…

А Свен ему наставительно:

- Ей не угощения требуются, Виталий Семенович, её просто пожалеть надо, приласкать, вот давление и снизится. А то вы все: Большакова - туда, Большакова - сюда, а она женщина… Доброго слова ждет…

- Ну, Свен Петрович, ты прямо психолог, - восхитился финским писателем Маслов.

А мне на самом деле так от этих его слов на душе тепло сделалось! Надо же, почувствовал: что, несмотря на то, что вокруг меня постоянно мужчины находятся, а пожалеть-то некому, все мне их жалеть приходится…

«В Союзе у меня надежда на тебя и на Скромного»

8.10.1995. Едем с Масловым в Ревду на вечер, посвященный памяти Октябрины Вороновой. Помимо вечера Виталий Семенович будет оформлять документы на покупку квартиры под музей имени Октябрины. Всю дорогу я ему что-то рассказываю. Перед развилкой он оборачивается ко мне и говорит:

- Большакова, ты бы лучше писала, а то трещишь всю дорогу без умолку, точно сорока.

С обидой бросаю ему:

- Хочешь, чтобы замолчала, нет проблем. Я на Зою Космодемьянскую разряд могу сдавать. По три месяца в ссоре с мужем, бывало, не разговаривали. Проверить хочешь?

- Я о том, что мудрее надо быть, думать, прежде чем говорить, - растяжно протянул Маслов.

Я возмутилась:

- Нет, вы только поглядите на него, у меня радость, сам Маслов ко мне в гости едет, и я, как могу, развлекаю его своими байками, а он мне о мудрости речь ведет. Даст Бог, доживу до твоих шестидесяти, тоже, может, мудрой стану. А если желаешь, чтобы помудрела немедленно и не напрягала своими разговорами, то и захочешь слово вытянуть, не получится, - еще обиднее

произнесла я и замолчала.

Прошло минут пять-семь, ехали, каждый думая о своем. Первым нарушил молчание Виталий Семёнович:

- Да ладно уж, болтай, - произнес он снисходительно, - шестидесятилетней еще успеешь стать.

- Ну спасибо, разрешил. Только охота мне тебе теперь что-нибудь рассказывать отошла, - с язвинкой произнесла я и опять замолчала.

Еще проехали молча минут пять, и вновь он нарушил тишину:

- А вот к тому, что я сейчас скажу, серьезно отнесись. В Союзе писателей у меня надежда только на тебя и на Скромного.

Услышав это, я даже ахнула:

- Ну ты, Виталий Семенович, и сравнил. Кто Скромный и кто я? Да мне до него, как до космоса. У него хоть «Перелом» один, но в четырех книгах, а у меня неизвестно, когда сказки напечатают. Неудачное сравнение, а еще о мудрости толкуешь. Не смешил бы уж.

Маслов всем своим большим телом развернулся ко мне, так как сидел на сиденье рядом с водителем, а я сзади, и, пронизывающе взглянув, серьезно произнес:

- Я наперед смотрю, а ты дальше своего носа не видишь.

И все же мне казалось: как бы он наперед не смотрел, не мог ставить меня на один уровень со Скромным. Тимофеева - да, Колычева - еще куда ни шло, а меня… Насмешка какая-то получается.

Это ему очень эмоционально и высказала, а он строго добавил:

- Я сказал, ты запомни, крепко запомни: на тебя и на Скромного. Больше повторять не стану.

Дальше до Ревды мы ехали молча.

Я думала, вот ведь хитрый какой этот Маслов, взял и повесил на меня ответственность, мол, не сиди спокойно, пока уровня Скромного не достигнешь, а как же еще объяснить его такое заявление мне.

Куплена квартира под музей имени Октябрины Вороновой

11.10.1995. Через два дня после вечера, посвященного памяти первой саамской поэтессы, Виталий Семенович вновь приехал в Ревду, чтобы у нотариуса заверить договор по купле квартиры под музей имени Октябрины. Квартира куплена и осталось только подождать, когда оттуда съедет ее теперь уже бывшая хозяйка. Дома у меня мы с Виталием Семеновичем долго и много говорили. Я посетовала ему, что тяжело идет работа над повестью об Октябрине, все не нравится, что уже написано. Виталий Семенович посоветовал рукописи дать отлежаться, и только после этого взглянуть на нее новыми глазами.

В те дни, когда Маслов занимался оформлением квартиры под музей, он жил в нашей семье.

Слово о Маслове Владимира Смирнова

Впервые его имя я услышал от капитана дальнего плавания Бориса Романова...

- Ты знаешь, есть моряк, который пишет хорошие стихи.

Я в то время работал редактором на Мурманской студии телевидения и в числе прочих дел вел передачу «Новые поэтические имена». Конечно же, я правильно понял сообщение Романова и заинтересовался этим моряком-поэтом.

- А ходит он начальником радиостанции на атомном ледоколе «Ленин».

Это еще сильнее разогрело мое любопытство, так как тогда это был единственный в Мурманске атомоход, и я на нем еще не бывал...

Мы сидели в каюте Виталия, беседовали, пили чай, читали стихи. Но когда я заводил разговор об участии в телепередаче, он смущенно прятал глаза за стеклами очков:

- Да надо ли?

Я убеждал, что надо. Ибо стихи его не просто понравились мне, они всколыхнули душу,

взволновали сердце.

И хорошо, что есть всему предел.
Где б я ни плыл, я верил в возвращение.
И счастлив тот, кто к старости сумел
В том устье встать, где принимал крещение.

Все может быть - пустеть наш край и цвесть,
Но даже если заросли погосты,
Есть к ним тропа - и в мире мы не гости
И не безродны, если память есть!

Заметьте, эти стихи написал не шестидесятилетний седобородый писатель, а тридцатилетний моряк.

«Цветов нездешних семена не сейте на мою могилу…»

28.11.1995. Виталий Семенович Маслов позвонил мне и сообщил о смерти Владимира Александровича Смирнова, который когда-то написал: *«Я родился в день Веры, Надежды, Любви / Горькопамятной осенью тридцать седьмого…»* - и уже никогда не забудешь и не перепутаешь дату его рождения, тем более, что 30 сентября – день моего Ангела – Надежды. Для меня в Союзе писателей Владимир Александрович был самым мягкосердечным добряком.

Деятельный, жизнелюбивый Смирнов - и вдруг умер? Неправда! С этим известием не хотелось мириться. Не могла уснуть до трех ночи, вспоминала наши с ним встречи и плакала. Совершенно не представляю наш Союз без Смирнова, без его прищуренных глаз, в которых всегда лучился озорной блеск, без его улыбки, его возгласов: «Миленькая ты моя», «Надюша, Наденька, какая ты у нас хорошая», без него - близкого и родного.

Почему так внезапно? Как будто смерть можно запрограммировать... На кого оставил неоконченные дела свои - стихи, переводы? А ведь вместе с первой саамской поэтессой Октябриной Вороновой он завещал нам: *«Поле жизни - оно бесконечно, / Да другим это поле пахать»*... Другим? Но найдется ли такой другой - по силе таланта, образности?.. Нам много лет навязывали мысль, что все на свете заменимо, незаменимых людей нет. Оказывается есть! Володя незаменим, это я знаю наверняка.

Он был до глубины души человеком природы. А сколько в последнее время опубликовано статей, где Смирнов правдиво и доходчиво рассказывал о проблемах Поморья, стараясь пробудить в людях совесть и здравый смысл! Эти проблемы он знал не понаслышке, не из чужих уст. Сам исходил, излазил, изъездил Кольский полуостров вдоль и поперек: на лыжах, пешком, на лодке и оленях.

Не бывало такого случая...
Застывают следы на снегу.
И слова, даже самые лучшие,
Точно льдинки, падают с губ.

Но однажды, в мечтах обмануты,
Археологи-ребятня -
Откопают заместо мамонта
Замороженного меня...

Настоящие поэты тонко чувствуют вибрации жизни, изменения в природе, пульс времени, они же задолго могут предчувствовать и свой уход. Это стихотворение Владимир Александрович написал еще в 1963 году, а в конце ноября 1995 ушел на тундровый простор, чтобы уже не вернуться. Хотя, конечно, шел не умирать, шел работать, потому как именно природа дает вдохновение и тишину, наводит на раздумья.

Помню, как когда мы все после похорон Владимира Смирнова пришли в писательскую, Виталий Семенович горько произнес: *«Я обращаюсь ко всем - и поэтам, и прозаикам: будьте предельно аккуратны со словом, слово материально, что напишите, то и произойдет. Написал Володя "Откопают заместо мамонта / Замороженного меня..." - так и вышло. Примеров для этого достаточно, взять хотя бы Рубцова "Я умру в крещенские морозы" и так далее. Помните об этом и не предрекайте себе ни в стихах, ни в прозе смерть».*

Когда я это услышала, решила обязательно найти эти самые примеры. Прав Маслов их не так уж мало: Лермонтов в год смерти, в 1841 году, в стихотворении «Сон» пророчил: *«В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижным я;/ Глубокая еще дымилась рана, / По капле кровь точилася моя».*

Николай Гумилев также в стихотворении «Рабочий» предрек себе смерть от пули: *«Все товарищи его заснули,/ Только он один еще не спит:/ Всё он занят отливаньем пули,/ Что меня с землёю разлучит».*

А вот А.Белый умер от солнечного удара в 1934 году, а в стихотворении «Друзьям», в 1907 году он написал: *«Золотому блеску верил, / Я умер от солнечных стрел».*

Ф.Сологуб предрекает свою смерть в ноябре 1913 года: *«Тьма меня погубит в декабре, / В декабре я перестану жить».* Он умер 5 декабря 1927 года. Есть стихотворение и у Сергея Есенина, в котором он пишет: *«И первого меня повесить нужно./ Скрестив мне руки за спиной,/ За то, что песней хриплой и недужной / Мешал я спать стране родной».*

Есенин не написал, что повесится сам, а точно определил для своих убийц глагол расправы с собой - «повесить нужно». Этот список можно продолжать и продолжать…

Похороны Владимира Александровича

5 декабря 1995 года из Ревды и Ловозера хоронить Владимира Александровича Смирнова нас приехало несколько человек. В Доме политпросвещения уже было все готово к принятию тела поэта. В фойе собрались писатели, родственники, друзья, наконец, гроб внесли. Меня и Марию Медведеву, руководителя саамского фольклорного ансамбля «Ойяр», Виталий Семенович поставил в траурный караул первыми, потом у гроба Владимира Смирнова стояли и моя дочь Наталья, и ее одноклассница Лиля Асанова, другие.

Маслов, как всегда, суетился, он очень тяжело перенес утрату друга. Три раза его отвозили по скорой. Виктор Леонтьевич Тимофеев тоже сильно переживал. Роза Хабибовна, жена Владимира Александровича, держалась стойко…

Звучали стихи. Мне было очень тяжело слышать живой голос Володи и видеть его недвижимым в гробу. Это так не вязалось со Смирновым! К горлу постоянно подкатывал комок.

Это была вторая смерть близкого мне человека. Тогда я училась в пятом классе. Новогодние каникулы. Мы с братом шли домой с елки, веселые и счастливые. У подъезда нас встретила подруга мамы, которая и сообщила скорбную весть. Моей истерикой смеха и слез были напуганы все соседи. Я лежала на диване ничком и никому не позволяла себя жалеть. Лишь изредка выкрикивала обиду бабушке за то, что она умерла, не спросив разрешения и даже не предупредив меня. Счастье, которому, казалось, не будет конца в образе моей бабушки, улетело, не оставив никакой надежды на встречу. Я помнила длинную комнату в бабушкином доме в Ловозере, посредине которой стоял гроб, - и в нем совсем непохожую, чужую бабушку. В новогоднюю ночь она пошла поздравить с праздником соседей. На улице случился сердечный приступ. Все отмечали новый 1969 год, сразу никто не хватился. Она замерзла.

И вот все повторилось, только теперь с Владимиром Александровичем, он тоже замерз…

После панихиды все на автобусах направились на кладбище. Там со словом о Смирнове выступали Маслов, Тимофеев, Миланов, Скромный, мэр Мурманска Олег Петрович Найденов, я.

В 1995-м, когда мои девчонки, победители конкурса «Храмы России», приехали на Праздник славянской письменности в Мурманск, они перед торжественным награждением зашли на чашку чая в писательскую. Туда же пришел и хорошо подвыпивший Смирнов. Когда время пришло идти в филармонию, я попросила Наталью и Лилю Асанову взять под руки

Владимира Александровича и помочь ему идти. Чуть заваливаясь, то на одну, то на другую из девчат, Смирнов все же до филармонии дошел. Начался праздничный концерт. Вдруг Маслов объявляет Владимира Александровича. Девчонки в испуге спрашивают меня:

- Как же он читать будет, ведь еле на ногах держится.

Тут на сцену выходит подтянутый Смирнов и без всяких запинок читает два или три стихотворения, затем кланяется и спускается в зал, ни разу не пошатнувшись. Девчата недоумевают:

- Мам, Надежда Павловна, он же совершенно пьяный был…

Вот так человек мог собраться для выступления.

В последние годы Володя напоминал мне мудрого деда-лесовика: чуть всклокочены волосы, борода торчком, прищуренные глаза озорно светятся - и всем раскрывает свои объятия... Таким добрейшим, редкой души человеком, я его и запомню навсегда.

Последний приезд его в Ревду был в День славянской письменности и культуры, саамского слова в мае 1995 года. По осени 1994-го я в Ревде в общежитии комбината на Кузина, 5, в маленькой комнатке расположила первые экспозиции музея имени Октябрины. Комнатка была настолько крохотная, что уместиться в ней могли три-четыре человека, не больше. И очень переживала, что посетителям трудно будет всё хорошо рассмотреть. Но писатели и те, кто приехал с ними, разделились на две группы и всё спокойно рассмотрели. Особенно внимательны были Виталий Семенович и Владимир Александрович. Когда вышли, похвалили меня, и Смирнов торжественно сказал: «Ну что ж, думаю, можно считать музей открытым!». Потому позже я везде и говорила, что открыт он не осенью 1994, а в мае 1995, когда приезжал Смирнов.

Вызвалась сказать слово на саамском языке и Нина Елисеевна Афанасьева, президент Ассоциации кольских саамов.

Смирнов за Октябрину Воронову Афанасьеву не жаловал, но год назад, когда мы отмечали 60-летний юбилей Октябрины и я резко высказалась против Ираиды Виноградовой, о которой Октябрина в письме Александре Антоновой написала, что сестра предала ее, Виктор Леонтьевич Тимофеев мне сказал: «Не дели могилу. Может, она хочет загладить свою вину перед ней, а ты помешаешь этому, и тогда грех Ираиды ляжет на твои плечи». Вот и здесь, когда я услышала речь Нины Елисеевны Афанасьевой, я простила ее и за Октябрину, и за Смирнова, приняв прощальную речь как ее покаяние.

На поминках Роза Хабибовна поблагодарила меня за любовь к Володе. А как же было Смирнова не любить… Да мне до сих пор не хватает его, до сих пор не верится, что никогда больше не зайдет в писательскую, не обнимет меня, не разгладит свои торчащие усы и бороду, не поцелует. Осиротел наш Союз писателей без добряка-лесовика Смирнова, осиротел…

Еще одно письмо Маслову

Это письмо Виталию Семеновичу мною было написано в конце 1995 года, а получил он его почему-то только 28 января 1997 года, так помечено на конверте. Валентина Устиновна позволила мне мои письма из Масловского архива забрать, так я об этом и узнала. Приведу отрывок этого письма:

> *«Дорогой Виталий Семёнович! Совершенно не понимаю, зачем пишу Вам. Наверно, просто захотелось поговорить по душам. Раньше как-то удавалось поговорить с Виктором Леонтьевичем, сейчас он, когда я приезжаю в Мурманск, чаще занят, и мои мысли так и остаются невысказанными. Ради Бога, не сердитесь на меня за это. Я знаю, поняла, почувствовала, что то "мончегорское" письмо Вы прочли, но не сочли нужным показать его Тимофееву и Скромному. Ваше право. Письмо было адресовано Вам.*
>
> *Человеку необходим кто-то, кто может выслушать и понять его. Я знаю, насколько Вы бываете нетерпимы, особенно ко мне, и все же пишу в надежде, что и это письмо мне простится…*
>
> *Прочла почти все рассказы финских писательниц и потянуло на лирический лад.*
>
> *Понравилась статья Аниты Конка о языке. Честно сказать, для меня это было открытие, узнать, что есть отцовский язык и материнский. Я никогда не задумывалась, когда что-то*

писала. Скорее из статьи поняла, что сама пишу чувствами, а значит материнским языком…

Из рассказов финских писательниц ближе всех рассказ Эви Килпи "Ночью", он-то и подтолкнул меня на это откровение Вам.

Я обожаю Вас, люблю, когда Вы рядом, люблю Вашу растерянность, суетливость. Не фыркайте, пожалуйста, в письме-то я могу позволить себе высказать то, что Вы никогда не дадите высказать наяву... Я просто объясняюсь Вам в любви, ну, мне так хочется, надо мне это сделать, потому как я давно уже не объяснялась никому в любви. Вру, прошла всего неделя.

Но дома в Ревде я попадаю будто в другое измерение, в размеренность, семейные и рабочие заботы и моей энергии совсем нет выхода, и разряжаюсь я, только приезжая в Союз писателей. Моя душа ликует от восторга, видя вас всех, поэтому я тысячу раз могу всем вам объясняться в любви, обнимать и целовать. Я не плохая, я просто такая, какая есть, и не обижайтесь Вы на меня по пустякам.

Я счастлива была общаться с Дмитрием Михайловичем Балашовым, с Вами. Вот Вы, Виталий Семёнович, фыркаете на меня и не можете понять моих чувств, моего восторга. "Кусаете", между прочим, очень больно, подкалываете тоже.

И о чем я пишу, честное слово, бред какой-то. Гнетет безденежье. От получки Бори и моей осталось только 30 тысяч, остальное ушло на долги. Хорошо хоть сегодня получила детские, попробуем потянуть. Это мне сынок так удружил. 200 тысяч спустил на игрушки и конфеты. Я Вам уже говорила вскользь. Вот когда мне было не до вздохов и ахов, неделю ходила, словно что потеряла. Тут не в деньгах суть. Хрен с ними, выкрутимся, сердце болит за сына, которому, наверное же, совсем мало уделяю времени. Две тройки за год притащил по русскому и литературе. Говорю: "Сынок, ну ладно русский, но литература – это ведь позор и тебе, и мне". А что Вы думаете, пока с девчонками "Храмы России" готовила, он шесть единиц по литературе принес, потом их все на четверки исправил, в итоге – три. Зачем я это всё Вам рассказала. Это мои личные проблемы, а я их на Вас повесила…

Виталий Семенович, я плохая мать. Мало безумно любить своих детей, надо им уделять уйму времени… Хреновая я мать, коль сын мой утащил столько денег. Молю Бога, чтоб после того скандала, слёз он что-нибудь понял. Зачем всё это пишу… Наверно надо с кем-то поделиться тем, что наболело. Ведь я этого не говорила никому, стыдно, а Вам могу, знаю, поймете, не осудите…

Прочла две книги «Перелома» Николая Скромного. Умница. Это не женское чтиво, написано сильно, душу выворачивает. Мысли созвучны сегодняшним дням. Рада за него, за его талант.

Я ведь, Виталий Семенович, помню, что Вы сказали в машине, мол, надежда у Вас на Скромного и на меня. На Николая – да, это – глыба! Ещё и не то выдаст, а что могу я, баба, против вас мужиков? Разве хватит у меня таланта и работоспособности хоть чуть-чуть приблизиться к Коле? Сомневаюсь, однако. А как мне не подвести Вас, Ваши надежды на меня. Сами не зная, Вы повесили на меня такую ответственность, что и не представляю, смогу ли такое доверие оправдать. Самое главное, я не хочу быть поплавком… Я жутко самолюбива и хочу, чтобы меня уважали за дело, за то, что действительно чего-то стою, а не за то, что, авось из нее чего-нибудь получится. Чувствую, прочтете и скажете: "Опять эта баба всё о себе". А о ком, если всё, что сказано, моё.

Не знаю, что-то на душе не совсем так, что-то гнетёт. Много думаю о Коле Колычеве. Крутит его жизнь, корёжит, честно скажу, ненавидела его после общения в гостинице, когда он в Праздник славянской письменности всех женщин поносил грязными словами, а вот не вижу и жалко. Тысячу раз правы Вы, говоря, что все мы бзикнутые. Кто его знает, может, и у Николая, когда из него дерьмо прёт, – это тоже защита. Выплёскивая на меня столько гадостей, может, он боялся обнажить свою душу, боялся, открыть то, чистое и хрупкое, что есть в нем? Ему легче спрятаться за вино, мне легче быть со всеми вами просто женщиной… Кто что-то из вас читал моё? Кроме Тимофеева - никто. Это не в осуждение, просто у всех свои дела, проблемы. Это я сейчас научилась принимать всё спокойно, когда с Виктором Леонтьевичем два года пообщалась. Это он осторожно, бережно учил меня воспринимать все спокойно. А ведь поначалу и сердилась на него, и плакала, и чего только не было. И мне, как Коле, страшно открывать душу, легче вот так, на бумаге, просто высказать свои мысли и не слышать реплик в ответ.

Вот, оказывается, почему я пишу материнским языком. Разве мужчина накатал бы такое длинное письмо. Конечно, нет. Пару ничего не обязывающих строк, наставлений и… конец. Мужчины любят конкретность…

Привет от меня Татьяне. Она чудесная женщина, и Вы берегите её, никто из Ваших

бухгалтеров-секретарей не проявлял столько заботы к писателям, сколько проявляет она. Не срывайтесь на нее по пустякам, поверьте, таких, как Татьяна, не так уж много. Да и вообще в нашем Союзе люди что надо, с грехами, не без того, но люди с большой буквы. Всем привет. Всех люблю, обнимаю и целую. Ваша Надежда».

Рекомендация в СП от Дмитрия Михайловича Балашова

Начало 1996-го. В. С. Маслов с В. Л. Тимофеевым предложили мне написать заявление в Союз писателей, но тут же предупредили, к собранию, на котором будут рассматривать мое дело, должна предоставить три рекомендации. Одну мог дать кто-нибудь из своих, но две другие должны быть непременно от писателей других Союзов. Я обратилась с просьбой к Дмитрию Михайловичу Балашову и послала ему книгу своих сказок. Маслов, узнав об этом, возмутился: «Когда Дмитрию Михайловичу твоей рекомендацией заниматься?» Посоветовал написать хантыйскому прозаику Айпину, но от Еремея Даниловича весточки не пришло, а вот Дмитрий Михайлович откликнулся. Прочел Виталий Семенович письмо Балашова и, удивляясь, произнес: «Ну и счастливая ты, Надежда, коль рекомендацию в Союз писателей от самого Балашова получила. Помни это и не подведи его». Еще две были от Станислава Панкратова из Петрозаводска и нашего мурманского поэта Виктора Тимофеева.

Работай…

4.06.1996. Маслов! Мой милый Виталий Семенович, как часто я ловлю себя на мысли, что скучаю по тебе. Мне всё любо: и борода, и полнота, и суетливость и горячность, и даже несносность твоя. Только почему же ты держишь меня постоянно в черном теле и всегда на расстоянии, не воспринимаешь, как женщину? И в Союзе наши мужики боятся со мной позаигрывать, говорят, если Маслов об этом узнает, им не жить. Шутят, как всегда. Эх, заслужить любовь его дорогого стоит. Все в нем люблю, люблю его жену Валентину Устиновну, дочь Сашу. Только вот как же он скуп на похвалу мне. Столько сил в музее саамской литературы и письменности у меня в Ревде было на оформление потрачено в новой трехкомнатной квартире, вся семья с утра до ночи работала. Спросила его:

- Ну, как?

Сухо бросил:

- Работай.

Я обиделась, говорю:

-Эх, ты, даже не похвалил…

Он тут же реабилитировался:

- Молодец, молодец…

Что касается работы, он ко мне, как ни к кому, слишком строг.

Зато Викдан Синицын, когда писателей в Мурманск провожала, сказал:

- Надежда, из всего, что я здесь увидел, вывод сделал - ты настоящая дочь Маслова.

Меня это удивило, и я спросила, что он имел в виду? Ответ оказался прост:

- Маслов в Мурманске всё везет на себя, ты - в Ревде.

Я была очень благодарна Викдану за эти слова. Высокая оценка моего труда!

Работа с Масловым над рассказами

В августе 1996-го, работая над редактированием рассказов о Ловозерском детстве, попросила Маслова помочь один-два поправить. В Ревде по большому счету не с кем особо и посоветоваться. Кому ни прочту – нравится, но каким-то десятым чувством понимаю, материал сырой. Снова читаю – все хорошо. Приехала в Мурманск, отдала рассказы Маслову, думала, посмотрит, внесет исправления, а он меня вместе с собой за стол усадил, да один за другим рассказы мои стал вслух прочитывать, погрешности показывать. Никто до этого не занимался со мной так, и я сделала открытие: начинающему литератору можно сотню раз говорить,

исправлять написанное, но видеть свой текст со стороны, не научишься, пока не посидишь над рукописью часок-другой рядом, не ткнешься носом в написанное, не произнесешь фразу вслух… Мне повезло! С Виталием Семеновичем мы вместе отредактировали два-три рассказа, а затем при нем я разобрала еще один уже самостоятельно, и только после этого он меня отправил работать над текстами домой. С моих глаз точно пелена сползла, увидела вдруг, сколько пишу ненужных слов, как запутываю предложения. Маслов, любя, ворчал на меня, покрикивал, а я, глядя на него, сияла от радости и огромной благодарности за подаренные часы работы.

Он говорил:

> *«Ты думаешь, я пишу все так, как задумываю. Ничего подобного. Мои герои начинают действовать самостоятельно порой даже против на то моей воли. И вытворяют такое, о чем я даже предположить не мог. Вот, когда в твоих произведениях герои также начнут самостоятельно жить, а не по указке автора, тогда и литература появится».*

Открытие музея Есенина в Областной детско-юношеской библиотеке

11.10.1996. В Областной детско-юношеской библиотеке Мурманска состоялась передача фондов школьного Есенинского музея из Росляково.

А началось все с далекого 1971 года, когда учитель-словесник Валентина Евгеньевна Кузнецова в школе № 3 поселка Росляково открыла музей Сергея Есенина, зародив у ребят на многие годы интерес к поиску, сбору информаций, поездкам, знакомствам, научным трудам. Как оказалось, Есенин был близок и понятен всем: детям и взрослым, в приблатненном мире и убеленным сединами академикам, чиновным людям и людям творческим. Да и сама Валентина Евгеньевна, словно через призму алмаза, стала лучше понимать, чувствовать в поэзии фальшивость строк, напыщенность образов.

Прошли годы и Валентине Евгеньевне друзья-есенинцы стали присылать книги с разных концов света, а Росляковская школа № 3 стала известна всему миру. Да только в бочку меда всегда попадется ложка дегтя. Не оценила труды Кузнецовой и ее ребят новый директор школы, вынудила Валентину Евгеньевну с большей частью музея из школы уйти. Но, слава Богу, музей Есенина приняла Областная детско-юношеская библиотека.

Что же такое музей Есенина? Собрание книг, рукописей, писем, фотографий, но все это не будет живым, не заговорит, не взволнует душу без вдохновенного слова создателя этого музея, директора, человека всей душой влюбленного в поэзию, человека, всем сердцем преданного своему делу, без Валентины Евгеньевны Кузнецовой, о чем на открытии музея, теперь уже в библиотеке, говорил и Виталий Семенович:

> *«Наши учителя никогда не жили богато, а сейчас их и вообще загоняют в угол, чтобы они вообще прекратили свое существование. Я со всей уверенностью скажу, что не писатели, не художники, не музыканты определяют сегодня духовную и культурную возможность нашего края. А именно - учителя, и Валентина Евгеньевна в первом ряду этих учителей. Ее музей один из первых школьных Есенинских музеев в России. И сегодня библиотека, да и все мы принимаем от этого школьного музея духовные предметы. Предметы глубоко намоленные, бесценные. К ним душой прикасались сотни и сотни наших ребят и учителей. 25 лет душа Валентины Евгеньевны трудилась над этими материалами, молилась о том, чтобы дети, которые проходят через творчество Есенина, унесли бы с собой частицу этой его любви к Отечеству, любви к Родине, к своему народу. И я хочу, чтобы эти материалы здесь в Мурманске, в нашей суете, мы бы не растрясли, не потеряли, а сберегли как свое бесценное духовное наследство».*

18-летие писательской организации

30.11.1996. В Союзе писателей была уже в 12 часов. Брали интервью на TV, встречала гостей, перемывала посуду, накрывала на стол. Впервые в писательской появилась Елена Кожеватова, и Маслов попросил меня не оставлять ее без внимания. Все посмотрели сделанную

мною к нашему совершеннолетию газету. А еще я к вечеру написала попурри «На Союз, его членов и членш», куплеты на известные песни, которые Виктор Леонтьевич Тимофеев вчера весь вечер со мной редактировал. Появились настоящие перлы-попадания. Пропели мы их с Мариной Чистоноговой. Мне, например, особо понравились на Сашу Миланова:

Кипарис морей Миланов
Из тумана возникает
И несет себя Союзу,
Словно дорогую вещь…
Хорошо тому, кто знает,
Каков он на самом деле,
Каков он на самом деле
Бородеющий портрет…

Перл на Колычева:

Отчего у нас в Союзе
Вдруг большой переполох?
Маслов в няньки снарядился,
Тимофеев занемог.
На побывку в Мурманск
Колычев грядет (из Лувеньги)
Бутылку обнимает,
То ль целует, то ли пьет…

На Викдана Синицына:

Синицей был и разлетался
Баклан иркутский и морской,
И вот Союз, Союз ему поддался
Здесь любят вскормленных треской.

На меня тоже песня сложилась:

Для тебя, мой Союз, для тебя
Самой, самой мне хочется быть,
Сотню тостов сложить
И посуду помыть,
И частушками уши долбить…
И музей, и рассказ, и статья
Мною созданы, сердцем любя,
И роман написать,
И всех членов обнять
Для тебя, мой Союз, для тебя!

И в другом куплете я вспомнила Тимофеева и Маслова:

Впредгальюннике не раз мы собиралися
С Тимофеевым поговорить,
Даже Маслов к нам перебирается
Очень нужно к этой точке ближе быть…

Предгальюнник – это особая песня! Здесь проведено столько вечеров за разбором моих сказок с Тимофеевым, за рюмкой чая и душевными разговорами с Масловым, за творческими

спорами с Милановым Сашей и так далее и тому подобное. Самое уютное, теплое и хлебное место в нашем Союзе для всей творческой братии.

Но что-то я начала сразу с развлекательных моментов, а ведь был еще очень обстоятельный и довольно интересный доклад Виталия Семеновича о нашей деятельности. Я сидела в секретарях и строчила за каждым выступающим, даже некогда было шведских гостей Герду Хелену Линдскуг и Валерия Лемисова разглядеть, которые приехали с предложением издать антологию.

Лена Кожеватова, когда уже сидели за столом, вдруг высказала обиду, что, мол, вот вы не принимали меня в Союз, а в Москве приняли, и даже умудрилась сцепиться по этому поводу с Колычевым, выясняя, кто из них талантливее. Как я посмотрю на этих поэтов – все такие амбициозные, один перед одним: я ли нет. То ли дело прозаики – и надежные, и трезвые. Когда некоторые ушли, пожаловал новый гость – ненецкий поэт Прокопий Явтысый, мужичок с ноготок, а всех сумел достать одним единственным вопросом, почему не издаете саамского поэта Аскольда Бажанова? Николай Скромный от его доставания аж взвыл. Маслов переключил внимание Явтысыя на меня, мол, пусть о Бажанове доложит Большакова. Она музеем саамской литературы занимается, ей и карты в руки. А я прямо и сказала, что Аскольд сам виноват, ни одной строчки новой никому не дал, как издавать его? А может, за него написать? Тут Явтысый задумался и удручающе произнес: «Ну, если не пишет, не дает вам ничего для печати, то чего же жалуется тогда?» Маслов был рад, что занудная тема обсуждения была снята. Стали песни петь. Разошлись только часам к трем ночи.

В гостинице мне во сне приснился Союз писателей и Маслов. Будто сижу я там, заходит Виталий Семенович и впервые ласково так говорит: «Наденька, как я по тебе соскучился»… Наверно много думаю о нем, вот и снится.

«Устоит и Россия»

(из беседы журналиста газеты «Вечерний Мурманск» от 1 .02.1997. с В.С.Масловым)

*«***На костре греха.**

- Виталий Семенович, о чем был Ваш первый опубликованный рассказ?

- Мой первый рассказ, напечатанный в Москве в журнале "Смена", был о Павле Слепом, ижемце, и его племяннице Фее, которые и ныне в архангельской Неси живут и, слава Богу, еще здравствуют.

- А когда Вы издали свою первую книгу?

- Пишу близко к жизни, поэтому печатали меня трудно. Между первым рассказом и первой книгой пролегло немало лет. В Мурманском книжном издательстве наново ни строчки моей не было напечатано - только после того, как в Москве книга выходила.

- Сколько книг издали?

- Десятка полтора.

- Главные из них для Вас?

- "Крутая дресва". "Круговая порука", "Внутренний рынок", "Из рук в руки", "Проклятой памяти"...

- Русский писатель с солидным стажем, довольно известный и издаваемый, как Вы сейчас живете?

- Издававшийся... Как все русские писатели...

- Дача у Вас есть?

- Нет и не было. Есть дом в Сёмже. Но, увы, миллион за дорогу в одну сторону.

- Личная машина, квартира на юге?

- Нет. Хотя кажется, можно было. Все-таки тридцать лет ходил в море, из них 20 - на первом ледоколе.

- Это уже серьезные возможности.

- Возможности, может, и другие, но жизнь - все та же, моя. И семья – до семи человек, а главный расход - книги. Такие, главным образом, исторические, каких в библиотеках не было. Ни капельки о тех расходах не жалею. Без этих книг я бы просто был другой, был бы как те, которых при любой власти печатают.

- Где публикуетесь сейчас?

- "Проклятой памяти" задробили в Мурманском издательстве уже во времена так

называемой перестройки. Еще по политическим мотивам. И тут же без всякого зазора нас сразу зажали экономическими методами. Повесть "На костре моего греха" была опубликована в журнале "Север", а отдельной книгой так и не вышла.

- Многие Вас помнят молодым и безбородым. А теперь, наверное, и не узнают при встречах на улице?

- Бороду я отпустил, когда тяжело и долго болел. И потом традиция у нас такая, поморская. У меня и отец был с белой, бело-огненной бородой.

О клиньях.

- Вы - ответственный секретарь Мурманской организации Союза писателей России и председатель областного отделения Фонда культуры. Как у Вас складываются отношения с писателями и писательскими организациями стран Северной Европы?

- Обрадованные тем, что пограничные барьеры ослабли, мы с большими надеждами и планами довольно результативно стали налаживать связи с писателями Финляндии, Норвегии, Швеции. Очень помогает нам в этом наш коллега Свен Петрович Локко. Он контактен, активен в жизни и творчестве и неплохо знает скандинавские языки и обычаи. У нас стали складываться неполитические связи творческих людей. Но положение заметно изменилось с образованием Баренцрегиона.

- Что же произошло?

- Стало очевидно, что те планы и проекты, к которым нам предлагают присоединиться, являются лишь разными формами проведения в жизнь единой политики Баренцрегиона. Я считаю, что эта политика не всегда идет на пользу России.

- В чем же это проявляется?

- Окончательно это обнаружилось летом 1995 года, когда в Ловозере началось исполнение так называемого "Гимна саамского народа", завезенного к нам в рамках программ Баренцрегиона. В этом гимне есть, между прочим, такие слова: "Мы должны бороться, братья, с угнетателями…" "саамам – саамскую страну…"

Вбиванием клиньев между северными народами, живущими на Кольском полуострове, служат и программы так называемой целевой помощи, когда определяется столько-то долларов – саамам, столько-то – ненцам, столько-то – ижемцам. Да чтоб не перепутать! И уже проводится конференция по вопросам семьи (у нас проводится!), на которой начинают высчитывать процент саамской и прочей крови у тех, кто числится саамом...

- Это что-то новое.

- Забирают за границу наших детей - переучивать! Не проходит и года, как из-за границы от этих несовершеннолетних ребят, от их имени приходит требование: "Российских саамов перевести на латиницу!" И тут же, не спросив российских саамов, ловозерская школа – не частная какая-нибудь, а государственная - переводит обучение ребятишек на латиницу. Возникает еще одна межа в отношениях между нашими народами.

Хлеб и книги.

- Нынче на гонорары от художественной литературы прожить невозможно. На какие же средства Вы живете?

- Я - пенсионер. Есть приработок. У жены также пенсия. У дочки - стипендия. Живем. Хуже положение у тех членов, а в нашей писательской организации их четверо, которые не имеют ни работы, ни пенсии.

- Может быть, не надо писать те книги, которые сегодня не покупают?

- Писатель, по крайней мере, русский, только до тех пор писатель, пока он пишет то, что считает для себя и для общества нужным. Чуть перефразировав Михаила Шолохова, можно сказать, что мы можем писать только по велению сердца, а сердца наши принадлежат Отечеству. Но у тех, кому книги наши необходимы, сегодня часто и на хлеб-то денег нет».

Дни Белоруссии на Мурманской земле

15.02.1997. С 11 по 14 февраля была в Мурманске на Днях Белорусской культуры, познакомилась с писателями Владимиром Липским и Иваном Корендо, композитором Игорем Лученком. Автобус из Ревды пришел позднее обычного, и я со всех ног неслась к памятнику

Кириллу и Мефодию. Издалека вижу, что все наши писатели уже там, фотографироваться собираются. Через дорогу кричу: «Эй, минуту, меня-то забыли…» Можно сказать, ворвалась в их ряды в последнюю минуту. Тимофеев сунул мне корзину с цветами, которую после снимка мы и возложили к ногам великих Первоучителей.

Сели в автобус, и я обратилась к Маслову: «А теперь, Виталий Семенович, знакомьте меня с новыми мужчинами». Все засмеялись, а Маслов поясняет гостям:

- У нас для Большаковой, какой ты из себя писатель есть не главное, главное - был бы мужчиной нормальным.

И пошло-поехало, со всех сторон стали подкалывать, посмеиваться. Мои неожиданные слова, как затем выяснилось, были тем самым необходимым штрихом, чтобы общение от официального перешло в статус душевного. Маслов, смеясь, ответил мне, что они сами еще не знакомились, а я уже требую знакомить меня. И тут я сказала, что тогда сама всех буду друг с другом знакомить, видела, как Виталий Семенович рад был такому повороту дела.

Позже Владимир Липский признался, что до моего появления их встреча носила слишком скучный и официальный характер, но стоило мне ворваться в их ряды, как все приобрело и смысл, и жизнь, и душу.

После концерта в «Кировке». Маслов торжественно вручил мне пригласительный билет на фуршет по случаю приема гостей у губернатора и напутствовал:

- Вместе на фуршет пойдем, очень-то далеко от меня не убегай, с тобой белорусские писатели еще пообщаться хотят.

- Ты, Виталий Семенович, прямо как отец родной, наставления даешь. Не переживай, хвостиком привяжусь к тебе и ни на шаг.

- Поражаюсь тебе, Большакова, как порой ты легко можешь разрушить все официальные протоколы.

- Тебя послушать, так это плохо.

- Бывает, у кого-то и плохо, а у тебя естественно, вот поэтому из всех писателей ты и идешь со мной на губернаторский фуршет, а затем ко мне пойдем, посидим. Кроме белорусских писателей, я пригласил еще и Игоря Лученка. Так что рядом будь.

Фуршет совсем не понравился, не для русских людей он. Народу сотня, и все с тарелками и фужерами тыкаются от одного стола к другому, выглядывая, что бы еще непопробованного ухватить. И что за мода в Россию на фуршеты пришла. Слава Богу, Маслов, не дожидаясь его окончания, нас всех собрал и к себе в гости повел. Там за радушным столом мы с удовольствием ели жареную оленину с морошкой, пели песни под сопровождение знаменитого композитора Игоря Лученка. Маслов позвонил Колычеву, чтоб тот пришел, и затем мы наблюдали уже игру в четыре руки. После Маслова еще с белорусскими писателями в гостинице общалась. Каждый из нас читал что-то свое. Очень Владимир Липский понравился, а Корендо зажатый, точно в тисках… Чувствуется, с оглядкой живет…

Письмо Маслову в больницу

«14.04.1997. *Дорогой Виталий Семёнович! Очень переживаю за Вас и молю Бога, чтобы всё у Вас благополучно закончилось и чтобы Вы выздоровели.*

Как давно я стала понимать, что Вы тащите на себе в Союзе писателей всё, и это ещё раз теперь подтвердила Ваша операция. Вы - в больнице, и заниматься писательскими делами практически некому. На вечер лауреатов премии имени Баева-Подстаницкого в Областную детско-юношескую библиотеку пришли поэты Саша Миланов, Димы Ермолаев и Коржов, Максим Салтыков и Ромка Игнатов. Валентин Григорьевич Кальте, председатель комитета по делам молодежи, от Администрации губернатора вручил нам медали, но не было Вас, и вечер лишён был души и только Вам присущей теплоты. Необходимо на собрании как-нибудь серьёзно поговорить об участии каждого в нашем общем деле. Где Козлов, где Скромный? Почему эксплуатируется везде и всюду Викдан, а сливки снимают другие?

Честно говорю, я расстроена. Очень переживаю, что не удалось мне увидеть Вас. Я так надолго никогда не уезжала из дома, и уже сейчас начинаю тосковать. Я очень люблю Вас, Виталий Семенович. Даже не знаю, как больше: как женщина или как "член" писателей. Люблю и скучаю. Вы зря думаете, что тот, кто говорит о любви, на деле не испытывает этих чувств.

Так вот знайте, я умею и говорить, и любить…

Только поправляйтесь, ладно? Не пугайте меня так больше.

Что и как будет в Москве на стажировке, сообщу по приезде в столицу. Не забудьте прочесть конкурсные сочинения моих девчонок - Наташино, Кати Журавлёвой и, Надюхи Кузьминой, если она успеет передать. Как смогла, помогла им. С работой в газете «Мурманский вестник» времени совсем нет, да и Кондратьев Вячеслав, редактор ее, постоянно недоволен мной. В последний мой приезд в Мурманск опять высказал мне своё "фи". Сказал, что скорей всего после моего отпуска нам придется расстаться с ним, то есть ему уже хватило моей самодеятельности. Мне так жаль его. Он переживает, что из-за этого я с ним перестану разговаривать, обижусь. Опять человек совсем не знает меня. Глупый, я ему так благодарна за этот год, за поддержку.

Виталий Семёнович, родной мой, Вы как-то сказали, чтобы я не писала много, мол, читать не будете. Это когда Вы по горло заняты, а сейчас, на больничной койке, да ещё при таком долгом моём отсутствии, прочтёте.

И помните: по большому счёту Вы и есть писательская организация! Пока не подготовлена замена - крепитесь.

Боже, даже не могу представить, что я Вас хоть в месяц раз не увижу за эти долгие три месяца моей стажировки в Центре коренных народов. Вспоминайте меня хоть иногда, мне будет приятно.

Передавайте от меня всем привет, особенно Викдану Синицыну. На таких, как он, мир держится. Вы с ним надёжные, настоящие, да ещё Тимофеев, особенно если он найдет утерянное им моё писательское удостоверение. Целую Вас и остаюсь преданной – Надежда».

И бутерброд, пожалуйста

Июнь 1997 года. Нахожусь на трехмесячной стажировке в Центре Международного фонда коренных народов «Lauravetlan» в Москве. Поехала туда еще и по причине, что за стажировку будут платить стипендию, хоть, может, что-то куплю детям, а то в безденежье нашем они обносились все. Однажды стипендию в Центре задержали на две недели, и мы с селькупкой Ириной Шафранник сидели без копейки. В это время угораздило позвонить в Москву из Мурманска Виталия Семеновича и попросить меня вместо него принять участие в Пленуме Союза писателей России. Разве я могла отказать любимому Маслову. Надо так надо, какие могут быть обсуждения. Утром встала, хотела чаю попить, но не с чем, подумала, а чего беспокоиться, в Союзе писателей уж если не накормят, то чаем-то точно напоят. Судила по тому, как к гостям Маслов относится. Даже кто не из писателей зайдет, всегда будет предложен чай и сухари, которые он приносил в писательскую с ледокола. Помню некоторые в средине 90-х просто для того и заглядывали в Союз, чтобы чайку попить, у некоторых в те годы дома и сухарей не было. Маслов это понимал и никогда никому не отказывал…

Пришла на Пленум, чай не предлагают. Решила - правильно, дело - прежде всего, так Маслов учит. Чай и в перерыве попью, откуда ж устроителям Пленума знать, что какая-то там Большакова пожалует в Союз, предварительно не позавтракав. Сижу три часа, слушаю, боюсь с места тронуться, Маслова подвести. А желудок не бакалейная лавка, когда пуст, заявлять о себе стал – бурчит что есть мочи. Стыдно – вокруг маститые писатели, а у меня в животе голодная революция! Наконец, долгожданный перерыв. Двери распахнули, и писатели, точно волны моря, поспешая друг за другом, стали вытекать из зала заседаний, я - за всеми. Думаю, спешат писатели России за фуршетными столами места занять. Но… каково же было мое разочарование, когда увидела не столы, а платный буфет, к которому мне с пустым кошельком ходу нет. Смотрю - Валерий Ганичев, председатель Союза писателей, подхватил под белые ручки Валентина Распутина, Василия Белова и мимо буфета к себе в кабинет. Эх, думаю, этим повезло, они народом признанные, им и пайка на Пленуме бесплатная. Чтобы время убить, стала по коридору курсировать, но какая-то неведомая сила, помимо воли, вновь привела меня в фойе с буфетом. Чтобы ни у кого не вызывать подозрения, я глаза свои голодные в корешках переплетов писательских книг прятать стала, а они, бесстыжие, каждую тарелку с бутербродами в руках счастливых обладателей так и сопровождали.

Ну, думаю, Маслов, и подфартил ты мне. Через некоторое время, словно в сказке, вырастает передо мной добрый рыцарь, только что без лат, и произносит волшебные слова: «Девушка, вам

кофе купить?». За спиной у меня тут же аплодисментами захлопали выпорхнувшие крылья, а в голове пронеслась благодарность Маслову. Видимо, он-то и направил ко мне этого щедрого молодца. Или я так оголодала, что на девушку стала походить. Чтобы не спугнуть удачу, одаривая своего спасителя самой благодарной улыбкой, затаив дыхание, произношу: «Да, и бутерброд, пожалуйста!». Он тоже одаривает меня улыбкой и без дальнейших расспросов встает в свою уже подходившую к буфетчице очередь. Я от радости быть накормленной припорхала к столику, место заняла. Когда кофе с бутербродом оказались на столе, стали знакомиться:

- Я из Московского Союза писателей, - сказал жертвователь бутербродов «голодающей с Мурмана», - Николай Иванов.

- А я из Мурманского - Надежда Большакова.

Смотрю, у него глаза округлились, и он осторожно шепчет: «Надежда, ты уже не наш бутерброд ешь». Боже правый, как это я не заметила, что свой в один момент заглотила и уже за чужой принялась! Тот писатель, чей бутерброд я успела уже надкусить, милостиво успокоил: «Ничего, девушка, не стесняйтесь, кушайте, кушайте». Ах, как мило, и без лишних уговоров, без угрызения совести, оставив ее для другого более подходящего раза, в благодарность к отцу родному Маслову, уже не торопясь, с наслаждением я принялась за чужой бутерброд.

В разговоре узнала, что Николай Иванов, не просто писатель, он еще и полковник налоговой полиции, отсидевший в чеченской яме в плену сто тринадцать суток, куда ездил на какое-то расследование. И к расстрелу был приговорен, да друзья подоспели, выкупили. Вот за мужество своё через некоторое время отправлялся получать медаль Жукова. Горячо поблагодарив за кофе и бутерброд своего благодетеля, я, однако, добавила: «А Союз ваш в Москве гостеприимством не славится, ему бы у нашего Мурманского поучиться, если бы не Вы, я после заседания точно в голодный обморок хлопнулась бы». Николай, оправдываясь за свой Союз, пояснил: мол, кого только сюда не заносит, всех не накормишь. Его и самого это раньше коробило, ведь он в Москву тоже из провинции приехал, а теперь привык. Позже книгу подарил - «Расстрелянный в ноябре» называется.

«Мы все в нашей семье — православные...»

(Из очерка В.С.Маслова «На костре моего греха»)

«И среди наших саамов, из веков православных, как везде сейчас у нас:

- Вот т а м - да-а!..

И такие уже есть, что готовы из собственной кожи вылезть:

- Я съездила, я в кирку ходила!

А вот Яакко Гаврилофф - с той стороны саам, на три дня в Мурманск приехавший, с затаенной светлой гордостью говорит:

- Я - православный. Мы все в нашей семье - православные...

Я наших людей, хороших и добрых людей, наших лопарей-саамов, среди которых и друзья мои, могу ли судить, а тем более - осуждать? В сие расхристанное время душа каждого не до конца угробленного человека, обманутая и растерянная, ищет, куда бы скрыться с этих вонючих сквозняков, куда б прислониться доверчиво... А во всем громадном Ловозерском районе, практически на всем Кольском полуострове - ни одного действующего храма. Нет и не предвидится. А с той стороны - едут - с душевными духовными песнопениями под гитару, да еще и на языке непонятном...

Но было время - в одном храме одному Богу вместе молились сперва саамы и русские - в течение четырех предреволюционных веков, потом саамы, русские и ижемцы-коми - в течение последних предреволюционных десятилетий. И попробуй бы тогда сунуться, чтоб разделить их да перессорить!

А сегодня суются, сегодня пробуют. И отнюдь не те, не из-за рубежа».

Поклонный крест Феодориту

1.09.1997. Поэту Викдану Синицыну запомнилась поездка в Колу с Виталием Масловым, который занимался там организацией изготовления памятного поклонного креста Феодориту

Кольскому, крестителю и просветителю лопарей, и поморского креста нашему земляку, поэту Владимиру Смирнову. Они зашли на предприятие, где лежали брусья для обработки. Их приняла директриса и сразу спросила: «А кто такой Феодорит Кольский?». Виталий Семенович начал с увлечением рассказывать историю Феодорита Кольского. Когда говорить окончил, директриса сказала: «Живем на древней Кольской земле и так мало знаем об истории нашего края. Может, наши дети будут знать больше. А все, что зависит от нас, постараемся сделать». Когда они спустились в цех, один из рабочих, узнав, кому изготовляются кресты, произнес: «Благое дело!»

29 августа 1997 года в Коле к 425-летию со дня кончины Феодорита этот поклонный крест и был установлен. Воздвигнутый опять же заботой Виталия Семеновича. На это событие Маслов пригласил и меня с Александрой Андреевной Антоновой - создательницей саамского букваря. С тех пор каждый год в конце августа в Коле собираются писатели, жители города, приезжают гости. В 1999-м мурманские писатели торжественно поздравили в Коле у поклонного креста с 65-летием саамского поэта Аскольда Бажанова. А Александра Антонова прочла на саамском языке свой перевод главной молитвы православных людей - «Символ веры». Маслов пишет, о поклонном кресте:

«призван воспитывать ответственность и причастность ко всему, что совершается в Отечестве… здесь, на месте Феодоритовского монастыря, у креста, изукрашенного русскими и саамскими письменами».

Слово о Маслове игумена Митрофана (Бабанина)

«Для меня память о Виталии Семёновиче Маслове неотделима от памяти о преподобном Феодорите, от всего, что связано с открытием в конце XX века имени этого выдающегося Кольского просветителя. Виталий Семёнович удивительно ясно сумел почувствовать огромную потребность в этом великом святом для набирающей силу Мурманской епархии, и всей силой своего исконно народного духа и недюжинного писательского таланта возвратил нам из небытия эту драгоценную святыню, пребывавшую под спудом более четырёхсот лет.

Имя Маслова для меня неразрывно связано и с другим замечательным "старцем" нашего края, "патриархом" истории Кольского Севера Иваном Фёдоровичем Ушаковым. Для меня памятны те их жаркие дискуссии о масштабах филологической деятельности Феодорита, о возможности создания им лопарской азбуки. Эти споры были свидетельством глубокой заинтересованности этих выдающихся деятелей и патриотов нашего края в неформальном исследовании исторической роли Феодорита, в полноценном раскрытии равноапостольной миссии этого великого святого, просветившего евангельским светом мрачные земли древней Похьелы.

Мне кажется, что вышедшая в свет в 2002 году моя первая книга, посвящённая преподобному Феодориту "Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей", сумела примерить их обоих – соединить этих искренних радетелей памяти нашего святого просветителя. Книга эта вышла вскоре после кончины Маслова и имела посвящение: "Светлой памяти Виталия Семёновича Маслова посвящает автор эту книгу". Так получилось, что и Иван Фёдорович, удостоив книгу положительной оценки в написанном им предисловии, скончался вскоре после выхода её в свет.

Преподобный Феодорит очевидным образом соединил вместе эти дорогие имена в моей книге на излёте их достойных жизней. Надо понимать, что возможность писать о таких великих подвижниках, каким был Феодорит Кольский, выпадает далеко не каждому. Это очевидное избранничество Божие, возможное лишь по молитвам самого святого. И если этого благоволения нет, то ничего путного не получится. Не следует и касаться подобных тем, пытаясь "мирским духом" проникнуть в тайну жизни святого, или атеистическим научным аппаратом изучать историю православной державы.

Феодорит очевидным образом отблагодарил своих исследователей, испросив у Господа благодатных перемен в их душах прежде кончин. Я ещё помнил статьи Маслова первых лет перестройки, в которых царил дух бескомпромиссной борьбы, хлёстких эпитетов и безжалостных обличений…

И вот теперь было необычайно радостно наблюдать уверовавшего Виталия Семёновича на церковных службах, убеждаясь, сколь иным стал его духовный настрой, как изменился его образ

внутренней жизни, видеть мерность его движений и мирность речи.

Та же самая благодатная перемена коснулась и сердца Ивана Фёдоровича. Последние годы я видел его напряжённо работающим в архивах – он торопился. Иван Фёдорович спешил, как истинный учёный-историк рассказать, наконец, читателю правду о церковной истории Кольского края, которая долгие годы богоборческой власти либо замалчивалась, либо искажалась. Но, увы, задуманная им на излёте жизни книга "Православие на Кольском Севере в досоветское время", так и не увидела свет…

Смысл жизни человека в этом мире очевиден – постараться успеть выполнить главное: послужить делу Божьему на земле, прославить своими делами Имя Творца. Пусть даже и будучи "работниками", пришедшими к Господу на закате жизни, "около одиннадцатого часа" трудиться в Его "виноградник" (Мф. 20,6).

Этим двум живым душам, через заступничество Феодорита, удалось это главное делание жизни, и наши молитвы о них неотступно в наших сердцах».

Газетчика из меня не получается

Начало сентября 1997 года. В который уж раз позвонил из «Мурманского вестника» главный редактор Вячеслав Кондратьев и сказал, что мои статьи бездарны, что надо решать: или учиться писать, строго отвечая на вопросы: «Что? Где? Когда?», или из газеты уходить. Хожу словно собака побитая, потому как целую неделю ни на чем не могу сосредоточиться. В Ревде нет бензина, чтобы просто до Ловозера доехать. Комбинат стоит. Где собирать новости, если поселок замер и никаких шевелений в нем? Боре сказала, что собираюсь из газеты уйти, он рассердился, мол, тебе нигде не работается. И упрекать его не могу, что от него денег нет. Он не виноват, что комбинат стоит, а моя работа в газете приносит хоть какой-то доход. Только не понимает, каково выслушивать постоянные обвинения Кондратьева. Может, я настолько самоуверенна, но мои статьи не кажутся мне такими уж бездарными. Господи, помоги выйти из депрессии, подскажи новые газетные сюжеты.

Позвонила в Мурманск Маслову, сказала о наболевшем:

- Что посоветуещь, Виталий Семенович?

- Продолжать работать в газете, пока не выбьем ставки на музей. А я в комитете культуры попробую еще раз о музее поговорить, пора его, наконец, к библиотеке прикреплять. И не кисни, спасает только работа…

Вот и поговорили. Вечером из саамского комитета позвонил Николай Борисович Богданов. Не удержалась, рассказала ему о своих сомнениях и разносе Кондратьева. Думала, посочувствует, а тот туда же. Спрашивает:

- Тебя печатают?

Говорю:

- Печатают.

- Деньги получаешь?

Отвечаю:

- Получаю.

И понес:

- Так какого рожна в это трудное время тебе еще надо? А то, что Кондратьев ругает, так ему по штату положено… Работай, работай и работай, а мысль об уходе выкинь из головы.

И все же не лежит мое сердце к газете, ну, неинтересно мне жареные факты собирать и заниматься статейками, душа жаждет других тем. Вот и раздваиваюсь. Уйти из газеты - значит обречь семью на голод, продолжать насиловать себя, работая в ней, – испытывать постоянные, душевные терзания. Господи, помоги, Матерь Божья, верни уверенность в себе.

Рады, поддерживаем…

В конце сентября 1997 года, когда на дворе стояла золотая осень и я готовилась к Славянскому ходу «Мурман – Черногория», меня вдруг вызвали в администрацию села Ловозеро. Приезжаю. Николай Иванович Грошев, помощник бывшего депутата областной Думы Виктора Степановича Воронина, говорит:

- Есть разговор. Да не знаю, с чего начать...

Я не любитель длинных вступлений, предлагаю:

- Начните с самого главного!

- Что ж, хорошо, - соглашается он. - Думаю, вы, Надежда Павловна, знаете, что скоро предстоят выборы в областную Думу?

- Конечно. Помощь нужна? Статью о ком написать? – спрашиваю, заранее ему в этом готовая помогать.

- Да нет. Тут дело такое... Вопрос стоит о вашей кандидатуре.

Чего-чего, а этого я не ожидала, потому весело рассмеялась.

- Куда, в депутаты? – и сказала, как отрезала - Дума и я несовместимы!

Затем более примирительно:

- Николай Иванович, милый, какой из меня депутат? Я жизнь люблю, людей... Люблю танцевать, творить, свадьбы проводить! Да и ругнуться в сердцах иногда могу... Нет, определенно нет, Дума не для меня, а я не для Думы. У меня времени книги писать нет, а вы говорите - Дума. Нет, нет и нет!

- Надежда Павловна, голубушка, но мы именно на вашей кандидатуре остановились. А то, что вы любите, делу не помешает. Думе давно нужны живые, честные и небезразличные люди. Ваши статьи читают и в Ловозерском, и в Терском районах, и в Оленегорске. Можете поверить, это не только мое мнение - многих. Мы уверены: люди за вас будут голосовать.

Моим последним аргументом стал Маслов.

- Позвоните в Союз писателей. Вам Виталий Семенович по моей кандидатуре все популярно объяснит.

И уже дома меня застиг звонок Грошева.

- Маслов в восторге. Сказал, что они Вашу кандидатуру и от славянского движения выдвигают.

Ночью - другой звонок, из Мурманска, от Маслова.

- Рады, поддерживаем!

- Виталий Семенович, милый, у меня семья! Не смогу... - ошарашенная таким заявлением Маслова, отказываюсь я.

- Ты сможешь все! – безапелляционно и четко произнес Маслов. - Тебе люди поверили, ценить должна. Права не имеешь их доверие подвести.

- А как же Славянский ход?

- Сказали, пусть едет, мы все подготовим и без неё.

Славянский ход
из киноленты моей памяти

И обручу тебя Мне навек, и обручу
тебя Мне в правде и суде, в благости
и милосердии. И обручу тебя Мне
в верности, и ты познаешь Господа.

Из Книги Пророка Осии (2)

В книге о Маслове я предлагаю только небольшую часть моих воспоминаний о Славянском ходе «Мурман-Черногория», весь очерк (более ста страниц) помещен в первой книге «Время встреч» моего двухтомника «Летопись души».

Декабрь 1997-й. В сентябре этого года Виталий Семенович заговорил со мной о Славянском ходе, предложил поучаствовать в нем, благо загранпаспорт имелся, и с этим проблем не возникло. Я набрала с собой кассет, два диктофона, фотопленки с фотоаппаратом и была готова тут же отправиться в путь.

Сижу с Викданом Синицыным. Его Виталий Семенович Маслов, который занимал кресло впереди нас, назначил начпродом. В конце концов, это начпродство Викдану, когда мы еще не проехали и половины пути, встало в горле, как кость.

5 октября прибыли в Новгород! Город моей юности.

Побывав у Софии, я зову всех зайти в ресторан «Детинец», чтобы попробовать настоящей медовухи, которую новгородцы готовят по старинным рецептам. Маслов, услышав это предложение, ругается, но те, кто идею мою поддерживают, сбегают от него и доцента пединститута Надежды Георгиевны Благовой со мной. Откуда Виталию Семеновичу понять, что меня туда тянуло не забавы ради, а ради встречи с юностью.

Утром на приёме губернатора Новгородской области Виталий Семёнович впервые зачитал послание главы Администрации Мурманской области Юрия Евдокимова, датированное 4 октября 1997 годом, начинающееся словами:

> *«От Ледовитого океана до Адриатики пролегает путь Славянского хода, взявшего исток в Мурманске. Обращаемся к населению, к административным центрам, к духовным и государственным лидерам, к экономическим деятелям со словами привета, с пожеланиями обрести благоденствие на землях России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории, везде, где отзовётся дух Славянского хода. Да грядёт для всех нас время благополучия и добра!*
>
> *Отправляя с нашего берега Северного Ледовитого океана экспедицию Славянского хода, мы надеемся, что её маршрут по славянским землям проляжет дополнительным объединяющим руслом в сегодняшних многотрудных делах славянского мира…»*

Единственно обидно: в Новгороде Виталий Семенович не дал и минуты свободного времени, а мне так хотелось зайти в родное культпросветучилище, к Ольге Михайловой, сестре мужа, тем более, что и Боря мой был в это время у нее. Дома уже признался, что, когда увидел нас у Ольги по телевизору, обзвонил все гостиницы, чтобы найти, но тщетно. Откуда ему было знать, что мы ночевали на корабле.

Семен Иванович Шуртаков подъехал к нам в Новгород из Москвы. Хороший, добродушный, большой умница, настоящая ходячая энциклопедия, недаром академик! Маслов говорил, что он еще и прекрасный писатель, преподаватель Литинститута, но я на тот период ничего из художественной прозы его не читала, кроме книги «Вначале было слово», описывающей Праздники славянской письменности, потому просто поверила Маслову.

Огромная аудитория собралась послушать нас на истфаке Белорусского государственного университета. Очень смело прошелся в своем выступлении по нашему правительству Дмитрий Михайлович Балашов, а чтобы разрядить обстановку, Виталий Семенович попросил:

- Давай-ка, Надежда, выручай своими «Горбушками», иначе сейчас нас провокационными вопросами забросают и на этом Ход закончится. И я, понимая, что необходимо разрядить обстановку, постаралась свой рассказ «Хлебные горбушки» не просто прочесть, а в ролях обыграть, чем и вызвала одобрительный смех у публики.

В Доме дружбы я первый раз сильно рассердилась на Виталия Семеновича за Викдана. Он поэт, а ему навесили начпродство и нигде не дают выступать. Написала записку с требованием дать слово Синицыну, и когда Викдан прочел несколько своих стихотворений, которые всем очень понравились, я искренне радовалась за друга.

В Киеве к нам подсели новые ходоки - Калина Канева, журналистка из Болгарии, и Александр Иванович Стовпец, зампредседателя Совета двенадцати приграничных областей из Белгорода, прозванный Татьяной Рыжовой, учителем школы № 48 г. Мурманска Бубенчиком. Стовпец оказался таким тихим и незаметным, что мы умудрились его в одно предрассветное утро уже на обратной дороге, когда ехали из Болгарии, потерять. А вышло все до смешного просто. После одной из остановок уехали без него. Опомнились, только через полтора часа. Остановили автобус, стали решать, что делать дальше, нервы у всех напряжены, и потому впервые за Ход Виталий Семенович вдруг схлестнулся с Виктором Леонтьевичем Тимофеевым, выясняя кому оставаться, а кому ехать, причем перепалка получилась в крепких выражениях и на высоких тонах, так что все примолкли, боясь нечаянно подлить масла в огонь. И все же надо было решать, пришлось встрять мне: «Виталий Семенович, я поеду вместе с тобой на поиски Стовпца», и он смяк. Но на том месте, где мы останавливались, Александра Ивановича не оказалось, а увидели его уже на границе, кто-то довез.

Позже, когда я уже ехала руководителем третьего Славянского хода, поняла, сколько

нервов стоили эти несколько часов Виталию Семеновичу – человек пропал, да ещё не у себя на родине, а в чужой стране, каково?! А ведь он нес за каждого из нас ответственность…

По дороге из Киева увидели, как несколько сельчан яблоками торгуют. Решили на всех пару ведер купить. Виталий Семенович одно ведро у мужчины сразу взял, пошел выбирать еще, тут его тетенька в преклонных летах остановила, спрашивает, - что это мы за туристы такие и куда путь держим? Другой бы в двух словах сказал и отошел, а Маслов серьезно и обстоятельно стал объяснять, кто такие и куда едем, говорил так, точно на приеме у губернатора выступал, поднимая вопросы славянства и единения.

11 октября к границе Приднестровья подъезжали ночью. Нас здесь ждали более двенадцати часов кряду. Встретили в национальных костюмах с хлебом-солью, цветами.

Игорь Григорьевич Васильев, председатель Фонда культуры Молдовы ворвался в полусонный автобус под шафе, крикливый и смешно хвастливый. Мы, ошарашенные, неожиданно свалившимся на наши головы ушатом разных Васильевских побасенок, разглядывали его, как какое-то инородное нам всем существо.

«К этому человеку надо привыкнуть», - пронеслось у меня в голове. Поначалу у нас всех было ощущение неудобства за него.

- Дави на газ, - резко покрикивал он на Николая Николаевича Веселова, водителя, сидевшего в это время за рулем, - дрант на хостен, (что означало - вперед на юг).

Всю дорогу от границы до Тирасполя Васильев рассказывал о том, как узнал о Ходе, излишне фамильярно, как мне казалось, обращаясь к Маслову и Тимофееву, вспоминая между делом своего президента и генерала Лебедя, и заносчиво на весь автобус выкрикивал:

- Я простой ефрейтор, но при этом командую генералами: «Ефрейтор сказал, генерал должен выполнить!»

Утром 12 октября мы попали на 205-летие города Тирасполя. Было много солнца, улыбок и радостных лиц… В этот же день состоялась встреча с президентом Приднестровья Игорем Николаевичем Смирновым, который мне очень понравился. Он рассказал о том, что Приднестровье – исторически русская земля, и только в политическом обиходе числится ещё частью Молдавии, хотя фактически уже шесть лет является независимым государством со своей конституцией, валютой, органами власти и правопорядка.

Вручая президенту розу из кристаллов в память о встрече, которая, кстати, была выполнена на комбинате у нас в Ревде, я подумала, что будет невежливо дать розу и не сказать ни слова, потому, смущаясь, выпалила:

- Игорь Николаевич, я думаю, Вы не только хороший президент, но и мужчина, так позвольте мне как женщине, вручая эту розу, поцеловать Вас.

Смирнов принял розу и тут же сам крепко поцеловал меня в губы, после чего наши мужчины стали подкалывать меня больше прежнего, особенно старался Виталий Семенович:

- Вот Большакова у нас какова, самого президента заставила себя целовать!

Затем мы были в Бендерах и встречались с владыкой Дубосарским и Приднестровским викарием Кишеневской митрополии Юстинианом.

На встрече я вдруг вспомнила, что уже видела его в Москве! Вместе шли крестным ходом к памятнику Кириллу и Мефодию в День славянской письменности и культуры. Во главе колонны – Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Во владыке Юстиниане меня поразили чуть насмешливые, излучающие доброту огромные красивые глаза. Густые, черные вьющиеся волосы, высокий сократовский лоб. Сильный, благочестивый, он с болью рассказывал о днях войны в Приднестровье и о том, что, несмотря на бомбежки продолжал смиренно служить и молиться… Уже в трапезной вдруг вместе с нами запел русские народные песни «То не ветер ветку клонит», «Калину», рассказал, как пришел к вере. Вот она мужская стать, ум, достоинство! Мощь! Куда деться, я женщина… какое бы одеяние мужчины не надели или какой бы чин не носили. Владыка Юстиниан просто очаровал. Смотрела, слушала, любовалась… Тихо спросила про Москву. И обрадовалась, из такого количества епископата запомнила, выделила именно его. Сказала, что он мне понравился как мужчина, чем вызвала неодобрение всех наших ходоков. Заметила, как неодобрительно зыркнул Маслов. А владыка Юстиниан… Он ощутив мой испуг, все понял… И уже перед уходом благословил, положив осторожно руку на мою голову.

А всем нам пожелал мудрости и терпения, потому как, по его словам, сидя дома и читая умные книги, мы становимся такими благостными, а как только предпримем подвиг на себя, тут-то бесенята в каждом и начнут вылезать. Мудрости и терпения.

Вышли от него - колокола торжественно звонят и дождь начался, точно очищающее омовение на наши головы.

И как всегда, Маслов начал активно подкалывать. Не выдержав такого напряжения, я в первый раз сильно разрыдалась.

В Приднестровье мы вновь почувствовали, в какую гонку нас вовлекли. Везде должны были поспеть и всюду опаздывали. Автобус резко тормозил, и слышался крик Маслова: «Выходим!» Мы ему с галерки открикивали: «Куда идем, что брать?» Но фигура Маслова уже мелькала за окнами автобуса. На наш вопрос философски отвечал Вадим Масальский, капитан II ранга и наш оператор: «У нас не принято говорить, куда идем. Просто выходим и идем».

Далее в Кишиневе на Скаковое поле в местечке Рыжкановке, где 121 год назад проходил парад войск русской армии, в котором участвовали и четыре дружины болгарского ополчения, Виталий Семенович Маслов говорил:

- Сегодня настала великая необходимость крепить, сохранять единые культурные славянские вершины. Мы слышим слова Константина Преславского: «По всей земли сбирайтесе славяне», написанные им 1111 лет назад, но не всегда понимаем, сколь этот призыв важен для нас.

Далее в Российском посольстве Молдавии был фуршет, после которого послы и советники вышли на улицу провожать нас. Вот тут-то Маслов в шутку и сказал им:

- У нас Большакова в Приднестровье всех перецеловала, так будьте готовы, может и вас кого облобызать захочет.

Меня его колкости по Ходу уже достали и я скомандовала:

- А ну-ка, мужики-послы, становитесь в ряд, чего там кого-то, всех поцелую.

Ну, они и встали. А я по всем и прошлась, еще и нашего Василия Владимировича Калайду, заместителя губернатора Евдокимова, чмокнула. Маслов только крякнул, мол, вот паразитка, ничем ее не пронять.

Еще в Кишиневе запомнилось студенческое общежитие. Зашла к Виталию Семеновичу время отъезда узнать, а они там мужской междусобойчик устроили с рыбными консервами на столе. Увидела умоляющие глаза Балашова. На этот раз он на свою выходную косоворотку из банки масло пролил, пошла застирывать. И если мне большого писателя приходилось чистить и обстирывать, то он в свою очередь успокаивал меня, когда я получала нагоняи от Виталия Семеновича, произнося: «Ты, Надька, не обижайся на старика, ему больше всех достается». Когда Балашов Маслова называл стариком, хотя сам был всего на семь лет старше его, мне становилось весело, и обида проходила.

14 октября. Около двенадцати ночи, как и в Приднестровье, нас на болгарской границе цветами и хлебом-солью встречали болгарские девушки. Ночь мы провели в мужском Дряновском монастыре. Встретил нас там Велико-Тырновский владыка Григорий. Небольшого росточка, черен: и сутана, и борода, и волосы, и блестящие, как у грача, глаза. Запомнился, эпизод нашего вечернего осмотра 15 октября места под строительство будущего храма в честь 120-й годовщины победы на Шипке, на месте военного кладбища, где покоились останки наших воинов. Владыка говорил, что люди с радостью жертвуют свои сбережения, и это, несмотря на то, что Болгария сегодня испытывает такие же трудности, как Россия.

Мы тоже собрали деньги. Вручая их владыке, наш «главнокомандующий» Виталий Семенович сказал, что, к сожалению, собрали только русскими, не успев поменять. Владыка Григорий очень обрадовался. Он прижал целлофановый кулек с деньгами к груди и сердечно произнес: «От русских братушек я с великой благодарностью принимаю русские рублики. Для меня они гораздо ценнее наших лев или американских долларов». Здесь же ему была вручена и икона Казанской Божьей Матери (всего их для вручения в разных государствах было шесть). Он радовался, как ребенок, и все говорил: «Еще храма нет, а икона есть, икона есть, значит и храм будет!» И добавлял уже серьезно: «Сейчас это нужно еще и потому, что некоторые люди в Болгарии пытаются переосмыслить историю».

На пути из Свиштова в Студеную Гору Виталий Семенович совершенно незаслуженно

обидел меня. Публично по микрофону (причем публично и по микрофону, скорее всего, от большой любви он клеймил только меня) сказал, чтобы я больше не смела сидеть на первом сиденье в автобусе. А дело было так. В Свиштове в автобус подсели три болгарки – наши гиды. На передних местах сидели Дмитрий Ермолаев, поэт и прекрасный радиожурналист, я и, занимая два сиденья, Наталья Павловна Журавкова, присоединившаяся к нам в Новгороде. В Мончегорске в свое время она организовала первый славянский комитет, много и очень здорово там работала… Затем, выйдя на пенсию, уехала жить под Питер… Я, когда зашли гости, сразу вскочила и стала уступать свое место, но болгарки не сели, сказав, что это мы гости в их стране, да и ехать им всего десять минут. Мне ничего не оставалось, как вновь сесть. Вот Маслов за это и вставил мне по первое число. Про Диму и Журавкову он, конечно же, не вспомнил. Я, естественно, оскорбилась и ушла в «корму». Выревелась и вместо музея поехала с водителями Володей Дьяковым и Николаем Веселовым мыть наш «дом на колесах».

А вечером, обиженная на Маслова, отказалась идти спать со всеми в женский Драгалевский монастырь, сказав, что раз мне нигде нет места, остаюсь в автобусе. И осталась бы, потому как тоже упертая, но на переговоры пришла Калина Канева и предупредила, что если я не пойду, она тоже остается спать в автобусе, потому как не может оставить гостью своей страны без внимания.

Этого я ей позволить не могла и уступила.

На следующее утро прохожу по салону автобуса на свое место, ни на кого не гляжу, а меня за руку Виталий Семенович хвать и тихо так произносит, не глядя в глаза:

- Ты меня, любушка, прости, не со зла я, знаешь ведь, что люблю, но сдержаться не могу, уж очень ты норовистая…

Я глянула на него и так мне его жалко стало, что тут же обняла, поцеловала и сказала:

- Да ладно, проехали, я тоже тебя люблю…

20 октября в домовой церкви белградской Патриархии нас принял и благословил преклонных лет сербский Патриарх Павле. Когда он вышел, я удивилась, какой он на удивление оказался маленький и щуплый. Потому как до этого я встречала владык дородных, высоких, плотных... Он совсем не походил на Патриарха: уже само это звание предполагает что-то очень значительное. И у меня возникло острое желание пожалеть его, поддержать. Казалось, ну на чем в этом теле могла душа держаться. Говорил негромко, но то ли акустика в церкви была хорошая, то ли мы стояли, затаив дыхание, только все прекрасно слышали его проповедь, которая была поистине мудрой.

Выйдя на белградские улицы, Виталий Семенович, улыбаясь, признался, что боялся за Большакову: вдруг ей в голову «сбрендит» подойти и обнять маленького и старенького владыку, тогда точно из него и дух выйдет, а значит, случится международный скандал. И он прав, меня на самом деле так и подмывало подойти к Патриарху и поддержать его, таким он мне показался слабым и немощным. Сработало чисто материнское чувство. Только и остановило, что Маслов своей махиной постоянно прикрывал его от меня. Не так слушал, как за мной наблюдал. Смешно и грустно. И самое обидное, что во всех случаях я действовала в порыве искренней доброты, без всяких задних мыслей…

А Маслов, горячо любимый мною Виталий Семенович, продолжал публично с помощью микрофона меня бичевать. Причем умудрялся находить для этого самые нелепые причины. Заявил, что я, пересев с первого сидения на заднее, не даю отдыхать водителям, что это из-за меня они перестали спать между сменами.

Все участники Хода, видя нелепость этих обвинений и мои рыдания после того, спешили подбодрить и успокоить, кто как мог. Балашов говорил, что Маслову просто необходимо на ком-то сорвать свое раздражение, он выбрал меня, так как любит и знает, что и я его люблю, а значит прощу. Позже уже заметила, как только Маслов меня отругает, сразу становится добряком, довольным жизнью, что ж ради его здоровья приходилось иногда жертвовать и самолюбием.

21 октября вечером прибыли в город Пале, республики Србска. Поселили нас в гостинице «Быстрица», которая названа по горной реке, протекающей чуть ниже. «Быстрица» один из отелей бывшего олимпийского комплекса Сараево. Все было чудесно! Номера прекрасные! Обходясь без горячей воды многие дни, здесь мы, наконец, могли с удовольствием и

наслаждением принять горячий душ и постираться.

Только в длительных путешествиях без воды понимаешь ее цену, особенно цену горячей воды. Ведь чаще всего мы просто протирали лицо и тело чуть смоченным полотенцем, чистили зубы минералкой. До мужчин, особенно до Виталия Семеновича, доходило туго, что женщины страдают от безводья, что хорошо бы остановиться у какого-нибудь супермаркета с приличным туалетом, но… поехали – терпите. И мы на самом деле стойко терпели эти лишения. И вот она вода! Какое чудо!

23 октября приехали в Боснию в местечко сербского Сараево - Луковицу на литературный вечер в университет на встречу с сербской молодежью. Зал переполнен, стояли в проходах… Только мы зашли, - зал взорвался аплодисментами, и у каждого из нас на душе стало тепло: нас здесь ждали. Молодежь радостно и с любопытством взирала на представителей далекого Севера России. Как всегда, поднялся Виталий Семенович и сказал, что мы считаем себя братьями сербского народа, потому что тоже славяне и православные. Молодежь взорвалась аплодисментами. В своей речи он говорил о христианском празднике Прощеное воскресенье, в который православные люди просят друг у друга прощение за какие-то причиненные ранее обиды:

- Только научившись прощать, православные люди научатся жить в мире.

И попросил прощение у всех сербов за Россию, которая не поддержала их в этой войне.

Дмитрий Михайлович расчувствованно произнес: «Когда вы, еще не зная, кто мы, так нас встретили – слезы выступили на глазах. Здесь особенно важно, что вы молоды. Ведь если нет продолжения – зачем жить? Как говорили наши предки: чтобы свеча не погасла… Это важно».

Надежда Георгиевна Благова решила расширить познания молодежи о Севере, говорила о полярных ночах и светлых днях, что вызвало у сербов огромный интерес. А когда Маслов, предоставляя слово мне, оговорился, что в Ходе находится и представительница маленького саамского народа, которой он дает две минуты, чтобы рассказать о своем народе, я про себя возмутилась. И сделала по-своему, подумав, ну что я могу за две минуты рассказать о саамах, да ничего, и спела песню «Черный ворон». Затем наши женщины надо мной потешались, мол, Надежда вместо двух минут ты пела целых семь. Хотя позже, прослушав кассеты, я обнаружила, что все кроме меня затратили на выступления времени с переводами более 15-20 минут. А песню ведь не станешь переводить. Просто я увидела глаза этих ребят. Это были глаза не молодых мальчишек и девчонок, а уже взрослых людей, познавших все тяготы войны, державших в руках оружие и стрелявших в противника, видевших смерть близких и страдающих от собственных ран, потому как в Сербии даже маленькие дети брались за оружие. А «Черный ворон» моя любимая песня и пою я только тогда, когда душа требует выхода. Так было и в университете в Сараево.

На какой-то из границ, то ли в Сербии, то ли в Черногории, парень пограничник, проверяя наши паспорта, громко зачитывал: «Маслов Семенович», «Синицын Викторович», «Большакова Павловна», «Тимофеев Леонтьевич» и так далее, это звучало так непривычно для нашего слуха, что всех развеселило, даже всегда озабоченный Маслов и тот нет-нет да повторял:

- Ишь, как назвал: «Маслов Семенович, ничего, ничего!».

О селе Гостинец, в который мы попали совершенно случайно, очень хорошо написано у самого Виталия Семеновича, потому как он оказался здесь в центре событий:

> *«…в тот тревожный дождливый пронзительный день, когда мы в сопровождении машин с охраной миновали мусульманский анклав, после долгого пути по узким неглавным дорогам мимо безлюдных разбитых поселений встретилось нам сельцо жилое с надписью при дороге: "Гостинец". В тот день у нас еще не было горячей пищи, и решено было разориться на чашечку кофе в маленьком придорожном кафе. Я вошел в числе первых и первый вышел на улицу. Пожилой, высокий, сухой, чуть сутуловатый, в рабочем мужчина обошел наш с надписью "Россия" автобус, удалился и через несколько минут вернулся откуда-то из-за кафе с богато загнутыми подолами: "Расцветали яблоки и груши... Здравствуйте! Пожалуйста!"... Улыбался и качал весело головой, пока не опустел его щедрый подол. Затем тронул меня, приглашая идти за собой, и я послушно пошел за ним по мокрой траве шагов пятьдесят. Он поднял длинный-длинный шест с крюком на конце, зацепил и резко дернул какую-то верхнюю, почти невидимую в*

дождевой мороси ветвь, и обрушилось на голову густое изобильное сливовое - будто с неба, и стала земля вокруг меня сизо-голубой... Я спросил девушку, работавшую в кафе, как письмо написать этому доброму мужику, и она продиктовала: Радэ Зеленович, Сербия-Герцеговина, Республика Српска, община Гадско, седо Гостинец...»

Когда мы вышли из кафе и не увидели рядом Виталия Семеновича, пошли пособирать с земли упавшие сливы, но так как разрешения на это ни у кого не спросили, то подобрали горсть и зашли в автобус. И вдруг Маслов вносит нам этих слив целую миску.

В Ржевицком монастыре ночевали. Подъехали туда уже в полной темноте, потому с вечера разглядеть ничего не смогли. Монахини нас покормили и развели по кельям. Здесь вечером я поняла, что сильнейшим образом застудилась. Выпила таблетки, чтобы хоть как-то снять возникшую резкую боль. А утром под звуки колокола и остервенелого ветра, который готов был содрать с нас одежду, в бешенстве гнул ветви деревьев, усыпая дорожки многочисленными оливами, мы двинулись в церковь. Местный восьмидесятилетний священник Мардарий, облаченный в светлое одеяние, тихим голосом повел службу. Это была утренняя Божественная литургия, длившаяся часа два, а то и больше. Я, простояв часа полтора, почувствовала, что больше сил стоять нет. Боль давала знать о себе, и, увидев, что уже давно на лавку присели Наталья Журавкова и Надежда Благова, тоже опустилась рядом… Видела, как при этом посмотрел на меня Маслов, но про себя сказала: «Пусть смотрит, а я больше не могу стоять и зажиматься»… Мы тогда не осознавали до конца всего, что нам давалось и в чем участвовали. Когда много всего и сразу, голове трудно переварить.

После службы нас накормили, и, пока ребята водители готовили автобус к отъезду, мы огляделись. Странным образом ветер чуть поутих и дал возможность обойти окрестности.

Но проза жизни, вновь напомнила о себе, и перед отъездом я попросила монашек налить мне бутылку горячей воды, чтобы в автобусе прогреться.

И Виталию Семеновичу, конечно же, надо было в этот момент обратить вновь на меня внимание всех. Теперь он выругал меня за церковь и сидение в ней. После его очередного клеймения я вновь ушла от Викдана в конец автобуса и безутешно рыдала, держа при этом между ног бутылку с горячей водой.

Вадим Массальский с Сашей Масловой, которой также частенько доставалось от отца, отпаивали меня валерьянкой.

Вышел покурить Викдан, подбодрил. Подошла Рыжова Татьяна:

- Надюха, да не обращай ты на слова Маслова внимания, пора бы уже привыкнуть, что он неравнодушен к тебе, думай лучше о том, что у нас с тобой пленок нет. Володя сказал, что в Которе у базара остановится, вот и пойдем их покупать. Когда нас судьба еще в такие красивые места приведет. А будешь сидеть и раскисать - все красоты проглядишь.

И может валерьянка, может сочувствие и поддержка ребят придали мне силы на дальнейший путь и восприятие новых мест. Ободрившись, я вновь подсела к Викдану.

И, наконец, Пераст - конечная точка нашего месячного путешествия. Городок небольшой, но довольно уютный и чистый. Украшением здесь являются толстенные разлапистые пальмы на фоне чистого, чуть голубоватого, почти белесого неба, яркой лазури Адриатического моря и резко выделяющихся черных гор. Почти все здания, упирающиеся стенами в горы, выложены из белого камня.

Именно сюда триста лет назад Петр Первый направил в класс капитана Марко Мартиновича учиться флотскому искусству первых петровских офицеров - 17 детей боярских осваивать мудреные приборы. Это они да их черногорское окружение закрепили затем первую всесветную морскую славу России...

Виталий Семенович пишет, что, начав по крохам сбирать воедино патриотические силы ради предстоявшего Славянского хода Мурман-Черногория, он обратился с вопросом к землякам: «как искупить стыд и грех наш перед Черногорией, перед Петром I, перед теми детьми боярскими, - стыд и грех беспамятства?». И первым откликнулся заместитель командующего Краснознаменным Северным флотом, контр-адмирал Дьяконов: «Что можем, сделаем!»

Провожая Славянский ход в дорогу, контр-адмирал вручил нам венок, чтоб донесли от северного края славянского материка до краешка южного, от моряков Северного флота тем

самым первым семнадцати морякам…

В дороге этот венок Вадим Массальский, капитан II ранга, оберегал как зеницу ока и предлагал Маслову не топить его, а положить экспонатом в местном музее. Но Виталий Семенович упрямо решил все-таки сделать по-своему.

Мне почему-то казалось, что венок, когда опустят на воду, будет спокойно качаться на волнах, как обычно показывают в фильмах. Но у нас все оказалось гораздо прозаичнее. Стоило его опустить на воду, как он от собственной тяжести тут же пошел на дно, ни на секунду не задержавшись на лазоревом покрывале волн. Мы видели, как Маслов осерчал, когда не получилось эффектного плаванья венка на водах Адриатики, но встретившие нас здесь друзья и работник музея заверили: это очень хорошо, что далеко не уплыл, венок они вытащат, и он станет в дальнейшем ценнейшим экспонатом их музея.

И совершенно не понравилось, как на обратной дороге, приехав в Новгород, Виталий Семенович стал всех нас торопить. Ольга, жена Балашова, целый вечер готовила, накрывала на стол, ждала… Маслов же всех то и дело подгонял. А часа через три в Вырице у Журавковых за столом участники Хода спокойно сидели всю ночь. Я, обидевшись на Маслова за Балашовых, на застолье к Журавковым не пошла. Меня просто оскорбило невнимание Маслова к Дмитрию Михайловичу и Оле.

И наконец проехав столб с надписью «Полярный круг», Виталий Семенович не удержался вновь, взяв в руки микрофон. Я при этом его действии вся сжалась, точно перед очередной поркой. И не ошиблась, Маслов высказал все, что думает обо мне. Более не вытерпев, да и почувствовав силу родной земли, я громко возмутилась:

- Я у Вас, Виталий Семенович, весь Славянский ход точно бельмо в глазу была. Почему Вы меня только и видели, а ведь в храм в спортивных штанах ходили и педагоги Журавкова Наталья Павловна и Дина Николаевна Ибрагимова. Я же считаю, Виталий Семенович, что Господь видит мою душу, а не то, в чем я одета. И уж если он мне этот грех в вину поставит, то сама и отвечу за него, а не Вам меня за это клеймить. Сама с Господом разберусь, если что.

И все же глубоко в душу слова Маслова я не брала, потому как продолжала его уважать и любить после Хода еще больше. Надо отдать должное, все участники держались очень стойко. И тот же Маслов после двух перенесенных весной операций, конечно, срывался на мне, выпуская пар, но так кто не без греха. Может, и я в чем-то виновата была. Шумная, веселая, заводила всех, а ему отдых требовался, ведь нелегкая это работа - Ход по всем славянским землям вести, за все и всех отвечать…

На протяжении Хода в самодельной книге я предлагала всем оставить свои отзывы о нашей поездке. Маслов писал:

> *«Желаю и составителю альбома, и всем участникам Хода серьезной, успешной работы ради того, чтобы доброе дело хотя бы не затухло. В. С. Маслов».*

Я по возможности стараюсь это его завещание проводить в жизнь.

Любовно-ироническое признание Виталию Маслову

В портретном любовно-ироническом этюде «Ноев ковчег Славянского хода» Надежда Благова, Татьяна Рыжова и я написали о Маслове следующее:

> *«Под обманчивой внешностью благообразного оптинского старца скрывалась гроза Славянского хода, притеснитель святой вольности и тайных магазинных желаний, выработавший единые правила для всех: "шаг вправо, шаг влево - побег". Зорко блюдивший за нравственностью вверенных ему ноевцев... Ломая графики всех протоколов встреч и прощаний, он устанавливал свои временные рамки: встреча с общественностью - 3 минуты, прощание с сопровождающими - один час 42 минуты 33 секунды, сон - два часа и хватит, а дальше "Господь на разборе". После Варфоломеевских боен неизбежно наступало "Прощеное воскресенье". Просчитавший все ходы на год вперед, он исхитрился вопреки международным правилам пустить ковчег по волнам хода без главного документа… постоянно пропадавшей какой-то таинственной зеленой карты, за которую таможенники периодически требовали мзду. И только*

возвратившись, мы узнали, что таинственная карта - тот самый главный документ - наш страховой полис, выданный единожды и на весь путь…»

Личность В. С. Маслова в движении «Славянский ход»

1997 год на референдуме 18 глав приграничных российских областей объявили Годом единения славян. С развалом Союза и наведением границ между бывшими союзными республиками изолированные россияне перестали получать информацио жизни своих братьев-славян. Мурманская область в референдуме не участвовала: в то время у нас как раз и шли выборы этого самого губернатора. Но Виталий Семенович Маслов, писатель, высоко несущий словом и делом знамя славянского движения, решил неучастие в референдуме Мурманской области исправить, организовав экспедицию Славянский ход «Мурман – Черногория», и проехаться по всем славянским землям, определяя маршрут как еще одно дополнительное объединяющее русло в многотрудных делах славянского мира, не давая развалиться общеславянскому духовному и культурному пространству.

Когда в домашний альбом он мне еще в 1994 году написал *«Не предали никого, и себя – тоже. И потому такими и остаемся. Родина или смерть»*, мне была не совсем понятна его патетика насчет *«не предали… Родина или смерть»*. Для меня в мирный советский период слова *«предательство»* и *«смерть»* могли быть сопоставимы только с войной. Казалось, от писателя тем более никто не требует умирать за свои идеалы (я тогда еще оставалась в розовых очках). Только больше узнавая Маслова, его отношение к политике нашего государства, к религии, славянству, поняла, что он, как писатель, к правящим мира сего находился практически всегда в оппозиции, ни разу не предав свое понимание мира и не принимая кроме Бога и совести над собой никакой другой власти, что и определяло его высокий духовный уровень как человека и писателя. Потому и проведение Славянского хода им было поставлено на такой высокий международный уровень, посвященный 120-летию со дня победы над Турцией и освобождению братской Болгарии от многовекового османского ига. Маслов считал, что активная помощь России в этой справедливой борьбе была одной из самых высоких побед духа народного.

Маслов всегда видел все наперед, работал на будущее, привлекал не только учителей, интеллигенцию, но и молодежь ко всем мероприятиям, проводимым Союзом писателей, начиная с первого Праздника славянской письменности и культуры, впоследствии получившего статус праздника государственного, организовал литературно-исторические конкурсы «Храмы России» и «Берег России».

Я повторюсь, что в месячную поездку на автобусе «Мурман – Черногория» Виталий Семенович отправился после перенесения двух серьёзнейших операций на желудке. И хотя после их прошло несколько месяцев, нагрузка предстояла нешуточная. Да и находиться в течение месяца в замкнутом пространстве автобуса с одними и теми же людьми, у которых свои привычки, характеры, недуги, свои прихоти психологически очень тяжело, тем более для такого эмоционального человека, как Маслов. Я очень переживала за Виталия Семеновича, хотя и получала от него постоянные нагоняи, за какие-то незначительные прегрешения.

Ему было труднее всех. Ну что мы? Нам сказали выступить - мы выступили, сказали еще что-то сделать - сделали, а ему нужно было помнить обо всем. На нем лежало не только руководство Ходом, но, как пишет Викдан Синицын в своем очерке «Жизнь по совести», он «отвечал за все, начиная от распорядка дня, графика движения, подачи информации и кончая расчетами за заправку автобуса».

Помню, на обратном пути приехали в Минск, а там нам в Политехнической академии пресс-конференцию устроили. Главный вопрос Маслову от какой-то реакционной газетенки: «А зачем славянам объединяться?». Ответ был не только достойным его содержания, но и сдержанно эмоциональным. Чувствовалось, как ему самому трудно говорить о таких простых истинах, как объединение славян. Мы, проехавшие Приднестровье и узнавшие правду о войне и геноциде славян, видевшие Сербию и Черногорию, где следы войны еще незаживающей раной зияли то в одном, то в другом месте, увидевшие раны наших ребят-добровольцев, услышавшие их рассказы, при речи Маслова еле сдерживали слезы, даже у мужчин горло перехватывали

спазмы. Славянский ход проходил в октябре 1997 года, а Маслов об объединении славян думал уже задолго до этого, в 1974-м: «Сознание необходимости единства всех славянских земель никогда не должно покидать нас. Всегда надо помнить, думать, напоминать об этом и воспитывать на этом».

Каждый из нас, участников Славянского хода не раз задавался вопросом: а почему взяли в Ход меня, что я должен сделать такого, чтобы оправдать в нем свое участие? Выступать по большому счету приходилось нечасто, в основном на всех представительствах за нас говорил Виталий Семенович, и все равно мы были настроены оптимистически, так как составляли то самое единство славянского духа, которое стало для каждого из нас не только открытием славянского мира, но еще и постижением самого себя в этом славянском пространстве.

Главный вывод о Ходе, который сделал Виталий Семенович, заключен словах: «Нас любят. Нас по-прежнему любят - в сто раз больше, чем мы того заслуживаем, нас любят за дела наших предков. В нас по-прежнему верят, пословица "На небе - Бог, на земле - Россия" все еще жива. Попираемые, притесняемые с помощью "международного сообщества" православные славяне Балкан терпят и еще готовы, сколько могут, потерпеть, лишь бы продержаться до того времени, когда к власти в России снова придут правители, которые будут заботиться прежде всего о России, потому что братья балканские совершенно уверены: тогда Россия снова вспомнит и о них. Они хотят, чтобы мы появлялись там чаще, чтобы русский язык был снова востребован...»

Когда наш автобус пересек пограничный знак «Полярный круг», мы все подумали, что скажи сейчас кто-нибудь: «А слабо развернуться и вновь отправиться в подобное путешествие на месяц?», и не задумываясь, отправились бы. Оказалось, что Славянский ход для каждого из нас – это не только открытие славянского мира, но еще и постижение самого себя в славянском пространстве.

Записка Маслову

«24.02.1998. *Виталий Семёнович! Славянский ход был посвящен 120-летию победы на Шипке, и я считаю, что будет неправильным, если 3 марта он останется в стороне от этого дня, от этих событий.*

Считаю необходимым собрать ходоков в этот день и дать возможность людям выступить по школам, а заключительную часть встречи провести в библиотеке.

Тем более, что один из наших товарищей (В.Массальский) покидает Север. Нельзя отталкивать от себя такой костяк, каким стали участники Славянского хода».

Протокол собрания

Мурманской организации Союза писателей России от **25.05.1998**

Из 14 человек, состоящих на учёте организации присутствовало 9. Не присутствовали Е. Кожеватова, А. Попов, И. Козлов, В. Сорокажердьев, Н. Колычев.

Председатель собрания - Н. Скромный

Секретарь - Н. Большакова.

Повестка дня:

1. Отчет работы писательской организации за 5 месяцев - ответственный секретарь Виталий Маслов.
2. Положение организации на сегодня.
3. Планы и итоги.
4. Приемное дело Михаила Тверцова (Олега Юрьевича Михайлова).

Регламент выступлений: В. Маслов - 20 минут Выступающие – 5.

В. С. Маслов. Дела идут не лучшим образом. Вошел в жестокий конфликт с Малининым из-за премий администрации. Считаю, что было нарушено само положение о премиях. Славянская тема главное, что не приемлет новая администрация. А гнуться я ни перед кем не могу и не хочу, у меня застаревший радикулит по этому поводу.

Глава администрации, опекаемый Малининым и другими, с письмом о бюджете Союза писателей ознакомился. Раньше это было узаконено, и мы могли получить деньги, но областная Дума дала его на рассмотрение губернатору. А писатель не может, не имеет права, не должен бежать за куском хлеба позади всех. За три месяца нам не дали ни копейки. Саженов сказал, что 30 тысяч выделяет, но денег нет. Любая просьба идет по нисходящей и вообще запрещается.

Второе - День славянской письменности. И на него ни копейки не дали. Деньги на эти праздники выписываются, но уходят на другие цели и без всяких отчетов. Оргкомитета не было. Сорвали выступление в Полярных Зорях. В Мурманске Дни славянской письменности провели хорошо и «Храмы России» показали хорошие работы.

Сегодня у организации в наличии 8I9 рублей. Хотел к активу ее отнести то, что сделал Виктор Тимофеев в газете «Славянский Ход», в которой хочет напечататься Станислав Дащинский, да и владыка Симон тоже пожелал дать в нее свою статью. Если перевесить, то это многого стоит. Тимофеев за «Русский Север» имеет долг, а если денег нет, то чем платить?

Теперь о Пушкинской комиссии. В плане мероприятий написано: издание стихов Ольги Андреевой - Пушкинский цикл, но в такой оголтелости и чтобы под Пушкина верстать Андрееву, которая на каждого русского готова накинуться... Я выступил категорически против. Если мне это не удастся остановить, из комитета выйду.

Планы после лета: вечер, посвященный Пушкину - 6 июня, в сентябре - литературный праздник Володи Смирнова и вечер, посвященный «Северу». Далее грядет 20-летие нашей организации, и мы должны подумать, как его провести. 3 марта 1999 года – 75 лет Свену Локко. Можно сделать выставки, есть попытки издать его книгу, но надежды нет.

Выступления.

Н. Скромный. Рассуждения мои будут состоять из вопросов. Не сказал докладчик, сколько проведено встреч в школах, на кораблях, сколько книг вышло.

В. Маслов. Если такие сведения нужны, я должен поднять свой старый доклад. Скажу одно - это даже не сотня выступлений, а гораздо больше. Сейчас я статистические выкладки не составлял.

В. Тимофеев. Мы 30 сентября проводили праздник Владимира Смирнова, а теперь проводим как праздник поэзии «Памяти Смирнова». Есть смысл зацепиться за это, если проводить вечер «Севера», то частично мы уже провели его на Празднике славянской письменности. Виталий Семенович прямо или косвенно поставил вопрос: «Не могу ли я уйти с секретарей?» Думаю, заведомо этот вопрос не стоит ставить, надо завершить Пушкинские дни, пусть отдохнет и тогда поднимет этот вопрос. Если мы начнем решать его сейчас, то вынуждены будем вернуться к реарганизации Союза писателей. Я вижу, как Маслов устал, но впереди для отдыха есть время. За все Виталий Семенович хватается сам, за все дела. А надо бы смелее поручать их другим. Предлагаю работу Маслова одобрить. Мы оптимистично должны даже отнестись к поздравлениям администрации с Днем славянской письменности. Работа не только большая - блестящая.

М. Тверцов. Мнение Тимофеева поддерживаю, я тоже вижу, насколько загружен Маслов. В частности, такая вещь, как литобъединение. Ведь там есть достаточно опытные поэты, прозаики и проводить их Маслову самому, совершенно не стоит. Это раз. Второе - издательская деятельность газеты «Славянский Ход» также должна делаться не только Тимофеевым и Масловым, но и нами. И, наконец, хождение и выбивание финансов - это тоже должен делать кто-то другой. Нам просто нужно по возможности Маслова разгрузить. Политического расклада я не знаю, но ведь есть флот, церковь, существуют и другие возможности финансирования.

Л. А. Демина, бухгалтер. Денег нет, а в связи с этим и долг растет.

М. Чистоногова. Тогда пусть все писательские деньги за выступления в школах идут на Союз писателей.

А. Миланов. А я считаю, вопрос не стоит быть Маслову секретарем или не быть. Надо находить подходы, думать, может договориться и всей писательской встретиться с администрацией? Добиться встречи с Евдокимовым да и задать вопросы прямо в лицо. Все запротоколировать...

В. Синицын. Согласен с Тимофеевым.

М. Чистоногова. Я могу лично с Евдокимовым встретиться.

Н. Скромный. Из отчетного доклада надо вытащить две вещи. Очень многие беды вызваны нашей инфантильностью. Конечно, часть работы нужно делать самим. Я упрекаю себя, как зама Маслова, можно найти кучу объективных причин, но все они окажутся субъективными. И второй момент - это критическая ситуация, в которой оказался Союз писателей. Сегодня по состоянию Маслова, я сомневаюсь, что он побредет к Евдокимову. Мы должны идти с четкой позицией и фактами: прежде всего в Думу и к помощникам губернатора. Теперь о перевыборах - предлагаю вопрос поставить в скобки и дать Маслову прийти в себя.

В. Синицын. Пусть Марина сходит к Евдокимову. Надо установить срок и поднимаемые на встрече вопросы.

В. Маслов. А я полагаю перевыборы провести не откладывая. До октября согласен оставаться в помощниках. А если говорить о перегрузки, то ее нет. Вопрос в том, как дальше жить? Считаю, что секретарство вполне могла бы Большакова потянуть. Пока ездили в Славянский ход у меня у Фонда культуры срезали замок. Реорганизация может быть, надо просто изменить ситуацию. Мы фактически потеряли газету. После того, как ушел Смирнов, плохо помогает Коржов. «Полярная правда» лучше дала материал на Славянские праздники. Я предлагаю подумать. Облик организации делает Тимофеев. Он всегда тут, к нему можно обратиться с любым вопросом. Как такое предложение?

В. Тимофеев. У тебя уже есть зам - Скромный.

В. Маслов. Давайте поменяем вас.

В. Тимофеев. Нет, вопрос необходимо отложить до осени. Ситуация была такая, что среди думцев были люди, которые могли нам посочувствовать, а в итоге из 60 вопросов списка, они изъяли именно тот, что касался нас. Там числится одна организация, а их оказалось две. И деньги вывели из бюджета. Далее, можно ли решить вопрос с жильем в Мурманске Большаковой? У нее ситуация не простая. Мы должны попросить Маслова больше уделять времени не мальчишкам с литобъединения, а заместителям Евдокимова. Достаточно и один раз в месяц приходить ему на литобъединение.

В. Маслов. В октябре я точно сдаю свои полномочия.

В. Тимофеев. Деньги от имени организации пойдет просить Николай Скромный. Нужно пройти все цепочки, больше письма губернатору писать не стоит. Коля, возьми на себя, помоги разрешить вопрос с финансами, а вопрос с Масловым, настаиваю, необходимо отложить на осень.

В. Маслов. 30 ноября я точно пишу заявление о снятии своей кандидатуры.

В. Тимофеев. Ты можешь его написать и сейчас…

Н. Скромный. Нет. Поступило предложение Тимофеева отложить решение до осени, учитывая просьбу Маслова о перевыборах. Поручить его заместителю - Скромному обеспечивать вопросы, связанные с финансовыми делами. На этом первый вопрос закрыть. Теперь рассмотрим дело о приеме в Союз писателей...

В. Тимофеев. Плохо, если Союз решает дело о приеме нового члена не в полном составе. Запроси мнение Колычева, Козлова, Кожеватовой, Сорокожердьева, Попова.

В. Маслов. У меня на сегодня имеется четыре заявления в Союз писателей, но рассматривать будем лишь «Дело о приеме в Союз писателей Михаила Тверцова». Дело полностью готово к рассмотрению.

В. Тимофеев (представляя бумаги). Документы все: заявление, биография, листок по учету кадров. Рекомендации: Гевелинга, Борисова, секретаря Союза писателей Твери, Скромного, Тимофеева.

Н. Скромный. Вопрос к Тверцову. Олег Юрьевич, вы и дальше будете писать?

М. Тверцов. Конечно, успокаиваться не собираюсь.

В. Маслов. Я думаю голосовать «за», хотя у меня есть серьезные пожелания. Олегу Юрьевичу, вступающему в Союз писателей, необходимо обратить внимание на язык, подчас тональности его героев переходят в авторский текст. Автор же должен подчеркнуть авторство отдельно от своего героя. Должен быть серьезный подход. Анекдот, конечно же, оживляет текст, но в некоторых местах байка остается без писательского осмысления. То, чего не хватает

читателю и что в избытке у Свена. Я бы не говорил этих вещей, если бы не видел, что у Вас есть запас. Некоторые вещи, например, не через сепаратор сердца прошли, не согреты им, и мне этого не хватает. Но это мои пожелания и у меня есть основания голосовать.

С. Локко. «Классика» мало знаю, но поддерживаю своих товарищей.

М. Чистоногова. Меня очень радует новая оптимистичная проза, поднимающая дух. Должно быть окно в писательской, и оно у нас появилось.

В. Синицын. Со всеми мнениями согласен, поддерживаю.

Н. Большакова. Я тоже - за. Мне нравится отношение Михаила к работе в Союзе. Ответственный, это хорошо.

В. Евграфов. За.

А. Миланов. Страшно раздражает дилетантство в литературе, а потому меня очень удовлетворяет то, что Олег Юрьевич прекрасно знает литературу, вот только книжки его я не имею, не читал, а то, что читал, - высокопрофессионально.

Н. Скромный. Частные замечания я не раз ему высказывал и буду высказывать. За!

В. Тимофеев. В литературном плане Олег Юрьевич зрелый писатель. От стратегической цели не сбивается, это говорит о том, что мы имеем дело с настоящим писателем. У него большой багаж в запасе, но у меня есть обращение к Олегу Юрьевичу, может быть, прием Вас в Союз писателей успокоит и Вы станете меньше комплексовать. И те морские события, каким он был свидетелем, дадут выход. Как творческий человек, он состоялся. Великолепно срабатывает на литобъединениях, но в школах не появляется, а я бы хотел, чтобы вы и в это дело окунулись с головой. Мы одна команда.

Н. Скромный. 3 человека счетная комиссия: Тимофеев, Миланов, Чистоногова.

В. Тимофеев. В одном из выступлений прозвучало предложение о приеме Тверцова в Союз писателей.

М. Чистоногова. О приеме Олега Юрьевича в писатели, я пищу отдельный протокол.

Н. Скромный. Для тайного голосования принято 9 бюллетений, испорченных нет. Принято единогласно, но мы должны помнить, что необходимо взять мнение и у всех неприсутствующих.

М. Тверцов. Всех благодарю за оказанную мне высокую честь. Буду работать.

В. Евграфов. В разное записать – за Тверцовым магарыч!

Председатель собрания – Николай Скромный.
Секретарь – Надежда Большакова.

Когда ты уже Большаковой квартиру в Мурманске выбьешь?

4.06.1998. Как мне всегда легко в общении с Тимофеевым, Викданом и как непросто с Масловым. Последнее время он весь на нервах. На собрании в Союзе писателей заявил о том, что надо его переизбрать, а выбрать Большакову. Надеюсь, летом отдохнет и опять будет нормально секретарствовать. А я секретарем не могу быть по причинам: первая - живу в Ревде и никуда из нее уезжать не собираюсь; вторая – наелась административной работы, когда в клубе директором работала; третья - писать хочу, только писать. Тимофеев Маслова достал:

- Виталий Семенович, когда ты уже Большаковой квартиру в Мурманске выбьешь, она нам край как здесь нужна, достойная замена была бы тебе…

Не может понять Леонтьевич, что не поеду я в Мурманск ни за какие коврижки, в Ревде хочу жить. Здесь лучше и пишется, и дышится… Город – это суета, а я ее не люблю…

Мысли о писателях

3.11.1998. Полным ходом готовлюсь к проведению 20-летия Мурманской писательской организации. Сделала большую книгу-альбом по истории, что-то вроде методички по творчеству наших писателей. У ребят-писателей вовсю проходят творческие вечера в Мурманске. К нам в Ревду они собираются 27 ноября, а до этого я должна еще на семинар

женщин-писателей Баренцева региона в Швецию съездить. Много думаю о наших писателях: размышляю о их творчестве, чье творчество по духу ближе мне? Оказалось, что из поэтов по душе больше всего стихи Николая Колычева, какие-то из патриотических - Леонтьевича Тимофеева, лирические - Викдана Синицына. Из прозаиков больше всего нравится, как пишет Николай Скромный, близки его мысли; в творчестве Маслова греют рассказы, труднее дается язык его большой прозы, а может, еще не доросла до нее. Зато ни с чем не сравнима энергия Виталия Семеновича, то, сколько он делает для наших писателей, для города и даже для всей России! Лучший краевед в писательской – Володя Сорокажердьев. В остальных люблю что-то очень избранно, скорее всего, и мое собственное творчество мало кого может заинтересовать, тема-то очень уж специфична – саамы.

Писатели нашей организации и мои ассоциации

Конец 1998 года. Мне всегда хотелось стать похожей на… Моими любимыми героями были Наташа Ростова и Денис Давыдов, Таис Афинская и граф Монте-Кристо, Анжелика и Жоффрей де Пейрак, Ассоль и Золушка, Скарлетт и Ретт Батлер. Но, несмотря на мечты, люди меня ассоциируют с громом и молнией, Карлсоном, бурей, океаном, толстой зачитанной книгой, импульсом, солнцем, родником, глазами, скрипкой, Масленицей, динамо-машиной, шагающим экскаватором, электростанцией, perpetuum mobile… В этом наборе ассоциаций видно, как по разному один человек может восприниматься другими людьми. А в нашей мурманской писательской организации Виктор Тимофеев назвал меня Нежным Танком (таким образом, трансформировалась моя детская мечта - стать танкистом), а Татьяна Васильевна Рыжова, учитель школы № 48 города Мурманска, в Славянском ходе в Сербии наградила меня титулом Надежда – Большое Сердце. Вот и у меня, в свою очередь, люди также с кем-то или чем-то ассоциируются, а тем более, наши писатели, поэтому и предлагаю здесь свои ассоциации. Только не нужно ассоциации путать с прозвищами и кличками. Ассоциация – это компонент образного мышления, спонтанно возникающая связь между отдельными ощущениями, восприятиями, представлениями на основе частичного совпадения, сходства каких-то сторон, качеств, различных форм, не связанных в обыденной жизни предметов.

Борис Романов – «Мила».
Октябрина Воронова – память.
Владимир Смирнов – доброта.
Виталий Маслов – ОТЕЦ.
Викдан Синицын – ДРУГ.
Виктор Тимофеев – кряжестое дерево.
Александр Миланов – тундровик.
Николай Скромный – «Перелом».
Николай Колычев – «Телячьи нежности».
Александр Рыжов – фентези.
Дмитрий Ермолаев – радиостанция «Атлантика».
Елена Кожеватова – одиночество.
Свен Локко – художник.
Владимир Сорокажердьев – отшельник.
Борис Орлов – письма из Кронштадта.
Евгений Гулидов – Североморск.
Надежда Новоселова – комплексы.
Василий Кравченко – женолюб.
Игорь Козлов – капитан.
Дмитрий Коржов – «Мурманский вестник».
Александр Попов – стоять, молчать!
Антон Благин – «Геометрия жизни».
Алексей Колесов – бананы.
Василий Евграфов – бомж.

Михаил Тверцов – уход Маслова из СП.
Марина Чистоногова – дым сигареты.
Татьяна Агапова – камень за пазухой.
Михаил Орешета – поездки по Кольскому.

20-летие Мурманской писательской организации

30.11.1998. Проснулась без пятнадцати семь, хотела хорошо выспаться, но переживания не дали. Вчера около трех пришла в Союз писателей для оформления газеты. Орешета попросил помочь, а получилось, что всю газету пришлось оформлять мне. Миланов Саша, Блинов Владимир между пивом и перекурами придумывали заголовки. Маслов прибегал из своего кабинета и командовал: эту фотографию нужно сюда клеить, эту – туда, а ту вовсе не нужно. Чуть было не бросила все: сами клейте, если не нравится. Все уже по домам разошлись, кроме Виталия Семеновича, а я все оформлением занималась. Газета двухметровой получилась или даже больше. Ушла из писательской только около десяти вечера. С утра сегодня еще одну газету оформила, Орешета новых фотографий подбросил, и эту тоже метра на два. Завезли ее с Михаилом в театр, и Маслов снова командует: к 15 часам в писательской быть – встречать гостей, мол, больше некому. Я хотела было возмутиться: а где Чистоногова, Кожеватова? Но Маслов, предупреждая мои мысли, сказал, что Мариночка и Леночка приедут сразу в театр. Он знал, что ему я отказать не могу, поэтому пользовался. Наспех у тетушек из отцовской деревни, у которых остановилась, привела себя в порядок и вновь помчалась в Союз. Маслов командовал: Большакова - то, Большакова - это. Встретили с Людмилой Деминой, бухгалтером Союза, и Николаем Скромным гостей, напоили чаем… Приятно было, что хоть Скромный похвалил: «Надежда, какая ты молодец, никогда не подведешь. Любое дело поручить можно!» Я очень ему благодарна за эти слова, они сил придали.

В театре много фотографировала и записывала на диктофон. Получилось две кассеты записей. Торжественное собрание шло четыре часа, я читала стихи Октябрины Вороновой. Кстати, мне на этом торжественном от губернатора вручили Грамоту. Обидно было, что никак не отметили Тимофеева и Скромного - они больше всех достойны и грамот, и похвал. Когда еще газету оформляла, Орешета мне и говорит: «Надежда, с тебя причитается: получила тысячу, а бутылку не поставила». Я растерянно спрашиваю: «Какую тысячу?» А он, мол, что, газет не читаешь? Тебе Грамоту губернатора дают, а к ней тысяча полагается. Я сказала, что ничего такого не видела, Маслов услышал и как всегда подколол: «А у нас Большакова только себя и читает», а позже уже сказал, что Грамоту мне он от Союза выписал, а вот денег к ней, чтобы не ждала, их у Союза нет. А я без претензий: выписал - спасибо, значит, оценил мой труд, это главное.

После торжественной части фуршет был, много пели, даже потанцевали. Все прошло очень душевно и достойно. Спасибо, Господи, не зря так усердно в эти дни молилась Тебе.

Мариночка, Леночка, Большакова…

1.11.1998. Человек интересное существо. Замечала за собой: бывало, ругают меня, а я только крепче становлюсь, «выбить же из седла» может пустяк. Произошло подобное сразу на следующий день после торжеств, посвященных 20-летию Мурманской писательской организации. Много сил пришлось потратить, помогая Маслову в организации торжеств, да еще сын в Мурманск приехал в больнице обследование пройти. Определив Семена к дочери на занятия в институт, сломя голову неслась в писательскую, опаздывая на собрание уже на полчаса. Вхожу, смотрю - мужики в коридоре стоят, курят. Ну, думаю, перерыв, прошу извинить, а они, мол, еще и не начинали. Вбегает в комнату Виталий Семенович, командует:

- Большакова пришла, начинаем собрание. Мариночка задерживается, Елена уехала.

Собрание серьезное, принимаем в Союз писателей новых членов - Михаила Орешету и Александра Рыжова. Через час, в самый разгар страстей, на пороге писательской появляется сияющая Чистоногова.

Чуть отвлекусь. Люди, в какой-то определенный момент жизни остаются в нашей памяти

яркой вспышкой, даже несмотря на то, что мы и дальше продолжаем с ними общаться. Но память фиксирует именно яркую вспышку. Так и мне запомнилось. Тогда, 1 декабря 1999 года, поэтесса Марина Чистоногова, влетела в открытые двери в своей дорогой шубке и каком-то шарфе, улыбающаяся, с раскинутыми в стороны руками, точно хотела всех нас сразу обнять. Совершенно не обращая внимания на серьезность разговора, она кокетливо произнесла:

- Я не поняла, почему меня никто не встречает, шубку не примет, ручку не поцелует…

Мужики повскакивали, ручки ей зацеловали, шубку приняли, за стол усадили…

А меня на протяжении всего дальнейшего разговора каждый нет-нет да подколет, Большаковой назовет, и я, совершенно не ожидая от себя, вдруг так разнервничалась, что в перерыве, когда ко мне подошла друг писателей юрист Елена Деревякина и спросила, как дела, расплакалась. Она испуганно спрашивает:

- Надюш, ты чего?

А я и сама не могу понять - чего. Все эти дни было столько забот, а от наших мужиков только и слышала: «Большакова - туда», «Большакова - сюда», будто и имени у меня нет. Оно есть у Мариночки, Леночки… Вот об этом, всхлипывая, и призналась Елене. Она обняла, успокаивала:

- Надюш, да они все тебя очень любят, ты у них свой парень, лошадь Пржевальского, а Марина - бабочка, попархает по Союзу и улетит. У нее муж, семья… Она женщина…

Последние слова Елены, произнесенные нежно и растяжно, так отличались от «лошади Пржевальского», что я искренне возмутилась, даже на какой-то момент, перестав плакать:

- Ну, Лена, ты меня и обрадовала, - значит, Мариночка - женщина, у нее семья, а у меня что семьи нет или я не женщина, а всего лишь пародия на нее?- и еще сильней зарыдала.

Увидел Маслов, подбежал, обнял, спрашивает:

- Кто мою любушку обидел? (Он меня Надеждой реже называл, больше Большаковой или любушкой).

Еленка ему:

- Не любите, вот и плачет.

Фыркнул:

- Вот еще, любви захотела. Дела делать нать, - и скрылся в кабинете.

Пока сидела расстроенная, каждый из наших мужчин-писателей подошел, спросил, что стряслось и не помочь ли чем.

А у нас теперь Союз писателей России

11.04.1999. Ездила в Союз писателей с моими девчатами, которые пишут сочинения на конкурс «Храмы России», чтобы взять интервью о саамской литературе у Виктора Леонтьевича и Виталия Семеновича. Показала Маслову оформленную книгу-альбом к 20-летию Союза. Он пошел смотреть к себе в кабинет. Затем приходит и выносит вердикт:

- Сделала отвратительно…

Я обалдела, такого Маслов никогда не говорил мне. А оказалось ему не понравилось, что в этой книге я посвятила страницы еще и прозаику Борису Блинову, и поэту Владимиру Семенову. Сказал с издевкой:

- Может, ты к ним и в Союз перейдешь?

- Дурак ты, Виталий Семенович, знаешь ведь, что я не из породы предателей, и в мыслях такого нет, а что вставила страницы о них, так, как говорится, из песни слов не выкинешь, раз были с вами до раскола Союза десять лет, значит и в книге им место и нечего фыркать. Сам терпеть не можешь, когда историю перевирают, почему же оскорбился так?

- Они с нами в Союзе писателей СССР были, а у нас теперь Союз писателей России.

- Так почему же мы 20-летие Союза отмечали, исчисление которого с 1978 года идет, а не с 90-го?

- Ты, Большакова, всегда все на свой лад перевернешь, - произнес он язвительно и ушел вновь в кабинет к себе.

Воспитывать ответную любовь

Март 1998 года. После Славянского хода участники его со своими выступлениями объездили практически все библиотеки области, выступали в школах, в воинских частях, на кораблях, в газетах и журналах прошло множество статей, появились большие очерки Дмитрия Балашова и Семена Ивановича Шуртакова. Писал о Ходе и выступал везде, конечно же и Виталий Семенович. Сохранилась запись его выступления перед учениками и учителями в библиотеке города Мончегорска в этот период:

«Та грязь, которую на нас сегодня льют, грязь, в которую закапывают нашу историю, все равно будет смыта.

Что мы знали 10 лет назад о Феодорите Кольском? И что мы знаем сейчас? Он принес царские бармы из Константинополя и одел их на плечи Грозного. Этим он приложил руки к государственности в Российской истории, вторая веха истории нашего края - Авраамий Палицын, первый наш губернатор, первая власть в Коле, после великой смуты на Руси, когда удалось избрать царя, именно Авраамий Палицын вложил в руки Михаила Федоровича царский жезл, об этом сейчас каждый ученик должен знать. Что именно здесь в нашем краю великая проба нашего золота, нашей культуры, нашей поэзии, нашей школы. Здесь в изучении нашей культуры, главный слой, который позволяет нам поднимать наших детей до понимания родной истории, истории нашей земли. Необходимо воспитывать чистую любовь между ребятами и девочками, показывая, как велико значение того света, который дает женщина любовью к мужчине, а мужчина преодолевает любые препятствия, отстаивая свое Отечество.

Велико значение воспитывать, убеждать, что от любви рождается все прекрасное, а вот от не любви рождаются уроды. Мы должны воспитывать любовь к единению. Любовь к нашей стране сербов, черногорцев, болгар открылась светлой истиной, которую я должен был знать в 15 лет. Сейчас мы должны открыть эту истину нашим детям. В начале XVIII века два владыки Савва и Данила объявили о том, что необходимо воспитывать в разрозненном, уничтожаемом турками сербском народе любовь к России. Они говорили, что спасёмся только любовью к России. И через 60 лет появился документ, где значилось - Сербия как государство состоялось. Все маленькие и большие государства, бывшие под турками в 1764 году, подписали документ, где говорилось, что все мы до единого человека готовы отдать жизнь до последний капли крови за Россию, такая вот любовь к нашей России издавна. Сейчас, будучи в Сербии, Черногории, мы не поверили своим ушам, нам не понадобился переводник, каждый второй говорил по-русски, там у Адриатики, которая была забыта и предана нами, я имею ввиду то, что свершил наш избранник Козырев, свершилось то, что происходит сейчас в Косово.

Наша задача дать – воспитывать ответную любовь к Сербии, Черногории, Болгарии и другим славянским народам, передать, чтобы каждый знал, – там умирают за нас. Друзья и братья, любовью спасемся – другого выхода нет. Вот куда надо карабкаться».

И саамские поэты в своем творчестве к Пушкину обращались

27.04.1999. 11 апреля была в писательской, сказала Тимофееву, что написала о Пушкине на конкурс в газету «Мурманский вестник», к 200-летию поэта, думала, порадуется, а он: «Ты, Надежда, еще не доросла о Пушкине писать». Таково оказалось его ко мне отношение… Вот так - не доросла. Коржов дорос, Агапова доросла, а Большакова – нет…

Затем позвонил Маслов и огорошил:

- Будешь выступать на Пушкинской конференции, доклад пиши.

Доклад?! Самый настоящий, научный, и выступать наравне с профессорами, доцентами, писателями. А я тех докладов ни разу в жизни не писала и понятия не имела, как они пишутся. Каких мне нервов стоил этот ДО-КЛАД. Какие сокровенные мысли я должна была вложить в «клад» моего выступления, чем обогатить слушателей? Тему взяла: «Влияние творчества А. С. Пушкина на саамских поэтов». Когда слушала доклады всеми признанных на Мурмане людей, очень нервничала: мой, скорее всего, самый ненаучный получится и не ляжет драгоценным камнем в сокровищницу публикуемых материалов.

На конференции сидела рядом с Викданом Синицыным и Валентиной Кузнецовой, которые меня шепотом поддерживали. В перерыве подошла к Дмитрию Коржову, спросила, получил ли

он моего Пушкина?

- Получил. Оформление хорошее, а содержания никакого.

Таким апелляционным заявлением я была раздавлена вообще. С собой был экземпляр, посланный Коржову, и дала его прочесть Викдану с Валентиной. Они сказали, что написала ничуть не хуже Колычева., только с другим видением Лукоморья.

Когда меня объявили для выступления, шла и тряслась, точно в лихорадке, уж очень не хотелось опозориться и Маслова подвести.

Прочла спокойно. Профессионализм (боишься только перед сценой, а когда вышел, растворяешься в роли своей) взял верх. Профессор пединститута Людмила Тимофеевна Пантелеева сидела и улыбалась, пока я читала, Маслов бороду оглаживал, что и придало мне еще большей уверенности. Когда закончила читать и пошла на свое место, Людмила Тимофеевна ободряюще произнесла: «Молодец, хороший доклад сделала!»

А говорила я о том, что и саамские поэты в своем творчестве к Пушкину обращались. Например, Октябрина Воронова с матерью и сестрой «Сказку о рыбаке и рыбке» на саамский язык перевели, Александра Антонова - отрывок из «Сказки о царе Салтане», Аскольд Бажанов и Софья Якимович стихи ему посвятили…

Когда из Научной библиотеки выходили, Виталий Семенович приобнял меня, сказав: «Порадовала меня, любушка, лучше многих других выступила, молодец…»

Мы ее в Мурманск перетащить хотим

В сентябре 1999 года, когда готовила мероприятия к 65-летию Октябрины Вороновой, зашла в Союз писателей. Был один Тимофеев. Обрадованная стала рассказывать Леонтьевичу о своих планах по поводу юбилея. Он перебил и говорит:

- Это никуда не уйдет, и оно сейчас не главное. Маслов говорил с губернатором Евдокимовым насчет твоей работы в Администрации области на месте Семяшкина. Евдокимов не против.

Я искренне возмутилась. Ему о юбилее говорят, а он мне о какой-то работе в Администрации. Высказала, и тут уже возмутился он:

- Мы ее в Мурманск перетащить хотим, квартиру выбить, работу предлагаем, а она уцепилась за свою Ревду и ни в какую.

- А зачем же ты мне про музей саамской литературы идею толкал, на кого его оставлять?

- Там Софья Якимович, твоя крестная, есть, тоже, кстати, саамская сказительница, она в музее и поработает.

- Да Софья из-за болезни ног не ходит почти. Кому я музей доверю? Это что получится: мы с мужем все из дома в музей несли, а теперь кто-то придет и из музея потащит? Да и ни Борис мой, ни Семен в Мурманск жить не поедут, и я не хочу. А что касается работы в Администрации, так с моей прямотой и моим характером я не для нее: не умею прогибаться и «задницы лизать». И если для вас юбилей Октябрины не важен, сама его проведу.

На этом пошла звонить Маслову на ледокол и с ним тоже умудрилась по телефону поругаться. У него, мол, все дни расписаны, по Вороновой мероприятие только на 6 октября запланировано, о других днях ничего не знает. И ему сказала, что без их помощи все проведу. На следующий день при встрече с Виталием Семеновичем опять услышала о работе в Администрации и вновь высказала свой отказ. Маслов собрал в горсть бороду, подумал, подумал и растяжно произнес:

- Что ж, Надежда, я уважаю твой отказ. Молодец, все в Администрацию рвутся, зацепиться хотя б за что, а ты от председательства в комитете малочисленных народов отказываешься. Это поступок, который, думаю, не уронит твой авторитет, а скорее подымет. Скажу о твоем решении Юрию Алексеевичу.

На том и порешили.

ПАлаты, вместо пОлаты

(Из очерка В. С. Маслов «На костре моего греха»)

Смысл и значение русского слова «латы», сохранившегося ныне только у ненцев, мы, я думаю, потеряли, когда впервые по-московски «ахнули» и сказали пАлаты, вместо пОлаты: полаты — это изба, в которой ходили по латам, по доскам, в отличие от изб с земляным полом. Настоящие сказочники, особенно, так сказать, старообрядческого толка, считавшие за бесстыдство хоть единое слово в сказке заменить, особенно когда текст доставался сказителю уже не до конца понятный, только так до самого последнего времени и произносили — пОлаты. В такой, например, сказке-присказке, на которой все мы вырастали, с которой и начиналось наше вхождение в мир родных сказок:

Бубин ты Бубин,
Сядь-ко на бочку,
Продай свою дочку
За нашего князя.
У нашего князя
Трои сени,
Трои полати...

Впрочем, вот и сейчас, печатая, поймал себя на неточности. Еще в одном слове сохранились «латы» — полати: доски, помост, настеленный в полуметре от потолка на двух воронцах поперечных, самое высокое место в избе. Когда на печи вокруг бабы Лизы места не оставалось, наши головенки в ряд, одна к другой, именно с полатей в сторону бабы Лизы свешивались. Именно на полатях лежа, дыханье затаив слушали мы бесконечными вечерами рассказы проезжих извозчиков, моряков-промышленников, загнанных в нашу реку противным ветром, — да мало ли было проезжего, проходящего люда в нашей деревне, стоявшей и на зимней дороге, и на летней — морской! Слушали, пока эти самые путешественники, чаю напившись, полати наши, нас турнув, не займут.

А ладка (латка) — рыбу печь? Тоже от «лат», от «доски»?

А сами латы — доспехи боевые?

Под Мангазеей — река Ратилиха. От «рать», «ратиться»?

К 40-летию Николая Колычева

17.10.1999. Виталий Семенович позвонил и попросил приехать на писательское собрание, которое намеревался провести на ледоколе «Ленин» Сказал и о том, что после в филармонии пройдет юбилейный вечер Николая Колычева.

Николай Колычев! Известный мурманский поэт, член Союза писателей России. Имеет несколько поэтических сборников, публикаций очерков и рассказов. Его внутренняя боль за Россию, переданная в стихах, не может не восхищать. Читаешь и чувствуешь, как кровоточит каждая строка поэта, как натянут нерв стихотворения.

О, Русь! На все четыре стороны –
Просторы стонущей земли.
Зловеще застят небо вороны,
Тщедушно жмутся воробьи.

Глотают бездну – «Вымираем мы!» -
Могилы ртов землистых лиц.
Кричат отчаянно окраины,
Не докричаться до столиц…

Я люблю, когда Николай свои стихи поет! Вся боль, горечь, нежность, страдание – все в звучании каждой строки. Вот он настоящий Колычев! Но он и другой. То неумело комкающий слова, то переминающийся с ноги на ногу, то чуть смущающийся от какой-то неловкости неизвестно за что и перед кем. С хрипотцой в голосе, особенно, если голова тяжелая. Где-то даже вызывающий жалость.

В своем образе он олицетворяет Русь. Движения его широки, кинет в сторону руку и словно поле расстелил. И рука его не холеная, не изнеженная – грубая, узловатая, мужская. Он и

шоферил, и лес рубил, и навоз убирал, и другую, более тяжелую для человека работу делал, о чем сам написал. Когда читала его рассказ «Телячьи нежности», плакала. У него не только сильная поэзия, но и проза берет за живое. В начале 90-х годов Николай занялся фермерством, но не дали, задавили налогами, и пришлось ему все свое стадо под нож пускать.

Авторский вечер Колычева. Большой зал филармонии не может вместить всех желающих, народу – не продохнуть…

Страшный сон не дает уснуть,
Эта музыка ***- не выносима.***
Вижу, стоит глаза сомкнуть,
Кадры хроники Хиросимы…

В горле ком и горько за судьбу России. Ведь это о ней поет Николай свои стихи. И о своей судьбе, надломленной, перекареженной.

Я теперь понимаю, что нет абсолютного счастья.
А тем более счастья, построенного на крови…
Я не верил во власть, а теперь я не верю в безвластье,
Я не верил в любовь, а теперь не могу без любви…

Не могу без любви… Без любви. Потому он и близок моей душе. И мне становится страшно за него, за себя… И я даже боюсь думать, что с ним может что-то случиться… со мной… с Россией…

О наших писателях я давно собираю материал, оформляю его в отдельные творческие альбомы. Показала Николаю, и он в нем написал, как откровение: *«Плохо спится по ночам. Оглядываюсь в прошлое, переживая вновь и вновь пережитое – страшно становится. И жил не так, и думал, и делал и писал не так… Жизнь забудется, что делал – разрушится, все быльем порастет. А написанное – останется! Но от многого написанного уже хочется отказаться. Многое переписать заново… Начать все снова. Но снова не получится. Прошлое, уже написанное довлеет над тобой… И страшнее, и страшнее писать что-либо. Чувствуешь ответственность за каждое стихотворение, каждое слово… Молодому писать легче. Кажется – все знаешь, все в жизни понимаешь… С годами приходит мудрость, но что-то уходит. А в жизни хочется стать лучше, но не получается. А может быть по-русски это Счастье?»*

Вся жизнь его проходит на грани, и стихи рождаются на грани. И вроде все слова понятны, не раз слышимы, проговорены, но сочетанье их рождает чувство тревоги, незащищенности.

Мне не забыть, как Николай читал «Оборотня». Мурманской писательской организации тогда исполнялось восемнадцать лет. Уже нет с нами поэта Владимира Смирнова, который был не только талантлив, но и душой коллектива. И Колычев с отрощенной, как у Смирнова, бородой… И его «Оборотень»… Мурашки по спине…

Восстала тьма – и душу задушила.
И заметался в сердце дикий зверь,
И кровь, зверея, заметалась в жилах…

Вот она борьба Колычева и антиКолычева…

Я бесновался! Я орал во мгле
И трепетал от собственного воя,
И проклинал живущих на земле,
И ненавидел – смертно! – все живое.
И тяжким сном забылся на камнях…

А утром был разбужен долгим взглядом

И человек прицелился в меня.
И я ему не смог сказать: «Не надо».

Голова обвисла на плечах, точно вышла из человека вся энергия. Пауза. Никому не хочется первому нарушать ее. Минуту сидим, другую… Николай поднимает голову, улыбнулся… И опять другой.

Полем – в смятенье запутанных трав брести,
К морю ли выйдешь – на море волненье.
Господи Боже! Молю не о радости,
Дай мне затишья и успокоенья.

...Слушаю – ухом и сердцем, и кожею,
Слушаю близкое, слушаю дальнее…
Слышу – прощальное и безнадежное
Не колыбельное, а погребальное.

Его стихи проникнуты болью за Россию. И это дано ему чувствовать «ухом и сердцем, и кожею», что не могут услышать, почувствовать другие.

И понял я тогда, что обречен
Увидеть мир за гранью восприятья,
Что эта тьма – лишь звонаря зрачок,
А этот сон – велик и необъятен.

«Мир за гранью восприятья»… За гранью восприятья… Тяжело душе справляться с тем, что смертельно ее давит. «И хочется плакать и каяться» или молиться «Господи, дай пробуждение нам ранее смерти».

Отпросилась у мамы на 24 октября в Мурманск, у них с Колычевым день рождение в один день. Заодно и Борю навещу в областной больнице, где ему будут делать каранографию, подбодрю. К мамочке зайду, поздравлю с днем рождением, когда вернусь.

Теперь пишу поздравление Николаю. Получается что-то несуразное:

> *«Ну что, Колычев, сороковник отметить решил? Это стоит того, хотя бы потому, что на свой юбилей нас всех вместе соберешь. Честное слово здорово! После 20-летнего юбилея Союза писателей мы так давно не собирались! Перечитывала свои дневники, чтобы добрые слова тебе подобрать, и увидела, как мы часто с тобой цапались. И к Маслову ты меня грешным делом ревновал и к Тимофееву, но, побывав впервые в музее имени Октябрины в Ревде, и оценив мой труд, благодушно написал: «Надька, за музей тебе простятся все грехи». Честно скажу: это откровение твое, Коля, мне дороже всех написанных признаний. Все благодарят за музей, а ты широким жестом собрал все мои грехи и одним махом, точно священник, взял и простил их. Поверь это многого стоит! За это я тебя, Колычев, и люблю, буйная ты головушка. Живи, Коля, долго, ты так нужен нам».*

Китайская одиссея Виталия Маслова

Ноябрь 1999 года. Едем с Виталием Семеновичем в поезде на съезд Союза писателей России. Я рассказываю свои случаи из жизни, он - свои.

- Вот ты саамский не учишь, зря, нать учить, он тебе язык материнский, родной. Я в свое время за полгода китайский выучил.

- Как так, - спрашиваю я удивленная, - врешь, поди?

- Что ж я врать буду, в 1958-м мой корабль там на ремонте стоял, а мы помогали китайцам в строительстве плотины «Дружба».

- Ну тогда скажи, как по-китайски «здравствуй» будет?

- Ни хао.

- А спасибо?

- Сэси. Ни дяо шэнмэ миндзы? Во дяо Виталий…

- А что сейчас наговорил?

- Спросил, как тебя зовут, и сказал, как зовут меня.

- Ну, ты, Виталий Семенович, даешь! – восхитилась я. – В 58-м выучил и до сих пор помнишь все?

- Уже далеко не все, практики-то нет, но многое в памяти еще осталось.

Маслов сидел довольный от произведенного на меня впечатления.

- А смешные случаи были? – заинтересовалась еще больше я.

- Сколько хочешь.

И Виталий Семенович стал рассказывать, а я от души хохотать над его рассказами. Потому как он со своей бородой, да еще постоянно кланяясь, очень походил сейчас на смешного китайского старичка.

Однажды были они на вечере дружбы, и решил он пригласить китайскую девушку на танец, спросил у переводчика, как по-китайски это сказать - парень перевел. Подошел Маслов к девушке и сказал, а она, вместо того, чтоб танцевать пойти, оплеуху ему залепила. Переводчик стоит, от смеха давится. Виталий подходит к нему разъяренный, спрашивает: «За что она врезала мне?» Тому нечего делать, признался, что подшутил над ним. Оказывается, вместо приглашения Маслов сказал ей, что она грязнее грязи. Виталий Семенович его чуть было здесь же и не побил. Другой случай: заспорили на заводе китайские девушки, ну Маслов и решил узнать, из-за чего сыр-бор? Опять у кого-то спросил, как правильно вопрос задать - ему сказали. Подошел к девушкам и громко так, чтоб они услышали, спросил: «Вы такой-то матери дочки?» Китаянки от подобного хамства остолбенели и спор прекратили, парни со смеху покатываются. И, представляясь, вместо «Я радист» он долгое время всем говорил: «Я радиоприемник, Виталий Маслов», как ему перевели…

В поезд почитать взяла журнал «Наш современник» и наткнулась на очерк «Обворованная Россия» писателя Николая Иванова, полковника налоговой полиции, с которым познакомилась еще в 1997-м на пленуме Союза писателей России. В очерке он раскрывал преступную деятельность криминальных структур: *«…Но еще более интересные открытия ждали впереди: оказывается, вес загруженного металла зачастую оценивался по осадке судна. Капитаны же, не мудрствуя лукаво, перед заходом в порт брали на борт водный балласт, позволяли себя замерить, а затем, по мере загрузки, спускали воду, оставаясь как бы на нулевой отметке. И вновь уходили из России тысячи тонн металла, тогда как по документам значилась сотня-другая ржавых труб»…*

Обратила на этот очерк внимание и Виталия Семеновича. Он крякнул в бороду, и сказал, подкалывая меня:

- Большакова, я понимаю, что ты впервые читаешь подобную литературу, потому очерк Иванова тебя так взволновал, но я-то читаю это постоянно.

И все же я убедительно просила его прочесть. Взял нехотя, но, читал внимательно и по приезде в Москву, побежал звонить в Мурманск, предупреждая кого-то, что и в нашем порту, по его мнению, приготовлена на вывоз высококачественная сталь. Затем уже дома поблагодарил. Та сталь на самом деле была приготовлена для вывоза за границу.

Лауреат премии имени Валентина Пикуля

18.11.1999. На X съезд писателей России мы с Масловым ездили в Москву вдвоем. К концу заседания я познакомилась с хантыйским поэтом Андреем Тархановым, который вместе с Октябриной Вороновой учился в Институте народов Севера и встречался на семинарах молодых поэтов. Обрадовавшись случаю, договорилась с Тархановым об интервью для музея и ушла с заключительной части съезда. С Масловым условились встретиться в поезде.

В купе спрашиваю, что еще было на съезде интересного? Виталий Семенович сказал, что подвели итоги, а затем, стесняясь, из внутреннего кармана пиджака вынул небольшую коробочку и тихо в бороду произнес:

- Да вот еще Маслова медалью Пикуля наградили.

Я ахнула. Надо же такой момент пропустила. А Маслов улыбается:

- Для меня эта награда особенно дорогая, потому что эта награда не только имени хорошего человека, но и замечательного писателя-историка.

- Тогда нужно обмыть, - сказал наш с Масловым сосед по купе и достал бутылку водки.

Как Маслов книги издавал

(Из очерка В.С.Маслова «На костре моего греха»)

«Доконали. Редактор? Цензура? Обком? Автору не дано этого знать.

Настолько стало сумрачно и тяжело от напрасной, очередной напрасной работы - невмоготу. 8 мая, от праздников, поехал в Мурмаши к писателю-коллеге Михаилу Головенкову, билет через него достал (пусть и на другой день, но лишь бы билет) и — на дальний аэродром. И почти сразу улетел. А вот в Архангельске сказали: утром на Мезень рейс еще был, но сейчас сообщили - всё, закрылась из-за распуты Мезень - возможно, и на неделю. Кинулся за обратным билетом, и вечером, в девятом часу, снова был в Мурманске. Наездился... А так хотелось - хотя б на один день в Сёмжу! Глотнул бы воздуха, и, может быть, ослабла бы судорога, душу и сердце стянувшая, прояснилось бы. Бывало же так!

И опять - какая уж тут работа! Буду по требованию не то редакции, не то обкома, не то цензуры рассказы править-корежить, удлинять-укорачивать, заранее зная, что всё - зря, над автором издеваются.

Прислали на атомоход "Ленин" нового первого помощника капитана (он же - "помполит", он же - "комиссар") - главного духовного и культурного, и идейного наставника атомоходцев. В первой же радиограмме на берег он пишет так: передавайте от меня "привет Нади, Саши". Первое его распоряжение по судну - перенести подшивки газетные из постоянно открытого клуба в парткабинет и, не стесняясь, объяснил это так:

- Иначе в парткабинет на судах никто не ходит.

А зарплата у помполита - куда до него иному начальнику службы атомоходской!

...Кому это интересно? Разве только героям моих книг - мезенцам...

Знали бы, через какие жернова, через какие унижения проходят вместе с готовой книгой добрые их имена, прежде чем заживут своей жизнью на страницах вышедшей (а выйдет ли?) книги.

В марте 76-го года уходил я в море, измотанный борьбой за первую мою книгу, "Крутую Дресву", озабоченный судьбой второй моей книги - "Круговой поруки". Как в жизни над людьми издевались и издеваются, так и над книгой о судьбе этих, дорогих мне людей... Два года, как подписан акт одобрения, книге давно пора быть на прилавках, и вдруг (а может, и не вдруг вовсе) такое снова началось. Некая дама в обллите (так в целях конспирации именуется цензура) прочитала и, в пересказе редактора, позвонила в обком КПСС некоему Полтеву: "Я читала и ревела. А что, если и другие реветь будут?" А ведь читала-то она не рукопись уже, а книгу, набранную в типографии,- так называемую верстку... Полтев, в пересказе всё того же редактора, позвонил в Москву по своей линии, а директор издательства по своей - какому-то Сергованцеву (?), чтобы Сергованцев запросил на повторное рецензирование (при первом рецензировании Москва, говорят, против издания не возражала).

Сам я, в свою очередь, написал в Мурманское издательство, чтобы прекратили пустые разговоры, а выставили бы конкретные требования и чтобы при этом гарантировали, что эти требования - последние. В ответ издательство пересказало устные требования обкома КПСС (!): "Добавить в книгу два рассказа очень оптимистических и правка по устным замечаниям редактора". Но гарантии никто не дал. Рассказы, срочно написанные, я добавил: в одном солнце всходит с запада, в другом рожает женщина, которая, по заключению хирурга, никогда не родит. Редактор согласился, что это - "очень оптимистично". Книга ушла в очередной раз в Москву уже с добавлениями. В Москве попала в руки некоего Грачева. Начались (так мне было сказано в Мурманске) переговоры Москвы с главредом мурманским. Москва, мол, согласна ускорить решение, но требует взамен, чтобы Мурманск издал какого-то московского поэта, в Мурманске неведомого. Благожелательно спросила Москва мурманского редактора, кому б он хотел "Крутую Дресву" дать на повторное московское рецензирование? Редактор, мол, наш поблагодарил и сказал: "Любому лауреату госпремии 75 года" - Троепольскому или Абрамову. Москва подумала и отказала: "У писателей может быть субъективное мнение, надо отдать критику. Хотите Ал. Михайлова?" Мурманск ответил: "Хотим". Но вскоре и в Михайлове Москва отказала - за его, мол, субъективностью. И в итоге сейчас будто бы ночует "Крутая

Дресва" у А.И.Овчаренко. И когда всё это кончится, не знаю.

Поскольку два года после акта одобрения прошло, вроде бы по закону (?) и отказаться от услуг Мурманского издательства имею право, но - куда потом податься с книгой? Хотя всё более очевидно, что и в Мурманском — безнадежно. Если даже и повторное заключение московское будет положительным, Полтевы не успокоятся.

В. Конецкий написал в открытке, что был он в Москве и по поводу "Крутой Дресвы", как один из первых рецензентов, ходил в ЦК КПСС к какому-то Альберту Беляеву. Спасибо Виктору Викторовичу, но ходил он, конечно, зря, бесполезное и унизительное это дело, чем выше инстанция, тем унизительнее. Еще он написал, что пойдет ругаться к Федору Абрамову: отчего Абрамов не беспокоится о книге, ему известной? Ответил срочно В.Конецкому, что Федор Абрамов не в курсе: звонил я ему в ноябрьские и сказал, что с книгой "всё нормально". И я не кривил душой, ибо мне всё более ясно, что такая судьба "Крутой Дресвы" - это и есть в нашей системе судьба нормальная.

С таким вот настроением пришлось уйти в этот рейс...

23 марта 76 г., Маточкин Шар».

Затягивать петлю - так затягивать. Будучи в дороге между портом Мурманском и своим атомоходом (добирался на попутном "Днепрогэсе"), получил радиограмму, что зарубежное издательство просит разрешения издать "Восьминку", опубликованную в "Нашем современнике". Прочитав в типовом издательском договоре, что в течение какого-то времени права на издание произведения берет издательство, заключившее с автором этот договор (а "Восьминка" вошла в "Крутую Дресву"), что переиздавать произведение в течение этого срока могу только с согласия издательства, подал я радиограмму в издательство с запросом: не нарушит ли публикация за границей условия договора? Ответ пришел: дело автора. И согласие иностранцам через ВААП я послал.

И вот по возвращении атомохода в Мурманск в октябре 76-го приглашают меня в обком КПСС (!) (хотя никогда я партийным не был) к Рябкову. До сих пор я в их партийной иерархии не разобрался и кто он - не знаю. Слышу: "Ваша телеграмма в издательство относительно ВААПа не соответствует действительности. Мы проверили все каналы - такого запроса вам не поступало". То бишь своей радиограммой я их вместе с издательством шантажирую... А ведь не сработала их система проверки всех каналов! Запрос-то поступил домой письмом, а письмо-то жена отдублировала не на атомоход, а на "Днепрогэс", корреспонденцию которого проверить система обкомовская не догадалась!

И какую ошибку я допустил по неопытности, желая Рябкова хоть в этом уязвить: объяснил ему, в чем они опростоволосились и номер письма назвал, и фамилию ВААПовского чиновника, подписавшего письмо.

Поняв, что пролопушила система, Рябков перешел на пряник: "Вы - не член Союза писателей... Вот после выхода книги (читай: если сделаешь всё, как мы требуем) вы могли бы им стать..."

А какая подлость со стороны директора издательства Коневой: радиограмму мою, адресованную в издательство, пустила по обкомовской идеологической лестнице! Да еще с домыслом о шантаже.

ВААП для меня после разговора в обкоме - как умер: ни единого ответа ни на один запрос! И за границей "Восьминка", конечно, не вышла.

Не вышла книга и в Мурманском издательстве. Несмотря даже на то, что и второе московское рецензирование было положительным. И вообще эта книга, первая моя, не вышла до сих пор, хотя и потом сколько раз предлагал - в том же составе, в той же редакции, с тем же оформлением.

А в Союз писателей приняли и без помощи Рябкова, и без помощи цековского Беляева - по журнальной публикации "Круговой поруки". Спасибо редактору петрозаводского "Севера" Дмитрию Яковлевичу Гусарову, это он вопротиву всем «рекомендациям» мурманского обкома "Круговую поруку" напечатал, пусть и не без потерь.

"Второго апреля 77-го года я узнал, что, когда готовилась к напечатанию в "Севере" "Круговая порука", в Карельский обком из Мурманского обкома звонил тот самый Рябков и настоятельно рекомендовал (а что это значит, нам ведомо) ни в коем случае Маслова не печатать. В моих записях на этот же день сохранилось: "Судя по поведению в Москве, кто-то из обкома и туда тоже звонил".

Так могу ли я не быть благодарным тогдашнему редактору журнала Дмитрию Гусарову? Ведь это он, дважды честно прошедший войну,- первый раз с оружием в руках, второй - когда писал и отстаивал роман "За чертой милосердия" и другие достойные честного человека книги,

- пробил тот мертвый колпак, которым был к тому времени навсегда накрыт неугодный Маслов - "не хрен и человек" (фраза из вышеприведенного двухчасового разговора "по душам" на атомном ледоколе "Ленин").

...«Во времена "застойные" Мурманское издательство не печатало моих книг, утверждая, что они а н т и с о в е т с к и е . И вот, наконец, "перестройка"! И на втором году этой «перестройки» в ответ на очередную книгу, на роман "Проклятой памяти", получаю нечто новое: автор уже не только антисоветчик, но и... Вот он, ответ:

"В центре повести "Проклятой памяти" - советские и партийные работники, образовавшие группу, попирающие законы государства, поставившие партийную дисциплину, в конечном итоге, на службу организованному преступному браконьерству... То, что они делают, трудно назвать иначе, нежели откровенный грабеж. Руководители предстают перед читателем своего рода бандой, с которой борются (не всегда, правда, дозволенными средствами: см. выстрелы по самолету) колхозники... Насколько ситуация, выписанная в повести (организованная преступность партийных и советских работников), характерна для того, чтобы стать предметом пристального рассмотрения ее писателем? Оценивая повесть "Проклятой памяти" с этой точки зрения, издательство вынуждено выразить несогласие с автором. Нам представляется данная тематическая направленность повести не столь социально назревшей или назревающей..."

Так вот стал я не только антисоветским, но и а н т и п а р т и й н ы м . Не знаю, которое обвинение было трагичнее: книг-то всё равно не издавали.

И вот - опять времена новые. И вроде бы теперь такие обвинения - как ордена, и орденоносцев гордых - уже не счесть. Мне ж, однако, приходится сказать: ни антипартийных книг я не писал - это было бы примитивно и литературы недостойно, ни тем более антисоветских - обвинения такие были ложью и останутся ложью».

Слово Дмитрия Балашова о Маслове

(Из книги Дмитрия Балашова «Любовь»)

«…нашего предводителя Маслова я знал давно, хоть и встречались мы редко. Сперва заочно, когда в «Севере» проходил его роман, «остановленный» в Мурманске. Маслов тогда только что слез, как кажется, с атомного ледокола, на коем проплавал двадцать с чем-то лет, сделал два переливания крови, но был полон сил и той энергии действования, которую Лев Гумилев окрестил пассионарностью. Он устраивал музей крестьянской истории в родимом мезенском селе, еще что-то налаживал, руководил писательской организацией, а меж тем росли сыновья, подрастала дочь Саша. Сам он плотнел, толстел, все более приобретал вид этакого славянского патриарха, в недавнем прошлом и бороду уже отрастил — абсолютно необходимую со всех точек зрения.

Редко встречаясь с Виталием Семенычем, я не усмотрел, когда и как именно он пришел к идее славянского единства.

...В наше время, когда все вообще славяне, а православные в особицу, объявлены персоной non grata и, по теории «золотого миллиарда», подлежат уничтожению (во-вторых, подлежат уничтожению согласно идее создания мусульманской сверхимперии, а в-третьих... есть и в-третьих), идея славянского единства, по крайности как форма самоспасения, должна бы воскреснуть, — не зря же нас всех так усиленно ссорят и натравливают друг на друга! Но одно дело — вздыхать по этому поводу, другое — что-то делать, «совершать поступки». Виталий Маслов из тех, кто делает, кто совершает конкретные действия, воплощая идею в жизнь».

Быть секретарем СП особый талант

18.11.1999. Маслов писал, что «в древнем русском языке есть слово "виталище" - обиталище, место обжитое, жилье и т.д.». Мне казалось, что имя Виталий современное, оказалось, не так. Семен Виссарионович дал его сыну по названию судна, на котором ходил.

Имя, как известно, очень влияет на судьбу человека, на характер и даже на его таланты. Если Виталий - «обиталище, место обжитое», то понятно, почему в писательскую организацию, когда ею руководил Маслов, всегда тянуло зайти, тянуло учителей, молодежь… Маслов притягивал к себе и далеких от литературы людей.

Когда же он на два года оставил секретарский пост, мы поняли – какой это оказывается великий талант быть секретарем. Он стоял у руля организации - и все вокруг него крутилось; работало без срывов и сбоев. Каждый раз в День славянской письменности и саамского слова в

гости в Ловозерье – писатели приезжали. Ушел Маслов и пошли сбои…

На X съезде писателей в Москве Маслов пожаловался Балашову, что сил секретарствовать больше не стало, на что Дмитрий Михайлович ответил так:

- Все ненужное отбрось, но из секретарей не уходи. То, что ты написал, прекрасно, но то, что ты сделал и продолжаешь делать, неоценимо и дано делать только тебе. Ты своими делами поступки совершаешь, а для России сегодня это гораздо важнее, чем наши с тобой книги. Поступки определяют ее сегодняшний путь. Праздник славянской письменности – поступок! Славянский ход – поступок! Вот в чем твой самый большой талант – в совершении поступков.

Забота Маслова

Ноябрь 1999 года. Ему во всем можно было довериться. Когда мужу в Мурманске в областной больнице делали операции, навещать его приходили Викдан и Алла Синицыны и Виталий Семёнович Маслов. Надо сказать, что Маслов всегда очень тепло отзывался о моих домочадцах, справлялся об их здоровье, успехах…Такое участие, внимание и преданность особенно важны для меня. На такую заботу способны далеко не все.

Перевыборы Маслова

29.11.1999. В писательской - собрание. Секретарем избрали Чистоногову, председателем Тверцова. На повестке дня были наши с Масловым отчеты о поездке в Москву на Съезд писателей, выборы нового секретаря, разное. Собрание проходило бурно, когда дошли до переизбрания Маслова, никто не мог да и не хотел брать на себя секретарскую ответственность. Предлагали Николая Скромного, Михаилов Орешету и Тверцова, затем Чистоногова предложила меня, а я в свою очередь - Тимофеева. Маслов сказал:

- Меня, ребята, радует, что у нас нет такого, как в других организациях, где идет настоящая драка за место секретаря, но я больше быть секретарем не могу, да и во вред это стало организации. Не могу больше чиновникам кланяться, пожалейте меня, старика, отпустите с миром…

Писатели вновь стали его уговаривать потянуть с уходом хотя бы еще с полгодика. Но тут уже вмешалась я, сказав, что мы нечестно поступаем с Виталием Семеновичем, третий раз уже давим на совесть и прочее, а человек и морально и физически устал, изработался, да и за все время, пока секретарствовал, ничего нового не издал.

Тогда решили изменить структуру организации – ввести должность почетного председателя, оставив на ней Маслова с правом подписи и поездок на конференции и съезды, а ответсеком избрали Михаила Тверцова. Тот заявил, что будет секретарствовать, если ему разрешат приходить в Союз три раза в неделю. Нужно было идти на компромисс, и пошли навстречу.

То, что вместо Маслова секретарствовать сел Тверцов лично в меня не вселило ни радости, ни надежд, но деться некуда.

Убит Балашов

24.07.2000. Приехала в Мурманск из Норвегии и словно обухом по голове страшная весть: убит Балашов. Грешным делом, пришла сразу мысль – не сын ли? Последнее время Дмитрий Михайлович мне и по телефону, и на Съезде в Москве, и в Петрозаводске на юбилее журнала "Север" жаловался на него. Сразу позвонила Маслову узнать, правда ли? Может пуля. Виталий Семенович подтвердил.

- Когда похороны? Кто от наших в Новгород поедет? – заваливала я его вопросами.

- Жара стоит, похороны завтра уже, из Мурманска никто приехать не успевает. Я позвонил Журавковым в Вырицу, поедут они.

- Виталий Семенович, а кто убил-то?

- Подозревают сына, хотят бытовым убийством оформить, но мне думается здесь не все просто. Слишком Дмитрий Михайлович был неудобен многим политикам. Ведется следствие…

Не стало, любушка, теперь нашего Дмитрия Михайловича… Ольге позвони, поддержи ее, ей сейчас труднее всех приходится…

- Позвоню, Виталий Семенович, позвоню. Вы держитесь, не сильно расстраивайтесь…

- Это уж как Бог даст…

По голосу чувствовалось, как Маслов переживал эту утрату… Для него Балашов целую эпоху представлял…

«Старик Хоттабыч»

23.09.2000. Зашла к Масловым. Валентина Устиновна нехитрый ужин собрала. Виталий Семенович с рук внука Славика не снимает. По всему видно: души в нем не чает. И, когда малыш запускал ручонки в его бороду, млел, говоря:

- Видишь, внук за бороду не дергает, перебирает. Любитель с бородой моей поиграть.

А я, глядя на них, вспоминала, как Виталий Семенович сам свою бороду любил обхаживать. Седая с чернью она придавала его лицу схожесть с человеком духовного звания. Бывало, прибежит откуда-нибудь в писательскую, взъерошенный, разденется и первым делом бороду свою расчешет. У нас в Союзе многие писатели при бородах, и все к ним по-разному относятся. При тихой, спокойной речи Маслов забирал свою бороду в кулак и плавно пропускал ее в горсти, казалось, что мудрые мысли прятались у него в это время именно в бороде. И речь его в это время медленная, растяжная, негромкая, как раздумье вслух, точно приглашал к размышлению и своего собеседника. У нас с Викданом Синицыным по этому поводу на Маслова родилась одна и та же ассоциация - Старик Хоттабыч. Так и ждешь, что вот-вот дернет за волосок и исполнит желание. Добрый взгляд умных глаз, скупые жесты, живой ум, общительность, умение слушать притягивали к нему людей. Когда он был в добром настроении, его лицо от улыбки под усами делалось широкоскулым и добродушным, как у семейного дедушки. Такое выражение появлялось и когда он разговаривал с детьми, студентами, с которыми ему приходилось встречаться в школах и в библиотеках, в Союзе писателей и университетах.

Но бывал у него и другой настрой, тогда он свою бороду начинал в кулак закручивать и чем дольше делал это, тем резче и жестче было его выступление.

На 65-летнем юбилее Маслов сидел на сцене за журнальным столиком и отвечал на вопросы. Кто-то в записке спросил его, как лучше писателю жить с бородой или без? Маслов со смешком ответил: «Меня боцман персонально на ледоколе снабжает специальным мылом, обычное не промывает уже. И тут я подумал, а может, на самом деле бороду сбрить? Спросил внука, что живет в Архангельске: "Илюша, сбрить мне бороду? " Он говорит: "Не сбривай. У меня дедушка без бороды уже один есть". Так что не буду сбривать, потому что мне надо, чтобы ко мне внуки хорошо относились».

Понятие «неперспективных» деревень

(Из статьи А. Миланова «Высокая боль» «Полярная правда» 11.03.1986)

Если говорить об анализе произведений Виталия Семеновича Маслова, необходимо вспомнить здесь статью Александра Миланова «Высокая боль», написанную им после выхода романа Маслова «Внутренний рынок».

> *«Новый роман пронизан тревожным чувством любви к земле отчей, заботой о сохранении родовых корней. Написан он по горячим событиям нынешних дней, и дата оговорена - год 1980-й.*
>
> *"В оптимизме того, ради чего пишу книги, я уверен, хотя, вероятно, не всегда и не всем это видно, ибо именно из-за "отсутствия оптимизма" чаще всего случаются для меня, как автора, осложнения и неприятности", - признавался В. Маслов в одном из газетных выступлений. В словах этих сквозит горечь, но неизбывна вера в правильности выбранного пути.*
>
> *...Наше время породило понятие "неперспективных" деревень. Объективно глядя на этот процесс, скажем: с позиций экономиста процесс этот оправдан и неизбежность его предопределена, а порой и сулит выгоду. Правы экономисты, права статистика, но тысячу раз*

правы и писатели, рассматривающие проблему под иным углом, высвечивая духовное начало происходящего в этих самых "неперспективных" деревнях, начало, не поддающееся цифровому учету.

"Неперспективные" Шестиденьгова Щелья, Крутая Дресва — предмет вчерашних, если можно так сказать, забот прозаика Маслова. Его позиция не противопоставлена ни научно-технической революции, ни поступательному движению общества. Его оптимизм надо понимать как неизбежную веру в добро, и пусть оно не всегда побеждает, но уже одно то, что вступает в конфликт со злом, старается его искоренить - свидетельство высокой нравственности авторской позиции. Не вздохи о неизбежно уходящем заставляют писателя браться за перо, а боязнь потери самого ценного (без идеализации, на конкретном материале), что издавна формировала деревня в людях, - целомудрие, честность, поэтическое воззрение на природу, духовную чистоту и совестливость. Этим высоким человеческим качествам эквивалент подобрать невозможно, потеря их невосполнима...»

Он зафиксировал в письменной культуре «уходящую натуру»

(Из статьи В.Тимофеева «Постижение»……)

«Крупный писатель – это своя логика, своя образность языка, своя композиция и, наконец, своя философия реальности, то есть жизни.

Виталий Маслов как крупный писатель выдерживает критерий и самый значительный: на цельность творчества. Он написал семь книг (опубликовал), и это не просто случайный набор тем, названий, схваченных из разных пластов жизни, придуманных по тому или иному поводу. Это цельный прозаический цикл, внутри которого все вещи выстраиваются не временем написания той или иной вещи, а содержанием, развитием событий, характером, самой философии жизни. Все его книги - это хроника Поморья (и хроника России!) за семь последних десятилетий. Маслов многое в литературе высказал первым и многое первым же предсказал.

Ему повезло: хватило сил, таланта, терпения, подвижнического запала - поднять свой каторжный труд. Ему не повезло: всю жизнь был в оппозиции доперестроечным властителям, мечтал о переменах, жаждал их страстно, работал на них, на расширение критики тогдашнего порядка, но, когда дым от перестроечных залпов рассеялся, выяснилось, что новому порядку русская литература еще более ненужна.

Зачем же я пишу все это, спросит кто-то. Да чтобы подчеркнуть, что, несмотря на чуждость и нового порядка литературному делу в России (у Маслова за пять последних лет не вышло ни одной книги), так вот, несмотря на чуждость нового порядка литературному делу в России, русская литература от этого не развалится. Ибо она адресована не властям, а народу; к тому же власти - преходящи, а она - вечна. Хотя бы настолько, насколько вечен народ.

- Все течет-меняется,- возразит кто-то, - завтра придут новые писатели, у вас же нет справки от Бога, что масловские книги тоже вечны.

Есть такая справка! Сами его книги. Да, проблемы могут уйти, конфликты будут иметь новый рисунок. Но противостояние добра и зла - неизбывно, красота - неизбывна...

И еще, очень важное. Мы говорили: Маслов - как крупный писатель - обладает огромной цельностью. И вот еще одна ее грань: Маслов как писатель, родившийся в Поморье, был одним из последних, кто мог отразить, зафиксировать в письменной культуре "уходящую натуру" - северный, поморский диалект многокрылого русского языка.

И он выполнил эту задачу блестяще. Диалект зафиксирован в серьезнейшем литературном материале, притом охвачены не только лексика, то есть словарь, но и сам живой синтаксис, подлинный кровонесущий организм. Понятно, для этого нужен был огромный художественный талант. Ведь неслучайно же это выполнить столь всеобъемлюще до Маслова никто не мог. И если бы в будущем так случилось, что к проблемам нынешним утратится интерес, то интерес к языку масловской прозы не будет исчерпан никогда. Даже если через несколько тысяч лет исчезнет сам наш язык, переродившись в какой-то новый, то и тогда русский язык как один из самых могучих древних языков Земли не утратит ценности. Будут жить в компьютерной памяти Земли и книги Маслова...

Разговор о Маслове сознательно сегодня веду лишь как о писателе. А ведь многие знают его как крупного общественного деятеля, деятеля культуры. Его имя связано со многими прекрасными делами в жизни. На мой взгляд, это еще одно подтверждение все той же, свойственной крупному писателю цельности. Духовные ценности, эстетические критерии, выражаемые им в литературных произведениях, он не просто отражает, но и исповедует сам, в собственной жизни».

Свидетельствую на пределе откровенности

(Из статьи Якова Черкасского «Вера, Надежда и Любовь Виталия Маслова»)

«Я перечитал давние рассказы Виталия с тем, чтобы проверить себя - произведут ли они сейчас, когда голова занята совсем иными заботами и хлопотами, чем в 60-70-е годы, на меня столь же яркое впечатление, как некогда? Свидетельствую на пределе откровенности – масловские произведения выдерживают испытание временем. "Восьминка", "Зырянова бумага", "У Стивидорного", "Никола Поморский" и ныне, в сентябре 1995 года, обжигают душу.

Вот Сусанна Карушкова из «Восьминки» - это конкретная, во плоти и крови, масловская героиня, старая, битая жизнью крестьянка из дальнего, забытого Богом поморского селения. Но - ведь это же и Россия! Двадцати страниц печатного текста хватило Маслову, чтобы запечатлеть русский национальный характер. Вот каков уровень таланта, писательской зоркости, мастерства! Да-да, и мастерства, хотя оно в глаза не лезет. Высочайший авторский профессионализм состоит в том, что читатель его попросту не замечает, ему кажется, что перед ним - срез реальной жизни, только и всего…

Но есть еще один Виталий Семенович Маслов - общественный деятель, душу положивший "за други своя", бессменный возделыватель нивы русской культуры, неутомимый и бескомпромиссный инициатор, организатор, вдохновитель и исполнитель множества больших, малых, порой микроскопических акций, сеющих "разумное, доброе, вечное". Безумно тяжкое время переживает сейчас наша страна. Те, кому небезразлична судьба Родины, не могут не задаваться вопросом Василия Теркина: "Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?" В пору, когда кумиры, которым молились денно и нощно, повержены, когда привычный для десятков миллионов людей образ жизни летит в тартарары, Виталий Маслов предпочел прямому включению в политику, словесным и газетным баталиям, телевизионной шумихе, выискиванию врагов России и их широковещательному разоблачению свой путь, ведущий к спасению, к возрождению России. Путь этот не обещает незамедлительной громкой славы, всенародной известности, не изобилует внешними эффектами, он тяжел, очень и очень непросто - надо вернуть русских людей к исконным историческим, культурным, ценностям, к тому непреложно-возвышающему, что должно подвигнуть их гордиться Россией, смотреть в ее будущее с верой, надеждой, любовью».

Она язычница, в Бога не верит...

25.09.2000. Зашла в писательскую, и обрадовалась, увидев в большой комнате, Маслова, разговаривавшего с Колычевым. Сначала обнялись и расцеловались с Масловым, затем подошла к Колычеву. А он, приняв мой поцелуй, решил, видимо, мне тоже сделать приятное, произнес восхищенно:

- Знаешь, Виталий Семенович, когда мы с отцом Аристархом первый раз в Ревду ехали, ну на счет конференции «Православие и саамы» договариваться, я за Надьку боялся. Сказал ему: «Она язычница, в Бога не верит. От нее что угодно ждать можно. Но прежде чем делать какие-то выводы, посмотрите созданный ею музей.

- Да уж, Коля, представил ты Надежду перед отцом Аристархом в свете, лучше не придумаешь.

- А что, Виталий Семенович, разве она не язычница? Самая настоящая, я ее сказки по твоему указанию прочел. Язычница она язычница и есть. Я что? Про нее отцу Аристарху финн Лейф Рантела такое понарассказывал, уши вянули. Я свидетель. По его словам, нашу Большакову вся Финляндия терпеть не может.

- Удивительное дело, - возмутилась я от обиды за всю Финляндию, которая меня, оказывается, уже терпеть не может, - я Лейфа Рантелу видеть не видела, хотя предположить могу, по наговорам кого он поет. А ты-то Коля с чего меня перед отцом Аристархом безбожницей выставляешь, я перед тобой, кажется, в этом не исповедовалась. Да чтоб ты знал, я без молитвы из дома не выхожу, постоянно с Богом в душе живу, а ты безбожницей обозвал. Вот так, Виталий Семенович, как в писательскую ни приду, так, тут же горькую пилюлю получу.

- А ты, любушка, не обращай ни на кого внимания, живи, как живешь… и ни перед кем не

отчитывайся, и уж тем более не оправдывайся. Колычев он безвредный, так по глупости сморозил.

- А между прочим, - обиделся Николай, - отец Аристарх после посещения твоего музея в следующий раз, когда к нему финн приехал, уже и не принял его. Так что радуйся…

Чтобы у людей крылышки вырастали

Сентябрь 2000 года. 65-летие Маслова. Еще один юбилейный вопрос Маслову - о чем можно писать или о чем нельзя? И он ответил:

> *«Вопрос чрезвычайно серьезный. Это может быть отдельным разговором. Все зависит от того, кто пишет. Историк родной, национальный историк, сын своего Отечества должен писать обо всем. Он не имеет права скрывать ничего, но если он сын своего Отечества, то должен писать так, чтобы от светлых страниц, от светлых годов своего Отечества у людей крылышки вырастали, душа пела. А от того, что было горькое в Отечестве, у человека кровью сердце капало. Вот так надо писать историю. И в литературе тоже все можно писать, но нужно помнить о главном противоречии. Русская литература всегда поднимала глаза человеческие к небу. Мы пытаемся соединить человека и землю с небом, но есть люди, которые делают все для того, чтобы взгляд человека, особенно молодого, не поднялся бы выше пояса. Хотя и о том, обо всем можно писать так, что взгляд человеческий обращен будет к небу».*

«На нее и помолиться не грех»

25.09.2000. Как-то в гостях у Масловых спросила Виталия Семеновича, нет ли у него старых календариков: мои друзья из Саранска собирают коллекцию, но не хватает в ней северной тематики. Спросила просто так, тогда у всех спрашивала. А затем, спохватившись, подумала: «И чего к Маслову с таким пустяком лезу - человек серьезный, занятой, не до календариков ему».

А Маслов как ни в чем не бывало опустился на колени и полез шкафы открывать, перебирать содержимое. Нашел несколько. Отдавая два «писаховских» не без гордости произнес: эти сыном его сделаны. Вытащил и целый набор «казацких» с изображением казаков при оружии и в одеждах разных эпох. Попросил поглядеть, не попадутся ли двойные. Оправдываясь, добавил:

- Я их в подарок нашим казакам покупал, да пока не оправдали они ожиданий моих. И тебе нынче не дам, раз не для себя просишь. Затем ушел за книжный шкаф и вынес еще один. - Это Богоматерь Царьгородская. Отдам с условием, что будешь у себя хранить. Настоящая икона, хоть и календариком сделана, на нее и помолиться не грех.

Я дала слово, что сберегу. Он перекрестился, поцеловал и мне протянул. Так Богоматерь Царьгородская у меня на полке с книгами и стоит. Бывает, я на неё и помолюсь, вспомню Виталия Семеновича.

Прием в писатели Дмитрия Коржова

30.09.2000. Виталий Семенович в писательской не появляется совсем. Думала: хоть на собрание придет, ведь дела рассматривались по приему поэтов Дмитрия Ермолаева и Дмитрия Коржова в Союз писателей - но нет, не пришел. Без него писательская стала, точно без души. Ермолаев тоже не пришел, и его дело отложили, а Коржов предоставил по сути всего одну рекомендацию - Виктора Леонтьевича Тимофеева. Затем нынешний секретарь писательской организации Михаил Тверцов сказал, что есть еще и рекомендация Маслова. Стал читать, но это оказалась не рекомендация, а письмо, в котором Виталий Семенович просил кого-нибудь из писателей написать Дмитрию рекомендацию. Однако все решили письмо Маслова и считать рекомендацией. Нужна была еще третья рекомендация, и Леонтьевич Тимофеев обратился к Тверцову, мол, пиши, сам как секретарь. А тот - да я, мол, права не имею, сам трех лет еще не состою в Союзе писателей. Тимофеев: «Ничего, мы ее примем от тебя устную». Я думала: «Ну вот, до чего дошли. Когда такое при Маслове было? То, что он в Союз не ходил - его право, а

вот, почему проигнорировал выборное собрание - не понимала.

Выбрали счетную комиссию и всех попросили удалиться. Через минут пять председательствовавший Александр Миланов пригласил всех заходить и стал зачитывать результаты: «Итак, 7 – за, 6 – против». И тут я, точно очнувшись, возмущенно произнесла:

- А когда это вы голосовали? Мне, например, листочка никто не давал.

Все засмеялись: мол, Надежда, раз голосование профукала, объявляй свое решение вслух. Я искренне оскорбилась. Все значит тайно голосовали, а я вслух должна.

- Нет, дорогие, - говорю, - давайте и мне листочек, я выйду и напишу свое решение.

Мне пододвинули листок, я вышла, поставила в нем свое резюме, свернула и только потом вновь вошла в комнату и почти торжественно подала «свой голос» Миланову.

Тот, непонятно чему улыбаясь, принял его, развернул и, прочитав мой вердикт, вновь огласил результаты: 7 – за, 7 – против: «Итак, результаты теперь окончательные: семь – за, семь – против».

Тверцов обратился к Тимофееву:

- Виктор Леонтьевич, а что же делать в этом случае?

Леонтьевич не растерялся:

- А мы присоединим письмо Маслова как голос – за.

В перерыве ко мне подошел Николай Колычев и восхищенно сказал:

- Ну, Большакова, после твоего голосования в открытую, я зауважал тебя еще больше. Все тайно «против», а ты - в лоб.

- С чего это ты взял, что я «против» написала, ведь я тоже тайно голосовала? – спросила я, недоумевая, откуда Колычев прознал про мое «против».

Колычев смотрел на меня удивленно.

- Так ведь до твоего голосования результаты уже оглашены были: «7 – за, 6 – против» с твоим «против» стало поровну, ты что и впрямь этого не поняла?

- Да… - протянула я, соображая, что мое голосование оказалось совсем и нетайным. - А чего же я тогда выходила? Надо было вслух сказать… Да, впрочем, какая разница, проголосовала и проголосовала, - равнодушно добавила я.

Колычев расхохотался до слез. Я же узнав, что тайного голосования у меня не получилось, что теперь Димка знает, что я проголосовала против него, не очень-то и расстроилась, будет ему стимул еще лучше писать, только и всего.

Вечером от Синицыных позвонила Маслову, рассказала про собрание. Виталий Семенович сказал, что никакой рекомендации Коржову он не давал, только Ермолаеву, и что по уставу считается принятым только тот, кто набрал две трети голосов, а значит, Коржов не может считаться принятым, но Тверцов с Тимофеевым сделали все по-своему.

«Скажи, нужен писательской свой Добролюбов?»

1.10.2000. Воскресенье. Договорились с Масловым, что заеду к нему. Сказал, что будет ждать, для других ни для кого его нет. Вечером - у него. Виталий Семенович достал бутылочку ракии, хранимую им еще со Славянского хода, и мы выпили по рюмочке. Поговорили о Коржове. Виталий Семенович сказал, что да, Дима не стал поэтом таким, как он хотел бы его видеть, но зато из него выкристаллизовывается хороший критик.

- Скажи, - спрашивал меня Маслов, - нужен писательской свой Добролюбов?

- Добролюбов?.. - отвечала я ему, - Думаю, нужен. Но, Виталий Семенович, ты же не ставишь Коржова на уровень с Добролюбовым?

- Пока нет, но он его уровня вполне может достигнуть, если только выше своих амбиций поднимется.

- Что ж, я уже не раз убеждалась в твоей дальновидности и потому принимаю твою позицию.

На этом вопрос о том, достоин Дмитрий Коржов быть членом Союза писателей России или нет, был снят.

«Белый ангел»

1.10.2000. Зашла к Виталию Семеновичу обговорить кое-какие дела, а заодно и рассказ показать, присланный мне Натальей Павловой, учительницей из Снежногорска. Рассказ назывался «Белый ангел», и прочла я его на одном дыхании, но, не доверяя еще своему собственному ощущению, решила показать Маслову. Последовала было в кабинет за Масловым, но тот остановил еще на пороге, там пол был точно усыпан небольшими обрывками листочков, исписанных бисерным почерком Маслова, которые где только не лежали: и на книжных полках, и на столе, и на полу, и на диване… Я, удивившись, спросила, что это? Он, шикнув, чтоб ничего не сбила, добавил:

- Роман собираю.

Я еще более удивленная начала уточнять:

- Он что у тебя весь в этих маленьких листочках?

Маслов пояснил:

- Можно назвать и так, потому что вставки всегда большую половину романа составляют.

Взял из кабинета очки, и мы прошли на кухню. Я протянула ему рассказ Павловой, который Виталий Семенович решил тут же прочесть и вернуть мне. Вижу, прочел, но отдавать не спешит. Про себя молюсь, хоть бы рассказ понравился. Наконец, вновь бегло просмотрев страницы, заговорил:

- Здесь в двух местах слова местами надо поменять, тогда смысл сразу более глубоким станет. Исправишь и можешь в «Север» посылать. Рассказ небольшой, а какая в нем мудрость заложена! Детское впечатление никогда не обманывает. И бабушка Груша здесь истинно народный характер несет. Русский! Чего в нем только не намешано: и вера в Бога, и поклонение водяному и сватовство скопца. Давненько я ничего о скопцах не читал…

Сказал и задумался. Я спросила, зачем же тогда скопцу свататься к бабе Груше? И в очередной раз поразилась масловской мудрости:

- Да не к бабе Груше он сватался, к душе ее прикоснуться хотел. В этом-то и отличие. И баба Груша знала об том, потому и не приняла предложение. Рассказ на три страницы, а написать по его поводу можно целый трактат.

Уходила я от Маслова счастливая. А, когда еще и от Станислава Панкратова письмо получила, в котором тот сообщал, что рассказ будет напечатан в первом номере журнала «Север» за 2001 год, сообщила радостную весть Виталию Семеновичу. Кто – кто, а он умел радоваться успехам других.

«Незнакомый Маслов»

28 октября 2000 года в эфире прозвучала программа Дмитрия Ермолаева «Незнакомый Маслов», а в годовщину памяти Виталия Семеновича Дима опубликовал в газете некоторые фрагменты из последнего интервью с Виталием Семеновичем.

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ ПРАДЕДА

Это Никифор Маслов, около 1730 года погибший у Трех Островов, это здесь, у Поноя. Он первый, от кого осталась память материальная - его нательный крест. Поморы, когда похоронили его, крест сняли: с крестом не хоронят у нас, если ставят сверху крест. Прошло много лет, десятки лет после того, как для Семжи, для родных этот пращур потерялся; считали - море взяло. Но вот пришли вдруг в Сёмжу два старика с дальнего Онежского берега и принесли этот крест, сказали, что Бог смерти не дает. Нательный крест Никифора, вернувшийся в Сёмжу через Онегу, - самое старое родовое, что у меня есть.

ЧЕМ ПАХНЕТ ЗЕМЛЯ

В шестом классе задали сочинение «Один день каникул». Я написал о том, как пошел в лес, чтобы взять саженцы, посадить, а в итоге получилось о том, чем пахнут в мае земля, березы у ручья. Сидел, смотрел в свою домашнюю, морскую сторону, плакал и писал, и потом, когда стали оценки ставить, мне поставили кол. Понял, что что-то могу, потому что

допытывалась молодая учительница (я ни капельки ее не виню), где я списал.

ЛЕДОКОЛ «ЛЕНИН»

Подал заявление в Мурманское морское пароходство. В кадрах был Юрий Александрович Быстров, он сказал: «Сходи-ка на ледокол (он пришел с рейса на полдесятка дней), подежурь в рубке, ребят освободи». И я отправился, тем более, что мечтал там побывать. Пришел туда, а в это время вернулся из отпуска Александр Георгиевич Гамбургер. Ему сказали, что пришел радист, вахту несет в рубке. Он спросил: «Кто?». Ему говорят: «Маслов». И он, не видясь со мной, побежал к капитану и сказал: «Не отпускайте». Он раньше в гидрографии работал. И за приборы все в Арктике отвечал. И пока я там работал, ему забот не было, более того, с дрейфующих станций, с островов ледяных, аппаратуру тоже ко мне привозили ремонтировать туда. И чаще всего было так: я свою аппаратуру работающую им отдаю, а сломанную забираю. Итак, я прибыл на «Ленин» на пять дней, а пробыл там двадцать лет и один день.

ФИДЕЛЬ КАСТРО

Так, как его, встречали только Гагарина. Приехал на ледокол. Ребятам он понравился, и до сих пор, как вспоминают о нем, светятся. Пробыл на ледоколе в два раза больше, чем положено, все графики сломал. Мы сидели в каюте Юрия Коновалова, инженера-оператора. Вышли - а там идет экскурсия по ледоколу, была большая охрана, но мы вышли - и он идет навстречу.

Юра Быстров говорит: «Давай пригласим его на свадьбу!» Я был в то время смелый, не знаю почему. Делегация остановилась у курительного салона, я подхожу. Хорошие, счастливые лица у всех. Меня Юрий Александрович выставил вперед. Подхожу: «Ну, раз уж так совпало, приезжайте к нам, вы нашим ребятам очень понравились». Сзади кто-то дергает. Кто вперед толкает, а кто дергает. Юрий Александрович говорит: «У вас не будет ужина, а у нас будет хорошо». Но нам отвечают: «Ну, никак - итак сорвали все графики». И он говорит: «Сегодня у нас прием торжественный, приходите туда, места для вас оставим». Мы: «Спасибо, но у нас же гости, куда же мы пойдем». Этим разговор кончился. Сыграли свадьбу, хорошо сыграли. Такие хорошие люди были: Валентин Осипович Попов, радист наш, знает мои замашки, мои пристрастия уже понял и говорит: «Не будем мы в ресторане свадьбы играть, сделаем у нас».

Его квартира в Росте на Дежневке, тогда Юхновкой называлась, двухкомнатная квартира... И вот он пустил нашу ораву туда. Наталья Михайловна, теща его, Лена, жена - это взять такую заботу на себя! Два дня мы там гудели, следов краски не осталось на полу. Есть вещи, которые не забываются.

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Приглашает меня посол по культуре Болгарии Живко Бычкова и говорит: «Есть решение вас и Тимофеева наградить орденом Кирилла и Мефодия». У нас в то время такой орден был только у Дмитрия Сергеевича Лихачева. Я сказал им: «Ваше решение не бесспорно. Выделить двух человек из тех, которые делали праздник, - простите, не то, что нужно. Это не объединяет, а разъединяет. Если это решение будет принято, я откажусь».

Потом мы поехали в Болгарию. Илья Пехливанов, редактор газеты «За буквите», которая помогла нам первые праздники провести, вел нас к редактору газеты «Антени», еженедельника, Веселину Иосифову, члену Политбюро болгарской компартии. Хорошо посидели, выпили по рюмочке ракии, я ему говорю: «Веселин, Илья запретил мне об этом говорить, но что же тянуть. Могли бы вы подарить копию вашего прекрасного памятника Мурманску». Веселин прошел в глубь кабинета, кому-то позвонил и сказал, что через десять минут нас ждет заместитель Живкова. И вопрос был решен...

РОДИНА: МУРМАНСК И СЁМЖА

Мурманск - мой город. Я люблю Мурманск больше всех городов. Сёмжа - моя деревня, моя родина. Я люблю Сёмжу больше всех других деревень. Русская земля, северная земля - моя земля, я люблю эту землю больше всего на свете.

Рубцовские чтения

27.01.2001. Прошло несколько лет с моего первого постижения Рубцова и вот в первый раз писатели приглашают меня участвовать на Рубцовских чтениях в городах Кировске и Апатитах.

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Я думала, а что же мне сказать людям, когда лично с ним я знакома не была, литературных исследований по его творчеству не писала? Перед поездкой долго не могла заснуть, писала в дневник, вспоминая книгу Коротаева «Козырная дама». Помнила, что когда читала ее, сидела на очередной голодовке в надежде похудеть. И то ли из-за этого чувства мысли были обострены, то ли еще из-за чего, только, думая о судьбах поэтов, так мне их всех стало жаль, что, казалось, душа разорвется от этой жалости, не выдержит. Почему-то так всех сразу и увидела. И прошлых веков, и нынешнего, кого-то знала лишь по книгам, кого-то лично. И подумалось, да ведь все мы, люди творчества, со слабинкой своей, с «непутевостью». И захотелось разом всех прижать к груди, пожалеть, приласкать, радость подарить, тепло душевное. Сколько могла, насколько бы хватило, потому что точно знала - ни у кого из них счастья этого никогда в избытке не было. Захотелось людям глаза раскрыть. Ведь разве знают они, как ранимы души поэтов? Могут почувствовать биение их сердец? Вот говорят у переводчиков пульс при работе поднимается до 120 ударов в минуту, а у поэтов? Кто измерял пульс поэта в период рождения его стихов? Мне думается, в момент творчества пульс поэта гораздо больше пульса переводчика. Именно судьба Николая Рубцова научила меня быть добрее, прощать в товарищах моих по писательству их слабости, не отталкивать от себя. Это так важно научиться прощать. Прощать и жалеть. Разве не покорежены были судьбы Пушкина, Лермонтова, а какие везувии в душе вскипали у Толстого?! А смятение Гоголя, Маяковского, что уж говорить о Есенине, Гумилеве, Цветаевой, Рубцове? А разве безоблачной была жизнь первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой? И ее судьба лезвием ножа по сердцу проходит. Вот по такому лезвию судьбы и все поэты прошли. А уж о нелепости и трагичности смерти Николая Рубцова и говорить не приходится. И как жаль, что сегодня у нас в Союзе писателей остались в прошлом душевные вечера-посиделки, когда собиралось в компанию нас человек пять-семь и говорили о судьбе России, о жизни, о творчестве, о многих других вещах… 1993-1996 годы были для меня постижением писательского мира, открытием новых имен, среди которых был и Николай Рубцов, известный поэт России с трагической до боли судьбой.

В Кировске, несмотря на сильную пургу, в библиотеку на встречу с нами пришло очень много народа, причем пришли в основном старожилы, даже вдова поэта военной поры Николая Михайловича Гудовского 1914 года рождения пришла, мне было непонятно, как она в такую погоду вообще смогла до библиотеки дойти. Своим выступлением Виталий Семенович нас всех удивил и расстроил. Он взял с собой книгу стихов Надара Минадзе и продемонстрировал нам, за что стали давать губернаторские премии, зачитывая строчки подобные этим: «Стою я по яйца в снегу…» или «Мочусь я на чистый снег…» Причем подобных выражений в сборнике можно было насчитать превеликое множество. Было ясно, что, давая премию, окружение губернатора даже не соизволило поинтересоваться, а что в ней.

Встреча прошла очень хорошо, я поделилась со слушателями своим восприятием поэзии Рубцова, прочла несколько своих рассказав, за которые Маслов меня щедро похвалил.

В гостинице уже у нас возникло желание написать через газету открытое письмо губернатору Юрию Евдокимову. Всю ночь за окнами бушевала пурга. И наутро выяснилось, что Орешетин «белый мустанг» не тянет. Тогда мы с Виталием Семеновичем впряглись в веревку спереди, а Тимофеев, Коржов и бард Олег Алистратов стали толкать сзади. Миша пробовал давить на газ… Тянули, тянули – толку особого нет. Маслов отошел в сторону и стал мной командовать, а я одна, как бурлак на Волге, натягивать что есть сил веревку:

- Большакова, Большакова, ты не туда заворачиваешь, прямей, прямей тяни.

Таким способом мы смогли протолкать наш «мустанг» только с километр, не больше, и послали Олега Алистратова искать тягловую силу. Через какое-то время видим, он едет на тракторе. Тот, протащив нас километра два, позволил Орешете завестись, и мы продолжили путь в Апатиты. Пока ехали, прикалывались с Тимофеевым, сочиняя что-то типа частушек-нескладушек на наши злоключения:

Едреныть туда и туда ей,
А дальше совсем растудыть
Надежда опять голодает,
А Миша бросает курить.
По няше, протопав Паратов
Ужо тебе, паря, ужо –
Пустился гулять Алистратов,
За ним увязался Коржов…

Коржов уехал от нас в Мурманск на 10-летие газеты «Мурманский вестник», где работал уже несколько лет. Алистратов тоже должен был ехать на этот юбилей, но передумал, решив остаться в нашей компании. В Апатитах выступали в школах. Посетили выставку «Каменный цветок», на которой народу собралось великое множество. Увидела Бартыш Людмилу, которая давно занимается поделками из камней и в Умбу из Ревды переехала жить. Поговорили. Подошел к ней и Виталий Семенович, я, чтобы не мешать их разговору, отошла в сторону, а потом Людмила мне призналась, что, отзываясь обо мне, Маслов сказал ей, что я превосхожу сама себя. Мне подумалось: это он так меня только чужим людям выставляет, чтобы в их глазах мой авторитет поднять. До превосходства себя мне ещё ой, как далеко! Надо работать и работать…

Накипело

Под таким названием вышла статья Маслова в газете «Славянский ход», в ней Виталий Семенович гневно критиковал губернаторскую премию, которая была дана Минадзе. Когда-то эта премия была премией администрации, а с 2000 года стала губернаторской. Маслов писал:

> *«В 2000 году постановлением губернатора эта премия — "за высшие творческие достижения" в области литературы — присуждена Нодару Минадзе за книгу "Рыбный день". Книга была издана годом раньше Областным институтом повышения квалификации работников образования, поэтому не остался без поощрения и глава института В. Костюкевич: отныне ему, волей губернатора, отдана в распоряжение вся областная система образования — Комитет по образованию администрации Мурманской области.*
>
> *Логично, что подчиненные г. Костюкевичу работники образования, в том числе, в первую очередь, лучшие учителя литературы, считают своим долгом знакомить школьников с книгой, изданной таким, можно сказать, родным институтом и получившей столь высокую оценку — оценку представителя государственной власти. И вот одна из таких учительниц (имя по понятным причинам называть не буду) попросила меня перед моей встречей со школьниками познакомить ее девятиклассников с этой книгой, поскольку сама она, как оказалось, ни прочитать, ни объяснить многое не могла. В таком же положении оказался и я. Почему? Цитирую, листая оглавление и сохраняя написание:*
>
> *люди падают всегда: мордой в говно*
>
> *стоя по яйца в снегу*
> *пить горючую «РУССКУЮ»*
>
> *плечом к плечу бытуют жены*
> *они как «Першинг» заряжены*
> *они толкуют о б…х*

поручик расстегнув одежды
мочился грозно на врага

приспустим штаны и флаги

чтоб я был драным гондоном

но
Буратино выучился на гинеколога

б... и как ружья бывают разных калибров

и совестно в штаны накласть

на безрыбье и ж...а — соловей

Прошу прошения. Но как, не цитируя, объяснить, что ныне поддерживается властью и за что власть жалует?

И даже подумалось: а не попросить ли губернатора о помощи? Мол, Юрий Алексеевич, премия — губернаторская, с Вас и спрос: возьмите Вашей властью канал телевизионный, пригласите к экранам школьников и почитайте и объясните, что к чему. Я ж процитировал не все, что процитировать следовало бы.

Но даже и не слова непристойные вызывают протест, не мерзость того, что премировано, хотя и это тоже...

Русское искусство, русская литература всегда старались, чтобы взор человека, обращенный в люльке к небу, как можно дольше не опускался ниже пояса, дабы природе и человеческому в человеке не навредить. Карамзин: живость воображения опасна, пока человек не обрел "твердых правил добродетели". Пушкин (устами героя, отнюдь не отрицательного): "Храни, храни святую чистоту Невинности и гордую стыдливость... "

Тысячелетние старания нашей Церкви и русского искусства не пропали даром. Нынешние разрушители великого государства, так называемые демократы и гуманисты, обнаружили вдруг, что люди наши и сегодня — люди, остались людьми, и застывающие глаза миллионов русских людей, умирающих безвременно на развалинах государства, глядят, как и прежде, несмотря ни на что, в небо. А значит, может случиться, что надежды разрушителей в очередной раз не оправдаются… И посыпались деньги, большие деньги: на половое воспитание! — На гранты соответствующим министерским чиновникам, учителям, воспитателям в детских садиках. Чтоб взор еще не осмысленным, заранее — туда...»

По всему видно: у Маслова накипело. Никогда бы он не позволил себе подобного цитирования, но видимо по-иному нельзя. Только так прямо и жестко нужно и тех же чиновников тыкать носом в их собственное дерьмо.

Скорбная весть

21.06.2001. Позвонил из Сёмжи Маслов, спросил, как прошли похороны Саши Миланова и сказал, что Борис Макарович лежит в больнице, и чтобы мы навестили его. Сокрушался, что не мог вылететь из Сёмжи, чтобы прибыть на похороны Саши, а теперь вот и Борис Макарович находится в больнице... Я боялась говорить, что вчера, по радио и телевидению уже передали: 20 июня в шесть часов утра после тяжелой непродолжительной болезни Борис Макарович скончался... Занимаясь похоронами Александра Миланова, никто из нас не знал, что наш всеми любимый и уважаемый капитан Соколов находился в больнице... Когда все же сообщила эту скорбную весть Виталию Семеновичу, в трубке повисло молчание... Затем хриплый голос Маслова произнес: «Любушка, ты уж и от меня положи на гроб Бориса Макаровича цветы... Потом позвони, как все пройдет, я ждать буду...»

«Я никогда не узнаю, что я уже умер»

23.06.2001. Мы всё всегда делаем с запозданием: признаемся в любви, говорим друг другу приятные слова, оцениваем мастерство рядом живущего. К сожалению, я в этом списке опоздавших по отношению к Александру Миланову не оказалась исключением. Да, стихи его читала, рыбацкие бывальщины, слушала многочисленные выступления поэта и наивно думала, что творчество Александра знаю.

Стихи Александр читал замечательно, а если видел, как у слушателей загорались глаза, увлекался еще больше. Когда мы были в творческих поездках, он, зная, что мне нравится его триптих «Украсть тебя», обязательно читал его слушателям. Теперь, когда Саши не стало, я попробовала прочесть сама и поймала себя на мысли, что читаю по-Сашиному, сохраняя его интонации, манеру чтения, переходя в восприятии женщины от заразительного молодого, взахлеб:

Рвануть бы дверь!
С клубами пара,
На свет!
К сияющим глазам!
Вбежать!
Увидеть, как отпрянув,
Ты смотришь,
пасть к твоим ногам.

до по-стариковски ленивого, размеренного:

Украсть тебя?
Теперь все реже –
Мысль возникает у меня.
То боль в висках,
то ноет печень,
То нет в наличии коня…

Он умел перенести в свои стихи и бывальщины состояние и людей, и зверюшек, природы в целом. Да и рассказчиком был великолепным. Запомнилось его выступление перед ревдинскими школьникам. Спрашивает их: «Помните, когда вы стали ощущать себя человеком, то есть, что вы есть? Что живете?» И смотрю, ребятня задумалась, да что они, я сама стала пытаться вспомнить, когда же ощутила, что я есть. А Александр продолжал: «Я запомнил себя в два года. Стою на пыльной деревенской дороге и смотрю куда-то вдаль. Вдруг передо мной раскрылась вся необъятная ширь полей, солнце ослепительное и жаркое… Вот тогда я понял, что живу». Так ненавязчиво он умел поставить вопрос и направить мысли слушателей в себя, умел увлечь их на размышления о жизни и судьбе.

А с каким аппетитом он ел! Любо - дорого глядеть. Ведь не зря в старое время работников проверяли едой. Если ел хорошо, то и работал также. Саша в Ревде у меня, бывало, четыре тарелки щей подряд съест, а пятую, смеясь, просит сухим пайком завернуть. В альбоме записал: «Я не чревоугодник, но в этом доме умеют готовить щи, от которых, как говорится, за уши не оттянешь. Вот уж за что спасибо матушке твоей, Надюша».

А еще запомнилось мне его короткое выступление на презентации сборника стихотворений «Духовная поэзия». Виктор Тимофеев дает слово Колычеву. Тот выходит и полностью читает свою прекрасную поэму о 116 мучениках. Читает минут двадцать. Затем слово предоставляется Миланову. Тот говорит, что предоставит вниманию зрителей три стихотворения. Я за спиной слышу шепоток: «Ну, теперь и этот на полчаса затянет». Миланов как ни в чем не бывало объявляет первое стихотворение и… произносит:

…с букетом последней багряной рябины,
А люди подумают: едет к любимой.

Пауза и объявление второго:

Пока я пил, зазеленели листья.

И третье:

Я буду есть, что есть.

Кланяется и уходит на свое место. Зал разрывается аплодисментами. Отец Аристарх прячет улыбку в своей бороде, а за спиной тот же шепоток, теперь уже восхищенно, обращаясь к соседям: «Какой, молодец! "Я буду есть, что есть". Такое стихотворение с первого раза и на всю жизнь запомнишь».

Он был разным, как впрочем, все мы, этим и был интересен. Я думала, что знаю творчество Саши, но вот достала альбом с его рыбацкими бывальщинами, принялась читать… И с радостью стала открывать для себя талантливейшего живописца, и с горечью поняла, что открытие это пришло слишком поздно. Думалось, Миланов еще поживет, еще успею. Да и сам он был настроен на долгую жизнь и вот на тебе… Не успела… Не успела сказать каких-то очень важных слов, не проходящих, обыденных, мимолетных, а таких, чтоб душу согрели, уберегли. В последний его приезд в Ревду на презентацию книги «Отрада моя – рыбалка» мы много беседовали, три дня жил он у меня, о музее выспрашивал, хотел статью написать. Я тоже было спросила его: как он? И успокоилась от одной фразы: *«Все, Надежда, бросил пить, устроился на работу, хочу жениться. С новым тысячелетием начинаю новую жизнь!»* Порадовалась за товарища и все, а нет бы записать мысли его, расспросить, отчего так круто жизнь свою собрался менять…

Не раз смерть дышала ему в затылок, но он сопротивляется ей: *«лягу на снег спиной, не снимая рюкзака, и провалюсь в тягучую яму небытия. И это будет смерть? После ничего не будет? Нет, я этого не хочу!»*. Мне в книге написал: *«Я обещал себе прожить как минимум 83 года и не потому, что люблю себя, а потому, что люблю жизнь». Или другое: «Одиночество теперь не удручает, а радует. Нахожу удовольствие быть самим собой, ни от кого не завися, ни под кого не подстраиваясь, делая то, что мне нравится, что хочу. Прожить месяц вдали от человеческого жилья без напарника? Пожалуйста! Испытывать это счастье стало необходимостью. Стало потребностью жить "на уровне травы в пределах мирозданья", как написалось в давних стихах…»*

Михаил Орешета на похоронах сказал, что Саша боролся за жизнь до последнего. Прочтя его бывальщину «Взгляд старухи с косой», зримо представляешь, как все это произошло. Оказывается, он уже был в подобной ситуации, когда весенний лед провалился под ним. Когда постоянно ходишь в тундру, частенько притупляется чувство самосохранения. Так было с Милановым несколько лет назад, так случилось в эту весну. Он все уже описал. Только тогда Сейд отпустил его, а в этот раз… Никогда нельзя говорить, собираясь в путь, а уж особенно в лес, что «иду в последний раз». Саша же весь апрель всем нам не раз повторил: *«Вот схожу в последний раз в тундру, заберу из избушки вещи и уж больше не пойду». Сам себе дорогу и закрыл, вот Сейд его и не отпустил из тундры, принял к себе в вечные спутники. И несмотря на то, что в бывальщинах его подчас звучат пессимистические нотки, они очень жизнеутверждающи, читаются лучше любого романа. И вот я женщина начинаю уже сопереживать Саше, как будто он и не умер совсем, а там, в тундре, преодолевает одно препятствие за другим. Кто знает, может, так и есть. Тундра была для него великим откровением, и он свое земное сердце отдал ей безраздельно. Так и написал: «По мне происходящее с нами – зов предков».*

Я не отшельник, но –
Как бы сказать? –
Надо порой забираться в берлогу,
Чтоб от друзей и врагов отдыхать,
Сердцем тянуться к забытому Богу.

Проститься с Александром Александровичем Милановым пришло довольно много народу, почти каждый постоял у гроба в почетном карауле. Он умер 4 мая, а хоронили мы его только 19 июня. Потому гроб был закрыт. На бархате цвета морской волны множество цветов. Звучала печальная музыка, подходили люди. Я вспомнила, что на похоронах Владимира Смирнова меня с девочками Виталий Семёнович поставил в почетный караул у гроба. Сейчас Маслова не было, и потому я подошла к Леонтьевичу Тимофееву, тот выслушал и распорядился: «Вот с Белоголовым и вставайте первыми, затем другие пойдут…» Народу проститься пришло на удивленье много…

Несколько добрых слов о поэте сказали Виктор Тимофеев, Надежда Георгиевна Благова, Марина Чистоногова. Викдан Синицын написал посвящение:

…Читал он стихи о Галке
В сердцах зажигая свечи
Отрада его – рыбалка,
Как выбранный путь конечный.

Могилу Саше на центральном кладбище там, где похоронен Владимир Смирнов, пытались копать в трех местах, но везде натыкались на камни, и потому решено было хоронить на новом Мурмашинском. Там уже находилось три «островка», Милановский оказался за номером 33. Свежевкопанные кресты стояли в несколько рядов, чем-то напоминая немецкие послевоенные кладбища. Могилка Саши была сухой, неглубокой и находилась рядом с бетонной дорожкой…

На кладбище Владимир Сорокожердьев вспомнил, как они с Сашей нашли в тундре оставленную саамами избушку, и с той поры она «стала для Миланова творческой дачей, творческим тылом. Он там немало написал и стихов, и статей, и прозы. Саша очень любил природу и умел писать о ней. В последние годы эта избушка стала для него еще и кормилицей. Он мог там жить месяцами…».

Речка, что приняла Александра Миланова в свои объятья, называлась Новой…

Тогда мы еще не знали, что впереди нас ждут новые потери…

Слово о Маслове Александра Миланова

В 1994 году в газете «Мурманский вестник» появилась статья Александра Миланова «Корни памяти». Вышла она в рубрике «Портрет писателя», отрывки из которой я никак не могу обойти своим вниманием.

«Сегодня наш разговор об известном российском писателе, дружбой с кем дорожат Виктор Астафьев, Василий Белов, Владимир Крупин, Владимир Личутин, - Виталии МАСЛОВЕ, авторе более десятка книг прозы, ответственном секретаре Мурманской писательской организации, председателе областного отделения фонда культуры.

Помню его непризнанным, написавшим многое, что еще не стало достоянием массового читателя из-за невозможности издать произведения, созданные если не вразрез "генеральной линии компартии", то уж во всяком случае не лишенные критического угла зрения на повальные преобразования в сельском хозяйстве, пресловутое укрупнение крестьянских поселений, подворий, усадеб.

...Петрозаводск, журнал "Север". Кабинет главного редактора.

- Передай,- говорит он,- Маслову, что с него причитается как минимум бочка "шила" и телега семги.

Дело в том, что тяжба журнала с Карельским обкомом завершилась в пользу мурманского писателя. Его роман "Круговая порука" принят редколлегией к публикации единогласно. Роман мог быть зарезан, не встань писатели Карелии на его защиту. В результате он публикуется в трех книжках "Севера", а через год российское издательство "Современник" выпускает его отдельной книгой. Таковы метаморфозы творческой судьбы...

<...>...труд для Маслова-творца - первооснова и красоты, и мудрости, и достатка, и удовлетворения всех жизненных потребностей. Человек красив в работе - фраза может показаться банальной, заштампованной, но вчитайтесь в страницы, где писатель рисует картины

вдохновенного крестьянского труда. Каждое такое описание - поэма, заражающая читателя энергией счастья.

<...> Порой кажется, что Маслов работает на износ, отдает себя не главному своему предназначению. Но уж таков его потенциал, таков общественный темперамент…

<...> Никак не нашли поддержки его предложения: а) назвать одну из улиц областного центра именем первой саамской поэтессы, первого среди саамов члена Союза писателей России Октябрины Владимировны Вороновой; б) присвоить имя Пересвета поселку нефтяников, назвав его Пересветом-на-Лавне...»

Александр Миланов
«Мурманский вестник» 20.12.1994

Знакомство с капитаном атомохода «Ленин»

23.06.2001. О чем мечталось и что сбылось. Мечтала в юности попасть на атомоход «Ленин» и попала, правда, поздновато, но еще успела подружиться с его знаменитым капитаном Борисом Макаровичем Соколовым, человеком, воплотившим собою человеческие мечты XX века. Имя его стоит в ряду таких имен, как Гагарин, Жуков, Чкалов, Курчатов, Балашов… Он говорил: «Эх, Надежда, если бы ледокол был на ходу, взял бы я тебя в Арктику. Вот там бы ты и увидела настоящее северное сияние…» Ему довелось испытать на своем веку и великие радости первопроходца, и великую горечь разочарования. Морская держава, которой он служил, как Светлый Рыцарь Океана, села на мель и дала по всем швам трещины. Думая о будущем ее возрождении, он и тратил последние годы своей жизни, чтобы сохранить первый русский арктический атомоход «Ленин» - ледоборец как памятник великой эпохи, как учебный центр для последующих поколений, как музей русской славы, музей истории отечественного атомного флота, освоения Арктики и Северного морского пути. К сожалению, в 2001 году он ушел из жизни. Недолгое время мне пришлось знать Бориса Макаровича и не так много встречаться с ним, но и те часы общения, что он подарил мне, запомню на всю жизнь. Я искренне любила его за доброту, за искреннюю щедрость души, за полет мысли. Недаром же капитан носил фамилию Соколов. Он - один из первопроходцев Арктики, Гагарин - первооткрыватель космоса и оба с птичьими фамилиями. Фамилиями, которые определили их жизненный полет. Я уверена, что осознание этого большого человека у русского общества еще впереди.

Знакомство наше с Борисом Макаровичем произошло на 20-летии писательской организации. После торжеств в фойе был накрыт стол. Я сидела напротив Виталия Семеновича рядом с какими-то представительными мужчинами. Один, седой, все ухаживал за мной. Мне неудобно, потому как не знала кто такой и спросила:

- А Вы кто будете?

- Борис Макарович Соколов, - отрекомендовался он мне.

- А чем занимаетесь? – не унималась я.

Маслов при этом моем вопросе аж поперхнулся, а, откашлявшись, смущенно произнес:

- Большакова, ну нельзя же быть такой невеждой, не знать капитана ледокола «Ленин» Бориса Макаровича Соколова.

Я, ничуть не смутившись, заметила ему:

- А откуда я должна его знать, когда сколько не прошу тебя сводить на «Ленин», не берешь, - и уже обращаясь к Борису Макаровичу, восторженно произнесла:

- Значит Вы капитан? Самый настоящий и еще работаете? Здорово! А за то, что не узнала, извините. Я не так часто приезжаю в Мурманск, а когда наши писатели выступать на корабли едут, меня с собой не зовут, а еще считают себя вправе возмущаться (это я в сторону Маслова бросила).

Борис Макарович улыбнулся и сказал:

- Если они не берут - я вас приглашаю. Как в следующий раз будете в Мурманске, звоните, и встречу, и ледокол покажу.

- Ловлю на слове…

Вот такая была наша встреча и знакомство.

Мечты сбываются. Надо только не бояться мечтать и идти к этим мечтам с распахнутым

сердцем.

В Архангельском Союзе писателей

25.08.2001. После презентации книги «Здесь начинаются дороги», вышедшей по проекту Баренцева региона в Архангельской научной библиотеке, мы направились в Союз писателей. И здесь меня постигло разочарование. Две бестолково большие комнаты и никакого уюта. Все стены заставлены мебелью, пачками журналов, а сесть не на что. Нет, - подумала я, - наш Союз писателей гораздо уютнее и домашнее. Недоумевая по поводу такой планировки и безстулья, спросила секретаря Инель Яшину:

- А где же вы собрания проводите, встречи неофициальные и официальные?

Та просто ответила, что вместе они практически не собираются. Вот тогда-то до меня и дошло, почему, когда мы сидели в гостинице, некоторые из архангельских писателей здоровались друг с другом, точно никогда до этого не виделись. Там мне подумалось, что может это у них какой-нибудь особый ритуал, ведь в основном они жители разных городов области. А вышло, что не знают друг друга на самом деле. Такое положение вещей лично мне было непонятно. Я совсем забыла, что их Союз не распался, как в большинстве регионов. Но какие же все они оказались недружные, негостеприимные, нерадостные. Союз-то один да только внутри разделен сразу на несколько фракций. И подумаешь: а что лучше? Пусть у нас два Союза, но, например, в своем мы рады всем приходящим в него, всегда предложим чай, кофе, хотя отношение тоже у каждого свое, но нас объединяет общее дело, общие собрания, общие праздники. Мы точно сжатый кулак, а они – растопыренная пятерня.

И Инель Яшина показалась слишком жесткой. На встречах женщин-писательниц Баренцева региона я знала ее совсем другой. Она напоминала мне такую уютную бабушку-добрячку, но здесь Инель открылась совсем другой. Оказалась круче нашего Маслова, который при всей его вспыльчивости, нетерпении Яшиной и в подметки не годился. Не осталось незамеченным мною и то, как грубо она разговаривала со своими писателями. И опять у меня всплыл в памяти образ Виталия Семеновича, никогда не допускавшего подобной грубости. Только раз и помнила, как он задиравшегося на кого-то Колычева грубо осадил и выпроводил из писательской за дверь, применив крепкие мужские выражения и не более того.

Да и у нас просто никто бы не позволил себя так унижать, послал бы секретаря подальше и дело с концом.

Например, подошел к Инель Александр Логинов походатайствовать за дочь, которая поступила учиться на журфак, и хотела жить в общежитии, находившемся в черте города. Понятное дело - отец переживает, Инель же на него окрысившись, так нарычала, что ни о каких ходатайствах и речи быть не могло. Если бы меня хоть раз Маслов отбрил подобным образом, больше бы я уже в писательской не появилась. Не знаю, может, таким способом Инель и удерживает организацию от развала, но грубить своим товарищам писателям, которых видит раз-два в год, считаю непозволительным. Лена Кузьмина намного мягче. Потому, наверно, поддерживает и выгораживает Инель, мол, все ее так достают своими просьбами, что и не хочешь, а злой станешь, срываться начнешь. А по мне, если нервы сдают, в отставку подавай, не порти жизнь ни себе, ни людям.

Вот Маслов понял, что его непримиримость и принципиальность работе писательской вредит, трижды просил освобождения от секретарства - мы его удерживали, а здесь…

У Логинова (почему-то мне его именно так хотелось все время называть - то ли фамилия располагала, то ли личность: кстати, меня тоже многие по фамилии зовут: и Александра Антонова, и Маслов) в этот день был день рождения, и я опять поразилась, как сухо поздравили его свои же товарищи: выпили по рюмке водки и будь доволен поэт. Даже не подумали что-нибудь подарить. Я, непривычная к такому невниманию, достала свою книжку рассказов «Тиррв по-саамски - здравствуй» и подписала ему в качестве подарка.

В Верхнетуломском у Свена

15.09.2001. По проекту Баренцева региона мы с Саней Даниленком, взрывником по

профессии, и талантливым оператором по призванию, моим другом, уже во второй раз ехали в Верхнетуломский снимать Свена Локко, финского писателя, художника, переводчика, имеющего по линии бабушки саамские корни, для фильма «Несущие свет саамской земле».

Попросился с нами к Свену поехать и Виталий Семенович Маслов, якобы пособирать грибы, но по-настоящему ему хотелось еще разок встретиться со Свеном, побывать на Туломе реке. Виталий Семенович охарактеризовал Свена как публициста, художника, деятеля культуры, подчеркивая, что он сказал свое я и в финской, и в русской, и в саамской культурах.

Помню, как в 1995 году они со Свеном, Володей Смирновым и саамской поэтессой Эльвирой Галкиной ездили в Финляндию. Приглашал Маслов в эту поездку и меня, но я в это время проводила в Ревде большое мероприятие и поехать отказалась: не могла подвести людей. А после поездки в газете «Мурманский вестник» был опубликован перевод Виталия Семеновича стихотворения Хейки Микконена с подстрочника Свена Локко:

... Это каменное взгорье сам ты выбирал азартно, -
Сам - могучий, в полной силе - сам просил у всех соседей
Разрешенья хутор ставить. Чтоб, убрав с пяти гектаров
Каменный посев небесный, объявить Земле и Небу:
- Вечно стой, Лааминканка!
А потом Земля и Небо видели, как ты ночами
Корчевал свои гектары. Как на тех пяти гектарах
Пять росточков поднимались - пять детишек солнцеоких
Под крылом жены любимой.
Как с утра и до заката ты батрачил многожильно
На налог, на пропитанье у хозяев всей округи.
Как с кулем муки на плечах в полумраке подзакатном
По десятку километров ты спешил к жене и детям –
До тебя уснувшим детям.
А потом костер под камнем разжигал под неподъемным,
Чтоб опять при свете зыбком корчевать свои гектары,
Чтоб под утро, раскаленный, треснул камень, рассыпаясь,
От ковша воды холодной, чтобы вздрогнула округа,
Чтоб дите проснулось в зыбке.
О, надежд святое время! Трудность - в радость, людность - в радость!
Как на помочах звенели топоры в лесах окрестных!
Как им звонко откликались плотники с углов смолистых!
Как смешил людей уставших, спавших на полу вповалку,
Нятти Юсси вездесущий!
И какое было счастье - утром, топая по насту,
Снова выйти на работу под коровушек мычанье,
Взросших во хлевах обильно на земле Лааминканка! –
Зрелости обильный колос!
Но потом - как так случилось?! - В благодать иль в наказанье? –
На крыло поднявшись, дети разлетелись сопки светлой.
Лишь весной жены могила поглядит цветов глазами –
Словно спросит: "Где же дети?!" Но тебя лишь вновь увидит
Похудевшего, седого, не забывшего приехать
На неделю, на другую. И уснет без укоризны
До весны глазастой новой.
О, как трудно молвить слово, сидя на безлесом взгорке!
Время-время! - где начало и куда придешь, кривое?
Здесь ли, рядом, или где-то вздымется и мужа холмик?
Время!.. Тяжко пали слезы там, где падал тот когда-то
На взлелеянную землю.
Ни убавить, ни прибавить. Сам ты выбрал, сам ты выбрал...

И как странно: что б ни сталось, плачешь, но не пожалеешь
О содеянном и бывшем. Ибо - строил, зла не делал,
Остальное... Остальное, - Бог да Небо на разборе!
Бог да Небо! - Это небо, с горя павшее на взгорье...
Бог да Небо... Бог да небо...

Тогда я впервые узнала, что Виталий Семенович еще и стихи пишет. Он на это мое открытие скромно заметил, что было дело, писал, а теперь вот больше других поэтов читает.

Поехав с нами в Верхнетуломский, Маслов решил посмотреть место рождения Свена на Туломе. Поездка удалась. Больше всего меня тронули слова Маслова. Он говорил о том, что давно хотел увидеть, почувствовать тот цвет, тот простор, какой видел с детства Свен Локко. Это рождает будущего художника. Маслов переводил на русский язык главу Свена «Тоска по родине» из новой книги его «Дети Ледовитого». И не просто перевел - пропустил через свое сердце, прожил жизнь героя Свена Петровича, где главным было не действие, а философия света, философия места, философия цвета. Лицо Маслова освещала по-детски открытая искрящаяся улыбка, когда он говорил, что, приехав сюда, увидел, откуда пришли в книгу Свена цветы, угоры, лодки… Ему было это уже так же дорого, как и самому Свену, и перевод стал частью самого Маслова.

Свен с лодкой ожидал нас на 46 километре, затем поехали на место саамско-финского поселения Восмусс, а оттуда поплыли на лодке к месту рождения Свена. Им оказался небольшой островок на Туломе. Вот на нем-то Маслов и насобирал волнушек. Развели костерок, попили чайку, поснимали на камеру Маслова и Свена и возвратились в домик, где нас ждали друзья Свена, нажарившие рыбы, отворившие картошку… Пообедали славно, а потом я, обмотавшись простыней со Свеном в сауну ходила. Пока по берегу реки лазили, сильно ноги промочила, вот и решила хорошенько отогреться да заодно подлечиться. Мне Саня из еловых веток веник сделал, потому как можжевельника нигде поблизости не нашли, а затем Свен отлично похлестал мне спину. Так я время от времени лечу свой остеохондроз. После такой процедуры спина с полгода точно болеть не будет. Метод уже несколько раз опробованный. Маслов с нами греться не пошел, сказав, что он привычный к воде, ему простуда не страшна.

Выходим из сауны раскрасневшиеся, Виталий Семенович, пряча в усах усмешку, как бы между прочим, спрашивает:

- Свен Петрович, Большакова-то не замучила вас, мы ведь тут все крики ее слышали: «Еще, еще, Свенушка»?

- Скажешь тоже, Виталий Семенович, не замучила… Как есть замучила! Ей что мои восемьдесят лет. Заставила спину хлестать ей ветками до крови. Говорит: саамы так больные места лечат, только они можжевеловыми ветками до цыпок хлещутся, а за неимением таковых, пришлось ее еловыми стегать. И все просила: еще, еще, а у меня сил-то уж нет. Ей бы надо было, чтоб Саша похлестал, а он с камерой заглянул, чтоб нас на фильм снять, да, видать, камера его на такой жар не рассчитана, быстро обратно выскочил.

- Что и говорить, дорогой Свен Петрович, бесстыдница она и есть бесстыдница…

Я сидела разморенная сауной и счастливая видеть Маслова со Свеном мирно надо мной подшучивающими, пусть что хотят говорят, лишь бы живы были.

Но как Маслов не храбрился, всю спину брызгами в лодке замочив, на обратном пути в машине его залихорадило, а на следующий день позвонил, и признался, что с температурой лежит… Вот и достеснялся…

На 30-летии музея Сергея Есенина

В конце октября 2001 года в Областной детско-юношеской библиотеке отмечали 30-летие музея Сергея Есенина. Пришел поздравить его создателя, Валентину Евгеньевну Кузнецову, и Виталий Семенович Маслов, который сказал:

- Национальная основа для каждого народа - его культура. Главная свая этого фундамента - язык и живая его литература. Не зря продуманно отстреливали от этой главной сваи Есенина,

Клюева, Городецкого... Хотели пустоту создать… Поэты знали, что делают…

И Валентина Евгеньевна знает, что делает. Она не просто восстанавливает связи между нами, цементирует образовавшиеся пустоты, она наполняет их живыми связями. И наша свая от этого становится живой, врастает еще глубже, становится еще прочнее. Всю жизнь, Валентина Евгеньевна делает главное национальное дело. Именно они - Валентина Евгеньевна, Александра Андреевна Антонова в Ловозере, Надежда Павловна Большакова в Ревде – они делают главное национальное дело своих народов. Они настоящие заслуженные, заслуженнейшие деятели нашей культуры. Названы они так официально или нет, для меня это не имеет никакого значения.

Позже у Маслова в исповеди «На костре моего греха» прочитала:

«ЕСЕНИН В МЕЗЕНИ.

Валерий Иванович Попов рассказывал:

- Ученика девятого класса Мезенской средней школы Володю Сярка арестовали за распространение антисоветской литературы: он дал товарищу почитать стихи Есенина. Мы сидели в одной камере. От него я узнал и выучил стихотворение "Ты жива еще, моя старушка". Сидя в камере, мы не только читали это стихотворение, но и пели.

В Сёмже, дома у нас, я впервые увидел есенинские стихи в руках старшего брата - Вениамина Семеновича, 27-го года рождения: блокнот из толстой серой бумаги, по которому брат читал тихо друзьям что-то неслыханное - про хулигана, про собаку... Я подглядел и нашел потом этот блокнот, исписанный красными чернилами,- в горнице под периной, в ногах. И прочитал. И кое-что запомнил».

О наставниках, о времени, о себе

(Из статьи «О наставниках, о времени, о себе» «Север», 5.12.1978)

Те, кто хорошо знал Виталия Семеновича, помнят, с каким огромным уважением относился он к учителям, как высоко ценил их труд и подвижничество, а потому в своих выступлениях никогда не жалел эпитетов, чтобы поднять значимость учителей и вес на высоту почти поднебесную. Вот почему мне и было интересно прочесть размышления Виталия Маслова и Владимира Личутина в статье «О наставниках, о времени, о себе», опубликованной в мезенской газете «Север» еще за 1978 год:

*«**В. ЛИЧУТИН.** Когда меня спрашивают об учителях, я недоуменно пожимаю плечами.*

- Учитель - это все вокруг тебя и глубина этого всего. Писатель начинается не тогда, когда он полюбит какого- то гениального творца, а когда он постигнет самого себя, в чем-то оскорбится, разочаруется и наполнится состраданием... Тогда он движется к созреванию, и в это время к его душе неслышно приступают великие творцы. Их лицо (Пушкин, Толстой, Достоевский ит. д.) многообразно, оно изменчиво и полностью зависит от творческого состояния писателя. Их нельзя назвать учителями, они несут в себе гораздо большую духовную власть, ибо не столько научают писать, сколько подвигают к этому, крепят дух, научают видеть.

Если видеть в ком-то учителя, значит, надо отринуть традицию, ибо традицию создает великое и неизвестное множество. Учителя, на мой взгляд, — это мировая культура и жизнь человечья. Писатель же большой, который близок тебе, — это духовный наставник.

***В. МАСЛОВ.** В поставленном Вами вопросе слова «учитель» и "наставник", на мой взгляд, отнюдь не синонимы, поэтому и "ученик" рядом с "наставником" вроде бы не на месте. У слова «учиться» наполненность четкая — усваивать знания, навыки, а этого совершенно недостаточно, если говорить о том, что значат для меня, к примеру. Ф. Абрамов, В. Белов, давнее внимание к моей литературной работе С. Шуртакова...*

Так уж получилось, что рос я как бы на задворках: где-то стройки коммунизма, где-то пустыни осваивают, реки вспять поворачивают, а у нас в поморской деревне в те послевоенные годы — вспоминать не хочется... Да и не это главное. Главное, что все, чем я дышал, чем до болезненности дорожил и что пытался осмыслить в первых своих литературных опытах, отвергалось, не узнавалось как жизненно достоверное и достойное литературы. Ожегшись раз-два, дорогих мне людей, дорогих мне мест в рассказах решил больше не касаться.

И вдруг читаю "Две зимы и три лета"! Книга перевернула меня. Я был счастлив: оказывается, все мое заветное имеет право на жизнь, в том числе в литературе, оно и вправду прекрасно!..

Вместе с Михаилом Пряслиным я человеком себя почувствовал... Вот что для меня Федор Абрамов!.. Но разве с моей стороны это ученичество?

Затем речь зашла о поисках в области языка, стиля. «Но за спиной — опыт великих предшественников. Как, оставаясь верным традициям, строить себя?» Вот что сказали по этому поводу Маслов и Личутин.

В. МАСЛОВ. *Язык классики не устарел. Язык классики благороден. Но... если мы оторвем его от языка народного, мы обречем нашу литературу на худосочность и бесплодие.*

В. ЛИЧУТИН. *Вопрос трудный, бесконечный, относится к числу неразрешаемых, ибо его полное расчленение и понимание ведет обратно к догме. О плюсах и минусах традиции мы можем лишь догадываться из собственных субъективных ощущений, вкусов и предположений. Хотя я полагаю, что, несмотря на весь свой "консерватизм", традиция является нравственным остовом нации и каждое неосмотрительное покушение на нее чревато огромными духовными потерями.*

Хотя я — за искания, они освежают память и руку, не дают притупиться чувству.

Только тогда, наверное, может случиться писатель, если он возьмет себе из традиции столько, сколько позволит его способность.

Талант "отдать", "создать" зависит от таланта "взять"...

Разговор о молодой литературе очень насущен, ибо по зрелости молодой литературы, по ее мыслям и болям, ее энергии и образной ткани можно судить трезво не только о движении советской литературы в настоящее время, но и о ее будущем.

Мне видятся в молодой литературе некоторая вялость формы и боязливость содержания: нет смелости в рассуждениях героя и энергии в его поступках; ощущается удаление от человека, как загадочного и непостижимого, но к пониманию которого стремилась вся мировая литература...

В. МАСЛОВ. *В любого из нас кто-то вкладывает свой труд, опыт, надежды — и люди, и Родина. Для каждого приходит время отдавать "долги".*

Возвращать долг Родине — всегда время. С долгом нашим наставникам — несколько сложнее…

Неглупый человек, весьма озабоченный нынешними проблемами взаимной ответственности поколений в обществе, предложил при обсуждении проекта Конституции:

- Ввести обязательное отчисление из зарплаты детей в пользу родителей. Чем больше выращено детей, тем богаче будут старики-родители. А родители пусть сами распоряжаются этими деньгами, — возможно, мне же обратно и отдадут. Но как повысится заслуженный авторитет родителей! И зазорного в этом нет: дети возвращают долг!

Ответил пенсионер:

- Спасибо, но вряд ли верно. То, что я отдал детям, пусть они своим детям передадут. По-человечески это. Иначе жизнь остановится, потеряет смысл, прекратится.

Я согласен со стариком. А в нашей советской литературе это верно еще больше».

Последний день Виталия Маслова

(рассказ)

В центре России раннее утро своей прозрачной сединой уже бы давно рассвечивало новый день 30 ноября, а здесь, на краю земли, полярная ночь наглухо запечатывала город в непроглядную тьму, пробиваемую только фонарями и люминисцентными подсветками.

Маслов чувствовал, это был его последний день. В реанимации Бассейновой больницы он лежал неподвижно, почти не проявляя признаков жизни… В который уже раз врачи располосовали его и зашили, подключив к искусственному дыханию. Общаться с миром он не мог, но мысль еще жила в нем, настойчиво восстанавливая тот роковой день, до его появления здесь.

Что же случилось? Почему опять больница?

«На "Ленине" дежурство прошло спокойно. Вахты были в радость, считай вся жизнь здесь прошла, и пусть сегодня "Ленин" не востребован как атомоход, но как музей он когда-то востребован будет. Да, уж, и походили мы по этому поводу с Борисом Макаровичем, пооббивали пороги, доказывая необходимость сохранения его как памятника эпохи…

Борис Макарович… Прости, дорогой мой товарищ, что не смог я приклонить перед тобой свою главу, отдать последний поклон, сказать последнее прощальное слово. Капитан ты мой, сердечный друг, прости меня, старика за то, что я в последний твой час в Сёмже у себя находился, а из нее летом не так просто выедешь… Чтобы такое дело предпринять, нужно заранее готовиться, договариваться, созваниваться… Целая эпопея приехать туда, а еще большая, чтобы уехать…

С другой стороны посмотреть, так хорошо, что отпуск вновь в Сёмже провел, над романом новым поработал. Задумал об Арктике написать, да опять моя книга многим не по душе придется, но кто-то ведь должен отважиться правду сказать…

При входе в порт мы встретили весну.
Деревья распускались на причале,
И всё над нами ласточки кричали,
То ведро предвещая, то грозу...

Вот, помнится, так и писал по прибытии "Ленина" в порт. Упорно не покидает мысль, что мы с Борисом Макаровичем что-то недоделали, может, еще раз не заявили во всеуслышание о разорении флота… Точно сироты стали в собственной стране, осиротили океан, берега, землю, страну собственную осиротили, душу… Есть ли в том и моя вина? Наверно есть…

Тимофеев говорит, хватит уже работать, Виталий Семенович, тяжело в твоем-то возрасте по трапам ледокола бегать, а кто будет Сашку со Славиком кормить? Не везет ей, неустроенной какой-то живет, и в этом моя вина есть. Поскребышек мой, признаться, так ведь больше сыновей ее люблю… А во внуке и вообще души не чаю…

Год какой тяжелый. Саша Миланов ушел. Нелепо, вдруг… Страсть к рыбалке сгубила… Не мог подождать, когда лед сойдет… Зов у него, видите ли… Что это я себе надумываю, будто смерть лепой можно назвать. Нелепо - некрасиво, здесь корень от слова лепота сокрыт. Нет, нет, он ушел, как настоящий мужик, боролся с водной стихией, до последнего. А как любил жизнь! Да, впрочем, как наверно все мы ее любим…

О чем это я? А о том роковом дне, в котором всё сошлось не в мою пользу. Пообедать на ледоколе особо нечем. Нет, обед, конечно, был, только я Рождественский пост держу. Еще пока держу… Кто для меня одного станет постное готовить… Миланов писал: "Я буду есть, что есть", вот я и поел, что было позволительно в таком случае - свеклы впопыхах… В этот раз ее точно специально недоварили - жесткая, а есть стало нечем, зубы-то свои уж давно сжевал, так кусками непрожеванными и заглатывал. Как на грех, в пост всегда есть больше хочется. Можно, конечно, было себе и послабление дать, но тогда что же это за пост…

За суетой в начале поста и к владыке исповедаться не зашел, а следовало бы перед уходом… Не пойму, о каком я все уходе думаю, что за навязчивая мысль. Может, еще выкарабкаюсь, как тогда перед Славянским в Черногорию… Хороший получился Ход, долго будут помнить о нем… О том, что у владыки Симона исповедуюсь, в писательской не знают, владыка не расположен пока на общественность выходить, для того у него помощников хватает… Отец Аристарх, например…

Домой некогда было заглянуть: торопился в Комитет по образованию к Синицыной на совещание по конкурсным темам "Храмов России". И что за баба - все дело тормозит. Может мои девки: Благова, Большакова, Кузнецова - смогут ее расшевелить. Викдан на часок забежит… День-то для совещаний неудачный какой: ему в Союзе нужно быть 30 ноября все же – рождение писательской. Да и собрание провести надо, вопросы накопились разные, рюмку поднять не грех… Богданов Николай Борисович обещался прийти – вологодский мужик, себе на уме, но поддержать, если нужно, сможет…

Совсем я грузный стал, ноги болят от пробежек пеших по городу, к вечеру ломят невмоготу… Не мальчик уж расстояния от порта до писательской преодолевать, а по пути еще в сотню мест по делам заглядывать…

Понял: это у меня желудок прихватило от той самой недоваренной свеклы…

В Комитет, слава Богу, все пришли, кого приглашал. Синицына с явно деланной улыбкой и банальных слов приветствия начала наше совещание. Слушал ее и думал, лишь бы ты конкурс в

рутину не превратила, отмечаемую галочкой "Провели". Что за темы предлагает! Разве не понимает совсем, что здесь для исследования нужно подбирать более масштабные, исторические, чтобы увлечь ребят на поиск, на глубинный охват?

Хорошо хоть свои предложения дельные внесли… Пока их обсуждали, решил Синицыной о долге перед победителями напомнить: когда собираются обещанную поездку на Соловки организовывать? Всего-то спросил, и что ее подмыло выкрикнуть мне упрек: "А кто в этом виноват, Виталий Семенович? Вы сами и виноваты?"

Вот нервы и сдали, не выдержал, сорвался, очки на стол бросил, а они с грохотом на пол полетели… Задохнулся от возмущения: "Значит, я виноват? Да как у вас язык повернулся в этом меня обвинять? Я ли не оббивал пороги ваших кабинетов, во все двери стучался. И что? Ответ один – денег нет…" О, как мне хотелось в тот миг эту комитетчицу в порошок стереть…

Она, краснея от гнева, вскочила с воплем: "Я тоже очки швырять могу". Весь облик ее кричал, как посмел какой-то писатель, пусть даже уважаемый, но всего-навсего писатель, на нее, представителя власти, орать…

Викдан, нервничая, что его время вышло, что опаздывает на собрание, извинился и поспешил в Союз. Синицына следом выбежала, якобы проводить его.

Не пойму, как я умудрился затем пролезть под столом за очками в центр круга? Под ним ребенку места мало, а не мне с моими габаритами… Точно и не я вовсе был… Думал: нашли мальчишку на побегушках, сами жопы от кресел оторвать не могут, а обвинять людей, это они запросто…

В горячке гнева сразу и не заметил, что желудок точно заклинило. Видно было: всем после того, что произошло, не по себе сделалось. Благова, пытаясь сгладить ситуацию, еще одну тему для обсуждения подкинула. Но обсуждение не клеилось, сидели напряженными, в ожидании Синицыной, но та больше не появилась уже, вместо нее вошла молодая девица и осуждающе, посмотрев в мою сторону, сказала, что Тамару Павловну в больницу увезли, так мы ее довели… Артистка!..

Совещание пришлось свернуть.

На улице вдохнул морозного воздуха, и голова аж кругом пошла, попросил Большакову с Кузнецовой под руки меня подхватить. Мало того, что сердце защемило, так еще резкая боль начала желудок скручивать. Зачем не сдержался, накричал… В больницу увезли… А вдруг я не прав, и она тоже переживает искренне? А я накричал… Совсем разучился сдерживать себя… Один вред от меня организации стал…

Большакова, почувствовав, что плохо мне, предложила такси вызвать, домой ехать, но разве уедешь? Меня уже два месяца как вновь секретарем выбрали, а я всё дела принять не могу. Заверил, что до Нового года обязательно приму, а теперь получается - в кусты, на собрание не пойду… В Союз писателей пришли с запозданием часа на два. Часть вопросов уже без нас решили…

Боль никак не давала расслабиться, а тут еще нетрезвый Колычев со своими грубыми выходками, орущий в лицо, что я что-то должен делать. Не было ни сил, ни охоты ему отвечать. Викдан, молодец, решил его рюмкой водки от меня отвлечь. Выпили за писательскую, за ее 23-летие… И вдруг обожгла откуда ни возьмись мысль возникшая, а что если я сейчас в последний раз всех и вижу?.. И сразу все такими родными, близкими сделались, даже Колычева, несмотря на его выходки, захотелось к груди прижать… Непутевый, хорохорится все… Но Талант, какого поискать!

По повестке собрания вопросы вроде решили все. Единодушно пришли к решению, что в Москву на Всемирный Собор ехать мне, как человеку истинно православному, Тимофееву, умеющему слово сказать ярко и образно. Но предчувствуя недоброе, для подстраховки что ли решил я: нужна еще хотя бы одна кандидатура. Мало ли чего в жизни не бывает… Молодых надо посылать, предложил Большакову, но ей без оплаты эту поездку не потянуть, слава Богу, хоть в Мурманск ездит… Нужно деньги на дорогу искать. Неожиданно Чистоногова заявила саму себя, мол, и тема её, и писательскую на Соборе достойно представит… Поедет за свой счет… Большакова промолчала, что ж, пускай едет Чистоногова…

Боль разрывала живот, терпеть было невмоготу - попросил: "Ребята, отпустите вы меня ради Христа, что-то нехорошо мне совсем". Колычев закричал: "Нет уж, Маслов, не отпускаем,

и так долго ждали…"

Выручила Надежда, я ее все больше по фамилии называл или просто любушкой - обижалась, хотелось, чтобы обязательно по имени, как других… Сказала веско, возражений не допуская: "Иди, Виталий Семенович, иди, дорогой. Отдыхай. Мы здесь сами как-нибудь…"

Дома жена вызвала скорую…

И все же совесть мучает… зачем я на Синицыну сорвался? Баба она и есть баба… Ну, заняла не свое место в образовании, ну не умеет подходить к работе творчески, но кричать-то на нее зачем было? В больницу вот увезли…

С собственной болью совсем забыл про 3 декабря. В этот день, в день рождения ледокола "Ленин", решили новый праздник зародить – День атомного флота. Надо вечер вести… Сам не смог, Тимофеева в больницу вызвал, он моя палочка-выручалочка, рассказал где и на чем акценты поставить… Жизнь…»

Мысль Виталия Семеновича еще жила, память возвращала все новые и новые картины прожитых дней… Тата, мама, Сёмжа, детство…

Позже мы случайно узнали, что ни в какую больницу Синицыну не отвозили, так разыграли комедию для острастки Маслова…

«Пристань на вечность»

В статье сотрудника мезенской газеты «Правда Севера» Александра Антипина описывается встреча его с Виталием Семеновичем в последний год приезда того в Сёмжу и Мезень. И не могла я оставить ее без внимания. Хотелось, чтобы и этот отрезок жизни его в своей родной деревне лег бы на страницы этой книги. Может это оттого, что именно в то лето я в первый и последний раз звонила ему в Сёмжу, а он делился со мной какими-то заботами своей деревенской жизни… Только из воспоминаний Александра я точно вновь увидела Виталия Семеновича, услышала его голос… Александр пишет:

> *«…Его душа всегда стремилась сюда, к Белому морю, в родную Сёмжу. И никакая непогодь и распута, никакой шторм не могли удержать Виталия Маслова от поездки к отчему дому.*
>
> *Вот и летом 2001 года, в июне, позвонил я заведенным порядком в Сёмжу, а Виталий Семенович уже на месте. Прибыл, значит, снова со своим семейством - женой Валентиной Устиновной и внуком Славиком.*
>
> *- Как здоровье, Виталий Семенович? - интересуюсь в первую очередь.*
>
> *- Спасибо. Твоими молитвами, - отвечает Маслов в своей обычной манере. - Ходил на реку, рюжу поставил. Штук пятнадцать попало сегодня. Камбалка одна хорошая. Приношу рыбу, а внук и говорит: "Сигов наловил?"*
>
> *Зная, что каждую новую литературную работу, начиная с ранних стихов, Виталий Семенович старался в первую очередь представить на суд земляков, опубликовать в нашей газете, прошу у него что-нибудь для мезенского "Севера".*
>
> *- Ничего не предложу, - строго отвечает Маслов. - Пока не знаю, где и бумага лежит… У меня еще печка пала. В робе хожу.*
>
> *Вот с тех печных забот и началось последнее лето Виталия Семеновича на родине. Но кто тогда знал, что последнее? Может быть, только сам он что-то предчувствовал? Потому что вдруг, в кои-то веки, засобирался из Сёмжи в Мезень.*
>
> *Однажды жарким июльским утром рядом с нашей редакцией раздался скрипучий сигнал старого автомобильного клаксона. Я выглянул в окно. Из-за "штурвала" потрепанного, видавшего виды "газика", опираясь на палку, вылез старейший мезенский капитан Яков Лукич Кожевников, а следом за ним - улыбающийся Виталий Маслов.*
>
> *После первых приветствий и дружеских объятий во время разговора в редакции вдруг возникла идея организовать творческий вечер писателя-земляка в районной библиотеке. И хотя чувствовалось, что Виталий Семенович утомлен недавней морской дорогой, на встречу с мезенскими читателями он сразу же согласился.*
>
> *Это была встреча добрых людей - писателя и читателей-земляков, которые давно не виделись и соскучились друг по другу. Маслов рассказывал о своем новом романе "Искупление" ("Мое нравственное обязательство написать этот роман"), отвечал на вопросы, с тревогой и болью говорил о судьбах родной Сёмжи ("Я люблю своих земляков такими, какие они есть!"),*

литературы ("Двигатель в литературе не честолюбие, а любовь"), России ("Россия в развале. Этим я болею и этим живу все последнее время").

В конце вечера, когда выстроилась очередь за автографами, Виталий Семенович неожиданно посетовал на себя: "Вот ведь, писатель называется, авторучку разучился держать". И я, конечно, тут же обратил внимание на его руки - крепкие, трудовые, задубевшие от соленой морской воды и ветра. Пожалуй, такие руки у каждого второго мезенца - рыбака, помора, охотника. И Маслов ничем не хотел отличаться от земляков, считая, что писатель тоже должен косить траву, сажать картошку и ловить рыбу. Жить теми же заботами и трудами, какими живут мезенцы.

На следующий день мы сговорились ехать в село Жердь на съезжий праздник. Здесь испокон веку в Петров день созывали народ с окрестных деревень на гулянье, и Виталий Семенович искренне радовался, когда оказался на этом празднике. На зеленую лужайку возле сельского клуба выходили один за одним народные хоры, красуясь друг перед другом нарядами и песнями, звучали гармошки, горячо аплодировали артистам зрители, а Маслов не мог отвести глаз от деревенской сцены. В ту минуту он был счастлив! Когда хористки в расписных сарафанах начали отстукивать дроби, а гармошки заиграли звончее, Виталий Семенович не выдержал, выскочил на площадку и, принимая вызов, зачастил озорные сёмженские частушки.

После праздника, как исстари повелось, гостей пригласили в клуб, к накрытым столам, и поднесли бражки. Первое слово предоставили писателю-земляку.

- Когда они вышли на сцену, - горячо заговорил Маслов об артистках, которые только что пели "Вдоль по морю…", - я подумал, что это плывут не лебедушки, а корабли! Корабли, которые пронесли сквозь столетия все лучшее, что есть в русском народе!

В своем слове на съезжем празднике Маслов был удивительно вдохновенен, говорил мощно, темпераментно, от всего сердца. Как только он закончил выступление и произнес тост, притихший зал взорвался аплодисментами.

…А рано утром мы вдоль погрузились в знакомый "драндулет" капитана Лукича и по сонным мезенским улочкам рванули в Малую Слободу. Сидели там на берегу, о чем-то неспешно разговаривали, ждали с моря прибылую воду, а ее, как нам казалось, все не было и не было.

- Споздилась сегодня вода-то, - не выдержал Яков Лукич, поглядывая на шарок.

- А может, и вообще не придет! - пошутил кто-то из нас, кажется, Маслов, и мы рассмеялись.

В нетерпении мы спустились в подугорье, к самой воде. Виталий Семенович достал водку, Лукич - соленых камбал. Выпили за дорогу.

- А это оставим, - сказал Маслов, запечатывая бутылку. - Мы у Пыи всегда по стопочке поднимаем. За Николу Пыеского.

- Кто такой? - спросил я простодушно, не зная, о ком идет речь.

- Он жил в Пые. Был очень гостеприимным, всегда угощал, кто к нему заходил. Всегда. Вот в память о нем и поднимем.

Наконец, вдали, со стороны Мезени, послышался стук мотора, показался карбас старшего из братьев Масловых - Сергея Семеновича. Настало время прощаться. В такие минуты порой хочется сказать друг другу самое важное и сокровенное, но в суматохе проводов не всегда это удается. Вот и в тот раз расставание с Масловым получилось каким-то поспешным. Да и некогда было рассусоливать, по правде сказать, - вода идет, надо спешить.

Лодка Сергея Семеновича быстро приблизилась и приткнулась к берегу рядом с нами. Виталий Семенович попрощался, по-молодецки запрыгнул в карбас, оттолкнулся веслом от берега - и… уплыл в Сёмжу. Уплыл, как оказалось, от нас навсегда…»

9 декабря 2001 года

Скорбь… Такая огромная скорбь... Маслов умер.

Вот он передний зуб, что выпал у меня во сне неделю назад. И ведь крестилась, знала, что кто-то уйдет, но даже помыслить не могла, что Маслов. А зуб этот, подлец, спереди выпал. И перед смертью Саши Миланова и Бориса Макаровича Соколова два во сне выпадали, но задние и тоже без крови. А тут держу зуб в руках, а он такой чистенький, только три небольшие дырочки в нем. И будто шатался у меня во рту, а я чуть взялась да без боли и вынула. Гляжу на него и удивляюсь, без гнилинки совсем, только эти самые три дырочки глубокие…

Из Ловозера часов в 17-ать позвонил редактор газеты «Ловозерская правда» Сергей Филипченко и так осторожно говорит: «Надя, Калайда звонил, Маслов умер».

У меня все и опустилось сразу. Не верилось. Думалось, только не Маслов. Не может он от нас вот так уйти, на произвол судьбы бросить, права не имеет, а он взял и не спросил. Это его стресс перенесенный на оргкомитете доконал…

В писательской тихо так сидел. Колычев кричал на него, а он ни слова ему в ответ, только смотрел грустно… Выпил за писательскую рюмку водки и так тихонько сказал: «Ребята, отпустите меня, я что-то нехорошо себя чувствую». Кто-то было завозмущался, но я заступилась, говорю: «Иди, Виталий Семенович, иди». Поцеловала на прощание в коридоре, и он пошел, закрыв за собой дверь, как затем выяснилось уже навсегда. Потом мне звонил и просил передать Тимофееву, чтоб в больницу к нему зашел. Я сказала, что завтра же буду у него. Не разрешил, успокоив, что это ненадолго, желудок прихватило. Спросила, как чувствует? «Ничего, ничего…» Такой последний наш с ним разговор…

Эх, Маслов, Маслов, как же ты вот так взял и ушел от нас… Так больно и тоскливо… Весь вечер держалась, чтобы при Боре и Семёне не сильно плакать, а сейчас пишу и слез не могу унять. Позвонила Устиновне, она сказала, что панихида будет в четверг, а хоронить повезут в Сёмжу к отцу с матерью. Лене Кузьминой в Архангельск по электронке написала и тут же получила ответ: «Надюша, знали, что Маслов болел, но надеялись… Я представляю, какая это утрата для всех вас. И для нас тоже. Хорошо его знали не многие из нашей организации, но Попов его искренне любил и переживает страшно, да и я, хотя и видела всего раза три-четыре. Знаю, кем был он для вас и для тебя. Незаменимый человек. Большой человек…»

Позвонила Александре Антоновой в Ловозеро, продиктовала приблизительный текст соболезнования, чтобы в областную газету от саамов послали…

Разный он был - Виталий Семенович. Иногда до наивности смешной, по-ребячески вспыльчивый, присочинить любил, меня подколоть, редко непримиримый, неистовый, словом крепким за дело послать мог, правда, свидетелем того я была всего раза два-три… Таким я его и любила. Знала, что рядом, что может позвонить, поддержать, совета спросить (как ни странно, но советовался со мной)… А кто сейчас будет мне звонить и поддерживать… Где ты мой любимый, Виталий Семенович… Если уж ушел от нас, то хоть в сны приходи, советуй, где и как поступать, оберегай, охраняй по возможности…

Хотела тут же в Мурманск ехать, да денег нет. Боря только завтра получит, вот во вторник и поеду. Надо будет собраться с силами и написать о тебе. Ты, помнится мне, когда к Свену в Верхнетуломский ехали, бурчал, мол, не понравился тебе мой материал о Борисе Макаровиче Соколове, говорил, что сам о нем будешь писать, но тут же оговаривался, мол, нет, молодец я, и перо у меня легкое, быстро пишу, а тебе на это не меньше полгода потребуется… Как же теперь о тебе писать? Вдруг не понравится? Я же знаю, вы оттуда с неба все знаете и читаете, что мы на земле пишем …

Боже, какой тяжелый год на потери, неимоверно тяжелый… Саша Миланов, Борис Макарович Соколов, теперь вот Маслов. Господь, дай продыху. Маслова забрал, а это очень много. Из души Ты у всех нас частицу дорогого вырвал. Ослобони… Дай организации с силами собраться, как теперь без Маслова-то…

Я ведь помню, когда Саша Миланов с Борисом Макаровичем ушли, мы в писательской, да и у Викдана, говорили: «А не дай Бог что с Масловым?» Говорили и тут же открещивались: «Нет, нет, с ним все должно быть хорошо»… Говорили и тут же забывали… Он был жив, и наши опасения легко выветривались. И вот она черная весть, и точно обухом по голове…

Не могу заснуть, вчера около пяти утра легла, и сегодня уже за второй час ночи перевалило. Мысли о Маслове… Растерянно блуждаю по тропам воспоминаний, связанных с ним, и не могу уснуть… Ему уже там, наверно, руки протягивают и Балашов Дмитрий Михайлович, и Романов Борис Степанович, и Миланов Александр, и Соколов Борис Макарович…

Как он сокрушался в отделе народного образования, что не сделал ребятам поездку на Соловки! А кто теперь долг его вернет, кто такое осилит, если в последние два года он не мог? А ведь одно имя его чего стоило!

Не уберегли мы его. Слово его весомое, многие двери открывающее, барьеры рушившее, не слетающее с языка - из самого нутра шедшее, из глубин души… не уберегли. Слово Маслова особое слово было. Порой он наперекор всем это слово своё говорил, которого боялись многие чиновники. Потому боялись, что нечисты в душах своих, а Маслов не боялся их словом своим

на чистую воду выводить. Во сколько раз мы со словом его сильнее были… Не уберегли… Балашова не стало, Маслова… Кто о России правду говорить будет, идеи в дела облекать? Я бы и рада дело их подхватить, да нет во мне еще ни той мудрости, ни понятия в политических делах…

Больно на душе. Больно и тоскливо... Осиротела наша писательская организация без него, ой как осиротела. И я без него осиротела…

Слово о Маслове Михаила Попова

(Из статьи Михаила Попова «Негасимый очаг»)

Виталия Семеновича Маслова я видел всего полтора месяца назад… Большой, матерый, как Святогор, с растрепанной куделей седой бороды, он встретил меня у порога. Мы обнялись. В который уже раз, пожав его широкую руку, почуял ток родственной крови…

<...> Маслов был человек сложный, подчас суровый, неуступчивый и этим для иных неудобный. Но это была Личность, да еще какая! На мой взгляд, духовная фигура этого человека стоит вровень с теми двумя бронзовыми фигурами, что высятся в центре Мурманска.

Большой друг саамского народа

10.12.2001. В основном благодаря упорству Виталия Семеновича саамская литература заговорила книгой стихов Октябрины Вороновой «Ялла» на саамском языке. Ведь это на них: Виталия Маслова, Владимира Смирнова и Андрея Эдокова саамские лидеры в конце 80-х - начале 1990-х подавали в суд, обращались в прокуратуру, писали письма во все инстанции с требованием остановить выход книги. Но не сумели. В Москве Маслов вышел на Правление Советского фонда культуры и ее председателя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, на академика Никиту Ильича Толстого с просьбой о поддержке книги. И незамедлительно от Лихачева пришла телеграмма: «Примите самую глубокую благодарность за книгу на саамском языке, выпущенную Мурманским отделением Фонда культуры. Вы сделали очень благородное дело». А Никита Ильич Толстой, достойный своего великого деда, по словам Виталия Семеновича, подписывая гарантийное письмо, сказал: «Для такого дела и свою последнюю копейку отдать не жаль». Да и сам Виталий Семенович говорил, что для него было делом чести издать первую книгу на саамском языке Октябрины Вороновой. Он не переставал повторять, что «Корень саамской литературы - глубинный, есть возможность высокого роста. С выпуском книги "Ялла" необходимо было дать подняться росткам саамской литературы».

После выхода первого сборника на саамском и русском, Маслов, договаривается о переиздании «Яллы» на коми и саамский язык. Далее книга выходит на ненецком и русском языках, а еще чуть позже делаются переводы ее на финский, шведский и норвежский. Виталий Семенович мечтал книгу первой саамской поэтессы издать на всех северных языках Европы**.** И всегда по приезде в Ловозерье посещал ее могилу.

Благодаря Маслову, его хлопотам, в 1987 году Мурманским отделением Союза писателей РСФСР было принято решение о проведении Дня саамского слова, который впервые в селе Ловозере провели в 1989 году. В 1990-м - Праздник коми языка, в 1991-м – День финской литературы. И все это благодаря мудрости и дальновидности Виталия Семеновича.

В 1994-м, после литературного семинара в Ловозере, от Фонда культуры Маслов берется за издание небольшой книжицы Катерины Коркиной, саамской поэтессы, на саамском и русском языках «Чуррпа – Уррпа».

В 1995 году от Фонда культуры и Мурманского Союза писателей выходит на губернатора области Е.Б.Комарова с просьбой о выделении денег на покупку в Ревде трехкомнатной квартиры под Музей саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой. Несколько раз приезжает в поселок для оформления документов о купле квартиры.

Договаривается с частным предприятием о пошиве саамской хоругви, где были бы обозначены просветители саамов Трифон Печенгский и Феодорит Кольский, первая саамская поэтесса Октябрина Воронова.

Об Александре Андреевне Антоновой Виталий Семенович при жизни еще своей говорил, как о настоящей глыбе, фундаментальном явление в саамской культуре, саамской истории,

саамской литературе. Человек она огромной трудоспособности, энтузиазма, ученый, создатель саамских учебников, педагог, видный общественный деятель, радиожурналист, яркий публицист, неугомонный переводчик как художественной, так и духовной литературы, поэтесса. Свою жизнь, работу Антонова связала с саамским словом. Многие саамы вложили некую лепту в дело просвещения саамского народа, но она единственная, пожалуй, кто до сих пор, не смотря на возраст (под восемьдесят), продолжает упорно работать, сохраняя родной язык: переводить, писать стихи. В благодарность Виталию Семеновичу за Праздник саамского слова, который уже многие годы проходит на Ловозерской земле, Антонова написала стихотворение, так и назвав его - «День саамского слова»

Расцвел в снегах полярной тундры,
Сорвав забвения оковы,
Смеющимся счастливым утром
Саамский праздник, праздник Слова.

И вот уже который год,
Обласканный отцом Витальем,
День Слова крепнет и цветет,
Как радуга семью цветами.

Переплетаются века
И многие народы в Слове,
И человечества река
Ручьем обогатилась новым.

И голос прадедов звенит
Над Родиной свежо и мудро.
И празднуют не День, а Дни
Саамской письменности тундры.

Отныне и на все века
Саами песнь в реке России.
И брата старшего рука –
Оплот надежд и нашей силы.

Панихида по Маслову

12.12.2001. Утром, купив с Валентиной Кузнецовой белые гвоздики, мы поехали в филармонию. Тело Виталия Семеновича уже привезли. Гроб был такой же, как у Александра Миланова, - цвета морской волны. Отец Аристарх начал панихиду по рабу Божьему Виталию. Народу к 11 часам собралось довольно много. В почетном карауле стояли военные по два человека и кто-то из присутствующих. Мы стояли с Евгеньичкой в ногах у Маслова.

Молодец Галина Смирнова, педагог из Рослякова: взяла на себя альбом, который я подготовила к панихиде, чтобы люди написали для музея саамской литературы и письменности свои мысли о Маслове. Краем глаза видела, как около него выстраивалась целая очередь. От слез сама не могла снимать и отдала фотоаппарат Виктории Бакуле.

Около гроба сидели близкие Виталия Семеновича: Валентина Устиновна, сильно рыдающая Саша, сыновья Олег и Женя, братья Виктор и Вячеслав Семеновичи, сестра Анна Семеновна, другие. Выступали Виктор Тимофеев, Олег Петрович Найденов – мэр города, Станислав Панкратов, приехавший из Петрозаводска, люди от пароходства, с ледокола «Ленин», другие. Почему-то никого не было от губернатора Евдокимова, даже венка не принесли, то же - от народного образования. «Благодарность» была налицо. Конечно же, это шло от Тамары Павловны Синицыной, разыгравшей на совещании комедию, будто у нее прихватило сердце, и просидевшей дома на больничном, прячась от писателей. Поодиночке

учителя на панихиду, конечно же, приходили. Наконец, началось само прощание…

Неожиданным потрясением, выворачивающим душу наизнанку, в конце панихиды зазвучали стихи Виталия Семеновича «Сыновьям»:

…В краю родном, так представлялось мне,
Над якорями – дерево могучее.
И я кружил, кружил по стороне,
Виток к витку на ствол канат накручивал.
И хорошо, что есть всему предел…
Где б я ни плыл, я верил в возвращение.
И счастлив тот, кто к старости сумел
В том устье встать, где принимал крещение.
Все может быть – пустеть наш край и цвесть,
Но если даже заросли погосты, -
Есть к ним тропа – и в мире мы не гости,
И не безродны, если память есть!

После панихиды в филармонии гроб с телом Маслова повезли домой, чуть задержавшись у памятника Кириллу и Мефодию. Дома он в кабинете постоял часок, простился с книгами, рукописями, всем, что составляло его жизнь. Поцеловала его в лоб, подержалась за руку, которая мне показалась теплой, а лоб был ледяным. Наверно оттого, что многие держали его именно за руку, передавая ей свое тепло. Татьяна Агапова прочла свое стихотворение в память о Маслове, очень хорошее, и затем напомнила мне о пустом столе с фотографией, когда хоронили Сашу Миланова. Примета есть - и сработало, вот и не верь в них…

После дома Масловых нас несколько человек со Стасом Панкратовым поехали в писательскую, расходиться не хотелось, горе объединяло. А гроб с телом Маслова повезли к ледоколу «Ленин». В Союзе писателей скинулись, купили поесть и выпить. Поминать, не придав тело земле, нельзя, и потому мы просто отметили встречу со Станиславом Панкратовым.

Думы Маслова о Празднике славянской письменности и культуры

(Из очерка В. С. Маслов «На костре моего греха»)

«Казалось сперва, что первая о Дне славянской письменности запись сделана была 1 февраля 1980 года: "Без шума, исподволь, перенести к нам праздник славянской письменности, праздник Кирилла и Мефодия... С чего начать? М. б. сперва — в СП (Союз писателей. — В. М.) Мурманска: отметить и пять строчек об этом. Потом — можно шире, с привлечением литобъединения — в областной библиотеке, с привлечением и читателей тоже. А м. б., пользуясь тем, что много болгар в Архангельской области, как-то продвинуть это в Архангельске и в тех леспромхозах, где болгары работают? И — тоже пять строчек в "Пр. Севера" хотя бы. Мечтаю, чтобы праздник был всероссийский... Знаю, что это непросто, сколько угодно найдется врагов...»

Через две недели, 14 февраля, в Малеевке под Москвой — еще одна запись-отметка:

«Сегодня... толковали с Дементьевым В.В. о болгарской литературе. О неск. болгарских писателях. О празднике Кирилла и Мефодия. Мои задумки назвал несбыточными»... (Потом, на празднике в Вологде в 1987 году я сказал В.В-чу об этом разговоре. Он ответил: "Не помню!". И я вполне верю: добрых- то дел не сочтешь, а тут — бред с моей стороны)…

Итак, казалось, что первая запись —1.2.1980 года, за шесть лет до первого праздника. Но вот, перелистывая бумаги арктической навигации 1974 года, между листами с впечатлениями о работе капитана-ледокольщика Федора Ивановича Федосеева и с выпиской из Н. М. Карамзина ("просить... без унижения и гордости, повинуясь судьбе, но не забывая своих прав") нахожу такую, от себя, запись: "Сознание необходимости единства всех славянских земель никогда не должно покидать нас. Всегда надо помнить, думать, напоминать об этом и воспитывать на этом. Глубоко правы болгары с праздником славянской письменности"».

Последнее прощай Кириллу и Мефодию

Памятник первоучителям Кириллу и Мефодию - особая гордость Мурманской писательской организации. К сожалению, сама история подарка болгарского народа городу Мурманску еще не написана, а жаль, время неумолимо. В периодической печати в то время были освещены только этапы движения этого монумента в наш город.

Вот уже много лет в Дни главных славянских праздников в Мурманске, в дни поэзии, дни рождения поэтов Пушкина, Рубцова, в память о наших мурманских писателях я прихожу к памятнику Кириллу и Мефодию. Да и участников Славянских ходов, духовных экспедиций тоже провожают от него. Памятник первоучителям в столице Заполярья – это прекрасно выполненная талантливым скульптором Владимиром Гиневским вторая копия подлинного болгарского памятника, который стоит в Софии. Первая копия находится в Риме. Наша мурманская копия последняя (таково было решение). Памятник, подаренный Мурманску державно-общественной организацией «13 веков Болгарии», оказался уникальным: отличается от подлинного, софийского, внутренней конструкцией, а от римского - размерами.

Итак, наши мурманские Кирилл и Мефодий - это священный дар болгарского народа северянам за возрожденный ими Праздник славянской письменности и культуры в 1986 году. Вкратце расскажу предысторию. По инициативе Мурманской писательской организации, преподавателей и студентов педагогического института, учителей и работников областной научной библиотеки в Мурманске в рамках традиционных Дней Баренцева моря впервые в стране провели еще и Праздник славянской письменности. Идея Праздника принадлежит, конечно же, прекрасному знатоку истории и культуры славян прозаику Виталию Маслову.

Объявлять праздник Праздником славянской письменности и культуры тогда еще было нельзя, потому его название было зашифровано под соусом круглых дат: 1100 лет славянской письменности, 1000 лет украинской, белорусской и русской литературы, 800 лет великого «Слово…»

Поддержали будущий праздник, приветствуя письмами и телеграммами, признанные всеми писатели Дмитрий Балашов, Валентин Распутин, Василий Белов. Приехали на него Юрий Кузнецов, Владимир Бондаренко, Семен Шуртаков, ставший впоследствии летописцем Праздников славянской письменности и культуры и участником Хода, Владимир Крупин, Владимир Личутин, Валентин Устинов, Юрий Медведев, Вячеслав Шапошников, Владимир Шириков, Владимир Санги, Геннадий Юшков, Октябрина Воронова. И конечно же, в празднике приняли участие наши мурманские писатели и поэты Виталий Маслов, Виктор Тимофеев, Владимир Смирнов, Владимир Сорокажердьев, Игорь Козлов, Николай Колычев, Борис Орлов, Владимир Семенов, исследователь поморского диалекта Иван Меркурьев, художница Татьяна Шорохова - автор эмблемы, которая затем стала основой всех последующих эмблем по разным городам. Фотолетопись праздника вели фотографы Сергей Ещенко, Юрий Чернопятов и Виктор Кононов.

В то время замахнуться на проведение подобного праздника было делом нешуточным, за это могли и наказать серьезно, но… История рассудила по-своему. Праздник пошел по стране, а в 1991 году получил и официальное признание на государственном уровне. С этого момента его стали отмечать во всех городах России.

А тогда, в 1986-м, прошли широкие выступления писателей во всех уголках Мурманской области, проведен конкурс школьных сочинений, переросший впоследствии в областной литературно-исторический конкурс «Храмы России». В Областной научной библиотеке открыта выставка, студенты пединститута показали спектакль «Пролог», поставленный по мотивам знаменитого «Слово о полку Игореве».

Но одни писатели не могли потянуть такое дело, на помощь пришли мурманские учителя и преподаватели высших учебных заведений.

На втором Празднике славянской письменности и культуры в Вологде Виталий Маслов высказал Калине Каневой мечту иметь в Мурманске копию болгарского памятника Кириллу и Мефодию. Болгары не отказали. Памятник был отлит коллективом Софийского комбината «Монументальная пластика». Это был акт доброй воли, который оказался важным не только для жителей Заполярья, но и для народа Болгарии, потому как получил еще одно

подтверждение тому, что русские люди не забыли свои славянские корни.

А в голове Виталия Семеновича уже зрела новая идея - провезти памятник тем же маршрутом, каким отправлялось когда-то в Болгарию Самарское знамя с вышитым на нем изображением Кирилла и Мефодия, так как знамя было общей святыней болгар и русских.

3 марта 1990 года, когда вся Болгария отмечала 112-ю годовщину освобождения своей родины от османского ига русской армией, состоялась торжественная передача Болгарией россиянам, Мурманску, замечательного памятника первоучителям Кириллу и Мефодию в ознаменование того, что именно через Мурманск вернулся на советскую землю День славянской письменности и культуры. В храме Александра Невского в центре Софии прошло Богослужение, посвященное этим двум взаимосвязанным событиям.

По воспоминаниям самого Виталия Семеновича, служба в переполненном храме началась с Великой Ектении в исполнении церковного хора. Затем полное любви и уважения к россиянам - яркое слово болгарского Патриарха Максима... И радость! На паперть храма взошел приехавший прямо с аэродрома митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. И душа каждого русского еще больше открылась навстречу любви и братству, точно освященная дополнительным светом. Владыка Питирим произнес Слово «о двуединстве болгарско-российских устремлений - исторических, культурных, нравственных, о братстве, скрепленном и кровью, пролитой в битвах за освобождение Болгарии, и тем гениальным наследством - единым для наших народов, которое завещали нам великие славянские первоучители, и тысячами иных неразрывных нитей слово оставило в душе ощущение надежды».

Затем торжественную передачу памятника скрепили подписями: от болгарской стороны подписали генеральный директор Фонда «13 веков Болгарии» Недялко Петков, от советской - заместитель председателя Мурманского облисполкома А. С. Дубровин.

22 мая 1990 года состоялось торжественное открытие памятника в Мурманске, на котором зачитали послание болгарского народа и генерального директора государственно-общественной организации Фонда «13 веков Болгарии» Недялко Петкова гражданам Мурманска:

«Братья! Великие наши первоучители святые Кирилл и Мефодий вновь отправляются в путь — от крайнего болгарского юга славянского океана до крайнего приполярного севера — Мурманска. Они проедут через всю Россию по тому нетленному мосту, возведенному сотворенными ими А, Б, В, что вот уже одиннадцать столетий связывает сердца болгар и русских, всех славян. И опять будут звучать на том пути слова святого Кирилла из его "Прогласа к евангелию"...»

Слово о Маслове Валентина Курбатова

Мы уже забыли, что праздники-то сначала не были общероссийскими. (Писатель говорит о Дне славянской письменности и культуре. Н. Б.) Их придумал в Мурманске замечательный прозаик поморской крови Виталий Маслов, который наследственно был хорошим моряком, а ненаследственно — отличным радистом на атомоходе "Ленин". А радист, он выхватывает слово из точек и тире по одним первым буквам. Он слышит их смыслы по самому ритму, хотя бы передавал и принимал одни документы.

Когда все зашаталось, Виталий рванулся к истоку, к евангельской нашей азбуке, к живой плоти слова, будто оно только вчера было начертано Кириллом и Мефодием. Он связался с болгарами, зажег их, и Праздник стал настоящим городским праздником. И сразу обнаружилось, что он нужен всей России.

Виталий сделал в "Подорожнике" свою запись как раз в те мурманские дни семинара молодых писателей, когда я так жадно вспоминал свой Север и так неловко выступал на "Арктике". Я впервые "учительствовал" на семинаре и чувствовал себя в этой роли не очень уверенно. Но тоже ведь как не увидеть урока — в семинаре было уже уходящее чудо: малая северная писательская организация учила своих молодых товарищей, потому что отвечала перед делом Кирилла и Мефодия, перед совестливой русской традицией. Виталий (царствие ему небесное!) тогда уже был не очень здоров, и происходящее в обществе и литературе не прибавляло ему сил, ранило его, но не могло лишить веры.

«Дорогой Валентин!

И все-таки... И все-таки! Мне кажется, что под пологом, плотным пологом травы забвения, уже живут, уже набирают силы те семена, которые, взойдя, еще при наших современниках поднимут над нашей землей высоко-высоко наше небо. Ну, а пока, как и положено, первыми выскочили, сеют семена сорняки... Что делать... Дождемся, даст Бог, и наших семян.

Виталий Маслов
29 января 1988»
Валентин Курбатов «Подорожник»

Посвящение Маслову

Николай Шутов, посвятив памяти Виталия Семеновича свое стихотворение, писал:

Кирилл с Мефодием, наверно,
И те с украдкой слезы льют.
Вы были их собратом верным,
Ценившим их великий труд.

Что ж говорить о нас, живущих
И знавших Вас десятки лет?
Да, призывает Бог всех лучших,
И вот уже Вас с нами нет…

Мы не увидим, не услышим
Вас в нашем городе родном.
Но громче будет, а не тише
Звучать Ваш голос с каждым днем.

Записи из панихидной книги

12.12.2001. Я уже упоминала, что перед панихидой по Маслову сделала альбом, в который люди писали свои мысли о Виталии Семеновиче, и хочу, чтобы они прозвучали здесь.

«Великий писатель! Великий мурманчанин! Как нам Вас будет не хватать. Но все мы должны жить по "масловски", чтобы быть счастливее. Вечная память». Олег Петрович Найденов

«Человек приходит в этот мир сеять доброе, вечное. Виталий Семенович был великим сеятелем. Память тебе, друг Северной Земли». Людмила Тимофеевна Пантелеева

«Светлая память Виталию Семеновичу Маслову. Нам будет не хватать этого большого и хорошего человека, мастера Слова, нашего лучшего автора…» Игорь Борисович Циркунов

«…Одно решила для себя: всё, что задумывали с Виталием Семеновичем, – надо выполнять. Спасибо судьбе за то, что озарила меня встречей с таким человеком…» Виктория Борисовна Бакула

«Маслов – это тот, кто нас соединяет – так делал он при жизни, так делает и после смерти. Соединяет, сплачивает воедино – на добрые, лучшие дела. Это был центр, к которому все мы стремились…» Дмитрий Коржов

«Виталий Семенович! Дорогой, красивый человек! Все мы смертны, но вы так рано ушли от нас… Вы нас осиротили…» Марина Петровна Скоромникова

«Виталий Семенович! Моряки-подводники 1-ой флотилии подводных лодок, экипаж АПРК "Орёл" в нашем лице потеряли большого Друга, Человека, Гражданина, Патриота. Вы прививали нам любовь к Отечеству, Родине, Кольской земле и морю. Зерна, брошенные Вашим словом, глубоко запали нам в душу. Скорбим об утрате» Капитан 2 ранга В. Григоренко

«Спасибо Вам, Учитель! Спасибо Вам, одному из немногих, дорогих мне Учителей!» Олег Алистратов

«Большое горе! Умер Виталий Семенович. Не знаю, как я буду жить без него. Опора выбита из-под ног. Не уверен – устою ли… Как для кого, а для меня он был и другом, и братом, и отцом-наставником…» Викдан Синицын

«Он из породы Мудрых оптимистов. Писатель. Организатор. Моряк. Публицист. Отец семейства… Человек, влюблённый в землю отцов, землю Севера. Филолог, знающий цену Слова, умеющий это Слово и сказать и сдержать и защитить. Глубоко верующий человек. Романтик, мечтательный, впечатлительный и справедливый!..» Валентина Евгеньевна Кузнецова

«Таким останется в нашей памяти Виталий Семенович – вечно живым русским помором, который любил не только Север, его природу, но и нас, живущих здесь людей, свой народ, свою Родину, весь славянский род…» Надежда Георгиевна Благова

«Виталий Семенович! Я Вас никогда не забуду. После всего, что прочитал в вашем творчестве, это сделать, пожалуй, никто не в силах. А мы с Вами хоть немного, но все же дружили». Мурманский композитор Николай Матвиенко

«Жизнь Виталия Семеновича – подвиг. Подвиг во имя духовности русской…» Валерий Гречко

«Жизнь нелегкая, судьба завидная. Сделано столько, что долго-долго будем удивляться – возможно ли такое? Одному человеку вроде и не под силу. Но он сделал. Благодаря ему мы почувствовали себя славянами, мощным этносом с живыми и живительными корнями и, к несчастью, с разрозненной кроной. Спасибо, Виталий Семенович!» Владимир Пеляк

«Трифонов Печенгский монастырь подтверждает свой издательский проект: издать собрание сочинений В.Маслова. В память вечную будет праведник». Игумен Аристарх

«Виталий Семенович! Экипаж ат. "Ленин" Вас никогда не забудет! Вечная Вам память». Ст. пом.к-на ат. "Ленин" Краепольский (по поручению экипажа)

«Для меня Маслов – это всё… - единственный человек, который по-настоящему, по-отцовски, по-масловски любил меня. Я в жизни часто его огорчал. Но пускай все знают: без Маслова никогда бы не было Колычева». Николай Колычев

«Велика скорбь – ушел крупнейший писатель Русского Севера, Русского Поморья. Виталий Семенович! Осиротели писатели мурманчане». Владимир Смирнов-Владов

«Прощай, друг, но с твоим уходом ты всё равно остаешься с нами. Ты был настоящим помором: добрым, отзывчивым, честным и храбрым…» Рашид Саляев

«Виталий Семенович! Говорят: незаменимых людей нет… Есть! Драгоценный наш духовный наставник и друг, не верим! Что мы без вас? Звучит в сердце ваше "чтобы не стать звеном в чужой цепи…" Не верим! Члены славянского комитета г. Мончегорск. Терлецкая Т.А. Митрофанова Н.В. Фролова Т.И.

«Моя встреча с Виталием Семеновичем так и не состоялась. Нет, я бывала, конечно, на литературных вечерах с ним, в Союзе писателей. Но это было наблюдение со стороны. Слушала, что говорит, как говорит, слышала, как поет песни. А поговорить, спросить о литературе, о жизни… Казалось несоизмеримые масштабы. А потом… Жизнь оказалась слишком коротка… Смерть - слишком внезапна…» Наталья Георгиевна Тарасова ОДЮБ

«…У больших, шумных рек литературы есть свои малые притоки, без которых не может быть полноводной реки. Вся писательская организация, да и мы, учителя, наши ученики – притоки. А вот полноводная река – Виталий Семенович Маслов…» Галина Николаевна Смирнова

Памяти Маслова

Свивает белый саван снег,
Печально Мурманск пеленая…
Писатель свой окончил век,
Горит костер во тьме у края…

К единству звал нас, бил в набат
Над нашей суетой и спешкой…
Первоучители глядят
На город с масловской усмешкой.

Он смело в Вечность заглянул,
Великой тайны причастился.
И путь свой к дому повернул –
Здесь, среди нас, он загостился.

Уснул в отеческой земле
У вечно ждущего порога.
Как часовой в пустом селе,
Взошел крестом – светло и строго.

Ирина Поливцева

* * *

Как трудно сердцу русскому осилить
беду и боль сегодняшней России.
Вот и твое, увы, надорвалось…
Из года в год ряды редеют наши,
без остановок Смерть косою машет
И метит в лучших. Так уж повелось…

Александр Попов

Через год. 9.12.2002.

«Год назад это были дни большого горя, но с сегодняшнего дня, когда начались первые Масловские чтения, эти дни будут днями большой радости и праздника – праздника Маслова. В духовном плане – это великий день для писательской организации и всех, кто вместе с нею.

Год назад все говорили об огромной потере, но мало кто мог видеть то приобретение, которое так явственно сегодня. Семя не должно умереть, оно легло в землю – и вот уже первые ростки. То, что Виталий Семенович при жизни, он делает сейчас - писательская организация возрождается, понемногу воцерковляется, и сегодняшняя панихида по рабу Божьему Виталию тому свидетельство. А уже было освящение п/о – день духовного ее рождения.

По словам о. Аристарха, Маслов стал вместилищем Святого Духа. И каждому, с кем он общался, он частичку этого Духа передал. Главное наше преобретение – мы обрели Маслова вечного. И Дух Маслова всегда будет здесь, в писательской организации. С праздником всех!

P. S. В православной церкви день смерти святого является не только днем его памяти, но называется праздником святого». Сергей Поливцев

«Когда я училась в 5-м классе, помню, была у нас в школе встреча с поэтами и писателями Заполярья. Три человека: молодой, безбородый с гитарой (Н.Колычев) пел песни, рассказывал стихи про теленка; человек с небольшой бородкой и проницательным взглядом (А.Миланов); и человек с большой бородой, добрыми глазами… Это был В.Маслов. Помню, задавали мы им вопросы, и я прочла своё стихотворение, смешное детское… Точно не помню, какие мне делали эти люди рекомендации, но главное уловила: о чем бы ни писала: про птиц, людей… нужно это прочувствовать, пропустить через себя. Стихи об одном и том же явлении разных поэтов – разные… 25.12.2002». Лена П. Ревда

«Жизнь ваша, Виталий Семенович, - пример для всех! Спасибо за поэтическое наследство! Ваши стихи учат нас жить честно и красиво!». Уч-ся 10-х кл. РСШ № 2. Ревда

«Хорошо помню встречу с Масловым Виталием Семеновичем. Из нее я для себя четко поняла, что мы – славяне должны объединиться и жить в мире между собой и стоять горой друг за друга. 25.01.2002.». Кузнецова Л.М. Библиотекарь РСШ № 1

Господи, Виталий Семенович, достаньте запасные штаны

13.12.2001. 9 декабря 2001 года мне позвонила Устиновна и, сообщив, что Виталий Семенович умер, спросила:

- Ты хоронить его в Сёмжу поедешь?

Я растерялась, вспомнив рассказы Маслова о трудностях, которые им приходилось испытывать, добираясь туда. Сначала ехали до Архангельска, затем до Мезени летели, а там на корабле или катере до Сёмжи. Времени и денег уходило немерено, и потому Устиновне ответила, что скорее нет, чем да. В Мурманске, придя в Союз писателей, попала как раз на обсуждение кандидатур, летевших в Сёмжу. Леонтьевич Тимофеев говорил:

- В самолете еще два места есть, но тот, кто полетит, должен позаботиться о теплой одежде. Валенки, тулуп… Маршрут: до Мезени военным самолетом летим, оттуда до Сёмжи буранами повезут. Вылет утром после дня прощания. Уложиться должны в два дня.

Когда я про дни услышала, не задумываясь, сказала:

- Я полечу.

Желание проводить Виталия Семеновича в последний путь было велико.

Безоговорочно об этом сказал и Владимир Сорокажердьев. Решено – от писателей нас летело четверо. Кандидатуры Виктора Тимофеева и Дмитрия Ермолаева были оговорены заранее.

Когда с Викданом из писательской вышли, он спросил:

- Давая согласие, слышала слова Тимофеева про теплую одежду?

Я беспечно произнесла:

- Не замерзну. Куртка на трех сентипонах, ботинки новые, у Аллы твоей шарф попрошу…

- Жаль, что я эти дни на вахте стою, тоже бы полетел, - произнес с сожалением Викдан.

Единственно, что меня тревожило, это брюки, тонковаты они были для таких поездок. Подумала, спортивки пододену и нормально.

Утром, после дня прощания, мороз резко покрепчал: пока до места встречи дошла, ощутила небольшой озноб, а затем еще и в промороженном автобусе ежилась от слов рядом сидящего помощника капитана атомохода «Ленин», говорившего:

- Да, морозец жжет, и это у нас в Мурманске, где Гольфстрим, а в Мезени еще сильней оказаться может. И в военном самолете лететь будет холодно. Железка, она и есть железка.

И так он подробно о холоде рассказывал, что я ни на шутку запаниковала, чувствуя, как этот самый холод пробирается ко мне под теплую куртку, и взмолилась: «Господи, помоги с запасными штанами мне. И ты, Виталий Семенович, тоже без дела не сиди, рядом еще находишься, надоумь, у кого мне запасные штаны одолжить. Я, конечно, понимаю, что с моим размером туговато придется, но хотя бы хэбэшные, они тянутся. И не сердись, что сама утеплиться не смогла, все мысли в эти дни только о тебе и есть. Так что уж поищи у кого в загашниках, ты ведь теперь все насквозь видишь и можешь.

Господи, прости, что обращаюсь к тебе с таким пустяком, но ведь и застудиться не хочется. Достаньте штаны!».

В аэропорту, так как вылет на полтора-два часа задерживался, нас разместили в домике авиаторов. И тут я решила утеплиться тем, что было. Попросила Надежду, жену племянника Виталия Семеновича Клавдия, куртку подержать. Скинула брюки, спортивки и стала рыться в пакете. Та ахнула:

- Ты куда в таком виде вырядилась, стриптиз показывать?

Я шикнула:

- Тише, еще услышат, и не возьмут с собой. Как из дома приехала, так и лечу. Не видишь,

утепляюсь, - сказала, я, натягивая на себя еще одни трусики.

- И это ты считаешь утеплением, - произнесла изумленная Надежда.

Я подумала и достала еще одни.

- Хорошо, пусть будет по-твоему.

- Большакова, ты сумасшедшая, коль считаешь, что это в тундре в мороз тебя спасет, - и уже примирительно добавила, - ладно в Мезени что-нибудь придумаем.

Когда из закутка, где переодевалась, вышли, ко мне подошел брат Маслова Вячеслав Семенович и на ухо произнес:

- Надежда, извини, я тут нечаянно ваш разговор услышал, у меня запасные спортивки есть, в Мезени одолжу.

Я, обрадованная, поблагодарила Вячеслава Семеновича, но в самолете еще нет-нет да обращалась к Господу и Маслову для страховки, чтобы не забыли просьбу мою.

В Мезени нас стали по розвальням определять. Я подошла к Вячеславу Семеновичу и, смущаясь, напомнила об обещанном. Он крикнул Евгению, сыну Виталия Семеновича, чтобы тот утеплил меня. И Женя, точно по волшебству, достав из пакета свитер и комбинезон, протянул мне.

Я бросилась в здание аэропорта. Удивительное дело и размер комбинезона оказался моим, только чуть длинноват. Натянула все на себя и возблагодарила Господа и Виталия Семеновича за заботу. Так тепло и уютно в них почувствовала себя, что уверилась – теперь точно не замерзну уже.

Как же я буду писать о Маслове, не видя место его рождения

14.12.2001. В моей памяти вновь прозвучали слова Маслова у Локко на берегу Туломы и подумалось, а как же я буду писать о нем, не видя место рождения, не прикоснувшись к его истокам?

В Мезень летели на военном самолете. Оттуда «буранами» на розвальнях около пятидесяти километров по тундре. Путь оказался нелегким. Наши извозчики часто останавливали «бураны» для охлаждения моторов. Мы разминали затекшие ноги. На одной остановке к нам с Устиновной подошел Олег Маслов и рассказал сон, который приснился ему за час до звонка матери и известия о смерти отца. Будто кто-то во сне произнес: «В реанимации отключили электричество. Ваш отец умер». Я спросила Олега, а причем здесь электричество? Оказалось, Виталий Семенович был подключен к кислороду. Олег приехал в Мурманск и первым делом отправился в больницу узнать, был ли сбой. Сказали, не было. Но я верю, в снах просто так слова не произносятся, тем более, что в больнице, когда Маслов лежал после операции, шел ремонт. Те, кто там в это время лечились, жаловалась - свет частенько отключали. Но кто правду скажет?

Олег Маслов в 1994 году в Мурманске стал лауреатом премии имени Баева-Подстаницкого за сборник стихов «Устоять», но здесь я хочу представить не его стихи, а его удивительно теплую, по-детски наивную и потому очень добрую зарисовку под названием «Папа приехал!», посвященную отцу, которого дети так ждали из его многомесячных плаваний и которую я здесь и привожу полностью:

> «*Я проснулся от мысли, которая явственно пришла мне во сне. Я когда-то умру. Я проснулся и заплакал от страха, беззащитности и отчаяния. Встал и пошлепал к маме. Она утешала меня: нет, что ты, ты не умрешь! Скоро папа с моря придет! И я, успокоившись, заснул. Я не умру.*
>
> *Папы не было долго. За эти длинные месяцы таинственное слово "Антарктида" проговаривалось много раз. В воображении рисовалась далекая-далекая страна с другой стороны глобуса, совершенно белая и чистая. И от этого мы переворачивали большой глобус вверх Антарктидой, и тогда она становилась понятнее и ближе. Папа научил меня читать, и я прочитал все надписи на глобусе. В "Колокольчике" нас с Инной Голдиной уже по очереди сажают в группе читать вслух книжки. Инна читает лучше, но я тоже стараюсь. В школу я тоже пошел без папы. В кургузых серых шерстяных пиджачках и новеньких ботинках, с*

цветами в руках, мы, детсадовская и уличная вольница, с трепетом заходили в светлый класс на втором этаже двухэтажной начальной школы, и Валентина Ивановна рассаживала нас за парты. Олегов оказалось сразу пять. Наверное, не обошлось без любимого клоуна... Мы сидим за третьей партой у окна с Олей Мельниковой. У нее белоснежный фартук и две русые косички с бантиками. Валентина Ивановна рассказывает о своем детстве, о войне, с которой не вернулся отец, о нашем будущем. В окна светит солнце, наполняет класс красками и праздником. Где-то там папа?

Папа приехал! У него густая черная борода и веселые озорные глаза. Мы с братом по очереди подлетаем к потолку и с восторгом прижимаемся к колючей щеке.

Папа приехал! Сегодня вечером будет "привальное". Мы ждем дядюшек и тетушек, двоюродных братьев и сестер, а еще моряков, приносящих с собой запахи и ветры далеких морей. И снова они будут рассказывать о далеких странах, спорить об искусстве, водить корабли во льдах и в штормах, громко смеяться, петь и пить "за тех, кто в море".

Папа никого не забыл. Всем по подарку! Мы с братом щеголяем на прогулке в новеньких клетчатых дутых курточках из Лондона. На столе - новая китайская шелковая скатерть с вышитыми журавлями, которые в блестящем глубоком шелке воды ловят лягушек.

Папа приехал! Мы идем с ним за руку в школу. Он в красивом кителе с золотыми нашивками. У него на груди - значки. Буква "Л" с двумя атомами и длинный пароходик - это ледокол "Ленин". Я знаю, что папа работает начальником радиостанции. Сегодня он будет проводить урок в нашем классе. Мы с замиранием сердца слушаем его рассказ об электроходе "Обь", альбатросах, полярных станциях, пингвинах, ученых и о нашей великой стране, которая так далеко посылает своих моряков. Я горжусь моим папой.

Папа приехал! Утром с братом просыпаемся от его бодрого голоса: "Подъем"! Под горн "Пионерской зорьки" летим умываться. Первого папа обязательно "побреет" теплой тыльной стороной приятно дрожащей электрической бритвы. Значит, бороды уже нет. После завтрака, перед школой, из крохотной прихожей заглядываю в дверь папиного кабинета. Весь стол заложен листками исписанной мелким почерком бумаги. Папа всю ночь писал. Я уже знаю: ничего нельзя трогать и перекладывать. Наш папа - писатель.

Папа приехал! Кончилась вольница. Привыкаем к порядку. Мне опять досталось! Вытираю слезы, захожу, насупленный, в папин кабинет. Папа молча прижимает меня к себе, и я чувствую, что ему тоже больно. И от этого еще больше жалко и себя, и его.

Когда становится совсем холодно и темно, приезжают дедушка Семен и бабушка Александра из Сёмжи. Это далеко. Туда нужно лететь на двух самолетах: сначала на Ан-24, потом на Ан-2, а потом еще по морю... Вечером собираемся все вместе за ужином и слушаем рассказы о далеких странствиях, о революции, о войнах, о неизвестных нам с братом жителях Сёмжи, которые приходят к старикам во снах. И так до весны, когда станет светло и бабушка с дедушкой вернутся домой и будут ждать нас там на все лето.

Однажды папа принес и положил на пол в прихожей длинный фанерный ящик. Это посылка из Ленинграда. Мы собираемся вокруг, а папа аккуратно выдергивает гвозди. Наконец он, к нашему изумлению, извлекает из посылки ... пингвина! "Пиня", - коротко представляет его папа. Ему прислали его друзья-ученые, с которыми он ходил на "Оби" в Антарктиду. "Пиня" - это чучело, но очень похожее на живого пингвина с растопыренными крыльями, перепончатыми лапами, блестящими глазами и гордо поднятым приоткрытым клювом. Мы с братом быстро выясняем, что у него внутри опилки, а под перьями на животе - аккуратный шов.

Папа показывает нам новый альбом с фотографиями, открытками, вымпелами и картами. Это кругосветное путешествие вокруг Антарктиды. К нам приходят письма с большими марками из Америки от профессора Мак-Намары, с которым папа познакомился в Антарктиде. Он присылает папе научные журналы на английском языке с непонятными картинками.

Из маленькой квартиры на пятом этаже на краю света, в Мурманске, нам раскрываются дали нашей необъятной и уютной планеты, нашей великой и могучей Родины, нашей глубокой и близкой истории».

Олег Маслов

Однако, вернемся в трагическую действительность 2001 года. Переезжая реку Пыю, описанную в рассказах Маслова, мы оказались в священном лесу ненцев, где все деревья были увешаны цветными тряпицами, сухой рыбой, чайниками, кастрюлями… Забегая вперед, признаюсь, что и я, когда возвращались назад, по языческому обычаю привязала на ветку березы носовой платок и монетку кинула. Попадая в такие места надо обязательно что-то оставлять.

Выезжали из Мезени в Сёмжу засветло. Проехали несколько километров, на тундру стала спадать темнота, подсинивая снег, искрящийся в свете прожекторов «буранов». И если небо всю нашу дорогу до Сёмжи было глубоким и черным, то, въезжая в деревню Маслова, мы увидели, как оно высветилось большими крупными звездами. Дома, где мы все должны остановиться на ночь, были натоплены двоюродными братьями Виталия Семеновича и его племянниками.

Гроб с телом нашего секретаря внесли в родительский дом, который, по словам того же Маслова, был «…конечно же – не дом, а целый мир, особый уклад жизни!» Убранство его, как принято в деревнях, небогатое, но имелось все необходимое. Самое большое место отведено печи, с резными окошками – печурками, в которых сушились носки и рукавицы. На оконцах - занавесочки. На одной нацеплено сразу шесть пар очков Маслова. Устиновна сказала, что еще одни положила в карман Виталию Семеновичу. Кровать с марлевым пологом от комаров, подтянутым к потолку, стол с черным добротным деревянным диваном, предполагаю, сделанный Жмаевым, героем рассказа Виталия Семеновича «Не пойди Анисья за Ивана», скамья, небольшой буфет старинной работы с посудой, полочка с телефоном. Увидев этот телефон, вспомнила, как летом, всего полгода назад, звонила сюда Виталию Семеновичу, сообщая о похоронах Александра Миланова и Бориса Макаровича.

Вторая комнатка, именуемая горницей, где стоял гроб с телом Виталия Семеновича, оказалась меньше избы. Все так же скромно: иконы в углу, стол, еще один буфет, полка с книгами, кровать… При доме большой закрытый двор – помещение, в котором стояли две лодки Маслова, а раньше здесь же держали лошадей, коров, овец…

На кладбище, произнеся молитву, отец Аристарх открыл прощание. Володя Сорокажердьев прочел стихотворение, посвященное памяти Виталия Семеновича:

За шершавостью жизни нечасто
Мы, бывало, смеемся взахлеб,
И у Маслова жизнь не по маслу:
То под сердце она, а то - в лоб.

Жизнь твоя не останется сказкой -
Злато-слово, улыбка, совет…
Милый-милый – Семенович – Маслов!
Неужели тебя уже нет?..

Владимир Сорокажердьев

Желающих сказать доброе слово о Маслове было много, ведь на похороны приехали и представители Мезенской администрации и родственники Виталия Семеновича, соседи по домам в Сёмже. Люди говорили: «Пусть земля ему будет пухом», и она на самом деле была пушистая, несмотря на прошедшие морозы, без комков и камней. Могильный холмик здесь прихлопывать непринято. По решению сына Виталия Семеновича Олега могилу украсили только живыми цветами, а многочисленные венки поставили около ограды, за которой лежали отец и мать...

То, что в семье Масловых пишет стихи Олег, я знала, а вот, что Евгений – было открытием. А он тоже решил прочесть то, что огромной болью выплеснулось из его души:

Сердцем не приму и не привыкну,
Что тебя не стало среди нас.
Что под шквалом бешеного вихря
Твой огонь безвременно угас.

Что ничто не станет так, как прежде.
Что ничто не повторится вновь.
Мне заменой умершей надежды
Станут твои Вера и Любовь.

Евгений Маслов

Сёмжа

В очерке «Жить Сёмже или не жить?» Виталий Семенович через взгляд сына на уезжающих из Сёмжи людей, плачущих по своей родине, задается вопросом:

> *«А почему, собственно, они плачут? – спросил я себя. – Неужели неотвратима эта беда – бросать к концу жизни и родину, и дом - все, чему жизнь отдана? А не скажет ли мне сын когда-нибудь по-другому:*
>
> *- Куда ты смотрел, когда плакали те люди? Пытался ли ты помочь своей родине, когда она сиротела, теряя тех, кто любил ее? Что ты сделал для сохранения в Сёмже всего того, что было интересного в ней? – Ведь того, что было в этой деревне, НИГДЕ не сохранилось?»*

Маслов постоянно спрашивает себя, что заставило его взяться за перо, и каждый раз приходит к выводу, что это его родовое гнездо, родовые корни, родовая память, та пуповина, которая связала его с родной землей навечно, и потому он должен написать эти свои записки

> *«…ради связи и воскрешения — как пояснения, как добавления, как еще один лист в сёмженскую родовую Книгу. Потому что я — последний, кто жил в гуще стариков сёмжан, жил одними с ними заботами, и многое успели они передать лишь мне одному, и я должен снять с себя этот груз — пока есть еще силы снять, а не уронить... Ибо передавалось — не только для меня, но и для всех нас. Поэтому и пишу…»*

Я вот уже более десятка лет наблюдаю за своим отцом Фоминым Павлом Петровичем, который, как и Маслов, архангелогородец, только родом из деревни Кушерека Онежского района. И его деревня давно опустела, а если и осталось несколько крепких домов в ней, так они служат теперь только для дачного приезда сюда. А мой отец сидит у себя в Ревде и не в силах съездить на свою родину, так как уже много лет у него из-за сахарного диабета болят ноги, и он плохо и трудно передвигается даже с палочкой. А от станции до деревни двенадцать километров плохой дороги, и редко, когда туда проберется какой трактор или грузовая машина. И я знаю, своими мыслями отец часто возвращается на свою родину, в свою деревню, и не скрывает слез, когда чуть выпьет, прорывая этим самым свою боль, что вот помрет и уж больше никогда не увидит тех мест, где родился, где находятся могилы его родителей, где похоронен старший брат…

Так и у Маслова читаем:

> *«Сёмжа - поморская деревня о сорока домах, моя родина. Правый берег Мезенской губы, на котором стоит Сёмжа, идёт с юга, где в полусотне километров находится ближайшее поселение - районный центр Мезень, на север, где за семьюдесятью километрами болот - соседняя деревня Несь. Несь - это уже Ненецкий национальный округ...*
>
> *...слово "Сёмжа" схоже со словом "сёмга", Сёмжа - значит "сёмужья". Эта рыба не перевелась ещё здесь. Но не в ней будущее деревни. Выйди к обрыву. Вглядись в неудержимую быстрину омывающих Сёмжу течений, проследи, как за три часа поднимается море на семь - восемь метров, как стремительно затопляет берег вода, и ты почувствуешь, почему именно здесь ищет приложения мечта о покорении морского прилива, мечта о получении мощности, соизмеримой с мощью океана. Сёмжа - место самых высоких в Европе приливов...»*
>
> *«Если б не паперть, и не подумать бы, что это сооружение церковью было: на месте купола – обрубок досками зашитый. И казарма в этой церкви бывала, и кинозал, и магазин, и склад, и конюшня.*
>
> *И когда упадет церковь совсем, останется только память у стариков об этой деревне»…*

Так вот и не станет больше Сёмжи...
Нынче батоги в ворота ставят,
Завтра окна накрест заколотят.
Постоит ослепшая деревня,
Погорюет над обрывом серым,
А потом сравняется с землею...
Только долго будут падать в море

И торчать, как кости, из обрыва
Срубов лиственичные остатки.
А когда заросшие погосты
Ссыплются в бушующие волны,
Ничего не будет, только море...

Виталий Маслов

Если обратиться к роду Масловых, то увидим, все они жили морем: один ходил на шняке к Новой Земле; другой строил первый российский флот; третий плавал радистом на «Декрете»; брат Маслова Василий ходил капитаном на «Соломбале» и был утоплен интервентами вместе с баржей; еще один предок участвовал в Японской войне, еще один предок – в Первой мировой войне, четверо Масловых не вернулись с Отечественной войны 1941-1945 годов; разделил морскую судьбу со своими предками и Виталий Семенович – 20 лет ходил радистом на ледоколе «Ленин»…

Наутро, перед поездкой на кладбище, я, наконец-то, могла разглядеть знаменитую масловскую Сёмжу. Несколько порядков домов уходили вдаль, с радостью отметила, что почти все крепкие, добротные. Сразу за домами открывалось горло Белого моря, по которому, по словам Устиновны, Виталий Семенович летом частенько плавал на своей маленькой лодке. Я никак не могла определить, в какой части Белого моря находится Сёмжа, о чем мне очень популярно объяснил Тимофеев, сравнив море с цыпленком. Если в Кандалакше хвостик Белого моря, в Мезенском районе – шея, то Сёмжа находится на самом «кончике клюва цыпленка», или Белого моря.

Слово Виктора Тимофеева о Маслове

Виктор Тимофеев, Леонтьевич, как я его называю. В начале своего творческого пути мне легче всего в Союзе было общаться именно с ним. А сколько вместе за разговорами вечеров провели, за разбором моих сказок, читала я ему и некоторые свои дневниковые записи. Таких как он - выдержанных, трезвых мыслью, внимательных, всепонимающих, с большим природным юмором, совестливых, на мой взгляд, единицы. И вообще меня поражает его многознание, объем прочитанного, глубина. Он прочный во всем. Прочность эта даже в фигуре, в груди, руках. Дружески обнимет так, будто прикует к себе, но не силой, а внутренним духом. Обнимает крепко, но все же с оглядкой - больно не сделать.

Что касается Музея саамской литературы и письменности, который был мною основан в Ревде в октябре 1994 года, то идея эта принадлежала именно Леонтьевичу. В июне, заехав в Мурманске в Союз писателей, я встретилась с Тимофеевым. Когда речь зашла об Октябрине Вороновой, он сказал, а почему бы мне в Ревде не создать музей ее имени?! Полез в свои талмуды и достал фотографии с первого Праздника славянской письменности 1986 года, на котором среди мужчин писателей она была единственной женщиной. Подал и сказал:

- А это тебе и первые экспонаты в музей.

Я выразила большое сомнение. После смерти Октябрины прошло четыре года, уже и сына в живых нет, дочь в Боровичах, у кого я буду материалы для музея собирать? Он поразмыслил и сказал:

- Так живы родные сестры ее, может, двоюродные есть. В библиотеку обратись, где наверняка ее личное дело храниться должно, к Маслову, ведь в Союзе у нас тоже личные дела писателей имеются, наконец, к Владимиру Смирнову…

Затем исчез на несколько минут, а появился с учебником саамского языка, подаренным ему Октябриной…

- Так незаметно материалы и начнут собираться, - уже уверенно произнес он.

Виктор Леонтьевич за время нашего знакомства хорошо успел изучить мою психологию. Он знал, что даже вскользь брошенная им идея, осядет в моей душе, и я, по своему активному характеру, тут же начну действовать.

В Славянском ходе мне за него было, если честно, обидно. Почему-то там его Виталий Семенович держал в тени, а ведь и Леонтьевичем в славянском движении сделано немало, но

как говорится, против руководства не попрешь…

Я же на всем пути следования считала Тимофеева совестью нашего сообщества. Он не боялся вступать с Масловым в пререкания, прекрасно выступал, говорил ясно, точно, лаконично, с болью в душе. Причем так быстро и четко даже Виталий Семенович не умел выражать свою мысль вслух. И теперь он писал уже о своем ушедшем друге в прошлом времени.

Виталий Маслов внутри себя монументалист, психологически очень мощный человек, и, как прозаик он идет по жизни, неся в себе железные убеждения. Он, как «батя», командир партизанского отряда, ведет нас за собой. Мы будем помнить о нем, работать так, как работал он, бороться, как боролся он, будем учиться хотя бы этой работе, этой жизни и этой борьбе, будем жить, черпая из его произведений мужество и мудрость.

В. С. Маслов похоронен на родине,
в деревне, которой нет на карте

В пустой деревне, скованной снегами,
в морозный день, на ветерке сипя,
как прячут тайно – меч, икону, знамя,
мы хоронили – павшего – тебя!

Внизу кипело море ледяное,
ползло на сушу, падало назад…
Ты уходил в могилу – словно воин…
Где ж поле боя – Мурманск? Сталинград?

Иль это, на краю земли, болото
с косматым перелеском на плечах?!
Комочки глины, пальцами растертой,
на гроб упали, болью трепеща…

Прости! Прощай! – прошелестела вьюга
и на море сползла куда-то вниз.
Придя сюда для погребенья друга,
мы отступили до отцовских изб.

Мрак отступленья… Суд веков в грядущем…
За что накрыл Россию черный пал?
Ответим ли бойцам, встречь нам идущим,
как допустили мы такой обвал?

Никто не лег с гранатами под танки.
Все отступали, злость любви копя.
Так кто же мы? Предатели, мутанты,
в метаньях потерявшие себя?

Прощай, Семеныч!.. Я хоть здесь спокоен.
Мы, дальше отступая, будем знать:
ты бился до последнего – как воин –
и перестал – навеки! – отступать.

Слово о Маслове Владимира Блинова

«Мы сегодня хороним Мастера. Мастера в морском деле, Мастера в литературе, Мастера в той духовности, которая объединяет всех людей и позволяет им всегда оставаться людьми. К счастью, в жизни есть такие люди, которые способны несмотря на расстояния пространственные и временные, ни на какие преграды объединять всех нас и давать нам всем почувствовать, что мы единая общность, единый народ. Я считаю, что Виталий Семенович

Маслов был именно такой человек на Русском Севере. Человек, который смог нас объединить и смог дать нам почувствовать, что мы единый русский северный народ. Виталий Семенович был человек, который умел обращаться к тысячам людей, особенно к тысячам молодых сердец, и умел обращаться одновременно к каждому из них. Это великий дар, это великое свойство говорить со своим народом, обращаясь как к каждому отдельному человеку. Конечно, смерть вещь страшно тяжелая, и все-таки о человеке судят по тому, что он сделал. Я считаю, что Виталию Семеновичу столько удалось сделать, кому редко удается столько сделать. Это и лучшая память и лучшее подтверждение того, что и после ухода из жизни он будет оставаться среди нас.

Сёмжа, Мезень 15 декабря 2001 года».

Основа закладывалась в семье

(Из книги Виталия Маслова «Еще живые»)

Иная была система образования! Люди, еще и нынче живущие, помнят: за обучение детей в семье отвечала бабка, она их учила, это был ее, так сказать, долг семейный. Если же по какой-либо причине своей бабки не было, обучением занималась бабка чужая – или за умеренную плату, или, так сказать, на общественных началах, а иногда и в дом для этого бабку чужую брали, чтобы наряду с обучением помощь непосильная в домашнем хозяйстве была… Остатки традиционной системы исчезли совсем недавно; перед войной я и сам, прежде чем пошел в школу, выучился читать по бабкиным рукописным книгам, под бабкиным неназойливым руководством. Доучивались потом внуки, где могли: и по книгам, и по картам, и с помощью отцов на промыслах, но основа закладывалась тут, в семье. И диву радостному даешься: где еще (не только в России, но и вообще в Европе) грамотность была столь высокой, как в беломорских селениях?!

Похвальные грамоты

14.12.2001. Когда в первый раз пришла в гости к Масловым в Мурманске, больше всего меня поразила одна стена. На ней в рамках помещены похвальные грамоты, похвальные листы детей Виталия Семеновича и Валентины Устиновны, их табельные школьные листы с оценками, фотографии. Мне это очень понравилось. Люди как-то стесняются старых бумаг, прячут в семейных альбомах, шкафах, а тут вот они - все детские достижения!

Обратилась к Маслову:

- Ну, то, что грамоты вывешены, понятно, а зачем табельные школьные листы?

Маслов, хитро прищурившись, произнес:

- А как ты думаешь? Чтобы стремление парней было еще лучше учиться. Кому не хочется, чтобы его заслуги на обозрение вывешены были, вот мои мальчишки и стремились учиться хорошо. Скажем так - в воспитательных целях.

Когда, приехав в Сёмжу на похороны Маслова, я вошла в его родовой дом, то не удивилась, что стена избы так же была украшена грамотами, что совсем не являлось здесь хвастовством. В исповеди «На костре моего греха» Виталий Семенович пишет:

«…Помня обо всем плохом и хорошем, надо подчеркивать хорошее, учить гордиться этим хорошим и делать все приемлемое духовно для нашего духовного пробуждения, очищения и возрождения».

Разве неинтересно сегодня читать, что «Награждается Почетной грамотой Маслов Виталий Семенович – электронавигатор парохода "Буденновск". Даже в очерке «На костре моего греха» я не нашла упоминание о его работе на этом судне. «На костре моего греха» нет, а грамота этот факт из биографии высветила. В доме Масловых в Сёмже к каждой грамоте под стеклом приложена еще и фотография того, кто ее получил.

Вот еще одна от 31 января 1961 года. Этой грамотой Виталий Семенович награжден «…за проявленную отвагу при пожаре». Валентина Устиновна на мой вопрос ответила:

- В Тикси дом горел…

Описание этого случая нашла в статье Александра Миланова «Корни памяти». Рассказ

ведется от лица Сергея Владимировича Попова, исследователя топонимов Арктики, который обратился к Виталию Семеновичу с вопросом о топонимах Мурмана, но Маслов переадресовал его к Владимиру Сорокажердьеву. В Тикси Сергей Владимирович и познакомился с радистом гидрографического судна «Иней» Виталием Масловым при весьма трагических обстоятельствах:

«…как-то в одном из частных домиков возник пожар, домик был охвачен пламенем, а над толпой висел жуткий крик матери – в доме остались дети. И тут высокий паренек в очках, не раздумывая, бросился в огонь, за ним следом – другой. Толпа в ужасе притихла. На что рассчитывали эти храбрецы? Говорят, смелость города берет. Чудо свершилось – они нашли ребятишек, которых сразу увезла "скорая помощь". Парнем в очках был Виталий Маслов».

Обращусь и к самому Виталию Семеновичу:

«Говоря о нашем прошлом, всегда вспоминаю и буду вспоминать прежде всего времена для России благоприятные, а факты из жизни ее — прежде всего радостные и светлые. При том, что делается сейчас, надо любой ценой хотя бы чуть-чуть подшевелить в нашей национальной памяти именно светлую сторону, с этого начнется возврат национального самосознания, в этом — спасение Руси. Ибо сказать, что наше национальное сознание сейчас на нуле, значит быть благодушным непоправимо. Ниже нуля! Наша "самокритика" давно уже обратилась в проповедь ненависти ко всему русскому, уже породила эту ненависть нередко даже среди русских.

Да и могло ли быть иначе? Ведь утверждения вроде "к северу от Вологды" вдалбливались в нас с яслей и садиков... Может ли в нынешнем мире быть что-либо для народа более страшное? Именно поэтому, помня обо всем, плохом и хорошем, надо подчеркивать хорошее, учить гордиться этим хорошим и делать всё приемлемое духовно для нашего духовного пробуждения, очищения и возрождения».

Дом памяти

14.12.2001. О первом в нашей стране Доме памяти, созданном в 1984 году Виталием Семеновичем Масловым в родовой своей деревне Сёмже Архангельской области, я слышала от него давно. Но разве могла подумать, что побываю в этом храме памяти, да еще зимой и буду разглядывать экспонаты его при свете двух тусклых керосиновых «летучих мышей» и трех карманных фонариков? Вспоминаю слова Маслова из книги «На костре моего греха»:

«Главная задача – сохранить имена. Родовая книга – на 50 сёмженских родов, до 9 поколений в каждом. Впервые были возвращены из небытия высланные, раскулаченные, убиенные, погибшие в гражданскую по другую сторону баррикады. Отдельная стена – солдатские матери, отдельная – солдатские вдовы»…

«…Дом памяти — связующее звено между прошлой Сёмжей и нынешней — скоро не будут никому нужны, выпадут мякиной, пройдя сквозь многослойные жернова времени? Но пока Дом Памяти сёмжинский стоит, живет, связует и воскрешает».

Мы приехали в Сёмжу уже затемно, и все же я попросила старшего брата Виталия Семеновича Сергея Семеновича показать нам Дом-музей. Он согласился с радостью и провел в нем прекрасную экскурсию. Я немало видела разных музеев, но этот оказался не похожим ни на какой другой. Здесь нет отдельных комнат, нет стеллажей - только стены бывшего пожарного депо. Даже не было общепринятого потолка, наверно это и создавало впечатление настоящего храма, где вместо иконописных сводов были флаги Андрея Первозданного с ликом Спаса Нерукотворного, красные флаги… Рассматривая эти необычные экспонаты памяти, замечаем, что каждая вторая фамилия - Масловы. Нет, не все родственники Виталия Семеновича – однофамильцы, земляки…

Заголовки стендов с фамилиями - настоящая история нашей родины: «**Участники войны с Японией 1904-1905 гг.»** - 4 человека, **«Отдали жизнь за Родину в Первую мировую войну» -** 6 человек, **«Вместе с ними защищали Родину в Первую мировую войну»** - 17 человек,

«Погибли в гражданскую войну» - 5 человек, **«В гражданской войне также участвовали» -** 19 сёмжан, **«Отдали жизнь за Отечество на полях сражений в Советско-финляндскую войну 1939 -1940 гг. и в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.» -** 42 человека, **«Вместе с ними защищали Родину на полях Советско-финляндскую войны 1939-1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» -** 44 человека…

По этим же спискам видно, как много людей населяло поморские деревни Русского Севера… 46 из них – Масловы.

Для отца Аристарха в Доме памяти стали откровением имена сёмжан. Он говорил:

«Поразительно то, к каким глубоким истокам своих предков припадал Виталий Семенович. Эти имена для меня, филолога и священника, помещенные на стенах Дома памяти, - великая радость. Сейчас нет таких имен. В каждом имени тайна. И вот мы видим имена, которые вообще не существуют сейчас, ну, может, разве только в монашестве: Авинир, Авдий, Виссарион, Киприан, Евлампий, Авраамий, Трифон… Ведь люди, которые жили в этой поморской деревне с такими именами, конечно же, несли на себе отпечаток того, что они уникальны, они космос».

До сих пор на Мезенщине в ходу имена старинные, необычные. Пишет об этом и Виталий Семенович:

«Люблю читать мезенскую газету еще и за то, что имена необычные - в этой газете явление вполне обычное. Елуков Вячеслав Разумович. Спрашиваю, как звали отца. Отвечают: Разум. Милетина, Анкидин, Елконида… И это – имена совсем не старых людей: Милетине – 50. Анкиниде – столько же… имя Гигантий – законное, от рождения имя – дано при крещении задолго до конца прошлого, 19-го, столетия. И наоборот, имена Галярий, Фелицата, Кантидия – имена нынешних молодых людей, все три из одного номера районной газеты».

Рядом с фотографией отца Семена Виссарионовича сёмжане уже повесили фотографию и Виталия Семеновича. Так решили земляки:

- Пока - поближе к отцу, позже сделаем и рамочку, и место определим.

На небольшом столике – широкая рукописная книга пятидесяти сёмженских родов, некоторые отражены до десятого колена. Книга также создана Виталием Семеновичем. И сегодня, приезжающие сюда родственники из Мурманской, Архангельской областей, из Санкт-Петербурга, Каменки, по ней легко отыщут свои корни и внесут в родовую книгу вновь рожденных. Здесь есть место каждому. Главная задача Дома памяти – сохранить имена земляков, выполнена. Через этот Дом памяти, через эту книгу Маслов точно родовой пуповиной крепко-накрепко связал своих земляков друг с другом…

Они очень похожи, братья Масловы, Виталий Семенович и Сергей Семенович, даже интонацией в голосе. Только речь нашего экскурсовода быстрая, перекатистая, но когда он, что-то вспоминая, затягивал слова, я вздрагивала, оборачиваясь, точно рядом слышала живого Виталия Семеновича.

Прямой эфир

16.12.2001. На радиопередачу поэтессы и журналистки Ольги Андреевой в память о Виталии Семеновиче мы с Виктором Тимофеевым и отцом Аристархом пришли сразу на следующий день, после возвращения с похорон.

Искренне порадовалась за эмоциональное выступление Татьяны Агаповой:

- Вчера, когда хоронили Виталия Семеновича Маслова на Архангельской земле, в зимнем Мурманске шел дождь. Север плакал и продолжает плакать. И все же о Виталии Семеновиче очень трудно говорить в прошедшем времени, слишком это яркая, мощная личность, и очень живо ощущается его присутствие среди нас в нашем городе. То, что произошло, заставило всех заново и очень обостренно осознать, кто он, что значил для нашей писательской, для нашего города, нашего края. И после его ухода, после физической утраты Маслова его духовная роль для

нас возрастет. Большое, действительно, видится на расстоянии.

Нету слова, чтоб имя вместить,
Будь то слово - Писатель, Учитель,
Гражданин, Патриот, Человек,
Воин духа, за правду Воитель…
Это он все вместил, все объял,
Не по капле и не по крупице –
в лучших верных российских сынах
мощным силам ниспослано слиться.
Жил – как подвиг вершил… И свершил!
Те, за кем век от века Россия,
он – из них.
Её смертный рубеж
Они держат в года роковые.
не родятся в безликой земле,
Не родятся в духовной пустыне –
Русский Север, будь верен себе
в дань и память о доблестном сыне!

Т. Агапова

Слово о Маслове игумена Аристарха

«16.12.2001. *Очевидно, мы всегда будем сталкиваться с тем, что оставит в Виталии Семеновиче некий нерастворимый и непостижимый для нас остаток, который по православному называется МИСТИКОЙ, мистикой личности.*

В православном богословии личность понимается в отличие от индивидуума, как та сокровенная, только Богу понятная и Богом созидаемая неповторимая единичность, которая человека делает не только неповторимым, но и делает его образом и подобием Божиим. И вот всякий раз, когда мы говорим о Маслове, я, вспоминая наши с ним встречи, могу сказать, что эта неизреченность и неопределяемость в слове личности Виталия Семеновича, она присутствовала с ним всегда. Его жизнь развивалась в глубинах души совершенно непонятным, непостижимым образом. И тут мы, пожалуй, ничего не можем определенно интерминировать с житейской, логичной точки зрения, потому что все как-то в тайниках творилось. И сколько бы не проводили Масловских чтений в дальнейшем, все-таки эти тайники личности останутся. Как развивался Виталий Семенович, почему он так состоялся? Это тайна. Мы знаем, что Вдохновение - это птица очень пугливая. Она почивает не на многих людях, ее легко вспугнуть, а потом она может уже никогда больше не приземлиться на эту душу. Но есть все-таки некие моменты, которые определяющим образом действуют притягательно на вдохновение, на то, чтобы человек состоялся и еще влиял на других людей. Таким основанием должна служить порядочность человека. Говоря церковным языком, его праведность. Надо сказать со всей определенностью, что все те качества, которые его выделяли из ряда многих других людей, определялись не только Сёмжей, которая на меня произвела глубочайшее впечатление, не только его встречами со многими людьми на протяжении жизненного пути, но определялась какой-то внутренней сокровенной глубочайшей работой, которая шла вопреки течению. Именно это позволило ему, человеку, который, казалось, был плоть от плоти нашего времени или может скорее безвременья вдруг, почти внезапно состояться и при этом не стесняться того, что его мнение зачастую было не просто неудобным, оно было даже непонятным. Оно не воспринималось многими людьми как нечто то, что сейчас, сию минуту нужно. Ну а о славянском единении, о единении славян даже сейчас в период жутчайшего разброда среди славянских народов, тогда вообще непринято было говорить. А, скажем, о нравственности почему-то мы молчим. Виталий Семенович обладал таким внутренним нравственным камертоном, который позволял ему не только не молчать, не только обличать, но и быть голосом, голосом глубинной русской нравственности. И все это заставляет меня предполагать, что хотя я и не очень хорошо знал его в быту, что те высочайшие принципы нравственности, в нем заложенные, воспитанные и, скорее всего, сознательно им культивируемые, позволяли ему совершать в принципиальных своих решениях поступки наивысочайшей нравственности. Мне довелось слышать, что Маслов был необычен в общении: мог обижаться, раздражаться, принимать решения, которые казались, может быть, недостойными человека с сединами.

Знаете, все это на самом деле наносное. Сами глубины человеческой личности от нас сокрыты. Пример со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Он был великий праведник. И Елизавета, жена его, любившая и сопровождавшая его всю жизнь, настолько привыкла к его праведности, что могла, например, сказать ему, когда его досаждали разные просители, желавшие получить исцеление от своих недугов: «Вань, ну что тебе стоит? Ну, помолись и исцели». Так и здесь, за сиюминутностью, за обыденностью мы порой не замечаем, насколько все непросто и насколько здесь Дух Святой действует через человека.

Мы знаем, что Виталий Семенович не был абсолютно церковным человеком. Но посмотрим правде в глаза - как много у нас в Мурманске абсолютно церковных людей?.. Не много. Но и от них мы порой не видим такого благодатного воздействия. И здесь как раз речь идет о такой неординарности. Ведь, знаете, Дух дышит, кем хочет. И тот сокровенный духовный путь, который прошел Маслов, для нас настоящая загадка. Потому что мы не знаем его духовника, он как-то развивался - дух его вел. Непостижимым для нас образом Дух Святой вселяется в человека, благодаря его высоким нравственным качествам, Он его ведет и Он же воздействует через раба Божия на многих других людей. И в этом смысле можно сказать, что Виталий Семенович явился тем проводником в культуре Кольского края, которого, наверно, так долго ждал Дух Святой. Для всего человечества таким моментом ожидания были века, которое затем воплотилось в рождение, воплощение Сына Божия. И здесь мы тоже видим много людей хорошо пишущих, творящих на Кольской земле. Но пока, в силу известных причин, невидно вселившегося Духа Святого...

Маслов всегда все видел наперед и работал на будущее. Конечно, он привлекал сердца молодых. И все его начинания: конкурсы «Храмы России», «Берег России», то, что он был членом литературного жюри Трифонов Печенгского монастыря «Духовность Кольской земли», все это очень органично. Многие вещи, которые он начинал, были явно водимы Духом Святым. Посмотрите: Дни славянской письменности и культуры… Нужно было многое прозревать, чтобы Дух на тебе покоился, чтобы в рамках масштаба всей России зачинать такое великое дело. То же самое Славянский ход. Сколько нужно было преодолеть косности, инертности, мертвечины всяческой, которая окружает человека в его общественной жизни для того, чтобы по-настоящему утвердить, духовное, духоносное явление в нашей жизни на Кольском Севере».

Маслов жив в наших сердцах и нашей памяти

16.12.2001. Я видела, как переживал уход Маслова Николай Скромный, который несколько лет в писательской был его заместителем. Он не говорил громких фраз, он больше молчал, но от боли потери кричали его глаза.

Скромный… Когда я начинала рассказывать о нем своим знакомым, они слушали, а затем спрашивали: «А как фамилия этого писателя, о котором ты говоришь?» Я повторяю: «Говорю же Скромный Николай Александрович». И тут мои знакомые начинали расплываться в улыбке: «Скромный-й-й! А мы-то думали, что ты о скромности этого писателя говоришь…» И я начинала объяснять, что Николай по своему характеру вполне соответствует своей фамилии, никогда и нигде не выпячивает себя, а романище написал, аж в четырех книгах. Лауреат премии имени Николая Островского. А для меня это имя значит многое.

Свою мечту стать писателем я озвучила в 1985 году и не где-нибудь, а на заседании райкома партии. В анкете на вопрос, на кого хотите быть похожей, написала: на Николая Островского, так как в юности восхищалась не только его романом «Как закалялась сталь», но мужеством и работоспособностью писателя. И когда меня принимали в члены партии (имел место в моей жизни и такой факт), спросили: «Почему написали, что хотите стать похожей на Николая Островского, а не на Владимира Ильича Ленина?» Не задумываясь, ответила: «Как Островский обязательно стану, а как Ленин – никогда».

Так вот, сидела я как-то в писательской, рассказы редактировала. Подходит Николай и просит разрешения посмотреть. Прочитал, говорит: «Надежда, а если эту фразу заменить, чтоб точнее мысль выразить, как думаешь?» И дальше: «По-моему в прямой речи должен присутствовать элемент эмоции, а у тебя здесь слишком грамотно, согласна со мной?» И так это деликатно сказал, точно боялся мое самолюбие задеть. А я поначалу такую внутреннюю робость испытывала перед ним. Да и понятно, писатель такого ранга! Но Николай никогда не кичился своими успехами, человек добрейшей души, внимания и самое главное – искреннего уважения к творчеству начинающего писателя…

С уходом Маслова он, как многие из нас, остро почувствовал себя осиротевшим и потому, начиная свое выступление на передаче Ольги Андреевой в память о Маслове, сказал, что не мог сделать каких-то набросков к выступлению, потому что не может говорить о Виталии Семеновиче в прошедшем времени, так как его сознание не примиряется с тем, что Маслова уже нет среди нас живым.

Как я понимала состояние Николая, ведь даже съездив на похороны в Сёмжу, до сих пор не могу смириться с тем, что Маслова среди нас нет. Да, физически мы уже никогда не встретимся, но духовно связаны неразрывно. До недавних пор я считала, если не вижу, как хоронят знакомого мне человека, он для меня не умер, а просто переехал жить куда-то в другое место. А вот, если видела, как человека хоронили, тогда знала, да, он умер. С Виталием Семеновичем происходило все по-другому. Была на панихиде, смотрела на него и чувствовала, как все мое нутро сопротивляется принятию мысли о том, что его уже нет. Казалось, в гробу лежит совсем другой человек, совсем не Маслов, лишь кто-то похожий на него. Лицо каменное, чуть одутловатое, совсем не масловское, только волосы и борода оставались прежними. И руки были не похожи на те, что знала я, - живые, быстрые, теплые… Да смерть не красит…

И вот он лежит в своем родном доме в Сёмже, окруженный родными и друзьями, а отец Аристарх отпевает его, затем кладбище, прощальный поцелуй в лоб и все равно чувствую, что не ощущаю его умершим, ушедшим от нас.

И поняла, если очень любишь человека, он для тебя остается живым. По приезде домой принялась читать «На костре моего греха» Маслова… И точно услышала голос его. И уже не я читала, а будто Виталий Семенович беседовал со мной, передавая исповедь свою с разными оттенками голоса, изменением интонации… Увидев собственными глазами Сёмжу, Мезень, я как бы прикоснулась к истокам его - сборник прочла на одном дыхании. И пока читала, он почти каждый день снился мне, правда как-то пока со стороны, не заговаривая, но я и тому рада, значит, услышал мою просьбу приходить в сны. Приходит, значит, остается в моем сердце живым. Ведь он частенько мне снился и при жизни…

Слово о Маслове Людмилы Тимофеевны Пантелеевой

«Виталий Семенович Маслов был из числа сеятелей. Он сеял разумное, доброе, вечное. И книги, написанные Масловым, останутся с нами, как останется с нами праздник Славянской письменности, так же будут школьники писать сочинения на конкурс «Храмы России». А мы все будем помнить, и наверно более внимательно будем читать то, что завещал нам этот большой человек. Все его произведения пронизаны великой любовью к родине, к родному Поморью. В его романе «Внутренний рынок» выпускники школы на вечере просят выступить человека, который является совестью Красной Щельи. Обращаясь к ним, он сказал: «Когда речь идет о Родине. Родина самое главное, что у нас есть. Работайте для Родины, думайте о ней, как хозяева, храните ее. Больше сказать мне нечего, потому, что кроме Родины ничего больше дорогого нет». Маслов, говорит ли он о Кокуре или о своей деревне Сёмже, он говорит это душой и сердцем. Это тот самый писатель, с моей точки зрения, который в своих исканиях идет от личных переживаний от того, что ему велела его душа, поэтому он растворился во внутреннем пространстве своих героев. И нам, читателям, подчас бывает очень трудно определить, где рассказывает о событиях участник этих событий, а где автор, терзаются муками совести, чувством вины перед земляками герой или автор, где предостерегает нас от ошибок Маслов, а где его герой. Масловские герои это и часть его души и часть его судьбы и его любовь. В словах героев боль писателя, чувства писателя к той своей родной земле, в которой он покоится вечно».

Третий Славянский ход «Мурманск – Великий Новгород – Валдай»

23 марта 2002 года группа ребят из Царь-города (Оленегорск-2), педагоги, поэтессы Марина Чистоногова и Ирина Поливцева и другие отправились на автобусе в третий по счету Славянский ход - «Мурманск – Великий Новгород – Валдай», посвященный памяти писателей Бориса Романова, первого председателя Мурманской писательской организации, одного из

лучших маринистов страны, члена Правления Союза писателей СССР, Виталия Маслова, о котором и ведется повествование в книге, Дмитрия Балашова, великого исторического писателя, создавшего серию романов «Государи московские».

Идея этой поездки пришла в голову мне и Виктории Бакуле, учителю русского языка и литературы школы Царь-города, или Оленегорска-2, еще на ноябрьских Балашовских чтениях в Новгороде в 2001 году, когда выяснилось, что творчество своих знаменитых земляков, Бориса Романова и Дмитрия Балашова, новгородские школьники и студенты знают совсем плохо или не знают вообще, и подумалось, а почему бы не устроить Балашовские и Романовские школьные чтения в Новгороде и Валдае с привлечением мурманских ребят. Виталий Семенович, узнав об этом, горячо поддержал нас, сказав, что обязательно в этот Ход поедет с нами, отдать дань памяти своим друзьям, но не дожил…

Перед участниками Хода встала не только просветительская задача, но и задача великого духовного значения: вдова писателя передавала в дар Трифонов Печенгскому монастырю на Мурман икону Господа Вседержителя, куда ей посоветовал передать ее Виталий Семенович.

Благословил Ход у памятника Кириллу и Мефодию в Мурманске игумен Трифонов Печенгского монастыря отец Аристарх.

Слово о Маслове Виктории Бакула

«Есть люди, которые незаметно и надолго входят в твою жизнь и вносят в нее какую-то организацию, подпитывают тебя надеждами на исполнение творческих идей, воплощение творческих планов. И тогда уже не помнишь того времени, когда жил и творил без этого человека. Он заполняет собой часть твоей жизни. Ты себя не мыслишь без него, без его разговоров о чем-то для тебя важном. В общем, начинаешь существовать в пространстве другого человека. И через это пространство вдруг начинаешь жить жизнью более полнокровной, богатой духовно. И удивляешься: как я без этого обходился раньше? А потом привыкаешь к тому, что имеешь. И кажется, что это навсегда.

Таким человеком стал для меня Виталий Семенович Маслов.

Еще не будучи знакома с ним, я много слышала об этом человеке добрых слов, видела, чувствовала, понимала, как его уважают, и все это невольно передалось мне.

Поэтому, наверное, в нашу первую встречу на Дне славянской письменности он мне показался каким-то большим до огромности, внушительным на вид человеком. Но рассмотреть я его не успела хорошенько.

Во второй раз встретились уже на 30-летии музея Есенина. Я тогда снимала на камеру. Наведя объектив на Виталия Семеновича, задержала его на несколько мгновений дольше и вдруг заметила, что совсем не огромный этот человек. И глаза его не уставшие, а какие-то задорные, живые, мудрые, и не соответствуют они седой окладистой бороде, не скрывала она его моложавости.

Остались у меня фотографии с того праздника, где он вручает подарок Валентине Евгеньевне, где сидит и, будто задумавшись о чем-то, опустил глаза, не закрыл, а именно опустил. На других снимках он общается с присутствующими на празднике гостями. И еще одна, очень ценная, дорогая для меня фотография, на которой мы втроем: Маслов, Большакова и я - обговариваем возможность поездки на Балашовские чтения. На этой фотографии мы с Большаковой внимаем Маслову, будто ни одного слова не хотим пропустить. Да так оно и было. И исполнилось все, как задумал Виталий Семенович, - мы съездили на I Всероссийские Балашовские чтения.

Вошел этот человек и в жизнь моих учеников. Своим рассказом «Зырянова бумага». Семиклассники даже отзыв написали в виде письма. Жаль, что не успели вручить Виталию Семеновичу. Надеялись ребята на встречу с ним, да он и сам хотел побывать у нас в городке.

А еще вошел своим вниманием к нам, живущим на отшибе, своей заботой. Ведь это благодаря ему мы с ребятами съездили на историческую экскурсию - на ледокол «Ленин». Виталий Семенович тогда только попал в больницу, но помнил о том, что мы приедем. Договорился, чтобы нам показали ледокол, и оставил на концерт билеты, на которых его рукой написано: «Царь-городу». Так мои ученики, не успев встретиться с человеком, уже познакомились с ним и ощутили на себе его заботу.

Осиротели мы все без Виталия Семеновича. Потеряли многое, очень многое даже мы, знавшие его недавно. Что уж говорить о тех, кто рядом с ним был! Им больнее всего от этой

потери. Но надо помочь привыкнуть к свершившемуся своими воспоминаниями, добрыми словами и – памятью».

Знакомство с Татьяной Шороховой

24.05.2002. Имя Татьяны Шороховой, мурманской художницы, я впервые услышала от Виталия Семеновича, который, восхищаясь ею, рассказывал мне, что это именно она явилась художником обложки первой книги на саамском «Ялла» Октябрины Вороновой. Так несколько лет я от него частенько слышала имя Татьяны, мечтала с ней познакомиться, но все как-то не получалось. И вот мы впервые с ней увиделись у памятника Кириллу и Мефодию в День славянской письменности и культуры 24 мая 2002 года. В первый праздник, проводимый без его основателя Виталия Маслова и последний для Викдана Синицына, чего тогда мы еще, конечно же, не знали. Точно это роковое обстоятельство должно было быть чем-то освященным, и свет этот в мою душу внесла Татьяна Шорохова. Она скромно подошла к писателям, поздоровалась, представилась тем, кто ее не знает. Я удивилась, увидев перед собой небольшого росточка женщину, которую и женщиной-то называть язык как-то не поворачивался, скорее она была похожа на взрослую девочку, смущающуюся от чрезмерного внимания к ней. Что-то в ее облике было хрупкое, но, несмотря на это связующее прошлое (Октябрину, Маслова) с еще пока настоящим (Викданом), точно временная грань.

Слово Татьяны Шороховой о В.С.Маслове

«Наброски, рисунки, выставки, встречи. В1985-м была открыта моя первая персональная выставка, после которой неожиданно приглашают для сотрудничества с молодежной газетой «Комсомолец Заполярья». Знакомлюсь с редактором ее Дмитрием Таракановым, бесспорно талантливым журналистом, настоящим художником с огромными творческими замыслами. Очень теплым человеком, с разудалой русской душой. Таким я его и запомнила. Там же в редакции газеты я и познакомилась и с Виталием Семеновичем Масловым, большим человеком с легкой походкой. Еще памятник Первоучителям в городе не стоял, а на странице газеты «Комсомолец Заполярья» мой рисунок святых Кирилла и Мефодия к статье Маслова встал уже на фоне здания научной библиотеки. На одной из встреч наших с Масловым в научной библиотеке в 1986 году я подарила Виталию Семеновичу маленький рисунок, и вот он уже попадает на страницы газет в Болгарии («Антени» и «Кириломефодиевский вестник. Забуквите»). Так с легкой руки Виталия Семеновича знак празднования Дней славянской письменности полетел по стране. Потом был Новгород, Москва... А 20 марта 1990 года из Софии в Мурманск пришли равноапостальные братья Кирилл и Мефодий (памятник).

Первая книга на саамском Октябрины Вороновой в 1990 году - это и моя первая книга (рисунок обложки, макет). Эскиз книжки Маслов возил в Ловозеро, Ревду, показывал всем, а когда ее напечатали, то этот большой человек с легкой походкой пришел во дворец «Лапландия» у Семеновского озера, где я работала, и подарил мне эту книгу. Виталий Семенович умел радоваться сам и радовать других, он был неутомимым человеком во всем.

Мог неожиданно позвонить и поделиться новыми идеями, например, сделать крест Феодориту Кольскому (тогда он еще не был причислен к сонму святых) в Коле. А ведь все начиналось с маленьких зарисовок. Помню в фойе «Лапландии» мы с ним из маленьких листочков выкладывали большой крест.

Есть в городе Коле и памятная доска Авраамию Палицыну, кольскому воеводе, - последний проект, над которым мы работали вместе.

Виталий Семенович Маслов - большой человек с легкой походкой! Как много он успел, сумел, выполнил. Низкий ему поклон».

Слово Викдана Синицына о Виталии Маслове

30.08.2002. С Викданом мы познакомились в 1994 году на семинаре молодых писателей. Молодых не по возрасту, а по принадлежности к литературному творчеству, хотя Викдана и тогда нельзя было назвать молодым. Его литературное творчество началось много раньше. В первые два года дружбы с писателями я приезжала в Мурманск нечасто и потому с Викданом

общалась редко. С 1996-го, когда вместе подали заявления в Союз писателей России, наша дружба стала крепнуть с каждой новой встречей. Но и тогда он мне был еще только хорошим добрым приятелем, другом - настоящим, преданным, дорогим стал позже. Говорят, чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Может быть. Не знаю, сколько соли мы съели с Викданом, только более понимающего, доброго человека у меня в Союзе писателей не было. Я точно знала, когда понадобится, он всегда придет на помощь. Это за время нашей дружбы он доказал не раз.

Как-то в архив Музея саамской литературы и письменности в Ревде Валентина Кузнецова передала сочинение своего ученика. Однажды она устроила школьникам встречу с Викданом и вот что один мальчишка затем написал: *«... увидели, что В.Е. разговаривает со стариком. А он оказался поэтом. Это был Викдан Синицын. Мы сели за круглый стол и стали слушать. Он не похож на моряка совсем. Спортивный. Молодой. Тонкий… он сам и рассказывал, и стихи читал… Я слушал сначала так себе, а потом вышло, что слушаю вовсю. Он здорово рассказывает. А стихи про кровь на камне я хочу списать. У меня мурашки были на коже… На моряка он не похож совсем. Моряки, как бичи. А Викдан Викторович, как ЭНТЕЛЕГЕНТ… Мне еще понравилось, как он про сербов говорил. А на моряка он не похож. Он и матюгаться-то не умеет наверно. А какой моряк без матюгов».* По-моему даже выдержки из сочинения мальчишки прекрасно характеризуют Викдана Синицына.

Стихи рождаются от боли,
А может, от большой любви.
Мы проезжали плоскогорье
И камень видели в крови.
……..
В горах дорога серпантином.
При остановках голос строг:
«Здесь от войны остались мины!
Не отходите от дорог!».

Все, кто знакомился с Викданом Синицыным, дивились его необычному имени. Откуда и почему Викдан? Отец его носил имя Виктор, дед Даниил, при рождении сына и внука они никак не могли решить, какое имя ребенку дать. Слушая спор мужа и свекра, мать будущего писателя рассудила по-своему: «Пусть будет Викдан, чтобы ни тому, ни другому не обидно». Так в истории имен появилось новое имя.

В большую литературу Викдан поздно пришел, тогда, когда многие уже перестают писать, но пришел уверенно и занял достойное место не только среди мурманских писателей, но и среди писателей России. И проза его добротная, крепкая. Путь, к ней у него через наблюдения флотской жизни лежал, счастье и драматизм, смех и слезы, море и берег. Он был маринистом по духу и роду занятий. Его перу принадлежат шесть книг стихов и прозы, одна книга переводов стихов саамской поэтессы Софьи Якимович.

Когда Виталий Семенович Маслов ушел из секретарей, в писательскую организацию не хотелось идти, точно какое-то отторжение произошло… Выбрали в секретари Викдана - и писательская вновь стала центром притяжения людей. Вновь осветилась приветливостью взгляда и щедростью сердца писателя-моряка. Без особых эмоций, но все же Викдан владел какой-то своей магнитической силой.

Он очень переживал смерть Виталия Семеновича, и пережил его только на год. Перу Викдана принадлежат несколько очерков о своих друзьях-товарищах писателях, и один из них «Жизнь по совести», о Виталии Семеновиче Маслове:

«…Благие дела расписаны по дням в блокноте у Виталия Семеновича, а каждый день - по часам: то он ждет литераторов из Мончегорска, то звонит кому-то в Ловозеро, интересуется, когда вышлют сочинения на конкурс "Храмы России", то выступление в областной научной библиотеке, кроме того, поездки по области к местным литераторам.

Как-то зимой выездная бригада мурманских писателей и поэтов выступала в школах и библиотеке Оленегорска. После выступления в школе, я вышел покурить и спрятался от ветра за

распахнутой дверью. По лестнице стайкой сбегали старшеклассницы:

- А мне больше всего понравилось, как выступал "старик Хоттабыч", - сказала одна из них, и все весело засмеялись. Мне подумалось тогда: "А ведь она сказала о добром волшебнике. Значит, расшевелил эти юные души Виталий Семенович".

После выступления мы возвращались в холодном "рафике" домой. Кто-то достал бутылку водки, Виталий Семенович подал из "дипломата" сушки, и пошла по кругу крышка от термоса. Выпили и запели: "Ой, мороз, мороз, не морозь меня..." Когда пропели песню, Виталий Семенович предложил: "Давайте споем "Была бы страна родная, и нету других забот". И запели. Чувствовалось, что голос его подстраивается под общую мелодию и, как у всякого, душа выплескивается песней. Кончили петь, он спросил: "Ребята, чем отличается застолье от пьянки?" И тут же ответил: "Застолье всегда должно быть с песней", - и собрал бороду в кулак.

Делу время, а потехе час. Виталий Семенович всегда обязателен, бережет чужое и свое время, сердится, если ему отвечают не тем же. Вот он раскрывает "дипломат" и вытаскивает из-под стопы рукописей болты из нержавеющей стали:

- Эти болты выточили на ледоколе, - с заметной гордостью говорит он, - для крепежа мемориальной доски писателю Леониду Крейну в Североморске.

Маслов приподнимает голову, и от этого его борода выдается клином вперед:

- Газета "На страже Заполярья", где Леня проработал всю свою сознательную жизнь, на мой запрос о финансовой поддержке для изготовления доски не отреагировала вообще...

И опять борода в кулаке. Листает блокнот и обращается ко мне:

- Просили выступить в морской академии. У тебя время есть? Путевку оформим, может, расходы на автобусный билет оплатят, а нет - Бог с ними. У них денег тоже негусто.

Он заглядывает в блокнот, извинившись, просит подождать.

Звонит кому-то насчет обработки камня для подиума памятнику Кириллу и Мефодию, затем диктует размеры и напоминает, чтоб ответ не задерживали. Кладет трубку и обращается ко мне:

- Тут одни дельцы заломили такую цену за обработку камня, совсем не подумав, откуда нам деньги взять. Пришлось отказаться. Фундамент до сих пор временный…

...И кто знает, когда временный фундамент на постоянный подиум заменят. Об этом Виталий Семенович и беспокоится. Еще одна большая забота на плечах. Он опять заглядывает в блокнот:

- Надо бежать в типографию, посмотреть пробный экземпляр книжки. Автор стихов молодой, но стихи, я тебе скажу... Потом посмотришь.

Мы вместе выходим на улицу. Проходя мимо стоянки частных автомашин, где подростки смывали щетками грязь с крыльев и багажников, Виталий Семенович приветливо улыбается: "Здравствуйте, ребятки". Ответ вразнобой: "Здравствуй, дядя Виталий".

Когда отошли, он поделился: "Хорошие ребята. Свой хлеб зарабатывают. Здесь у них порядок. Никакого насилия. Живая очередь. Верховодит справедливый парнишка. Приходят после уроков. Не пьют, правда, покуривают. Я как-то пригласил их в Союз писателей. Показал помещение, подарил несколько книг наших авторов. Любознательные. А вот приходится… Да, не от хорошей жизни..."

Человеческий характер проявляется в повседневных, на первый взгляд, мелочах. В этом весь Виталий Семенович. Мы с ним расстаемся до вечера.

А вечером - литобъединение. Обсуждение рукописей прозы, стихов. Это опять часа на три-четыре.

Имея за плечами признанный огромный писательский опыт, он профессионально подходит к разбору творчества начинающих авторов. Не верховодит, не давит авторитетом. Наоборот, поощряет высказывания участников с противоположным мнением - и возникает полемика, которая, вовлекает всех. В результате торжествует истина.

Порою, глядя на него, у меня возник вопрос, который я так и не решился задать ему: "Почему он не бросит этот перегруженный воз и не возьмется за литературный труд? Сиди, пиши - результат не сиюминутный, но все же признанный современниками". Но кто ответит: какой мерой измерить то, что он делает сейчас? Я не касаюсь творчества В. Маслова как писателя. Он вошел в нашу литературу как классик и останется им.

Один мой коллега как-то сказал: "О нем надо писать просто и убедительно, но нельзя писать плохо. К этому человеку надо подходить с особой мерой. Он обладает той замечательной внутренней энергетической силой, которая цепляет собеседника и неназойливо держит в поле личного притяжения". Лучше не скажешь.

Если бы меня спросили: "Какая самая отличительная черта у Виталия Маслова?" Я бы, не

задумываясь, ответил: "Тяга к молодым талантам". Он говорит: "Я подсказываю, но больше учусь у вас".

Авторы в большинстве своем самолюбивый и легкоранимый народ. Он это чувствует и не в его манере резко высказываться о творчестве начинающего поэта или прозаика. Деликатность и такт - это вторая отличительная черта Виталия Маслова. С доброй улыбкой, с участием он говорит: "Язык имеет свою душу, а тут вместо живого леса - столбы. Слово красит, но слово и раздевает. С каждым словом необходимо работать, чтоб оно влезло в строку, его надо мять и мять..." В его простоте мысли заложена сама мудрость.

Когда вопрос ставится о настоящей литературе, о чистоте русского языка, о выживании культуры России, тут голос его крепнет, и он высказывает свои мысли как бы круглыми и весомыми, как камни, словами: "Язык - это живой, имеющий душу пласт, который мы должны беречь, как чистый воздух. Язык, народ - едины. Главное поле должно засеваться отборными семенами, остальное - на замежье". Он произносит это без пафоса, но с торжественной ноткой в голосе. В это время голова его приподнята и борода торчит клином вперед, что делает его похожим на пророка.

У каждого писателя есть слова, которые точно определяют его жизненную позицию. Есть эти слова и у Виталия Маслова. Как-то, отвечая на вопросы корреспондента из газеты, он сказал: "Писатель, по крайней мере - русский писатель, пока он пишет то, что считает для себя и для общества нужным. Чуть перефразировав Михаила Шолохова, можно сказать, что мы можем писать только по велению сердца, а сердца наши принадлежат Отечеству. Но у тех, кому книги наши необходимы, сегодня часто и на хлеб-то денег нет".

- И что же делать? - спросил корреспондент.

- Не утонуть, барахтаясь, не соскользнуть с тысячелетней родной опоры. Эта опора - наш фундамент, духовный, культурный, исторический, - и сейчас, скромно говоря, не ниже и не менее прочен, чем фундамент любого другого народа. Устоять, не кидаясь вплавь за каждой наживкой, чтобы разглядеть наконец: вот оно, наше настоящее солнце славянского единства. По нему мы сверяли свой путь тысячу лет и через все прошли: через междоусобицу, через иго, ибо и во все времена междоусобные оно худо - бедно, но все равно светило нам... В этом единстве - спасение и будущее восхождение.

Зов души и тяга сердца к хорошим начинаниям может быть только у человека с чистой совестью и светлыми помыслами. Не у каждого в характере заложены гены беспокойства за судьбу России, за сохранение ее духовности и культуры:

- В нашем народе сила духа выше брюха. Не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие, - говорит Виталий Маслов.

Когда ему было присвоено звание "Почетный гражданин города", кто-то из писателей скаламбурил: "Теперь к Маслову можно обращаться только по четным дням".

...Людская память - это копилка добрых дел. Больше бы таких людей, как Виталий Маслов, на нашей многострадальной земле, глядишь, сообща и выстоим, очередную невзгоду переживем, сохраним духовное наследие, дарованное нашими предками…»

А в другом очерке Викдана «Большое сердце», который передала мне уже после его смерти вдова Викдана Синицына Алла Федоровна, я вдруг открывала какие-то новые высказывания Маслова и обо мне, за что была Викдану очень благодарна. Вот что он писал, вспоминая наш Славянский ход:

«Во время: официальных и неофициальных встреч Надежда вносила добрую непосредственность и теплоту в общения. После этого ей в автобусе Виталий Маслов ворчливо делал замечание: "Надежда, он же служитель церкви, а ты признаешься ему в любви! Грех!"

Она обижалась: "Я же от чистого сердца, он такой добрый, хороший..."

Любвиобильное сердце к людям ее окружающим, переживание и радость за них, желание сделать доброе - такой характер у Надежды.

...В свое время Виталий Маслов писал о ее творчестве: «Вот она, ее книга изначальная - "Подарок чайки". Обозначено: "Сказки". А сказки ли это? А как оценить статьи и очерки многочисленные и выступления? И сколько в ней по-доброму взрывной силы и сколько талантов... Скажу несколько слов об одном ее очень значительном, на мой взгляд, деле. Прекрасный музей создала она - имени Октябрины Вороновой…".

Надо сказать, Надежду с Виталием Семеновичем связывала не только творческая, но и товарищеская, на равных, дружба. Маслов иногда с доброй иронией посмеивался в усы: "Где уж нам... Большакова большая писательница, при жизни уже классик" и серьезно добавлял: "Но

иногда разменивается по – мелочам! ".

...В одно время в наших писательских кругах часто можно было слышать мнение о том, что Надежда Большакова самая подходящая кандидатура на место ответственного секретаря Мурманской писательской организации. Сколько раз Виктор Тимофеев и ныне покойный Виталий Маслов уговаривали ее, обещали через губернатора выхлопотать ей жилплощадь. Но она ни в какую: "Да, вы, что? А музей? Да и вообще я не представляю себя без Ревды. В Мурманске мне не пишется. Нет и нет!.." Вот ее ответ».

В.Е.К. снится Маслов

24.07.2002. Получила от Валентины Кузнецовой письмо из Покрова, где она у сестры проводила отпуск. Пишет:

«Слушай, мне тут Маслов приснился: чей-то ребенок у меня на руках, но личико закрыто, вроде бы свитер на нем - и воротником лицо закрыто. Я прошу у родителей, чтобы лицо ребенку открыть, а Виталий Семенович смотрит так ласково, глаза сощурил, в бороду усмехается по-доброму: "А в народе-то положено до месяца на чужие глаза не показывать, чтобы не сглазили». «А я не сглазливая" - это я возмутилась. А Виталий Семенович улыбается по-хитрому: "Так-то так, да и доброта-то щедрая иногда вредна". Так и не открыли мне лицо ребенка того. А совсем недавно опять приснился. Будто я на болоте. И морошки - тьма. Я в большую корзину собираю и Борю твоего хвалю, что завез меня на морошковое место. Целую корзину набрала, подняла - и дно отвалилось, вся морошка рассыпалась. Я растерянная стою. Гляжу: по болоту идет Виталий Семенович:

- Да ты не расстраивайся! Сама-то наелась морошки? Ну и благодать. Ну и ладно... Всю ягоду не забрать.

- Да я хотела в Москве друзей угостить.

Он протягивает мне литровую банку:

- Для угощения и этого хватит.

Я проснулась от прикосновения его теплой мягкой руки.

Вроде бы за день набегаюсь с Павлушей и ни о чем таком не вспоминаю. Голова до подушки дошла - и в сон провалилась. А вот снится по-доброму добрый человек. Просыпаюсь, вспоминаю сон и улыбаюсь. Так с улыбки день и начинается...»

Писатели - против

09.11.2002. С Саней Даниленком в Ревде работаем над фильмом о Виталии Семеновиче, стараемся сделать к годовщине его памяти. Сначала сценарий писала, теперь вот в жизнь его воплощаю.

Позвонил Скромный и спросил, чем занимаюсь, ответила: пишу сценарий фильма о Маслове. Он:

- Хватит ерундой заниматься, лучше романом займись. Мы тут собрание провели. Писатели против, чтобы ты свой «Алхалалалай» печатала. Член Союза писателей не имеет права в своих книгах любовные сцены описывать.

Я даже задохнулась от возмущения:

- А кто его читал, кроме Викдана? Да ты вначале только несколько страниц и прочел. Не читая, запрет наложили. Это, по меньшей мере, неэтично, разбирать неизданный роман без меня, да еще не прочитав весь.

- Короче, я предупредил. Напечатаешь, появится критика - мы поддерживать роман не будем, знай.

Мне стало обидно, что писатели вот так взяли и раскритиковали мой роман, не прочитав, да еще вердикт наложили: к печати не допускать. Обидно за Маслова, как же быстро он для Скромного стал «ерундой».

Устала… А может, это приближение полярной ночи на меня так действует, опять до трех-четырех утра заснуть не могу.

Поцелуй с Масловым во сне

11.11.2002. В сон пришел Маслов. Будто я нахожусь за границей и рассказываю там о Дмитрии Балашове, предлагаю провести у них Балашовские чтения, много общаюсь с людьми. И вроде подали автобус, но все в него заходят очень медленно. Около автобуса и Маслов стоит, с кем-то разговаривая, хотя на Маслова вовсе и не похож, но я точно знаю: это Маслов. Тоже подошла, затем еще какая-то женщина к нам присоединилась, стоим, разговариваем. И вдруг я Маслову говорю:

- Виталий Семенович, дорогой, дай я тебя поцелую.

И он, не сопротивляясь (в жизни обычно при этих моих словах ворчал, мол, сначала других облобызаю, а затем только к нему подхожу), подставил мне щеки свои. Поцеловала. Те двое, что рядом стояли, тактично от нас отошли, и я еще раз поцеловала, но уже не чмокнула, как всегда, а по-настоящему поцеловала в самые уста.

Поездка на Печенгу

1.12.2002. Позвонила Ирина Поливцева, поэтесса, руководитель паломнической службы Трифонов Печенгского мужского монастыря, и сказала, что завтра, то есть 1 декабря 2002 года, она везет группу паломников в Трифонов Печенгский монастырь. Я эти дни была в Мурманске и в воскресенье не знала, чем занять себя, потому спросила, не возьмет ли она и меня с собой. Ирина сказала, что на это надо получить благословение отца Аристарха. Позвонила ему в Печенгу и, получив добро, перезвонила мне.

В пять утра я уже стояла на остановке у «Океана». Морозец был вроде небольшой, но отчаянно дул ледяной, колкий ветер, и пока я ждала Поливцевых, продрогла насквозь, особенно задубели ноги. Наконец автобус подошел, и, о чудо! им оказался наша «Россия», то есть тот самый, на котором мы целый месяц путешествовали в Славянском ходе «Мурман-Черногория». И уж самое удивительное - при всех занятых местах свободным оказалось мое, под номером 17. Наконец сбылась мечта, и я прибыла в монастырь к отцу Аристарху.

Трифонов Печенгский мужской монастырь

Трифонов Печенгский мужской монастырь - самый северный монастырь в России, гордость державы и Русского Православия. Основан в 1533 году преподобным Трифоном Печенгским. Со временем стал оплотом православной веры и государственности на северных рубежах России. При поддержке царя, Иоанна Грозного, Печенгская обитель превратилась в очень крепкое хозяйство со своей верфью, солеварней, мельницей и скотными дворами. Монахи выделывали шкуры и намывали золото. Но главное - монастырь стал настоящим источником знаний и светочем веры на Кольской земле.

В 1589 году отряд финских наёмников, подданных шведского короля, огнём и мечом уничтожил обитель. Погибли 116 иноков, трудников, паломников.

В 1997-м постановлением Священного Синода вновь на Кольской земле был возрождён Трифонов Печенгский монастырь, который разместился в чудом уцелевшем деревянном здании церкви Рождества Христова, а в 1999-м наместником его назначен иеромонах Аристарх (Лоханов), человек на редкость большой жизненной энергии и можно сказать духовный наставник нашей писательской организации.

Приехали около девяти утра, на улице темно, а в монастыре уже во всю служба шла и народу столько, что мы еле смогли протиснуться, а паломников, - пятьдесят человек, да все в шубах, зимних пальто. Набралось нас, как в бочке селедки, сравнение – точнее не придумаешь, потому как ко лбу даже руку нельзя было поднести, чтобы перекреститься. Но, когда батюшки на исповедь пригласили, тут как-то попросторнело. Я пробилась вперед. Не помня, когда в последний раз и исповедовалась в церкви. Подошла к отцу Домиану и честно призналась, что держу обиду на писателей за их собрание, на котором они решили запретить мне печатать роман «Алхалалалай». Отец Домиан спросил мое имя, я назвалась Надеждой, и он сразу сказал, что читал мои публикации и книги, хотя я и не называла своей фамилии. Грех с меня снял, но причащаться я не стала: утром у Аллы Синицыной на дорогу чаю хлебнула. Когда многие из

местных ушли, отец Аристарх стал рассказывать нам о монастыре.

В помещении, где проходит Богослужение, красиво, светло, чистенько, только ногам холодно, хоть пол и устлан ковровыми покрытиями. Слева на лицевой стене висит икона Господа Вседержителя, та самая, что мы привезли из Новгорода от Оли Балашовой. Я приложилась к ней, помолилась, поставила свечку за творчество. Эта икона для меня уже давно стала родной. Еще одну поставила за здоровье, а одну - за упокой, вспомнила бабушку Наташу и всех наших ушедших писателей.

Когда же отец Аристарх привел нас в другую, так называемую жилую, часть дома, тут-то и открылась мне вся убогость монастыря. Обветшалые, обледеневшие, стонущие от скрипа половицы, залатанный обрезками фанеры потолок, холод в помещении, деревянные столы, днем за которыми обедают, а ночью, на которых спят. В монастыре проживает более двадцати сбежавших из разных частей солдатиков, не выдержавших дедовщины. Единственное, что восхищало в этой половине здания, так это монастырская библиотека. Отец Аристарх похвастался, что она самая большая с православной литературой, которая только имеется при храмах. Может возникнуть вопрос: а чем живут монахи и послушники? Прежде всего, совершенствуя свои души молитвой и духовной литературой. Да и с голоду не умирают. Хозяйство небольшое имеется: корова, поросята, коза; бывает, и паломники в помощь монастырю что-нибудь привезут. После экскурсии нас стали кормить те самые солдатики. Был Рождественский пост, и потому подавали все постное, но при этом очень вкусное…

Когда после обеда все вышли на улицу, отец Аристарх завел меня в свою келью, чтоб мы смогли спокойно поговорить. В ней стояли три кровати, письменный стол, полки с книгами, иконы. За несколько минут мне не удалось все хорошо разглядеть, но показалось довольно уютно. А говорили о моем романе «Алхалалалай», о собрании в писательской. Он спросил:

- А если бы Маслов был жив, не стало бы ему стыдно за твой роман?

Я чуть подумала, представив Маслова за чтением моего романа, и уверенно произнесла:

- Я знаю меру, и анатомии в описании любовных сцен, из-за чего у писателей разгорелся сыр-бор, ни в коем разе не допускаю. Викдан Синицын читал, и ему стыдно не было, хотя любовь в романе живет во всем, этого тоже отрицать не стану. Да ты и сам помнишь, как Виталий Семенович на своем 65-летии говорил о том, что нужно так писать, чтоб взгляд читателей устремлять в небо, а не ниже пояса, так вот я так и старалась писать. И точно знаю: Маслову за меня стыдно не было бы.

И тогда отец Аристарх благословил меня на его издание. Жаль, что и у себя в Печенге он оказался предельно занят. Попрощавшись с нами, поехал к погранцам, а мы двинулись к предполагаемой могиле Трифона Печенгского…

Слово о Маслове Дмитрия Коржова

(Из статьи Дмитрия Коржова «Поэты верят в чудеса»)

«Мы познакомились в 1992-м на литературном вечере в областной научной библиотеке, посвященном выходу одной из дебютных книжек серии «Первая книга поэта». Честно признаюсь: я тогда еще не знал, кто такой Маслов, и не читал его книг. Восхищение от «Зыряновой бумаги» и «Восьминки» будет потом. А пока - был просто человек. Большой, чуть грузноватый (но без тяжести в теле, легкий, несмотря на солидные размеры), с каким-то особенным, своим, масловским выговором. При этом было заметно, что перед нами - мной и поэтом Дмитрием Ермолаевым, вместе с которым я пришел на тот вечер, - человек наблюдательный, цепкий. И еще, что в нем подкупало, - лишенный какой бы то ни было назидательности и пошлого поучительства. Он не сверху вниз смотрел на нас (что в писательской среде не редкость), совершенно еще незнакомых ему молодых людей, но как на равных, достойных собеседников. При этом, естественно, никакого панибратства - дистанцию он держать умел, но был близок, доступен. Встреча эта связала наши судьбы на девять последовавших затем лет, до самой его безвременной кончины.

Он пригласил нас домой. Мы оставляли Виталию Семеновичу рукописи своих первых книг, и основная часть разговора, разумеется, шла о них. По сути, он предложил нам тогда готовые книжки - хоть завтра издавай: какие-то стихи сразу отмел, о каких- то мы беседовали более подробно, едва ли не о каждой строке. Надо сказать, масловские замечания были, как правило, точны и интересны, подчас даже образны. Его повседневная речь вообще была поэтична, хоть

порой и не совсем понятна (в ней уютно жили незнакомые нам в ту пору поморские слова) нам, тогдашним, особенно: мы ведь видели Маслова второй раз в жизни. Он не давил, не пытался под себя подмять, с ним всегда можно было спорить, с его замечаниями можно было и не соглашаться. Как сам он любил говорить: «Нужно слушать, но вовсе не обязательно слушаться...» Мы не во всем с ним тогда соглашались, но это, как я заметил позднее, ему даже нравилось. Те, что способны лишь поддакивать да подпевать, видимо, вызывали у него подозрение - он сомневался в их искренности. Очевидно и потому, что сам был другим - неуступчивым, всегда готовым к схватке, спору, резкой полемике.

Но, повторюсь, в оценках своих он был зачастую точен. И немудрено - ведь чувством слова обладал отменным, фантастическим. При этом ощущались за всем, что он нам говорил, знание предмета, хорошая выучка, поэтическая школа. Было совершенно очевидно, что Маслов начинал со стихов. Так и оказалось. Надо сказать, он считал, что без стихов настоящий, дельный прозаик не получится. Это казалось ему обязательным условием, почвой для будущей прозы: «Если в молодости стихов не писал, это видно сразу. Пишет - словно тяжелую лодку посуху волочит...» А Маслов, к слову, и поэтом был хорошим, интересным. Жаль только, что большинство масловских стихов прочли мы уже после смерти Виталия Семеновича: не стремился он их печатать.

Проговорили мы в тот вечер часа два. Итог беседы - готовые рукописи первых книжечек. Сами сборнички увидели свет той же осенью: тонюсенькие, отпечатанные на плохой бумаге, но такие для нас важные, по сути, открывшие нам путь в литературу».

Первые Масловские чтения

9.12.2002. День начался с возложения цветов к памятнику Кириллу и Мефодию. В 12 часов открывали мемориальную доску на доме № 23 на Октябрьской улице – доме, в котором Виталий Семенович жил с 1968 года:

В этом доме с 1966 по 2001 г.
жил и работал русский писатель
Виталий Семенович Маслов
Почетный гражданин города-героя Мурманска

К нашему всеобщему удивлению мемориальную доску открывал ветеран Мурманского морского пароходства Виталиий Петрович Кузнецов и педагог Дина Николаевна Ибрагимова, а не кто-то из писателей. Дине Николаевне Маслов никогда особо дружеских чувств и не питал. Уважал как педагога, но и только, но неисповедимы пути твои, Господи.

В Областной научной библиотеке состоялись первые Масловские чтения. Прошел уже год, как Виталий Семенович ушел от нас, но я постоянно ловила себя на мысли, что он просто уехал в длительную командировку. Как таковых докладов не было, были выступления Скромного, Селиверстова, Кареповой, игумена Аристарха, Дмитрия Ермолаева, других. Я выступления записывала на диктофон. Ведущим был журналист, руководитель пресс-службы Мурманского морского пароходства Владимир Блинов. Мне было удивительно, что не Тимофеев. Он, как затем выяснилось, вел секцию «Перспективы Кирилло-Мифодиевских празднеств, Дней славянской письменности», пригласив Надежду Георгиевну Благову, Татьяну Васильевну Рыжову, Дину Николаевну Ибрагимову, Светлану Чемоданову и меня на эти обсуждения. Послушав, какие вопросы для обсуждения он поднимал и затем разглагольствования педагогов по этому поводу, я, раздраженная тем, что меня оторвали от настоящих выступлений, вернулась в зал к Блинову.

Очень понравилось, как сказал о Виталии Семеновиче его друг, соратник, земляк - Леонид Степанович Селивёрстов. Приведу его выступление полностью.

«Я считаю себя, в общем-то, счастливым человеком. Пусть я не писатель, не художник, не какая-то творческая личность, а как говаривал А.С.Пушкин, просто русский мещанин. Особенно теперь. А счастливым считаю себя в том плане, что мне довелось быть в знакомстве и доброй дружбе с Виталием Семеновичем более пятидесяти лет. Наше первое знакомство и встреча состоялись в январе 1946-го. Не буду останавливаться на этом подробно, расскажу

только о том, что мне особенно хотелось бы поведать. Виталий Семенович родился в поморской, духовно очень богатой большой семье. Отец его, Семен Виссарионович, был человек в высшей степени обаятельный, умный, начитанный, работал лоцманом в Мезенском порту. Зимой ходил на промысел. А мама его, Александра Никифоровна, была, как принято говорить, домохозяйка. Домохозяйство, надо заметить, дело было ответственное. Большое, потому как семья была большая - шестеро детей. Когда я побывал там первый раз, старшие братья были уже в морях, а малышня еще дома. И среди них выделялся десятилетний шустрый крепыш, крупноголовый Виталя. Отец его очень любил - он учился только на пятерки и был помощником отцу, который надеялся, что из сына вырастет хороший промышленник. Семен Виссарионович рассказывал, что когда Виталий был поменьше и ездил с отцом в лодке, отцу приходилось его привязывать к нашести, чтобы не вылетел за борт при свежей погоде - такой он был энергичный, любознательный. Ему хотелось знать все, сейчас. Ну, естественно «мужичок» не робкого десятка и в разговор со старшими вступал запросто. Говорил хорошо, толково для своего возраста. Мать была построже. Иногда придерживала его за рукав и говорила: «Ладно! Ладно, давай, говорун! Дай гостям передохнуть. Видишь, какую дорогу ломают: из Большой Кийи в Долгощелье правятся. 200 сзади осталось да больше сотни верст еще впереди!» 320 верст пешком шли. Зима в тот год была страшно морозная, стужа - невыносимая.

После этого довольно часто встречались с Виталием Семеновичем во время его приездов в весенние, летние месяцы, когда он учился в Ленинградском мореходном училище на радиотехническом отделении. С 1966-го он работал на атомном ледоколе «Ленин», я - на транспортах. Но встречались довольно часто.

Оттуда, из Архангельской земли, началось его большое восхождение. Как сказал В. Г. Белинский, создает человека природа, а воспитывает и образует - общество. Вот Мать-природа и наградила Виталия Семеновича замечательными качествами. Всего через край: яркий ум, яркий талант, щедрая душа, человеколюбие, мудрость житейская. А первые свои навыки флагмана, я считаю, он получил в своей семье. Потом уже в училище, в рабочих коллективах.

Меня всегда при встречах умилял его замечательный поморский говор. Я очень люблю этот северный диалект русского языка, его славные такие обороты, которыми часто оперировал Виталий Семенович. Бывало, идешь, и вдруг голос: «Ну вот, долгощелы откуда-то вынимаются!» «Вынимаются», значит идут откуда-то. Этот голос я из тысячи узнал бы. Оборачиваюсь: «Да вот, из Дудинки правлюсь, Виталий Семенович! Домой поспешаю, жену да дочь повидать. Заскучал, скорей видно» - «Ну, дело святое, понимаешь, конечно!» И как бежал путем-дорогой - пошел-поехал. Для меня это просто как бальзам на душу.

Ну, это, как говорят, сторона лирическая. Я всегда с уважением и любовью глядел на Виталия Семеновича, и часто приходило ко мне в голову, что вот, наверно, такими и были наши далекие предки новгородские - первопроходцы, которые заселяли, осваивали и обустраивали суровые северные окраины. Люди отважные, упорные, крепкие, выносливые, знающие себе цену, с твердым деловым характером, с твердой волей. Вот таким представителем всегда выступал и всегда в нашей благодарной памяти останется наш славный земляк-хлебосол Виталий Семенович Маслов.

Мы все знаем, какой он был патриот за Россию как великую державу и за свою малую Родину - за наше Мезенское поморье.

Леонид Селевёрстов

«Почему ты не можешь быть похожей на других?»

Октябрь 2003 года. Однажды, после какой-то очередной встречи в Союзе писателей, Игорь Циркунов, директор Мурманского книжного издательства, принялся меня отчитывать за чрезмерную легкость в общении с людьми, за открытость, за то, что, по его словам, «всех подряд» обнимаю и целую. Ему обидно: мол, поэтому многие меня и воспринимают не так серьезно, как я того, опять же по его словам, заслуживаю. Убеждал, что я серьезный прозаик, а веду себя подобно экзальтированной первокурснице даже не высшего учебного заведения. Я, расстроившись от подобных сравнений, в ближайший приезд в Мурманск попробовала повести себя по-другому, при этом выслушивая от всех подряд один и тот же вопрос: «У тебя что-то случилось? Ты точно сама не своя». Вернувшись домой, почувствовала себя до жути больной и разбитой. А произошло это потому, что не отдала людям излишки энергии, вот она меня и распирала. Прокрутив всё в голове, решила: если не дано тебе светской леди быть, то и нечего

что-то подобное изображать. Зачем натягивать на себя чужие одежды, когда какие-никакие, но имеешь свои.

Когда нас с Викторией Бакулой Маслов благословлял на первые Балашовские чтения в Новгороде в 2001 году, в шутку он Вике сказал, чтобы все мои обнимания и целования на пленку фиксировала, а затем отчиталась перед ним фотографиями…

- Вы, Виктория Борисовна, человек серьезный, педагог, так что уж за Большаковой-то присматривайте, - подкручивая ус, с пляшущими смешинками в глазах произнес Виталий Семенович, - она у нас человек неуемной энергии, так попридержите ее, где нать…

И Виктория, млеющая при виде Маслова, клятвенно пообещала это ему. А теперь «шантажирует» собранным по велению Маслова «компроматом» на меня…

Маслов-то меня прекрасно изучил и потому только по-доброму подсмеивался. А ведь бывали и такие из моих знакомых, кто с упреком спрашивал, почему я не могу быть похожей на других. Почему веду себя не как все остальные? От подобных вопросов становилось ужасно обидно, ведь я ни от кого не требую походить на меня, наверно, тем и интересны люди, что все разные. Однако всегда находится кто-нибудь, кто хочет обязательно уравнять меня со всеми. А я не умею и не хочу быть похожей на других.

Третьи Балашовские чтения

8.11.2003. То, что я бываю далеко не всегда и не со всеми добра и приветлива, а порой непримирима и резка, показали третьи Балашовские чтения, которые Новгородский председатель писательской организации Виталий Ковалев из года в год старался сорвать. На третьих он, лишь вскользь отметившись на конференции, просидел все доклады в буфете, настраивая московского гостя - писателя и заместителя главного редактора газеты «Завтра» Николая Анисина - против чтений.

Новгородский секретарь оправдывал свою неспособность руководить чтениями тем, что якобы организаторы выбрали темой 2003 года «Д.М.Балашов – исследователь народной культуры». По его мнению, в творчестве Балашова разговор о народной культуре слишком мелок для писателя-историка такого масштаба. Настроенный Виталием Ковалевым москвич, когда ему предоставили слово, вышел к трибуне и произнес обличающую гневную речь, ратуя за то, что Балашов – это «автомат Калашникова», а не потешная матрешка, в которую его превратили организаторы этих чтений. Митинговал о том, что на чтениях такого ранга нельзя говорить о сочинениях школьников, даже если они посвящены творчеству Балашова. А закончил обличением: «Если бы Балашов сейчас сошел с портрета, он всем бы за эти чтения пощечин надавал». Я нисколько не отрицаю того, что Анисин вправе высказать свое мнение, но не в такой оскорбительной форме, как он это сделал.

Эх, думалось мне, нет на вас Маслова, он бы вправил вам мозги и на счет народной культуры, и на счет Балашова. Помню, как высоко о газете «Завтра» всегда отзывался Маслов, с каким уважением относился к ее редактору Владимиру Бондаренко, которого высоко ценил и опекал на десятилетии Праздника славянской письменности и культуры в Мурманске. Помнила и слова Бондаренко, когда мы провожали его с Масловым на московский поезд:

- Надежда, приезжайте к нам в Москву, мы вам тоже прием устроим не хуже, чем нам с Балашовым устроил в Мурманске Виталий Семенович.

И я по наивности своей и по закоренелой, видимо, провинциальности поверила в эти его слова. И когда приехала в Москву на стажировку в Центр коренных народов и по просьбе Маслова зашла в Союз писателей что-то передать председателю его, Валерию Ганичеву, увидела Бондаренко, бросилась к нему с улыбкой, как к старому знакомому. Он же отстраненно, точно не видя меня, поздоровался и тут же поспешил уйти. Я уже вдогонку крикнула ему, знает ли, что Виталию Семеновичу две операции сделали, звонил ли ему? Он на ходу бросил холодно:

- Да, да, что-то такое слышал…

И был таков. С тех пор Бондаренко, какой бы он ни был распрекрасный писатель, перестал для меня существовать, и газета его неинтересной стала. Пренебрежения к Маслову я не терплю. А тут еще его зам на Балашовских чтениях вылезает с обвинениями всех и вся…

Слово о Маслове Ольги Балашовой

«О Виталии Семёновиче Маслове я слышала давно. О нём рассказывал мне Дмитрий Михайлович. И всегда в голосе его при имени «Маслов» звучало восхищение и некая гордость.

- Что же это за человечище, - спрашивала я мужа, - коль ты так восхищаешься им?

- А ты только представь, каково в 86-м было поднимать заново праздник славянской письменности, утраченный уже более сотни лет. Какой силой духа надо было обладать, чтобы сдвинуть такую махину! - с молодым задором отвечал Дмитрий Михайлович.

В год тысячелетия крещения Руси праздник этот пришёл и в Новгород. Виталия Семёновича я не видела, а может, не запомнила – Ивану, старшему сыну, не было ещё и года, и я почти не участвовала в тех интереснейших мероприятиях, которые в большей мере готовил Борис Степанович Романов. Позже уже, просматривая сборник «Вначале было слово», на многих фотографиях увидела Виталия Семёновича, причём сначала даже не узнала его. В Новгород он приехал гладко выбритым и каким-то не Масловым.

В 1997-м мой Дмитрий Михалыч решил сбежать от подготовки своего 70-летнего юбилея, в чем и помог ему, сам того не подозревая, именно Виталий Семёнович. Он пригласил Балашова в Славянский ход «Мурманск – Черногория».

И вот тут-то и предстал передо мной настоящий патриарх Маслов! Массивность (не только физическая, но скорее духовная), борода! Маслов виделся мне классиком литературы, музыки, меценатом XIX века! Но это только по пути в Черногорию, когда Ход ещё только начинался.

Через месяц по возвращении, когда мы с Борисом Степановичем Романовым ждали автобус с нашими путешественниками уже несколько часов, Маслов предстал абсолютно другим. Нет, патриархом он остался, но сколько усталости было в его облике, глазах, что и не передать… И вот уже сидят у нас за столом, едят, выпивают, хохочут, рассказывая про свои приключения в дороге (сейчас им было уже смешно вспоминать, а были и очень страшные моменты, одна Румыния с их полицейскими чего стоила, а Косово?). А большой Маслов мечется по нашему коридору, вскидывая руки вверх: «Оля, эти писатели… Ты не представляешь… Это детский сад!» Я ему отвечаю: «Почему не представляю? Я работаю в детском саду». «Тогда это хуже детского сада, Оля!!!» Потом он всех торопит, не дает доесть, торопит ехать дальше… Дмитрий и я пытаемся остановить его, предлагаем всем, наконец, нормально переночевать. Но по его указанию все уже сидят в автобусе… Виталий Семёнович прощается с нами, с Романовым, и только спустя полчаса, немного поостыв, сам удивляется, зачем торопился: ведь в Мурманск приедут в выходные, из администрации никто не сможет встретить.

В мае следующего года Виталий Семёнович вновь приехал к нам в Новгород, но теперь, чтобы проводить в последний путь своего друга Бориса Степановича Романова. Я с детьми осталась в деревне, а Дмитрий принимал Маслова в городе. Потом он вспоминал о ночном разговоре с Виталием Семёновичем, о его скорби по потерянному другу, о боли за Россию.

А потом случился страшный 2000-й. Сначала погиб Балашов. Через три недели – «Курск». Виталий Семёнович позвонил мне осенью, рассказал о Балашовских юношеских чтениях, которые проводились во многих школах Мурманской области. И вдруг из него как прорвалось: «Знаешь, а ведь я тоже должен был быть на «Курске». Но в последний момент не сложилось. Если б я был там, трагедии могло б не случиться». И сказано это было с таким надрывом, с такой болью, что, несмотря на полторы тысячи километров расстояния, я физически ощутила эту его боль. Начала успокаивать, что-то говорить, а в голове стучала одна мысль: «Ведь он теперь «съест» этим себя!»

И ещё один телефонный разговор состоялся у нас осенью 2001 года после первых Всероссийских Балашовских чтений, в которых принимали участие Надежда Большакова, писатель из Ревды, и Виктория Бакула, учитель из Царь-города. Мы решили провести Славянский ход «Мурманск - Великий Новгород – Валдай» памяти Романова и Балашова. И вот я обсуждаю с Виталием Семёновичем маршрут, мероприятия, кто приедет…

Никто тогда и предположить не мог, что этот Ход будет посвящён памяти и Виталия Семёновича Маслова…»

Олег Бавыкин и Владимир Личутин

9.11.2003. Зато на третьих чтениях мне очень понравились Олег Бавыкин, председатель иностранной комиссии при Союзе писателей России, переводчик с восточных языков, помогающий библиотекарям Валдая проводить Романовские чтения, и писатель, земляк Маслова, Владимир Личутин. Олег простой, общительный, очень обаятельный человек. От него исходило столько тепла, радости, участия, что совсем не хотелось расставаться с ним. Не зазнайка, мол, мы - москвичи, вы – провинция. С первых слов я стала с ним на «ты», точно знала уже давно. После конференции Виктория Бакула спросила, как давно я знакома с Олегом? Ответила, что, как и она, с этих Балашовских чтений, Вика удивилась. Вот уже несколько лет Олег помогает Лене Мелехиной (Романовой) проводить Романовские чтения в Валдае, привозил туда Семена Шуртакова, Станислава Куняева, Бориса Орлова, других писателей, так разве это не наш человек, как сказал бы Маслов?

С Владимиром Личутиным тоже с приветствия уже говорили друг другу «ты». Это нормально среди нормальных людей! Хотя я и осознавала: запросто общаться с ним - это настоящий подарок судьбы на этих чтениях. Он тоже ночевал у Ольги Балашовой, и я часа два брала у него интервью, а вернее, записывала нашу доверительную беседу на диктофон. Личутин поделился со мной тем, как воспринимал Балашова и Маслова.

А я вспомнила, как восторженно пишет Маслов о нем в исповеди «На костре моего греха»:

> *«Личутин! Раскинул крылья! И - полетел! Будто даже и пошевелить крылом ему лень. И всякое лыко у него - не просто в строку, но - потоком воздушным духо-подъемным под крылья. И каждое слово - сияет, купается и переливается в том потоке духоподъемном! Читая Личутина, забываешь себя, как бы сам непонятной радостью светиться начинаешь. Вот что такое - его словес плетение! Спасибо, Мезень! За то, что принесла ты его и вынянчила на жестких мужественных ладонях рода Личутиных, что еще раз с улыбкой душевной все простила и доказала, что ты - не мерзень!».*

А коль уж Маслова вспомнила, то скажу, что это один из немногих людей, который никогда не скупился сказать доброе слово о человеке, вот уж в ком щедрости душевной было немерено! Он лучше говорил похвалы наперед даже начинающему писателю, но никогда не обделял никого своим вниманием. Не то, что стало в последнее время практиковаться в нашей писательской организации: каждый старается пропеть гимн только себя, и не дай Бог, о ком лучше скажут… Или еще одно замечание: пока Маслов секретарствовал, ни одной своей книги не выпустил, говоря:

- Если я, сидя у руля писательской, начну сам себя издавать, это верхом бесстыдства будет…

В связи с Масловым здесь мне почему-то вспомнился и писатель Василий Иванович Белов, которому на X съезде писателей Виталий Семенович представил меня. Но это получилось как-то уж слишком официально, а тут, выходя из столовой, где участники Съезда обедали, я вдруг увидела перед собой Белова и мне так захотелось подойти к нему, пока рядом никого нет, о чем-нибудь спросить, но как назло из памяти его имя вышибло. Однако, не привыкшая отступать, я не заметила, как выпалила:

- Белов!

Он недоуменно обернулся и растерянно спросил:

- Что-то случилось?

Я ему:

- Можно вас обнять?

Он, еще не придя в себя от моего окрика, оглянувшись по сторонам, точно ища поддержки и не найдя ее, обреченно произнес:

- Если только осторожно, то можно.

И я, как ни в чем не бывало, точно давно зная его, подошла и сердечно обняла, затем посмотрела прямо в глаза и с благодарностью произнесла:

- Спасибо, что позволили за живого классика подержаться.

И только тут он весело рассмеялся.

Вот такие нечаянные воспоминания преподносит мне память порой.

Слово о Маслове Владимира Личутина

(Из книги Владимира Личутина «Душа неизъяснимая».)

С Владимиром Личутиным мне было общаться очень легко: не кичился, не ершился, говорил на равных. А о Виталии Семеновиче в книге «Душа неизъяснимая» писал:

«…я спросил Маслова: дескать, как в тебя вошло море? какое было первое впечатление от него? Я-то, наивный, полагал на лирику настроить помора, на исповедь, на тот воспоминательный восторженный лад, когда всякая картина дальнего детства украшается счастливым лазоревым туманцем. Но Маслов сварливо, раздраженно ответил, скорее окрикнул, отчитал меня, что ты вроде бы парень взрослый, а такую чепуховину мелешь. Я спрятал глаза и настырно повторил вопрос, ибо прекрасно помню первые впечатления от парной реки, от разливной, такой цветной, искрящейся росы на траве, от стеклянного воздуха, юнко погудывающего под потоками раннего прохладного солнца.

- Не помню, да не помню - и все! Какое у тебя впечатление от воздуха? Этим же живут. Оно, море, все время тут. Оно впечаталось.

И не слышно оттеплился, поддался Маслов и уже поплыла память. Но голос прежней сварливости не терял, все существо писателя как бы противилось нахлынувшему воспоминанию.

- Ну, другое дело, когда заплавал. В третьем классе учился, сложновато было с харчами. А на Масляной, на том берегу залива, рыбачили, и был большой подход селедки. Подошла селедка, и налетел шторм. Подвалило селедки столько, что перегрузили карбаса. Карбаса выкинуло на берег, и никто рыбу собирать не стал. А у меня брат старший был на промысле. И я с другом Колькой выпросился и поехал собирать на берегу рыбу, пока не стухла, не пропала. Сколько-то подобрали — надо домой назад. Отправился карбас оттуда, повезли счетовода (деньги выдавал), нас двое мальчишек, остальные — бабы. На руле была Зоя Евлампиевна. Стали из луд выходить, такой штормина. Весла, как спички, лопнули. Бабы только кричат нам: "Держитесь за среднюю нашесть пуще". Нас и выкинуло обратно на берег. Бабы оправились, переждали чуть - и обратно в море. Может, их страх долил, но нужда пуще страха. Дома ребятишки, хозяйство. ...И вот такое в нашей жизни было в порядке вещей. Ну а я с морем вплотную тогда познакомился.

С рекою же встреча состоялась куда раньше; в лодке мальчишка заплавает, как только на ноги сам подымется, оторвется от земли. Отец, Семен Виссарионович, бывало, привяжет сына к лодке, чтобы не выпал. Ведь малой всегда норовит прежде татушки на берег выскочить, долго ли тут до греха. И однажды, увидев трезвость мальчишечьего поведения, доверился сыну, не привязал. Увидал на угоре мать, кричит с реки: "Мама, я сегодня не на привязи!"

Крохотная Сёмжа, деревня, больше похожая на выселок, на сторожевой пост, притулившийся о край моря: долгое время почитай лет четыреста, стояло на высоком угоре не более пятнадцати дворов, и лишь в начале нашего века пошла вширь деревня, далеко славясь по Поморью; такой маломерный погост сколько мореходов дал Руси — и не счесть, самые первые наборы в Российский флот начинались отсюда, подметали всех склонных к плаванию поморцев.

И вот, опушенная березовой листвою, показалась нарушенная церквушка и ряд высоких, в два жила, задумчиво темнеющих изб по краю кряжа. Стоит Сёмжа — и ничего вроде бы с ней не стряслось, но только странно, что никто не выскочил на угор встречать нашу лодку, не толпятся бабы на косике, не толкутся, не спешат, проседая в тягучей няше, мальчишки.

* * *

Смею утверждать, что писатель Виталий Маслов рожден обостренной тоскою по исчезнувшей деревне Сёмже, его малой родине. Когда-то по молодости лет я писал, что «деревни рождаются и умирают, как люди». И хотя Маслову мой образ пришелся не по нутру, но я ныне остаюсь при этом мнении, что всё в природе свершается по единому циклу: рождение — умирание, старение — обновление. Другое дело, что иной, со злым, диктаторским замахом человек, пользуется этим законом природы со своею практической целью — бросить на заклание ради честолюбивой идеи миллионы ни в чем не повинных. Люди со слабой волею тоже нарушают естественный закон обновления всего сущего; они сами сводят счеты со своею жизнью, видя в ней всякую бессмыслицу, и тем самым совершают тяжкий грех, по прежним верованиям — самый страшный. И не потому ли самоубийц даже не хоронили на кладбищах, а где-то в стороне, как падаль. Люди уходят естественно, когда пришел срок, они ложатся на погост без особого страдания, смиренно и понятливо, приготовив душу и тело, уступая место на миру молодой поросли, ибо "сколько ни живи, а помирать-то нать", а "не померев — не

родисся". Но ведь погибают и на войнах, укоротив срок, и скольких не досчиталась эта деревенька; гибнут в море, на отхожих промыслах, от скверны и драки, от вина и поножовщины, дико урезая житье.

Так печаль не столько от того, что деревенька канула, рассыпалась (хотя пятнадцать дворов бессменно стояли на юру четыреста лет), но более оттого, что насильно умертвили, растащили, принудили умереть, она попала в тот поминальник российских деревень, хуторов, выселок и починков, что свели на нет с добрыми вроде бы намерениями, но худо подумав: и ныне эти немые печища нам укор, напоминание, урок тому, как нельзя вести обширное державное хозяйство. (В войну было порушено семьдесят тысяч деревень. А по нынешнему замыслу подлежало сносу 110 тысяч деверень, и тогда российская земля запустошилась бы вовсе.)

Из этой тоски по преждевременно умершей Сёмже и родился русский писатель со своей пронзительной болью и жалостью, резкий, угловатый, непримиримый ко всему неискреннему и ложному, с прямою поморскою душою, что свойственно северной натуре. Но писатель Маслов родился и из мечты о возрожденной деревне. Это его костер, на котором он — "добровольный самосожженец", убежденный, верующий в высшую справедливость и в дух поморского братства, вольно и невольно рассыпавшегося по Руси. Писатель Маслов родился из памяти: он как старорусский летописец, добровольно вбирающий память ушедших, беззаветно любя этих ушедших с их доблестями и грехами. Он по крупицам пытается собрать утраченную память в "некий мавзолей памяти", видимый издалека, к которому бы стремились птенцы, далеко отлетевшие из этого гнездовья, чтобы оследиться тут, опамятоваться, растревожить тускнеющую душу, обновить, освежить ее горечью и радостью по минувшему, возбудить тревогою по грядущему. Оследиться — это не наследить, но оставить след, добрую память, чтобы знали идущие следом, что здесь уже побывал добрый путник, торитель и первопроходец. Да и что есть наша жизнь со всеми ее приметами,- изба, новины, прибыток, дети — как не оследье, не попытка оставить след».

Слава Богу, я в Ревде живу

23.11.2003. Вспомнила, как в Мурманск меня переехать зазывали Виталий Семенович Маслов с Виктором Леонтьевичем Тимофеевым и Викдан Синицын - стать секретарем писательской организации. Теперь об этом, как ни приеду, начинает заводить разговор Коля Скромный, и я вновь отказываюсь. А почему? Почему идет это необъяснимое сопротивление городу понять никак не могла, пока 21 ноября не приняла участие в Научно-практической конференции «Классика и современность: актуальность, традиции, новаторство». На ней как-то вдруг и сразу пришло осознание моего сопротивления городу. На Круглом столе с участием творческой интеллигенции Мурманска, услышала рассуждения «российских писателей» о постмодернизме в литературе, эпатажности, парадигмы, модерна… Слушала и не понимала, о чём говорят. Все слова какие-то нерусские, заумные… Через полчаса этих разглагольствований у меня началось внутреннее неприятие всего, что пыталась понять и потому раздраженно прошептала рядом сидевшей Людмиле Тимофеевне Пантилеевой, профессору Мурманского педуниверситета: «Наверно я дура - ничего не понимаю. О чём они?». Людмила Тимофеевна донесла суть разговора, тогда я возмутилась опять: «Так почему нельзя говорить так же просто и доступно?» И облегченно добавила: «Слава Богу, я в Ревде живу, где наши люди говорят на всем понятном русском языке». После эту мысль высказала еще нескольким участникам, да и случай из времени учебы в Ленинграде в середине 80-х годов припомнила.

Шла как-то с сокурсниками по Невскому, и у одного из кинотеатров увидела необычно одетую женщину. Она была не только сама одета во все голубое, но и с большим голубым бантом на голове. Удивленная, я заметила: «Надо же, в возрасте, а туда же бант нацепила». Ребята мне, как само собой разумеющее: «Так это голубой!». Я им: «Не слепая, вижу, что голубой, не серо-буро-малиновый же нацеплять». Те с ещё большим акцентом: «Это ГО-ЛУ-БОЙ». Не понимая, что они имеют в виду, вновь завозмущалась: «По мне хоть в горошек, только не в таком возрасте перед людьми выпячиваться». Тут до спутников дошло моё непонимание смысла, заложенного в слове «голубой». Они, захохотав, пояснили, что это не женщина, а мужчина, только мужчина-девочка. И добавили: «Ты что ничего про них не знаешь?» Я остолбенела: «А у нас в Ревде таких нет». Все кто слышали мой рассказ, засмеялись, а Татьяна Борисовна Чеснокова из Театра Северного флота сказала: «Ты

счастливая, Надежда, у тебя всегда есть, с чем сравнивать. Твоя Ревда - это корни. Начало всех начал. По ней ты все и меряешь. А мы городские, приехавшие в Мурманск со всех волостей эти корни утратили, потому и цепляемся за все наносное, чтобы от моды не отстать да быть на уровне».

Шло на конференции и обсуждение стихов члена Союза писателей России, поэта Николая Колычева. Многие сравнивали его поэзию с Есенинской, Рубцовской, но при этом приводили ранние стихи, написанные им в Лувеньге, небольшом поморском селе Терского берега Мурманской области. И, правда, стихи Николая того периода и мои любимые. Было замечено, что нынешние стихи, родившиеся уже в городе, резко отличаются от тех ранних, хоть в них мотивы раннеКолычевские и присутствуют. И вновь я подумала, почему так? А все по той же причине. Душа поэта стала впитывать в себя жизнь города, с его проблемами, политикой, религиозными воззрениями. Ухо - улавливать, не присущие простому крестьянину (каковым Николай являл себя миру в начале своего творческого пути) навороченные, иностранные, окрашенные новыми веяньями слова. Он подобен губке, впитывающей в себя, как положительную, так и отрицательную энергетику людей. Перерабатывает ее в себе и вкладывает затем в свои стихотворные строки. А я как Колычев, восприимчива и к плохому, и к хорошему. Стоит переехать в город, наверно и мое творчество изменится, потому предпочитаю жить там, где родилась, где корни мои.

25-летие писательской организации

11.12.2003. Приехала в Мурманск на 25-летие нашей писательской организации. Первый юбилей, который мы отмечали без Маслова и Викдана. Утром 3-го с Валентиной Кузнецовой встретили Ольгу Балашову, а вечером уже с Олей встречали Елену Мелехину (Романову) и Олега Бавыкина. Ольга остановилась со мной у Аллы Синицыной, а Елену и Олега определили к Валентине Масловой. Спросила Лену с Олегом: «Как до Устиновны - на троллейбусе или пешком, здесь остановки полторы?» Те с энтузиазмом ответили: «Пешком!»

До бассейна дошли, Бавыкин спрашивает: «Надеюсь, пришли?» Я ему весело: «Не совсем, осталось совсем чуть-чуть, до третьего светофора, а там завернуть налево, две пятиэтажки пройти и вот он масловский дом». Бавыкин, как узнал об этом, так всю дальнейшую дорогу шел и сокрушался, что я заставила их в такую даль пешком тащиться. Балашова Ольга смеется:

- Надюш, он ведь остановки по московским меркам меряет, да еще из машины не вылезая…

Наконец, пришли. Устиновна нас уже ждала. На столе ряпушка копченая в масле, куда там шпротам баночным. Эту Маслова в Карелии и ловила сама, и коптила – за уши не отодрать, такая вкуснотища! Мы с Олей наелись и к Аллочке поехали, с утра много дел.

Утром из писательской позвонила Людмила Демина и чуть не в истерике кричит:

- Надежда, накрывать на столы никто не пришел, мы тут со Скромным одни в писательской сидим, что делать не знаем.

Мы с Олей поспешили туда. Подъехала с нами помогать еще и Вера Колычева, жена Николая. Таким составом мы и стали продукты мыть, нарезать, по тарелкам раскладывать, а затем в писательскую приехали и Бавыкин с Леной Мелехиной. Скромный ходил и сокрушался:

- Вот, дорогие мои гости, в этом вся наша писательская и есть, столы накрывают люди приезжие, а свои на все готовое придут.

Продуктов закупили много и даже таким составом все нарезать и разложить не успевали, ведь всем до торжественного нужно еще и переодеться съездить. Позвонила Валентине Кузнецовой: «Почему до сих пор не в писательской?» Она: «Твоего распоряжения жду». Я ей: «Быстро сюда!» Затем от Поливцевой Ирины звонок, мол, извиняй, обстоятельства задержали. И ей втык дала. Подъехавшего из Заозерска поэта Василия Кравченко оставили этих барышень поджидать, а сами - по домам, через полтора часа встречались уже в филармонии.

Вечер, как всегда, вел Леонтьевич Тимофеев. По его сценарию сначала должны были выступать поэты, и только потом начаться официальные поздравления, но ход сломала заместитель губернатора Людмила Чистова. Без предоставления слова она взошла на сцену и, ссылаясь на занятость, стала раздавать благодарственные письма писателям. Затем Тимофеев

непонятно к чему решил перечислить всех, кто пришел на эту встречу, и писателей, и вдов, забыв упомянуть только Аллу Синицыну. Я не удержалась и выкрикнула из зала, что она вообще-то тоже здесь. Меня последнее время просто трясет от подобной невнимательности к ней, как, впрочем, и к памяти самого Викдана. Доску-то обещанную на доме писатели до сих пор не установили, и памятник на могиле тоже…

Первое слово Леонтьевич предоставил композитору и барду Олегу Алистратову, который спел песню на стихи Бориса Романова. Лена, не ожидавшая такого внимания к отцу, прослезилась. Затем песня прозвучала уже на стихи Виталия Семеновича. Прочел свои стихи кто-то из поэтов, и опять на сцене Олег с песнями на стихи Саши Миланова и Викдана Синицына, затем опять кто-то из поэтов… И все в таком духе. Алистратов поет, поэты читают. Не 25-летие писательской, а бенефис Олега Алистратова. И ни одного отрывка из прозы. Я невольно сравнивала этот вечер с 20-летним юбилеем, который вели профессиональные ведущие, на котором актер театра Северного флота Васильев прекрасно прочел отрывок из романа «Перелом» Николая Скромного, а на этом проза оказалась не в чести.

Когда вышел поздравлять писательскую Василий Владимирович Калайда, депутат областной Думы, огромный букет цветов он решил преподнести мне, сказав при этом, что его жена мой роман «Алхалалалай» прочла за одну ночь и передает мне за него слова благодарности…

Вечер так затянулся, что поэту Владимиру Семенову слово дали только в конце. Пусть он сейчас состоит не в нашей писательской организации, но 25 лет назад начинал в едином Союзе, и правильнее было бы дать ему слово одному из первых.

От архиепископа Мурманского и Мончегорского Симона поздравил писательскую организацию иеромонах Митрофан (Баданин). Узнав, что на это торжество Николай Скромный пригласил владыку, который по уважительным причинам сам не смог присутствовать и отправил вместо себя иеромонаха Митрофана, отец Аристарх на торжественное не пришел…

Тимофеев, почувствовав, что вечер слишком затянулся, пригласил всех, кто хочет поздравить писательскую, подняться на сцену. И такая мешанина началась… А гости из Новгорода и Москвы сидят, ждут отдельного приглашения. Тимофеев же, когда, наконец, последние подарки были Скромному, как секретарю, вручены, вздохнул и сказал: «Все, пора и честь знать». Такого поворота даже я не ожидала, подскочила с места и на сцену, говорю:

- Ничего не пора, к нам, между прочим, гости из Москвы и Великого Новгорода на этот юбилей приехали и тоже поздравить хотят, слово сказать, и попросила Ольгу, Елену и Олега подняться на сцену, представив их всем присутствующим. Олег Бавыкин привез нашей писательской Грамоту от Союза писателей России и ее председателя Валерия Ганичева, Лена подарила фото Бориса Степановича Романова и Виталия Семеновича Маслова, Ольга вручила поздравительный адрес от писателей Новгорода… И на этом торжественное, наконец, закончилось.

В писательскую набралось человек шестьдесят, но, как говорится, в тесноте, не в обиде…

Масловские чтения-2004

15.12.2004. В третий день памяти Виталия Семеновича Масловские чтения впервые проводились в Мурманском педагогическом университете. В 2003 году их можно сказать и вовсе не было, провели вечер памяти, но только не чтения. А теперь совершенно другое дело, да и статус чтений сразу поднялся. Сначала прошло пленарное заседание, затем работа по секциям. И скажу, что в этом году они проведены на самом высоком уровне. Достойные выступления, содержательные и разноплановые доклады. И чего совсем не ожидала, так это выступления Валентины Устиновны Масловой под названием «Но все-таки Родина…». Причем это было не просто выступление-воспоминание, она подготовила настоящий доклад. Молодец! Приведу выдержки из него:

> *«С Виталием Масловым мы встретились в Тикси. Меня туда после школы позвала романтика. Там жили мой старший брат Георгий с женой Тамарой. Они писали интересные*

письма о Севере, а потом пригласили приехать. Приехала на Север и приросла навсегда. Полюбился народ, может быть, потому, что мало отличался от моих земляков-белорусов.

Мы часто встречались с Виталием по комсомольским делам, учились вместе заочно в Ленинградском высшем инженерно-морском училище им. Макарова на радиотехническом факультете.

Виталий Семенович жил и работал на гидрографическом теплоходе "Иней", я - на портовском буксире "Бедовый" в бригаде радистов по установке и монтажу гирокомпаса. Когда Виталий Семенович выходил на берег по делам, то по пути приворачивал к нам поздороваться. Вечерами иногда шли вместе с работы по ледовой дороге до поселка. Путь был дальний, и мы с ним беседовали на разные темы. Мне нравилось, что попутчик мой так эрудирован. Однажды, пришлось к слову, прочитал мне стихотворение про тонущее судно, а я постеснялась спросить, кто написал. Потом по моей просьбе он читал стихи Маяковского, Есенина, Пушкина и свои тоже. Что он читал свои стихи, я узнала, когда пригласил меня на «мальчишник». Собрались, чтобы поделиться своими успехами. Помню, было восемь ребят. Все читали стихи, пели, было весело.

Через год меня избрали вторым секретарем Булунского райкома комсомола. Встречались с Виталием в основном в клубе, строили спортзал молодежными силами, участвовали в художественной самодеятельности. Маслов выступал солистом, очень хорошо пел. На какой-то праздник он вместе с ребятами из команды подготовил монтаж песни "Прощайте, скалистые горы". Заслужил бурные аплодисменты.

В конце 1962 года он уехал в Мурманск на атомоход "Ленин". Писал письма. В начале 1963 года я собралась на сессию в Ленинград. Пригласил навестить Мурманск. 22 апреля он встретил меня в аэропорту, поселил в ДМО пароходства. 27 апреля, в день приезда в Мурманск Фиделя Кастро, сыграли свадьбу. Виталия Семеновича отпустили в свадебное путешествие. Поехали в его родную деревню. Родители встретили как подобает: сделали застолье, было много гостей, разговоров. Увидела, как Виталий Семенович переживал из-за развала деревни; он рассказывал, как деревня выживала в войну в трудные годы...

<...> Виталий Семенович любил свою Родину, свой край. Он боготворил своих родителей. Мать была великолепная стряпуха - шаньги пекла каждый день. Александра Никифоровна - удивительная Русская женщина, левша, работала быстро двумя руками, особенно когда собирала ягоды. Много читала, увлекалась Достоевским. Отец был отменным рассказчиком. Когда рассказывал что-то из прошлой жизни, то людей даже времен гражданской войны называл по имени-отчеству.

Семен Виссарионович помог сыну Виталию создать в Сёмже Дом Памяти. Виталий Семенович оформил рукописно четыре экземпляра книги Памяти с нарисованными древами каждого рода в деревне. Первый экземпляр был положен в Доме Памяти при открытии. С ним работали земляки, приезжавшие в деревню, особенно дети. Дополняли свой род. Эта книга изрядно потрепалась, поэтому пришлось ее заменить. Второй экземпляр с момента создания Дома Памяти хранится у младшего брата, Вячеслава Маслова.

Третий после смерти Виталия забрал наш сын Олег в Архангельск. Им сделаны электронные копии и переданы в Архангельский краеведческий музей, Архангельскую областную библиотеку, Мезенский краеведческий музей, Каменскую библиотеку им. Виталия Маслова в которой остался черновик.

Отпуск Виталий Семенович обычно проводил в Сёмже. В доме у родителей всегда было много гостей. В нашу семью эти традиции перешли вместе с отцом и матерью, которые приезжали в Мурманск, чтобы пережить зимнее тяжелое, темное время. Весной они возвращались в деревню. Виталий Семенович любил принимать гостей. Если гость торопился и отказывался выпить чашку "чаю-кофею", сетовал - "из пустой избы уходишь". Гостей всегда провожал, иногда с шутливой поговоркой - "хорошего гостя провожают, чтобы не упал, плохого провожают, чтобы не украл".

Пока были дома сыновья, живы родители, по воскресеньям старались собираться всей семьей на обед.

Когда он приезжал домой, то буквально менялся, трепетно относился ко всему и всем. Последние годы бывал мало в деревне - работал на ледоколе. Дома старели, разрушались. Летом 2001-го занимался переделкой печи в отчем доме. Помощников было много, но ему тоже досталось. Радовался, когда первый раз затопили печь, выпили дымово, потом каждый день сам топил и долго сидел у очага с книжкой или листом бумаги.

Виталию самому приходилось работать много, но, когда не успевал посидеть для души за листом бумаги, говорил: «Опять день впустую прошел». В деревне ему больше нравилось

работать физически, садиться писать себя он заставлял. А уж начиналась морошечная страда - это его отрада. В лесу, на болоте он знал каждый уголок, мог в сентябре набрать три литра и всех угостить свежей морошкой.

По реке Сёмже ходил на шлюпке на веслах. Когда доводилось ехать вдвоем, он рассказывал, как называются те или иные пожня, ручей, лес. Я запомнила только ближние. На малой воде пороги, вода опускается на восемь-девять метров, берег высокий, как в доке. На полной воде красиво, вода быстрая, необъятные просторы кругом видны.

В конце семидесятых годов купили в Сёмже дом, а жили в Отчем, не лежала душа к новому дому, только уходил поработать туда. Там праздновали пятидесятилетие Виталия Семеновича. На повети плясали, пели песни. Иногда в этом доме бывали гости, ночевали: приезжали Владимир Смирнов, Валентин Устинов, Владимир Личутин, Семен Шуртаков, Владимир Бондаренко. Художник Василий Личутин, брат Владимира Личутина, работал больше месяца. В доме поддерживался порядок и всегда лежали наготове дрова.

Он привыкал ко всему окружающему. Не любил переставлять мебель. Новая обстановка давила. После ремонта без его разрешения я перенесла кабинет в другую комнату, удобную для посетителей, - хотела сделать сюрприз. Виталий Семенович очень обиделся, оказалось, что та, малая, комната была для него удобнее, и он успел к ней привыкнуть. Большой кабинет потом он разделил шкафами и сделал уголок для работы. Этот уголок дети назвали кельей. Шкафы спереди заклеил иллюстрациями с иконами, храмами. Приехал пятилетний внук Илья из Архангельска, зашел к дедушке в кабинет, сказал: "Храм" - и перекрестился.

О семье он заботился, любил детей, был к ним требовательным, не позволял неуважительно относиться к пожилым людям, в школе к учителям. Очень скучал, когда был в море; в письмах несколько строк всегда уделял детям. Вот строки, написанные, когда сыновьям было четыре и пять лет: "Что нового в садике? Ведь они перешли уже в следующие группы. А потом в школу пойдут и, если умными будут, к маме будут внимательны, возьмет их папа в дальний-дальний рейс по морям-океанам. И маму возьмем, а если она не захочет идти в море, будет у нее большая карта, на которой она будет отмечать, где идет Женин пароход, а где Олегов. А когда мы пойдем в рейс, мы скажем маме, что пойдем очень ненадолго и скоро вернемся. Вот. А вы слушайтесь очень хорошо и внимательно маму, чтобы она разрешила вам потом сходить в рейс. Что вы читаете? Какие у вас интересные книжки есть? Занимаетесь ли физкультурой и слушаете ли наши хорошие песни и сказки? Я вот что-то забыл, как начинается «Сивка-Бурка». Когда напишете папе еще одно письмо? "

Дети выросли в деревне. Хотел, чтобы туда и внуки приезжали. Когда они появились, в 1988 году разбил около своего дома два садика - Михаилу и Илье. Сейчас деревья уже большие выросли. В 1982 году, когда дочери Александре исполнилось шесть лет, устроил для нее садик с маленьким домиком. Сейчас в нем играет внук Владислав, садик называет маминым. В садиках среди лиственниц, сосен и березок растут кедры, привезенные Виталием Семеновичем из Кировского ботанического сада саженцами...»

Валентина Маслова «Но все-таки Родина...»

Хороший доклад получился и у Леонтьевича Тимофеева «Жизнь и творчество В. С. Маслова в контексте эпохи», говорившего, что в каждом произведении Маслова заложен код, цельность мироощущения. Понравилось выступление Дмитрия Коржова о неопубликованных стихах и прозе Маслова. А вот отказ Николая Скромного вести пленарное заседание, якобы у него сел голос, я не поняла, потому как спустя часа два-три, на секции он так громко возмущался по поводу выступления доцента МГПУ Людмилы Львовны Ивановой, что сразу стало ясно: про голос соврал.

На нашей секции «Литературное краеведение» ведущая - уважаемая всеми профессор Людмила Тимофеевна Пантелеева. Доклады разные. В некоторых утомляла и раздражала научная терминология. На что так и хотелось сказать: «Уважаемые педагоги с учеными степенями, учитесь у вашей коллеги Людмилы Тимофеевны. Попроще нужно быть, ближе к народу. В докладе доцента кафедры философии МГПУ Татьяны Викторовны Рябининой меня заинтересовал образ Текусы из «Круговой поруки» Маслова, который лет десять назад именно с нею сравнил меня. И я вся превратилась в слух:

«Не имея возможностей раскрыть разные грани образа Текусы и другой главной героини, Валюхи, остановимся лишь на одном моменте. На наш взгляд, это яркое художественное открытие писателя. Маслов блестяще разрушает классическую схему, уходящую корнями в

античные традиции. Речь идет о делении женщин на два типа: женщина-мать (модель, соотносимая с богиней плодородия Деметрой) и женщина-гетера (тип, связанный с богиней любви и красоты Афродитой). Связанное с патриархатной культурой, подобное деление отражает то, что Фрейд считал базовым принципом мужской сексуальности - рассогласованность нежного и чувственного влечения. Первое направляется на женщину-мать (невесту, жену), объектом второго выступает женщина-гетера.

В романе "Круговая порука" данная схема поначалу и торжествует. Митька мечется между Валюхой и Текусой, будучи не в состоянии примирить нежное и чувственное влечения. Искушенный в классике читатель предполагает, что, «перебесившись» с Текусой, герой обретет настоящую семейную идиллию с Валюхой. Но как искусно играет автор с читательскими ожиданиями! Несколькими ненавязчивыми штрихами он намекает на то, что Валюха далека от ангелоподобия. Вот в клубе героиня приглашает Митьку сыграть с ней в шахматы, а за этим - скрытая насмешка, ведь герой даже не помнит, как фигуры расставлять. Не интеллектуальное ли превосходство хочет Валюха продемонстрировать здесь? А в сцене покоса, когда она на равных выдерживает соперничество с Митькой и Германом, тут уж почти полный паритет в физической силе проявляет.

Нет, отнюдь не женщина-ангел - Валюха, как и Текуса - не женщина-гетера. Родив ребенка от Митьки, Текуса становится нежной и заботливой матерью, демонстрируя, казалось бы, противоположный ее органике тип женственности. А Валюха, которой, согласно схеме, положено быть вечным ангелом-хранителем Митьки, в романе "Проклятой памяти" ведет себя совершенно неожиданно: она становится невестой Германа.

Почему это происходит? Да просто Виталий Семенович своей потрясающей интуицией очень тонко почувствовал главную нравственную миссию женщины - поддержание равновесия в обществе. Поэтому женщина часто связывает свою жизнь не с тем, кого она любит, а с тем, кому она нужнее. Именно так и поступает героиня Маслова. Митька сильный и самодостаточный человек, он не пропадет и без Валюхи, а вот Герман без нее не справится. И смерть героини - это расплата за то, что не спасла, не уберегла Германа от гибели. По самой высокой ставке расплата».

Татьяна Рябинина

Валентина Кузнецова, чувствуя, что все устали, свой доклад «Проблемы деревни в творчестве Есенина, Личутина и Маслова» очень сильно сократила. Неплохо выступили Маришка и Виктория Бакулы. Лично у меня вызвал интерес и доклад Л.Л.Ивановой под названием «Репертуарная политика мурманских театров», по поводу которого Скромный и возмутился, а вот то, как она несдержанно вела себя на секции, когда читали доклады другие, почти в голос комментируя все выступления, раздражало. Мой доклад был под названием «Балашов и Мурман – точки соприкосновения».

Первый славянофил Мурмана

21.12.2004. Вместе с программой третьих Масловских чтений в дар от устроителей я получила и небольшую брошюрку кандидата исторических наук Павла Федорова «Радетель культуры В.С.Маслов и его деятельность по созданию оплота славянофильства на Мурмане в конце XX века». Когда-то Павел, как и многие школьники Мурманска, был участником областного историко-литературного конкурса «Храмы России». Тогда на него Виталий Семенович возлагал большие надежды и, как показало время, не напрасно. Мне интересно было прочесть воспоминания Павла о Маслове, в них я нашла что-то новое для себя из жизни Виталия Семеновича. Он пишет:

«Мурман - хотя и древний край, не знал славянофильских кружков в XIX веке. И Маслов в конце XX века был здесь первым славянофилом, да и не только здесь - и в СССР тоже. <...> первые идеи о проведении Дня славянской письменности, первые вопросы о судьбе славянских народов стали появляться у Маслова еще в 70-е - начале 80-х гг. И почва для этого была. Ведь Маслов по возрасту своему - дитя войны и "оттепели". Великая Отечественная, а затем "оттепель" наложили сильный гуманистический отпечаток на художественную литературу и творчество вообще. В. С. Маслов, например, стал писателем-деревенщиком, мастером социальной прозы. Его по-настоящему взволновала судьба заброшенных северных деревень, а

вместе с тем - закрепляющиеся в сознании людей беспамятство, равнодушие к своим корням, к памяти предков. Поэтому на страницах его произведений звучат призывы: "Думайте о родине, любите ее, работайте для нее, не только для большой, но и для малой!.. Без родины - нет в человеке главного. Нельзя быть врагом на земле, на которой живешь. Отомстит! Думайте о Родине - как хозяева! Бойтесь не поднять свой голос, когда дело идет о пользе родины. Храните Родину!"

Подобные идеи, естественно, выводят писателя на прояснение своей общественно-политической позиции. В.С. Маслову удается убедить своих коллег по писательскому цеху о проведении Дня славянской письменности в Мурманске. Мурманский обком КПСС, убоявшийся не столько славянофильства, сколько проявления несанкционированной общественной активности, хотя и возражал, но ничего сделать уже не мог. По хитроумному плану мурманских писателей (и особая роль в этом принадлежит Виктору Леонтьевичу Тимофееву) День славянской письменности, впервые проведенный в Мурманске 24 мая 1986 года и ставший первым подобным пятым праздником на территории СССР, был замаскирован под традиционные Дни Баренцева моря - спокойное, политически нетенденциозное мероприятие. <...> Тогда большую помощь В.С.Маслову оказал редактор «Комсомольца Заполярья» Дмитрий Александрович Тараканов, под страхом партийного взыскания публиковавший в своей газете материалы, приуроченные к празднику, и Мурманский государственный педагогический институт, два достойниших представителя которого - доценты Надежда Георгиевна Благова и Людмила Тимофеевна Пантелеева - активно участвовали в проведении Дня славянской письменности.

Со следующего года праздник был фактически легализован и - пошагал по стране, став в конечном итоге общегосударственным.

<...>...Как раз тогда, в начале 1990-х годов, я оказался вхож в Мурманский Фонд культуры. Нет, я не разделял славянофильской платформы, меня привлекала сама фигура Виталия Семеновича Маслова. Да и, кроме того, к Фонду были близки мои наставники в области исторических наук (ныне покойные) - профессор И.Ф. Ушаков и кандидат исторических наук С.Н. Дащинский (организовавший даже общество российско-белорусской дружбы).

Виталий Семенович, вечно горящий идеями, проектами, однажды предложил мне написать записку епископу Мурманскому и Мончегорскому Симону. В середине 1990-х у меня, действительно, наметилось некоторое сближение с архиереем: я подумывал даже помогать владыке с изданием епархиальной летописи. Виталий Семенович знал об этом, поэтому и прислал мне свою записку о путях возможного взаимодействия между Епархией и Фондом... Дело в том, что Мурманская епархия в 1995 году была только что создана, выделившись из Архангельской, и с назначенным сюда епископом Симоном, который в прошлом был викарием петербужского митрополита Иоанна (автором трудов славянофильского толка), В.С. Маслов связывал большие надежды. Записку я такую действительно написал... но от епархиальных задумок как-то отдалился.

Определенные связи между Фондом и Епархией, конечно, сложились (и особенно укрепились после прихода в Трифоно-Печенгский монастырь настоятелем отца Аристарха), однако, на мой взгляд, они все же не достигли того эффекта, на который рассчитывал В.С. Маслов.

Вершиной же деятельности Мурманского Фонда культуры стало проведение Славянского хода из Мурманска в Черногорию осенью 1997 года, когда во взглядах Маслова уже окончательно оформились объединительные тенденции, что выразилось в создании Обращения к главам православных государств...

Виталий Семенович предложил и мне участвовать в Славянском ходе, но тогда я не смог, отказался. Не оправдал я его надежд и в другом: после разговора с моим научным руководителем профессором А.А. Киселевым Маслов хотел поставить меня во главе Мурманского отделения Ломоносовского фонда, но я спасовал - предложил назначить другого.

И вообще, несмотря на глубокое уважение, с которым я неизменно относился к Виталию Семеновичу, повседневные отношения с ним у меня складывались не всегда гладко. Вот, скажем, запись из моего дневника за 25 мая 1996 года: "Произошло охлаждение отношений с Масловым. В который уже раз. Но нынешнее охлаждение я воспринимаю как предвестник моего удаления от славянофильских кругов. Славянофилом, как и западником, я никогда не был. А они заставляют сделать выбор. С Масловым мы расходимся в следующих вопросах: 1) отношение к науке (Маслов противник строгого академизма); 2) отношение к политике (Маслов политичен); 3) разный взгляд на будущий путь развития России... В свое время Маслов мне очень помог. Сегодня мы уже не понимаем друг друга... Маслов - бульдозер. Его энергии хватит свернуть

стену. Но под обломками он может не заметить тех, с кем еще недавно вместе шел рушить эту стену".

Потом проходило время, и я опять бежал к Виталию Семеновичу или он звонил мне. Вот запись из моего дневника от 8 июня 1996 года: "Звонил Маслов. Предлагал поехать в Москву. Я не знаю... Все возвращается "на круги своя»?.."

В Маслове притягивала его человечность, которая все равно проступала сквозь редкие порывы эмоций. Но разве не поразительно его отношение ко мне, тогдашнему аспиранту, когда прочитывая за неделю сотни страниц текста по своей основной работе, он не забывал о теме моей кандидатской диссертации, и если что-нибудь находил, звонил и приглашал.

Его человечность - и в издательской поддержке. Мои первые книги вышли благодаря Виталию Семеновичу... Но не один я такой был у Маслова!

Его человечность - и в скромности. Помню, как, прибежав из школы (когда еще был школьником) в масловский кабинет на улице Полярные Зори, я выпалил: "Виталий Семенович, про Вас в учебнике литературы для 11 класса написано!" Но к моему тогда удивлению информацией этой он не заинтересовался (по крайней мере внешне) - только отмахнулся: "Ну написали - так написали".

А вот еще случай. В 1993 году я пригласил Маслова в нашу школу на открытый урок литературы. Мы с учительницей Т.К. Глуховой и тему красивую придумали "Писатели открывают Север" Ждали, готовились. А была зима, школьники во дворе снежками бросались. И один из них угодил в шедшего мне навстречу Маслова. Думаю: вот ЧД сейчас обидится! Но ничего подобного: Маслов быстро слепил свой снежок и бросил в горе-*нападавшего. Вот смеху было...*

Не забыть человеческой, почти отеческой заботы Маслова и о лауреатах конкурса "Храмы России" в Москве, куда нас привезли, чтобы в присутствии академиков Российской Академии Наук вручить медали Фонда славянской письменности и культуры. Представьте себе мое волнение, когда, будучи студентом первого курса исторического факультета, я увидел нашего крупнейшего историка Бориса Александровича Рыбакова (чьи труды мы усиленно конспектировали), имел счастье поговорить с ним и взять автограф.

Я привел все эти факты из своей жизни для того, чтобы за словами "славянофил Маслов" мы увидели не политикана или теоретика, а настоящего радетеля культуры, человека, окрепшего духом и мудростью.

Да и само слово "славянофил" применительно к Маслову требует оговорки. Славянофильство в масловском варианте несколько отличалось от его первоначальной формы первой половины XIX века: у Маслова было меньше политики и больше культуры. Я никогда не слышал от него о необходимости восстановления самодержавия в России, но постоянно напоминал он о важности сосуществования славянской культуры с другими культурами. Идея взаимообогащения культур нашла выражение, в частности, в организованных Масловым Дне саамского слова, Дне языка коми, Дне финской литературы»…

Павел Фёдоров

«Искупление» Маслова

На третьих Масловских чтениях речь шла, в том числе, и о последнем романе Виталия Семеновича под названием «Искупление», посвященном морякам-ледокольщикам. Представлял его Дмитрий Коржов. В своем выступлении он сказал, что действие романа происходит в 1965 году на первенце атомфлота ледоколе «Ленин» и что, несмотря на то что роман основан на реальных событиях, это проза художественная. И особенно выделил одну из глав «Искупления». Главу, в которой главным героем выступает директор Мурманского областного краеведческого музея Владимир Пожидаев, через взгляд которого мы впервые и видим любимый Масловым город, особо значимые, по его мнению, места Мурманска - краеведческий музей с якорем первого русского ледокола «Ермак», памятник защитникам Советского Заполярья...

А уже в **январе 2005-го** Дмитрий публикует главу из романа Виталия Маслова «Искупление» в газете, которую я здесь также хочу привести.

«...И вот он - помполит, и через два-три дня - в море. И идет мимо своего музея, отремонтированного, отреставрированного. Здесь, в центре города, в чаше его центральной, было тихо, пустынно и безветренно в тот поздний, уже ночной час. Слева, вдоль проспекта,

кусты заснеженные, сирень, не тронутая обрезкой, справа - колонны высоченные, заново побеленные. Из-за кустов, с противоположной стороны, - подсветка из-за сугробов прожекторная... Поднял голову, глянул, задумавшись, на колонны и поразился - мраморные колонны!.. Это тени кустов, тени ветвей, переплетенных прожилками, на белые колонны легли... Тут, на торце музея, в углу меж музеем и соседним домом, памятник, прекрасный, кто понимает: на камнях-валунах, прислоненный к стене, черный якорь с двумя поворотными лапами. А над якорем - картина мозаичная, глубокая-глубокая. Вдали, четко видимый, идет по Арктике сам старик, дедушка "Ермак"...

Постоял тут Пожидаев, как тут было не постоять. Да, воевал он за спасение «Ермака», вместе с моряками воевал, но, знать, не судьба была ледоколу на вечную стоянку у мурманского причала встать. Продали иностранцам на металлолом, увели из Мурманска тихонько, обманом, - так, чтоб душа мурманская флотская не застонала и не возмутилась... Да одного не учли продажные души: сам "Ерема", старый "Ерема", не захотел уходить, не захотел причал родной и море родное покинуть - взял да затонул, как только возможность представилась... И остался вот якорь, и осталась вот заметинка сердечная на стене. И парит над якорем, едва касаясь крылом стены, одинокая, легкая и грустная чайка. Когда наступают сумерки, включается на соседней крыше небольшая, но достаточная лампа, и тень от чайки пересекает мозаичную Арктику сверху донизу и теряется в снегу за мощной, всегда хорошо прокузбасслаченной якорной лапой.

Музей-музей... Вот он и позади, музей.

А ведь лапа-то, бывало, с какой силой за грунт исправно цеплялась... Мало кто знает, что у этого якоря, поднятого ныне здесь в надежде, что вечно стоять будет, одна-то лапа - чужая, приваренная взамен обломившейся: вот в каких переделках бывал незабвенный "Ермак". Есть ли в истории мореплавания подобный случай?! И с этой приварной лапой довелось "Ермаку" поработать столько, что была она приварная, а стала - истинно "Ермаковская". Не так ли и он, Пожидаев, оказавшись в музее, вроде бы случайно, по чужой вине, стал в нем пожалуй что уж и вовсе не приварной, - стать успел, в конце концов, естественной живою частью той плоти, которая зовется областным музеем! Но!.. Кого- то другого в обкомовских дебрях схожая судьба постигла, а ты, Владимир Александрович, лети дальше!..

Еще раз оглядел стену. Далеко-далеко за чайкой, парящей неподвижно, горизонт теряется арктический... Неисповедимы пути...

Отвернулся грустно, медленно пошел дальше, к центру города, к Пяти Углам. Походка его, даже задумчивая, была четка и строга, как всегда были строгими и лицо его, и весь его облик. Шел мимо главного стадиона, который был построен еще до его приезда в Мурманск. По десяткам фотографий в музее он знал, что на месте стадиона был овраг... Мимо недостроенной за забором трехлопастной гостиницы. Святое для мурманчан место, еще недавно тут стояла высокочтимая легендарная трехэтажная "Арктика" с легендарным ее рестораном. Душа не хотела вглядываться в то, что творилось за забором,- инородным, чужим это гладкостенное нагловатое сооружение казалось здесь, на Пяти Углах. На другой стороне проспекта в глубине площади - Дворец культуры, казалось бы, совсем не на своем месте возведен, на фундаменте храма главного. А вот поди-ка, смотрится Дворец, теплом человеческую душу согревает: и эта колоннада выразительная, и весь облик Дворца подсвеченный, уютный, приподнятый.

Видимо, все-таки был какой-то мостик невидимый между образами предполагавшегося храма и осуществившегося Дворца - эта колоннада выразительная и... уютная. И далее за ним здания тоже строили с оглядкой на Дворец. А эта многоэтажная... Подумал об этом - и горечь в душе, потому что ко всему, что тут окружало, давно уже привык относиться как к своему личному. И еще, прощаясь вот так с городом, глядя вокруг, думал он о том, что Мурманск - это уже его город, что без этого города ему, наверное, не прожить. Что если он и уйдет в рейс, это будет все равно его порт, его город, для которого хочется делать все доброе, что ты в силах сделать.

Он любил этот город в мае, когда столько в нем света и столько простора небесного и, кажется, ничто не заслоняет ни сопок дальних, ни уюта городского, и всюду печать какой- то особенной мурманской чистоты, когда отсюда, с Пяти Углов, с самого центра грандиозного городского полукружья виден каждый камень этого полукружья и каждый уголок...

Нельзя было не любить его и летом, когда он спокойный и дружелюбный и чуть грустный оттого, что к лету и дети, и старики уже на юге или по деревням. И - удивительно неправдоподобный, когда сирень пахучая врывается в открытые окна троллейбусов... Но более всего, конечно, он любил свой город в марте, когда, уже успев забыть о полярной долгой ночи, он

буквально пронизан, нашпигован ... вездесущим торжествующим светом, когда начинают плыть над окружающими искрящимися сопками разноцветные купола парашютов - то молодежь досаафовская начинает подготовку к открытию мурманской Полярной олимпиады, всегда долгожданного Праздника Севера, напоминая задолго, что вот они на подходе, близятся, каждый раз новые, незабываемые мартовские праздники. И когда в блеске и в еще большей чистоте, чем в мае, грянут, наконец, они, когда полетят, взрывая снежную золотую пыль, оленьи упряжки по озерку среди города ...ну кто вместе с детишками не воспарит душой и не почувствует себя снова юным, красивым, чистым - словно этот искрящийся мартовский снег... И уже несутся тысячи лыжников, многие без рубашек, голые по пояс, несутся, обгоняя друг друга, окрестными распадками и, описав за сопками широкий круг, - туда же, к озерку в Долине Уюта.

И когда ты, пьяный от солнца, воздуха, праздника, чувствуешь - да не ты один - город весь чувствует! - май, май уже не за горами. Май! Май, май...»

Виталий Маслов. Из романа «Искупление»

Станислав Панкратов

11.04.2005. Дома раздался звонок, и карельская писательница Раиса Мустонен сообщила из Петрозаводска скорбную весть – умер Станислав Александрович Панкратов…

К сожалению, я не могу сказать, что считала его своим другом: слишком редко за двенадцать лет нашего знакомства мы виделись с ним, но товарищ он был добрый.

И когда я обратилась к нему с просьбой о рекомендации в Союз писателей, не отказал, так как познакомился с моими сказками еще на семинаре молодых писателей в Мурманске 7 марта 1994 года.

Для меня это был праздник (по привычке клубной работы), и пришла я на него, собственно, как на праздник: ярко накрашенная, красиво одетая, чем сразу и привлекла к себе внимание всех как мужчин, так и женщин. Откуда мне было знать, что в писательскую в таком виде никто не появляется. Потому одни смотрели на меня, как на ненормальную, мол, девушка, ваше место в таком наряде не за рабочим писательским столом, а на сцене или в ресторане, другие – изучающе, как вообще на некое инородное этому месту тело, третьи – с любопытством, как на бабу, я имею в виду мужскую часть семинара.

Сказки мои Панкратов похвалил, но заметил, что их надо чуть подработать, а затем Маслову издать. В перерыве Виталий Семенович подошел и сказал: «Надежда, не соблазняй не наших мужчин». Я растерянно спрашиваю его: «В смысле? Каких мужчин?» А он продолжает: «Мне тут Панкратов сказал: мало того, что она красивая, но ведь у нее еще в каждой сказке мысль есть». Я, конечно, была польщена этим замечанием Панкратова, но обиделась на Виталия Семеновича, о каком соблазнении можно было речь вести, когда меня от страха трясет, ведь впервые что-то написанное тобой разбиралось прилюдно.

Помню еще случай. Панкратов, приехав на первые Балашовские чтения, пришел к Ольге Балашовой, мы в коридоре обнялись, поприветствовались, и он прошел в комнату, а я на кухню, помогать Виктории Бакуле резать овощи для салатов. Через несколько минут туда заглянул и Стас (я его тогда уже по имени, без официального отчества называла), сел на лавку.

Вика посмотрела на него, мол, чего расселся, и произнесла:

- Мужчина, чего просто так сидеть, лучше бы делом занялись, свеклу вот потрите, обедать-то ведь собираетесь.

Панкратов рассмеялся:

- Что ж, давай терку, хозяюшка.

Вика сунула ему таз, терку и с десяток сырых свёклин, он без лишних разговоров стал тереть. Вбежала вся в хлопотах Ольга, что-то схватила, заметила Панкратова, занимающего свеклой, восхитилась:

- Стас, девчатам помогаешь, молодец, а то мы просто запарились, людей на обед больше десяти человек набирается.

Сказала и дальше побежала. Я с интересом наблюдала за всем. И вдруг до меня доходит, что Вика знать не знает, кто такой Стас, говорю ей:

- Молодец, Викуля, нечего главному редактору журнала «Север» без дела сидеть, ты его и

лук порезать заставь, чтоб у нас от слез глаза не потекли.

Вика остолбенела.

- Как, вы редактор того самого «Севера»?

Стас смеется.

- Уверяю, главным я недавно стал, а вот писателем давно. Разрешите представиться, Станислав Александрович Панкратов.

Викуля зарозовела, стала извиняться, мол, да ладно мы сами все сделаем, идите, отдохните, я думала вы здесь свой. Он расплылся в улыбке:

- Что верно, то верно, в этом доме я давно свой, потому пока свеклу не натру, не уйду.

Мне нравился Панкратов. С ним было легко, и хоть он, как Маслов, ни разу со мной не сидел за рукописями, осознание того, что ты знакома с ним и запросто общаешься, уже настраивало на особый лад, некую благодарность ему за это. Улыбнется широко, пару слов с подколом бросит - и на душе радостно.

После Балашовской конференции мы шли с ним по набережной Волхова в писательскую организацию новгородцев, и я тут услышала от него обиду в адрес нашей писательской:

- А ведь я, Надежда, как и Борис Романов начинал свою писательскую деятельность в Мурманске, стоял, как говорится, у ее истоков, но почему-то мурманчане не хотят помнить этого, не принимают меня за своего, как Романова или даже Балашова.

Я, конечно, мельком слышала от Маслова и Тимофеева, что Панкратов на самом деле начинал в Мурманске, но подробностей, почему уехал, не знала, потому, чувствуя его обиду на мурманчан за это, извинилась:

- Прости, Стас. Я многого не знаю, ведь в писательской впервые только в 1993 году появилась, а справедливость восстановим, и твой портрет еще будет висеть украшением нашей писательской организации наравне с другими.

- А я, Надежда, знаешь, верю тебе, ты чего задумываешь, обязательно добиваешься. Ну да ладно об этом, давай лучше о том поговорим, как еще полнее и интереснее представить Мурманский край в «Севере». Может у тебя еще кто из молодых на примете есть, как твоя Наталья Павлова.

И я стала рассказывать ему, какие достойные работы мурманские школьники и студенты пишут на конкурс «Храмы России», вот бы что-то из их творчества в журнале представить. Он коротко бросил:

- Присылай.

Прислали, и опубликовал.

Вот такое у нас с Панкратовым было общение. И если я знала, что должна увидеться с ним, у меня поднималось настроение. Улыбка этого большого во всем человека и писателя была широкой и доброй, а глаза смешливыми и озорными. Таким он мне и запомнился.

Станислав Панкратов о Маслове

(Из интервью с Панкратовым Саввы Ямщикова «Сохранить народ России»)

«…Начальник радиостанции атомохода "Ленин" Виталий Маслов потом руководил писательской организацией в Мурманске, а писательскую организацию я создавал. Виталий Маслов - очень интересный прозаик, он в Мурманске имел авторитет, сопоставимый с авторитетом губернатора и епископа, и я бы даже сказал, этот авторитет был значительнее… Его глубоко уважала интеллигенция Кольского полуострова».

«Русские лопари» Харузина

5.05.2005. Работая над рукописью будущей книги «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем», неединожды брала «Русских лопарей» Харузина у Маслова. Он же книгой давал пользоваться мне недели на две, однажды - на месяц, а мне хотелось иметь ее под рукой всегда. Однажды, не выдержав, спросила его:

- Виталий Семенович, на что тебе эта книга? Ведь ты о саамах ничего не пишешь, продай мне, какую цену назовешь, ту и заплачу.

- Вот еще, буду я книги из своей библиотеки продавать. Нет уж, любушка, ты сначала что-

то стоящее напиши, тогда я тебе ее и подарю… Договорились?

- Что ж тебя никто за язык не тянул. Напишу и о подарке напомню. Очень уж мне эта книга нужна.

Маслов умер, не дождавшись ни моего романа «Алхалалалай» (2003), ни тем более исследования «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» (2005). Но его завещание выполнила вдова Валентина Устиновна, когда я, выбирая книги в библиотеке Маслова себе для дальнейшей работы, сказала об этом. Подарила на презентации книги «Жизни…» в Областной детско-юношеской библиотеке. Низкий ей за это поклон. Теперь эта книга дорога мне не только потому, что это редкое издание о саамах, а и потому, что книга самого Маслова.

Письмо от Семена Ивановича Шуртакова

11.07.2005. С Семеном Ивановичем Шуртаковым я познакомилась в Славянском ходе «Мурман-Черногория» в 1997 году. Добродушный, большой умница, ходячая энциклопедия, прекрасный писатель, преподаватель Литинститута, академик! Всегда подтянутый, бодрый, несмотря на свои 88 лет! А еще я помню, как мы с ним в Республике Србска, после обеда бежали к автобусу наперегонки. Стараясь отснять панорамный снимок этой местности, я услышала замечание Семена Ивановича:

- Надежда, со своими фотосессиями вы постоянно задерживаете всех.

Меня это заело, из ресторана еще не вышло человека три наших, и я бросила в ответ:

- Да я вас всех сейчас перегоню.

Семен Иванович растяжно произнес:

Ме-е-ня?

Я ему:

- И вас в том числе.

Сорвалась с места и побежала. Оглянулась, вижу, что Шуртаков, точно молодой лось, несется за мной, и у самой двери автобуса все же обогнал. Вот тебе и 80 лет! Считай на сорок лет старше меня. Удивительный человек, хотя, если быть до конца правдивой, – и зануда иногда.

А ещё Семен Иванович первый серьёзный прозаик, заметивший когда-то рассказы молодого Маслова, и первый, напечатавший его «Северную быль» в журнале «Смена». Вот как об этом сам Маслов упоминает:

> *«Я, зимовщик, встретился с ним неподалёку от Тикси, - ребята военные по льду зимой привели. А потом, через 8 лет, я уж и забывать стал, появляется в журнале "Смена" мой первый рассказ! Да ещё в "горьковском" номере, миллионным тиражом, с прекрасными рисунками! И сообщили мне об этом, уже в Антарктиду, друзья тиксинские»…*

Все в том же портретном этюде Славянского хода Семену Ивановичу также было посвящено несколько строк: «Безаппеляционный идеолог Хода, построчный критик современных песен, выдающийся академик какой-то академии собирал с ходоков валютную дань в разменной монете на границе каждого пройденного государства и в условиях строго ограниченного однообразного меню требовал дополнительный особо калорийный бутерброд. Цитата: ″Я не претендую, но если там что-то есть, то бы хотелось…″»

Вот от этого удивительно человека на днях я и получила письмо и книгу «Сошлись трое русских», и сразу углубилась в чтение. Читала с удовольствием! Мне вообще нравятся книги, которые будят твою память, вытаскивая из самых дальних уголков забытые уже события, людей, будят воображение, образы, ассоциации. Хорошо Семён Иванович отозвался и о моих книгах, написал о Маслове:

> ***«27.06.2005.*** *Надя, добрый день!*
>
> *Не сразу отвечаю на твое письмо – ждал книгу, которую хотелось послать в качестве ответного удара на твои аж две. Вот с них и начну.*
>
> *"Алхалалалай". Надо иметь большую отвагу, чтобы в одной книге – в данном случае в*

романе – "увязать" историю двух далеко-далеко отстоящих один от другого народов – саамов и ительменов. Мне трудно судить насколько удалось тебе реализовать этот, достойный всяческого уважения, замысел. Но уж одно то, что история этих северных и, к сожалению, ныне очень и очень малочисленных народов (ительменов, кажется, всего лишь около трех тысяч. Я бывал в их столице Палане, бывал в тундре), - так вот тебе еще и удалось "увязать" и историю, этнографию, веру и суеверия этих народов, и эмоционально описать их быт, описать в живых картинах. Чего стоит одна сцена любовного обрядового танца Белого Дня с красавицей Варван.

Но признаюсь, читать "Алхалалалай" было трудно. Много слов и понятий уразуметь сразу не удается. Пытаюсь вслух произнести "луввьт" и у меня ничего не получается…

А то, что ты написала такую книгу – и ительмены, и саамы должны тебя громко чествовать и низко тебе кланяться.

Со "Славянским ходом из киноленты моей памяти" - тут все проще. Все знакомо, узнаваемо, памятно. И как хорошо, что ты все это ухитрилась и запомнить, и записать!

Правда, здесь тоже мне непривычно было перескакивать из одной картины в другую. Но это уже, как нынче принято говорить, - мои проблемы.

О чем я говорю? А о том, что я в своем "Славянском ходе" взял за основу традиционный принцип: где едем – о том и пишу. Ты храбро отвергла эту банальщину хронологическую и мысль твоя постоянно находится в свободном полете. Хорошо сказала о Дмитрии Михайловиче Балашове, о Виталии Маслове. Спасибо за добрые слова по моей книге "Славянский ход". Она уже признана (в январе сего года) как "лучшая книга года" имеется ввиду 2004 год) и в номинации "Славянское братство" получила премию "Имперская культура". А сегодня позвонили из Правления СП России и сказали, что 1-го июля мне будет вручена еще одна премия. Ну, это – к слову.

Исполнилось мое давнее заветное желание – написать о писательском "начале" Виталия Маслова. Об этом никто еще не писал, да и не напишет. Все узнали Виталия как молодого талантливого писателя. А когда и как он им стал? На это уходят годы…

Вале рукопись – это около листа – я уже отослал.

И два слова – о книге "Сошлись трое русских". Книжечка по объему невелика, но писалась долго, и я рад, что наконец-то она увидела свет. Она – не только для чтения, но и для размышления.

В середине июля предстоит поездка в Архангельск и на Соловки. А по возвращении в Москву уеду в родные нижегородские пределы.

До свидания. Доброго тебе здоровья и неиссякаемой энергии! С. Шуртаков».

Статуэтка – Пушкин от Лены Мелехиной (Романовой)

6.08.2005. Гостя летом у Ольги Балашовой в Новгороде, меня и Олю Лена Мелехина (Романова) позвала к себе в гости. Мне интересно побывать там, где жил Борис Степанович Романов. Однокомнатная квартира, очень просто и уютно. Увидела на полке фарфоровую статуэтку молодого Пушкина, сидящего за круглым столом с листом бумаги, пером в руках, и произнесла:

- Моя любимая статуэтка Пушкина. Когда впервые увидела ее в заброшенной квартире у соседки подруги, воспылала желанием заполучить ее. Просила продать, но та отказала. Потом каждый раз любовалась ею у Маслова. Он тоже говорил, что она любима и дорога ему…

Лена спросила:

- Так у тебя ее до сих пор нет?

- Откуда? Разве сегодня купишь такую.

- Да, я помню, как этого Пушкина отцу мама подарила, когда мы в Мурманске еще жили, потому она у нас и оказалась. В это же время она и у Маслова появилась… А знаешь, мне в голову пришла отличная мысль, подарю-ка я ее тебе. Пусть твое желание наконец-то исполнится.

- А не жалко, Лен, ведь память об отце, маме.

- Нет. Очень хочется сделать тебе приятное и чтобы память о них у тебя жила.

Затем показывала нам отцовские фотографии, на которых Борис Степанович с Владимиром Смирновым, с Виталием Семеновичем… Все еще такие молодые, смеющиеся, задиристые… Увидела книгу «Воспоминания о Рубцове», спросила:

- Твоя или еще от Бориса Степановича осталась?

- Папина, там его воспоминание о Рубцове напечатано, если хочешь, возьми почитать, только эту книгу я подарить не могу из-за статьи отца.

Дома уже я открыла книгу, нашла в оглавлении фамилию Романов и стала читать. Воспоминание называется «Всего один день». Романов вспоминает о своей поездке с Александром Яковлевичем Яшиным и Николаем Рубцовым на рыбалку. Читала и никак не могла понять, когда занесло Бориса Степановича на Вологодчину, а воспоминание за душу взяло. Особенно два абзаца для себя отметила. Романов и Рубцов, оставив Яшина рыбачить, углубились в лес за грибами, устроив настоящую игру: кто больше соберет. А так как лесок был на острове, обошли и вышли на песчаную косу. Первым появился Рубцов, Романов же увидев товарища раскинувшего руки и запрокинувшего лицо к небу, остановился, не решаясь нарушить его единения с природой. Позже он пишет: «Сколько я слыхал о нем разных наговоров: угрюмый, безлюдный, неприкаянный – да мало ли что трепала молва! Такое впечатление создавалось потому, что Рубцов даже в многолюдье бывал человеком совершенно одиноким. Он вроде бы и слушал чужой разговор, да не слышал его. Это многих обижало. Люди не догадывались, что, оказывается, и в самой шумной толчее можно внутренне работать, погружаться в свою мысль. Можно за поверхностными, обыденными голосами слышать трепет природы за окном»…

Как точно замечено. Романов, приглядываясь к Рубцову, понял, что оказывается «…у человека могут быть одновременно как бы два слуха, два зрения, два потока существования – верхний и глубинный. Они не совпадают друг с другом. Верхний поток несет обыденность, а глубинный – истинность жизни. Рубцов был из "глубинных"».

Прочла и вновь заглянула в оглавление. Смотрю - надо же - опять Борис Романов, для меня ведь Романов один – Борис Степанович. Теперь воспоминание «Встречи и впечатления» называется. Прочла. Но воспоминания такими разными оказались, совершенно не вязавшимися друг с другом, что потянуло в третий раз заглянуть в оглавление и только тут обнаружила, что первого Романова не Борисом, а Александром зовут. Так для себя через воспоминания о Рубцове открыла нового Романова.

Писатели шутят

Отдала мне Лена Романова и один прилюбопытный документ, сказав, что это для меня будет интереснее, чем для нее. Когда я прочла, порадовалась, даже не предполагая, что писатели наши могут шутить подобным образом. В те годы за такую шутку можно было и в места не столь отдаленные загреметь. Но люди, не обделенные юмором, остаются людьми в любые годы. Итак, шутка Бориса Степановича Романова:

«21 февраля 1976 года 12.10 хр.50

Говорит Мурманск!

Продолжаем радиодень города Мурманска, посвященный ХХУ съезду КПСС. Передачу, посвящённую творчеству литераторов города, ведёт член Союза писателей СССР Борис Степанович РОМАНОВ.

/Начало записи/

РОМАНОВ: Меня попросили рассказать о наших литераторах. Должен заметить, что рассказывать о них /даже в такое отчётное по сути время/ решительно нечего. Виктор ТИМОФЕЕВ? Борец с алкоголизмом, не более. На этой почве творчески спился. Владимир СМИРНОВ? Наоборот - борец с алкоголем. Бывший поэт. Даже на БАМ ездил.

Виталий МАСЛОВ? Этот почти не пьёт, но сие ещё не повод для уличного знакомства. Нет, он пишет, но всё больше не то. Не те стороны освещает, не туда заглядывает. Книгу насочинял, но её практически нельзя издавать. Во всяком случае, наше Мурманское издательство боится.

Михаил ГОЛОВЕНКОВ? Так он авиатор. Причём тут литература. Мог бы не писать из уважения к профессии /это ведь не хобби какое/.

БЛИНОВ Николай Николаевич? Хороший мужик. Наш человек, прозаик. Но опять - хвалить-то я его не могу! Скажут: моряк моряка…

Есть, правда, СЕМЕНОВ Вовка, но тот сейчас в Москве, в Союз писателей втискивается.

А это всё равно, что автобус на триста одиннадцатый. Очень даже свободно можно не влезть».

Успение Богородицы и день памяти Викдана

28.08.2005. Сегодня большой церковный праздник Успение Богородицы и день памяти Викдана Синицына. Когда 16 августа приехала в Мурманск, Алла спросила, буду ли я здесь 28 августа. Впервые, не оговариваясь: «Дай Бог», я уверенно сказала: «Не приеду, слишком накладно для меня в Мурманск по три-четыре раза ездить». Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Да и душа Викдана, скорее всего, возмутилась моим отказом, короче, на этот день я снова оказалась в Мурманске. Лежу в больнице, вычитываю главы рукописи «Откровенно…». Вычитываю с удовольствием. Приятно осознавать, что все твои родственники, друзья, знакомые снова рядом, точно по валдайской поговорке «У нас все дома».

Вот нашла слова Личутина о Виталии Семеновиче:

> *«Маслов цыганист ликом, грузноват, ходит вперевалку - вот и к полста неслышно подкатило; он, как всегда, насмешливо-хмур, зычен голосом... и погружен в себя, но порою вдруг озаряется улыбкою и весь мягчеет сразу, и на время спадает с обличья покров тяжелой, глубокой задумчивости; те же, кто близки к Виталию, знают, какая у него добрая и отзывчивая душа.*
>
> *С ним разговаривать трудно: он каждое слово встречает в штыки, и все подвохи, все умыслы, таящиеся в моих вопросах, ему непонятны, ибо, в силу цельности и правдивости натуры, он в разговоре чистосердечен и откровенен. Хотя сам-то любит шутку, в добрую минуту не прочь зубы помыть необидно, побалагурить, ущемить ближнего ехидным словцом...»*

На Успенье отпросилась, чтобы сходить в писательскую на поминки Викдана.

Помянуть Викдана в писательскую пришло 14 человек: я с Аллой Синицыной, Валентиночка Кузнецова, Людмила Демина, Михаил Орешета, Татьяна Рыжова, Ира и Олег Алистратовы, Алексей Колесов, Елена Деревякина, Марина Чистоногова и Калмыков Юрий, пенсионер, который ходит на все писательские мероприятия. Позже подошел Николай Скромный. Юрий купил арбуз на 12 килограммов, и мы все им объедались, такой был вкусный, сахарный. Много вспоминали Викдана, говорили добрые слова, я же свой тост посвятила Аллочке, которая бережно хранит о нем память и заботится обо всех нас. Посидели очень мирно, душевно, хотя мне и пришлось задать вопрос всем, а почему юбилей Маслова готовим не мы, писатели, а пароходство, ведь Маслов, прежде всего, писатель? Все замялись, мол, пароходство о том, что будет готовить юбилей, объявило еще в мае, потому и решили не мешать им в этом. Отговорки эти меня не удовлетворили. Орешета благополучно завалил Поморский ход, Скромный от юбилея отстранился, не понятно, что в писательской происходит, я живу далеко, а если приезжаю и спрашиваю, что делать будем, отвечают: у них все расписано и поручено…

До больницы меня Татьяна Рыжова проводила, остальные все еще оставались в писательской. Меня нужда гнала: на завтра назначены процедуры, и я должна была подготовиться и морально, и физически. Да и прогуляться не мешало.

В список на ледокол «Ленин» меня не внесли

30.08.2005. В пятницу уже сказали: операцию делать не будут. Лечащий врач Наталья Николаевна разрешила мне принять участие в юбилейном Масловском дне. Рада!

Но пришла Валентиночка Кузнецова и расстроила дальше некуда, сказав, что Михаил Орешета и Владимир Блинов решили мою фамилию в список приглашенных на ледокол «Ленин» не вносить, мотивируя тем, что, если лежу в больнице, нечего по ледоколам ходить. Валентина убеждала их, что мне врачами разрешено, но те - ни в какую, мол, нечего делать.

Звонила Сане Кастерину, капитану ледокола, но он только из Питера выехал, в Мурманске

будет лишь к вечеру 1 сентября и потому, что на ледоколе творится, знать не знает. Узнала, что завтра ко мне приедет отец Аристарх. Ну, хоть какая-то новость приятная.

Санечка Епифанович

30.08.2005. В Мурманске благодаря Маслову у меня теперь есть друг Александр Кастерин, нынешний капитан ледокола «Ленин», с которым Виталий Семенович познакомил меня в мой первый приход на ледокол еще при жизни Бориса Макоровича Соколова. Сказал, что у него очень трудное отчество, которое я навряд ли запомню, - Епифанович. А мне это отчество так понравилось, что тут же сказала своему новому знакомому:

- Я так и буду тебя звать – Епифанович Санечка.

Маслов возмутился:

- Какой он тебе, Большакова, Санечка, это помощник капитана, и будь добра, называй его уважительно Александр Епифанович.

- Ну, ты, Виталий Семенович, и зануда, сам его так и называй, а для меня он будет Санечка.

Помню, Саша смотрел, как мы с Масловым препираемся, и, не выдержав, наконец произнес:

- Виталий Семенович, пусть Надежда называет меня, как ей хочется, мне так гораздо приятнее.

Для него имя Виталия Семеновича неразрывно связано с именем капитана атомохода «Ленин» Бориса Макаровича Соколова. Только благодаря их усилиям этот ледокол сохранен, на нем проводятся работы, и он должен встать на место вечной стоянки как музей. Саша говорил:

> *«Я всегда удивлялся этим двум крепким, могучим людям, которые все делали обстоятельно, не торопясь. Они все предугадывали, просчитывали и в то же время не давили авторитетом, не были никогда навязчивыми. Может, поэтому мнение Виталия Семеновича Маслова как воспитателя было гораздо авторитетнее других. Он мог запросто подойти к человеку, поговорить с ним. Если Борис Макарович Соколов был как бы головой экипажа, то Виталий Семенович Маслов был его душой. Терпеть не могли они фальши. Можно было оступиться в экипаже, но никогда никому они не рубили головы, если человек сознавал свою вину».*

Виталию Семеновичу 70 лет!

1.09.2005. Встала в половине шестого утра и сразу вспомнила Маслова. Ему сегодня исполнилось бы 70 лет! Как мне его не хватает, за ним я была как за каменной стеной, только после того, как его не стало, и оценила это. С утра в больнице прошла все процедуры и направилась к памятнику Кириллу и Мефодию.

Подошёл Орешета, поинтересовался о моем здоровье, ну, я ему и высказала, что благодаря их с Блиновым заботам три последних дня хожу с давлением под 200-ти. После Орешеты подошел с тем же вопросом Блинов и этого отшила. Наши писатели помитинговали у памятника, произнеся какие-то общие слова о Маслове, и направились в Научку на открытие выставки, посвященной его творчеству, затем - в Союз писателей.

Все происходило как-то на скорую руку, будто всё то, что пока происходит, не главное, основная часть впереди, на ледоколе, и надо спешить. В писательской даже не присели, потолкались, потому как самая большая комната оказалась полностью завалена книгами Леонтьевича Тимофеева из «Русского Севера», произнесли несколько дежурных слов и направились к автобусу. Мне, отвергнутой, ничего не оставалось делать, как вновь в больницу идти.

С Валентиной договорились, что она после «Ленина» в 16 часов зайдет за мной в больницу и мы, прихватив сумки, поедем к Аллочке Синицыной. 1 сентября мой больничный был закрыт, а новый на операцию открывался только с 3 сентября, так что выходные дни я проведу у Аллы.

Валентину в больнице прождала до пяти вечера и, не дождавшись, поехала к Алле одна. Она стала меня кормить, а я более-менее от расстройства приходить в себя. Помянули Маслова. И тут раздался звонок от Валентины, которая сообщала, что они с «Ленина» теперь едут дальше, в писательскую, поминать Виталия Семеновича, куда я и должна подъехать. Но я

отказалась, сказав, что Маслова уже помянула с Аллой, да и не приучена объедками поминать. Валентина на меня за отказ сильно обиделась, сказав, что я тем самым предаю память Маслова.

На следующий день я с Ниной Глущенко, бывшей ученицей Валентины Кузнецовой, навестили в больнице нашу подругу, народную артистку Мариночку Скоромникову, и пришли к Алле, где нас уже ждала Валентина, моя Наталья и учитель младших классов, наша общая подруга Оля Засухина. Посидели очень душевно. Затем Оля пошла провожать Марину в больницу, а мы поехали: я - в церковь Пантелеимона Целителя, Нина с Валентиной в Росляково, а Натка - домой. Подъезжая к вокзалу, спросила Валентину:

- Ну, что простила меня за вчерашний отказ прийти в писательскую?

- Нет, - ответила она очень жестко и непримиримо, сказав так холодно и чуждо, как я никогда не слышала, чтобы она так говорила кому бы то ни было.

И я поняла, насколько она сильно обиделась на меня.

В церковь я не попала: служба в этот день оказалась короткой, и исповедаться в ней мне не пришлось, но я особо не расстроилась, так как в субботу к Алле должен был прийти исповедать меня отец Аристарх.

«От Меня это было»

2.09.2005. Слава Богу, отец Аристарх приехал, и я исповедалась. Каясь, сильно плакала. Честно рассказала ему о своей обиде на Владимира Блинова и Михаила Орешету, о том, что обиженнной на меня оказалась Валентиночка, о том, что, по ее словам, я, отказавшись прийти в писательскую, якобы предала память Маслова.

Отец Аристарх успокоил:

- Никакого предательства в этом нет, а вот то, что Блинов и Орешета тебя на ледокол не взяли, это зря, наоборот, перед операцией должны были бы поддержать твой дух.

Я молилась и просила Господа, чтобы он растопил сердце Валентиночки и она перестала бы сердиться, ведь в наших отношениях такого еще никогда не было. Просила Господа простить Блинова, Орешету за невнимание.

Мы с Аллой ждали Валентину к себе после 16 часов, но позвонила Нина Глущенко и сообщила, что Валентина попала в больницу, сломав правую руку. Меня это сообщение потрясло. Откуда-то извне пришла мысль, что это ей наказание за меня.

Летом, когда Валентина была в отпуске у сестры в Покрове, под Москвой, я послала ей Духовное завещание иеромонаха Серафима Вырецкого «От Меня это было», которое он в стихотворной форме адресовал одному из своих духовных чад – епископу, находившемуся в заключении, и в котором раскрыта глубочайшая молитвенная тайна, раскрывающаяся в разговоре Бога с душой человека:

...Каждое возникающее
затруднение, каждое
оскорбляющее тебя слово,
каждая помеха в твоей работе,
которая могла бы
вызвать чувство досады,
каждое откровение немощи
и неспособности пусть
будут помазаны этим елеем.
Помни, что всякая помеха
есть Божие наставление.
Всякое жало притупится,
когда ты научишься во всём
видеть Меня, что бы ни коснулось тебя.
А потому и положи
в сердце своё слова,
которые Я объявил тебе
сегодня:
От Меня это было.

Ибо это не пустое для тебя,
Но это – жизнь твоя.

Наверно, поэтому ко мне и пришла мысль о том, что это наказание Валентине от Господа, потому как нельзя на больного человека, да еще перед серьезной операцией, так жёстко обижаться. Тут же собралась и поехала в Североморск в больницу к ней. Слава Богу, пропуск был. Когда появилась в палате, Валентиночка, совершенно не удивившись, увидев меня, произнесла:

- Это мне, Надюха, за тебя.

- Знаю, - с сожалением согласилась с ней я.

И затем Валентина рассказала, что произошло. Они с Натальей Суровой, ее бывшей ученицей и давно уже подругой, собрались в лес. По пути зашли в церковь помянуть брата Валентины, а там какая-то женщина им заметила, что, походя в церковь не ходят. Забрались на горку, и тут-то Валентина, зацепившись ногой за какой-то корень, полетела. Причем, пролетев метра четыре, сделав в воздухе кувырок, она благополучно приземлилась между двух огромных валунов. И если бы не бидончик, попавший под руку, то осталась бы цела, но… случилось то, что случилось.

- А обида-то хоть прошла? – спросила я ее.

- Прошла. Поняла, что Маслов здесь ни при чем. Просто мне очень хотелось видеть тебя в писательской на его поминании.

Слово о Маслове Валентины Кузнецовой

На 65-летний юбилей Маслова Валентина Кузнецова написала Виталию Семеновичу небольшой спич и нарисовала карикатуры. В спиче писала:

Он 65 лет отмерил,
Хотя никто ему не верит.
Здоров ты, братец, сочинять,
Ну, два по тридцать можно дать.
А он прищурился: «Вы что,
Давайте лучше две по сто!»

А если серьезно, она о Виталии Семеновиче отзывается очень высоко:

«Маслов - из породы мудрых оптимистов. Писатель. Организатор. Публицист. Отец семейства, нежно любящий детей и внуков. Человек, влюбленный в землю отцов и дедов, в Поморье, в землю Севера. Глубоко верующий человек.

Человек мечтательный, *впечатлительный, взрывчатый... и справедливый. Справедливейший. Маслов не избавлен от рефлексий, как человек повышенно совестливый, постоянно проверяет свои поступки и стремится во всем к совершенству. Делится с людьми почти всеми тревогами, которые щедро поставляет жизнь и литераторские поиски. Его уважительно, как старшего, любили молодые писатели и поэты.*

Большое бородатое и вместе с тем приятное его лицо с зоркими глазами кажется давно знакомым по галерее русских мудрецов. Бывалый и своеобразно мыслящий, он, впрочем, становится подчас молчаливым, сосредоточенно наблюдающим. Он считает себя частицей общего. Это по-поморски. И делает все, чтобы общее дело не пострадало, а крепло.

Есть в лице Маслова что-то от семидесятников - готовность погибнуть, но не унизить свое человеческое достоинство. Иногда в его глазах задерживается какая-то невысказанная дума, и бывают они скорбными. Ранимый и глубоко прячущий чрезмерную чувствительность, он бывает, однако, суров и даже фанатичен, когда дело касается культуры, литературы, искусства, и никогда не кривит душой в оценках, не идет на уступки».

Сон «Звонок в Сёмжу Маслову»

10.09.2005. 5 сентября мне была сделана операция, даже две в одной, а 10-го приснился

странный сон. Будто я нахожусь в Новгороде, у вдовы Дмитрия Михайловича Оли Балашовой. После конференции Балашовских чтений сидим у нее дома за столом, едим и о чем-то разговариваем. Я беру телефон, набираю шестизначный номер Сёмжи и начинаю говорить с Масловым. Подробностей разговора не помню, помню только, что говорили о России, о положении в писательской… Затем он меня успокаивал, что я никоим образом не предала его памяти и вообще ни разу его не подвела. Далее также во сне вижу ту же ситуацию только уже на другой день Балашовских чтений. Опять разговариваю с Масловым по телефону, и тут Ольга меня спрашивает:

- Надежда, с кем это ты так долго два вечера подряд говоришь?

Я, как ни в чем не бывало, отвечаю:

- Да с Виталием Семеновичем…

И дальше продолжаю слушать его голос. Ольга удивилась:

- Так ведь его в живых нет, как это ты с ним разговариваешь? Дай-ка и мне телефон, я тоже с ним поговорить хочу.

И как только это произнесла, в телефоне раздались гудки, связь оборвалась. Я начинала искать телефонный номер, точно зная, что он был на конверте записан и лежал на полке Ольгиной стенки, но не нашла.

Ощущение от сна было самым благостным, будто все, что последние дни так меня мучило, отступило, и мысли о том, что я, якобы предала Маслова своим отказом пойти в писательскую и помянуть его со всеми, больше не возникали.

Колокол Сёмжи

Октябрь 2005 года. Почему в последние годы у людей так возросла потребность в колокольном звоне? Почему поэзия и проза изобилуют примерами описания колокольного звона? Может потому, что звон многие столетия был нормой жизни, частью русского национального самосознания, гордостью российских храмов - важнейшей и интереснейшей страницей русской культуры, раскрывающей ее эстетическую ценность. Но после варварского истребления медных глашатаев в 30-х годах и до конца XX века звон их по России практически исчез.

Кто не знает Архангельска – центра Русского Севера, не слышал о Малых Карелах – музее деревянного зодчества, центральным украшением которого стоит Вознесенская церковь из деревни Кушерека, родовой деревни моего отца, построенной без единого гвоздя в XVII веке. Вначале 70-х она была разобрана по бревнышкам и вместе с колокольней перевезена в Малые Карелы. Я вспоминала, как девчонкой, когда с отцом приезжала в деревню, бегала вокруг этого чуда деревянного зодчества, совсем не подозревая о его значимости.

Не так-то легко было людям деревень расставаться со своими духовными ценностями, с тем, что определяло их жизнь и сущность, когда в 70-х культурные центры стали забирать у них поклонные кресты, иконы, церкви, колокола. Поражались, и что за новые басурманы выискались? Об этом в рассказе «Покупаю дом» написал и Виталий Семенович Маслов. В варварских 30-х не тронут был колокол в деревне Сёмжа, но позарились на него в 70-х. Читаем:

> *«- Оставьте, товарищи! Дерево забираете – ладно, сгниет, сгорит. А колокол? Он еще десять поколений сёмжан к истории причащать будет: видите же – около будущего сёмженского Дома памяти висит и хранится! Новая жизнь ему тут, в Сёмже, оправдана и обеспечена!»*

Но глас сёмжан услышан не был, и из деревни колокол, как и церковь со звонницей из Кушереки, перекочевали в Малые Карелы. И хотя в пору моей юности на ней колокола не звонили, зато сейчас перезвоном своим услаждают слух архангелогородцев и гостей.

У Татьяны Агаповой в больнице

31.10.2005. Что случилось? Вот уже и Татьяна Агапова умудрилась попасть в больницу,

сломав на ступеньках собственного дома ногу. Просидела у нее в больнице часа три. Говорили о многом. Призналась она мне и в том, что понравились ей мои зарисовки из рукописи «Откровенно…», которые я послала ей в письме. Вспомнили Маслова, и тут Татьяна говорит:

- У тебя в воспоминаниях Виталий Семенович живой. Многие о нем очень хорошо написали, но у тебя он именно живой. Скорее всего, это идет оттого, что у вас с ним было какое-то более доверительное общение, нежели у всех остальных, общение на чувствах, духовное, что ли, общение.

Я подумала: может она и права, особенно это проявлялось в последние годы, когда он ушел из секретарей. Приезжая в Мурманск, я чаще приходила к нему домой, чтобы поговорить по душам, нежели в писательскую. Во время секретарства Михаила Тверцова и случившегося непонимания между ним и Масловым многие писатели приняли сторону нового секретаря, что, конечно же, очень сильно задевало Виталия Семеновича. Мы с Викданом Синицыным никак не воспринимали Тверцова секретарем. Но если Викдан особо никому не высказывал свое мнение по этому поводу, то я бурно реагировала на все выпады Тверцова против Маслова, была нетерпимой и обвиняла всех писателей в том, что они предали как самого Маслова, так и его идеалы. Зная наш с Викданом настрой, нас прозвали маслятами.

Рассказала Татьяне и как ездила хоронить Виталия Семеновича в Сёмжу, упомянув при этом и свою молитву Господу и Маслову о запасных штанах. Татьяна от души насмеялась и спросила, а описала ли я это в своих воспоминаниях, и, когда узнала, что нет, сказала, чтобы обязательно зафиксировала и этот рассказ, что я по её просьбе и сделала.

Масловские чтения - 2005

Предваряя события, скажу, что с 2005 по 2011 год из писателей Масловской премией были награждены только двое - Николай Скромный и Михаил Орешета…

16.12.2005. К Масловским чтениям этого года передала Устиновне свои воспоминания о Виталии Семеновиче, вернее, то, что было уже написано на этот период. Их оказалось много, и потому для удобства чтения я их переплела в небольшую книжицу. Хотя к воспоминаниям о Виталии Семеновиче я вновь и вновь время от времени обращаюсь, редактируя и дополняя их, и может так статься, что через год они уже станут устаревшими. Но раз Устиновна попросила, я сделала.

В этом году впервые на Масловских чтениях вручали премию имени В.С.Маслова, учрежденную Мурманским морским пароходством, которая будет присуждаться северянам, внесшим заметный вклад в укрепление основ общественной жизни. Не буду скрывать, что для всех писателей в этом была своего рода интрига, потому как на нее оказалось сразу несколько претендентов, и каково же было разочарование всех, когда лауреатом оказался, ничего не скажу, наидостойнейший человек - Петр Прокопьевич Заборщиков из Варзуги, но не писатель. Лауреату вручили памятный нагрудный знак, диплом и денежное вознаграждение в размере 30 тысяч рублей. Чествование нового лауреата состоится 15 декабря на открытии межрегиональной научно-практической и литературно-художественной конференции «IV Масловские чтения».

Помню: в свое время Виталий Семенович неоднократно в Администрацию области подавал документы для рассмотрения по установлению писательской премии имени Октябрины Вороновой, но в бюджете области никогда не находилось средств утвердить таковую. И вот теперь, когда пароходство объявило о премии Маслова, мы думали: наконец-то у мурманских писателей будет своя писательская премия. И каково же было разочарование, когда ее решили присуждать вовсе не за писательский труд, а за общественные дела…

На самих чтениях в этом году мне очень понравилось выступление Татьяны Рябининой. Может ей кто-то сказал о заумствованиях, и потому нынешний доклад она сделала доступным всем и каждому в отдельности. Доклад ее назывался «Проблематика целостности мира и поиска смысла жизни в произведениях В. С. Маслова». Приведу некоторые высказывания из доклада:

« "Мне писать о своих земляках нескучно. Более того - хочется сказать почти ко-

щунственное: мне писателем быть легко. Бери каждого земляка и пиши! И наплачешься над каждым - есть над чем, и возрадуешься - есть чему. И над каждым, в душу и жизнь его вглядываясь, сам воскресаешь".

...В чем причина свойственного Виталию Маслову трагизма в восприятии мира и человека? Ведь по рождению и воспитанию своему писатель не из рафинированных интеллигентов, трепещущих под ударами судьбы, а из крепко стоящих на земле крестьян и смело покоряющих океан поморов. Но, наверное, вот эта крестьянская, почвенническая интуиция и помогла ему еще в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века почувствовать то, что мы болезненно переживаем сейчас... Разрушение целостности мира, оборачивающееся разрывом привычных человеческих связей и отчуждением человека от собственной сущности, а подчас и самораспадом личности.

Исходное и естественное состояние мира и человека - состояние органической целостности. В этом Маслов близок к славянофилам, которых очень ценил и которым посвящал немало тем в конкурсе "Храмы России". Но только драму крушения целостности писатель оценивает не столь прямолинейно, как это было свойственно мыслителям славянофильского направления. Они видели первопричину нарушения органического единства во внедрении в русскую жизнь инородных, западных начал: рационализма, прагматизма, атеизма, ориентации не на общую цель, а на частный, корыстный интерес. Виталий Маслов смотрит на проблему шире - с позиций своего времени, своего социального и духовного опыта. Центральный конфликт в его творчестве не сводится к противоборству национального и чужеземного. Нет, конфликт гораздо глубже. Это борьба природы и цивилизации, противостояние естественного и искусственного, искреннего и фальшивого.

Маслов очень глубоко чувствует органику мира и человека. Боль писателя оттого, что изначальная гармония в мире и в человеке нарушена, находит воплощение в острых коллизиях и сильных характерах...»

Порадовала и Л.Л.Иванова, которая говорила о недавно ушедшем из жизни профессоре педуниверситета Альберте Сергеевиче Смирнове. Говорила с огромным уважением и даже теплотой, что было удивительно слышать от человека, который всегда и везде всех критикует, а порой даже унижает. Понравилась ее фраза: «Смирнов любил окрылить человека!». Я бы эту ее фразу отнесла и к Маслову тоже. А вот Устиновна Маслова в этот раз остановилась в своем выступлении только на благодарностях тем, кто готовил и проводил 70-летие Маслова. Наверно, это было тоже важно и правильно сделать, только мне от нее хотелось услышать что-то новое о Виталии Семеновиче, а не расшаркивание перед устроителями. Тем более, что слова благодарности она уже произносила всем на праздновании юбилея.

К концу работы секции Скромный с Коржовым привезли Семена Ивановича Шуртакова, специально приехавшего из Москвы и прекрасно выступавшего на пленарном заседании чтений. Затем он уезжал в писательскую проводить мастер-класс. После Славянского хода 1997 года внешне Семен Иванович мало изменился, только показалось: меньше ростом стал, 87 лет все-таки, а мысль работает ясно, только слова приобрели еще большую протяжность.

Но не понравилось в этот раз в работе секции, и то что Людмила Тимофеевна Пантелеева позволила всем впадать в размышления. Так выступление одного только Тимофеева по тезисам вместо выверенного доклада длилось 41 минуту. Светлана Чемоданова, педагог истории из Оленегорска, вообще не готовила доклад, а при предоставлении ей слова, стала хвалиться, рассказывая, какая она молодец, что основала музей и возит детей в Болгарию на отдых. Маслова в ее выступлении и близко не звучало, только «Я-я-я…» и это на 20 минут. Специально засекала время выступлений каждого.

Дали слово и Розе Хабибовне Смирновой, которая стала рассказывать, как нашла Владимира Александровича на даче. Увидела на тропинке поблескивающий холмик и поняла, что это ее муж. И находясь одна в темном дачном поселке, завыла, заорала о потере того, кого любила… Хорошо рядом была одна единственная живая тварь – собака, охраняющая Смирнова, которая лежала рядом все эти дни, даже снег под ней растаял. Выревела все слезы, выкрикнула боль, и уже до сороковин из ее глаз не выкатилось ни одной слезинки.

Шуртакову ее выступление не понравилось тем, что на Масловских чтениях она рассказывала о смерти своего мужа. А мне и понравилось, и было понятно, почему получилось именно о Смирнове. Говорила о наболевшем, что все эти десять лет Владимира Смирнова

незаслуженно замалчивали или вспоминали, но как-то уж слишком скупо, да и на Днях поэзии имени Смирнова не всегда даже и стихи-то его звучали. Мой доклад звучал ровно 20 минут, как планировался, и назывался «Колокольная литература Мурмана». Вот такими получились в этом году Масловские чтения.

В мастерской у Николая Александровича Селиванова

2.05.2006. В Славянском ходе-2006, посвященном 60-летию поэта Николая Рубцова, в Москве мы встретились с известным скульптором Николаем Александровичем Селивановым, потому как считаем его нашим «мурманским» скульптором. А как иначе, если осенью 2005 года в музей Есенина им был передан бюст великого поэта, бюст замечательный. Есенин хоть и в бронзе, но живой - то улыбается, то хмурится.

Кто-то из участников воскликнул: «Смотрите, бюст командира подводной лодки Героя Советского Союза Александра Маринеско!». О, мне тоже знаком этот боевой командир из рассказов Валентины Кузнецовой о том, как он с матросами в годы войны хотел выкрасть из Пушкинского дома томик стихов Есенина. Их, как говорят, вовремя застукали, однако вместо наказания, всю ночь для моряков на машинке печатали Есенинские стихи, потому как на утро подлодка Маринеско уходила на задание, а вместе с ней драться с фашистами своими стихами уходил и Сергей Есенин. Валентина еще и стихотворение об этом случае всегда читает.

А вот и бюст командующего флотом адмирала Н.Г.Кузнецова, имя которого носит наш авианесущий крейсер. Именно на этот крейсер в конце 2007 года будет передана икона святого праведного воина Феодора Ушакова. Невыносимо жить с ощущением, что твоя страна, великая Россия, поставлена на колени. Может быть, потому поход тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов» с группой кораблей Северного флота в Атлантику и Средиземное море – это не просто учебный поход, это вернувшаяся вера россиянам в то, что многострадальная Россия поднимается с колен. Это еще и третий этап Ушаковского хода. Через 250 лет прославленный адмирал Ушаков своими нетленными мощами смог вернуться на места своих боевых действий. А 18 января 2008 года авианесущий крейсер «Кузнецов» встретится перед входом в Гибралтарский пролив с гвардейским ракетным крейсером «Москва», чтобы затем начать совместные учения, вот там-то и произойдет историческая передача иконы и двух Андреевских флагов заместителю командующего Черноморским флотом вице-адмиралу Сергею Григорьевичу Кондакову, чтоб далее проследовать в Севастополь.

Ну, а уж капитана атомного ледокола «Ленин» Бориса Макаровича Соколова я и сама признала. Показал нам Николай Александрович и бюст нашего любимого Виталия Семёновича Маслова. Первая мысль — не похож, у Маслова шире лицо, заметнее скулы. Подошла к нему и Валентина Устиновна Маслова, посмотрела... внимательно, с разных сторон... отошла... и тоже сказала, что лицо получилось зауженным, не Масловским.

Ходили далее по мастерской, слушали рассказ скульптора и вновь нет-нет да натыкались на бюст Маслова, и что-то мимолётное, непонятное всё больше и больше угадывалось в нём. Сфотографировала и уже дома всё больше видела на фотографии скульптуры работы Селиванова Маслова. Удалось Николаю Александровичу ухватить масловскую чуть заметную иронию в улыбке, прищур глаз, дух масловский что ли.

Но Устиновна не дала добро пароходству выкупить эту скульптуру у мастера, маленький бюстик Маслова можно увидеть только в Музее Есенина в Областной детско-юношеской библиотеке.

Маслов в наших с Валентиной снах

С 20 на 21 ноября 2006 года с понедельника на вторник моей Валентине Кузнецовой приснился сон. Будто к ней в Есенинский музей входят улыбающиеся Маслов с Викданом. Викдан говорит:

- Матушка Валентина, у тебя наверно такой книги и нет.

И Валентина видит в руках Виталия Семеновича большую книгу - «Сергей Есенин. Стихи» с большим его портретом. А Маслов Викдану отвечал:

- Да, нет, Викдан, она наверно уже себе такую купила…

А Валентина точно знает: такого «Есенина» у нее точно нет, и вся к книге-то рванулась. Маслов и Викдан книгу ей протянули, а та раскрылась страницами, которые прямо на глазах стали превращаться в голубей, множество голубей. Валентина не испугалась, а стала за ними наблюдать и не заметила, как Маслов с Викданом исчезли. Когда обнаружила, что Викдана и Маслова в музее нет, забыла про книгу с голубями, а один голубь в это время к ней на левое плечо и сел. Светлый, хороший такой голубок с одной стороны белоснежный весь, а с другой - чуть сероватый, и откуда-то взявшийся голос произнес, точно от имени голубя: «Я твой!» Проснулась Валентиночка улыбающейся. Светлый сон, да еще друзья к ней с вестью какой-то хорошей пришли.

Рассказывая сон, Валентина все приговаривала:

- Надо записать, надо обязательно записать, забуду ведь, как другие, что снились о Маслове.

Я ее успокоила, пока она соберется, я сама запишу, тогда точно сон ее будет зафиксирован. А ведь мне тоже на **6 сентября** сон приснился, в котором Маслов участвовал.

Будто сначала я с какой-то девушкой на сцену залезала, а потом с нею же по холлу какого-то здания ходила, отца ее ожидая. Вдруг слышу, как из какой-то сухой коряги, что висела здесь для дизайна, звонок раздается. Подхожу к этой коряге-трубке, беру ее, подношу к уху и слышу сообщение мне, что якобы я получила какую-то премию. Думая, что губернаторскую, отвечаю: «Знаю, но она меня мало волнует», а голос начинает разъяснять про премию, и я понимаю, что это другая премия, не губернаторская, и далее добавляет, будто ее получает и Валентина Кузнецова. И тут до меня доходит, что это звонит не кто иной, как Маслов.

Жду ответного удара

12.11.2006. На одних из Масловских чтений Валентина Евгеньевна Кузнецова делала доклад об автографах Маслова ее Есенинскому музею. Особенно понравился ее рассказ о книге «Рассуждение о Греко-российской церкви», изданной в 1817 году. А так как я практически все мероприятия записываю на диктофон, то приведу рассказ Валентины от первого лица:

> *«Уникальность книги в том, что на ее страницах особыми чернилами написано: "Сія книга николаевскага радовицкага монастыря казенная монастырская", - по одному слову на первых семи нечетных страницах. Книгу эту подобрал где-то Виталий Семенович, переплел, сохранил в своей библиотеке, а готовя в подарок музею Есенина, сделал на отдельном листе выписки о том, что Сергей Есенин в детстве с бабушкой посещал этот монастырь: "Рассуждение о Греко-российской церкви". См. также «Проекты об уничтожении Греко-росс. вероисповедании в отторженных Польшей от России областях» О. Водянского (Чтение о древн. росс. 1862 г. кн. 4-ая (43).*
>
> *На втором листке:*
>
> *Книга из Николо-Радуницкого (или Николо-Радовецкого) м-ря.*
>
> *- Рязанская губ., Егорьевский уезд, основан ок. 1984 г.*
>
> *См. запись на страницах.*
>
> *И ниже цитата из "Автобиографии" Сергея Есенина: «Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка ведет в Радовецкий монастырь, который от нас в верстах 40..."*
>
> *("Автобиография" 20.06.1924 г.)*
>
> *См. стихи: "За горами, за желтыми долами..."*
>
> *"Чую Радуницу Божью ".*
>
> *Записи сделаны рукой Маслова (одна карандашом - на первом листе, другая - на втором листочке - чернилами). Листочки слегка приклеены к листу. Дарственной надписи музею Виталий Семенович не сделал. И я сразу это не обнаружила, решив, что на листочках написано что-то для нас. Потом я говорила об этом В.С. Маслову. Он ответил:*
>
> *"Монастыря нет. Разрушен временем. А глядишь, и возродится. Вот и возвернется тогда книга к своему законному владельцу. А пока - хранителем книги будет храм Есенинского музея. Навечно!"*
>
> *Радовецкий монастырь не восстановлен и сегодня. И хотя В.С. Маслов сказал, что подарок сделан и дан в надежное место, но если монастырь возродится, конечно, книга сия*

будет дарована туда от имени Виталия Семеновича. Вот такие стороны жизни В. Маслова открываются, когда знакомишься с автографами писателя в нашем музее. В будущее глядел этот жизнелюб и радетель культуры Российской».

Валентина говорила о тех автографах Маслова, которые есть у нее, а я мысленно обращалась к масловским книгам своей библиотеки. На романе «Внутренний рынок» Виталий Семенович мне написал: *«Надежде Большаковой – с надеждой на серьезный – не только ради себя – успех, - так намечалось, надеюсь, что так будет. 14.10.1994. Маслов, автор»*, на книге «Проклятой памяти»: *«Создателю музея Октябрины Вороновой – Надежде Большаковой и ее помощницам – с благодарностью. 24.05.1996. Маслов, автор»*, на библиографии, выпущенной к 60-летию Виталия Семеновича: *«Н.П.Большаковой – за труды великие. 21.09.1995. В.Маслов»* и, наконец, на авторском альманахе «Площадь первоучителей»: *«Нежно-железной Надежде – жду ответного удара. Виталий Маслов 30.11.2000».*

- Дорогой Виталий Семенович, пусть эта книга и будет ответным ударом тебе.

Масловские чтения – 2006

15.12.2006. На нынешних Масловских чтениях пленарное заседание не понравилось совсем. Очень хорошо выступила профессор Людмила Тимофеевна Пантелеева. Тимофеев свой доклад затянул, совершенно непонятно было, зачем на пленарное заседание поставили Чемоданову Светлану с ее Славянским ходом. И вообще в этом году о Славянских ходах получилось сразу три доклада вместе с моим. Если бы знала, то выбрала другую тему. И хотя все говорили по-разному, точки соприкосновения были одни.

Радостью стало, что Николаю Скромному вручили премию Маслова, ему как раз сейчас нужны деньги на лекарства. Онкология дело нешуточное. После вручения премии Колю сразу увезли домой: плохо стало. Чтения, может быть еще и из-за болезни Николая, получились грустными.

На этих чтениях Валентина Устиновна поделилась своими размышлениями о Доме-музее Маслова, который думает открыть в Сёмже, в надежде, что это вызовет приток односельчан, почитателей таланта писателя, его единомышленников. Надеется, что в этом случае Дом-музей станет культурным центром Мезенского района и притянет тех, кому дорого родное Поморье, художественное слово, дело писателя Маслова. А пока Виталий Маслов по словам поэтессы Ирины Поливцевой «как часовой в пустом селе».

Я же считаю, что Валентина Устиновна не права, решив создавать музей Маслова только в Сёмже, и не желая, чтобы кто-то создал его в Мурманске. Это был также родной город Маслова, которому он посвятил всю свою сознательную творческую жизнь. Если посчитать, сколько существует подобных музеев, например, Есенинских, со счета собьешься, так почему не создавать музей Маслова в его знаковых местах жизни. Неправильно, совсем неправильно, этим умаляются заслуги его перед Заполярьем, ведь не все смогут добраться до Семжи.

Забегая вперед, упомяну здесь Поморский ход, который проведут писатели в 2008 году и размышления о нем Валентины Евгеньевны Кузнецовой:

«В Сёмжу Ход прибыл поздним вечером 22 сентября. Детей и учителей в Сёмжу не взяли, до Маслова не допустили. Почему? То ли от трудной дороги уберегли, то ли оставили работать в городе Мезени для встреч в школах. Жаль, что они не смогли поклониться родине Маслова».

Это ли не показатель, что музей Маслова Мурманску просто необходим.

Привет из Минска от Липского

Июль 2007 года. Виктория Бакула из отпуска привезла мне привет из Минска от Владимира Липского. С той памятной встречи у памятника Кириллу и Мефодию в Мурманске в 1997 году на Днях культуры Белоруссии, когда мы, благодаря Виталию Семеновичу

познакомились с ним, прошло уже десять лет. У нас нет с Владимиром постоянной переписки, но по возможности мы обязательно друг другу шлем свои новые книги. Вот и Вика, уезжая в отпуск, отвезла ему привет от меня, а теперь я держу его новые две книги «Бацька. Пісьмы сына» и «Не выжываю, а жыву!..». Удивительно добрый писатель. В 1999-м он прислал мне книгу «Мама. Молітва сына», читала и плакала с таким глубоким чувством любви и почтения она написана в память о своей матери. Липский перевел мои некоторые рассказы на белорусский язык и в 99-м опубликовал в журнале «Алеся»…

И все это благодаря Виталию Семеновичу, который умел дарить нам хороших людей, умел радоваться за их творчество. Когда я сообщила ему, что Липский перевел мои рассказы на белорусский язык и опубликовал, серьезно поглаживая бороду, Маслов произнес:

- Я иногда, любушка, задумываюсь, а ради чего Господь преподносит нам разного рода встречи друг с другом, и ведь, заметь, ни одна не бывает пустой. Та, с белорусскими писателями, состоялась, оказывается, по большому счету, только ради тебя, вернее ради вас с Липским, потому как для других она прошла, не принеся плоды, а у вас состоялось настоящее творческое сотрудничество, очень важный момент и я этому от души рад.

Стихи Маслова

Уже упоминала о неожиданном для себя открытии, что Виталий Семенович помимо прозы писал еще и стихи, но в моем сознании это оставалось в далеком прошлом, потому как воспринимала его только прозаиком. Однажды, придя в писательскую, застала его за чтением рукописей. На столе лежала большая стопка листов. Он пожаловался:

- Вот видишь, любушка, нагрузили старика прочтением стихов молодых поэтов на премию Баева-Подстаницкого.

_ А что у нас уже поэтов нет, что тебя, прозаика, читать стихи заставили, - возмутилась я.

- Так доверяют. Может, поможешь, прочтешь парочку рукописей.

- Нет, я ничего в стихосложении не понимаю, мне стихотворение или нравится или нет, к душе, к сердцу – читаю, не понравится – как бы хорошо не будет написано, я его не приму. Маринка Чистоногова вон как ладно свои стихи складывает, техника – не придерешься, а мне кроме ее «Офицерам» и «Кладбище кораблей» другие - не к душе. Так что я в стихосложении не эксперт. Тебе доверяют, вот и читай.

Он вздохнул. И, отложив чтение, пошел ставить чайник, чтобы пообщаться за чашкой чая, разузнать ловозерские новости…

Уже после смерти Виталия Семеновича его как поэта для меня в «Мурманском вестнике» открыл поэт Дмитрий Коржов. В представлении стихов Маслова он делился своим признанием:

> *«Я написал когда-то о нем: "Он не прозаик, он - поэт!", даже и не догадываясь тогда, насколько это верно. Уже не художественный образ, не попытка определить его ритмическую прозу - удивительную, пропитанную поэзией, но - максимально точно зафиксированная данность. Он действительно был поэтом. Настоящим, интересным. Сильным. Его стихи, смею заметить, явление в нашей литературе уникальное, до него не бывшее, не существовавшее. Большая часть из них написана в 60-70-е годы, когда автор был начальником радиостанции атомохода "Ленин". Лишь очень немногие из этих стихотворений опубликованы. Поэзия Маслова - это рассказ о суровой ледокольной работе, "ледокольском житье". Который, конечно, связан с другой темой, ставшей основной для Маслова-прозаика, - темой малой родины: умирающими поморскими деревнями, родной Сёмжей, о чем он написал с горечью: "Отчизна малая моя, моя судьба, моя пустыня..."».*

* * *

При входе в порт мы встретили весну –
Деревья распускались на причале,
И все над нами ласточки кричали,
То ведро предвещая, то грозу.

А к выходу - уже вовсю листва

В ночи кипела, стряхивая дрему,
И мчалась припоздавшая братва
С пахучими охапками черемух.

Моих антенн певучие лучи
Вздымал я, запрокинув шею круто,
И вдруг гнездо на трубах различил
В полметре от старпомовской каюты.

- Стояли долго. Очень может быть, -
Старпом штормовку к выходу повесил.
- Гнездо сейчас же надо разорить,
А иначе погибнут птицы в рейсе.
Скажи матросу - пусть багром собьет...

Я помню, в детстве, на дыбучей лыве
Глядел я, недоевший и счастливый,
Как чайка мастерит гнездо свое.

Потом, как дань, одно яйцо с гнезда
Я собирал на озере далеком,
Всего одно. Боялся я ребенком,
Конечно, не хлыста и не креста.

А тут не чайка - ласточка свила!
Снует в снастях, быстра и весела.
А пароход уж вышел из залива
Навстречу шторму,
сильный и счастливый.

И взята на нос первая волна,
И ввысь к антеннам вскинулась она,
Не только гнезда - трубы с мест сорвав.
Суров старпом.
Но, к сожаленью, прав.

* * *

Наш автобус теперь не уйдет,
И спешить после вахты не нужно.
Соберемся компанией дружной
И навалимся, парни, на лед!
Удивительный в Арктике лед –
Как со спиртом смешаешь в стакане..
И прокатится с холодом пламень!
Кто не пробовал, тот не поймет...
Мать честная, да здравствует лед!..
Вот он снова и ждет, и дымится...
Ах, какие прекрасные лица!
Что за славный мы, парни, народ!
Будь же вечно и Север, и лед,
И житье ледокольское наше!
Не журите слегка перебравших –
Наш автобус без нас не уйдет!

Бабушкина песня

На окне проталинка —
с пятачок.

Выгляни, мой маленький
мужичок.
А лунная да звездная
дороженька морозная
убегает улицей
туда, где море курится.

В двух шагах от краешка,
от воды,
словно снег на варежке,
тает дым.
А лунная дороженька
над ним бежит прямешенько,—
чтоб в светлом зыбком мареве
пропасть далеко за морем.

Ты о чем вздохнул, мой внук —
папин сын?
Что ты там увидел вдруг —
сны — не сны?
Как вьюга утром хлопала?
Как месяц ночью по полу?
Видятся ли хлесткие
в морях пути отцовские?

Вот не так ли, чуть звеня,
в десять лет
деда взял да с места снял
лунный след?
Умчит он, без сомнения,
и внученька Евгения...
Но только, внучек, не забудь,—
Не позабудь обратный путь...

На окне проталинка —
с пятачок.
И прильнул к ней маленький
мужичок.
А лунная да звездная
дороженька морозная
Убегает улицей
туда, где море курится...

Сыновьям

Для нас, сыны, была б безликой Родина,
Не будь родного уголка в России.
Что б ни было, где б мы ни колесили,
Необходим нам свой погост, поскотина,
Где наш отец и прадесятый дед
И стадо пас, и в жизнь пути высматривал...
Придет пора, придет, сомнений нет:
Взъерошит шторм Крестителя лохматого
И, смявши заграждения с фарватера,
Накроет вас, подхватит, кинет в свет!
Так вы уйдете... В космос или за море...
Но час пробьет, и как-то на бегу
Поймете вдруг, что ходите на якоре,
Забытом на отцовском берегу.

Слабей, сильней, но держит он всегда.
И вы поймете, парни, обязательно,
Что якорь тот — не привязь, не беда,
Что трос его для нас — конец спасательный.

Не может русский Родину забыть,
Пока не перестанет русским быть...

В краю родном, так представлялось мне,
Над якорями — дерево могучее.
И я кружил, кружил по стороне,
Виток к витку на ствол канат накручивал.
И хорошо, что есть всему предел...
Где б я ни плыл, я верил в возвращение.
И счастлив тот, кто к старости сумел
В том устье встать, где принимал крещение.
Все может быть — пустеть наш край и цвесть,
Но если даже заросли погосты,—
Есть к ним тропа — и в мире мы не гости,
И не безродны, если память есть.

Виталий Маслов

В своем архиве в Музее саамской литературы и письменности в папке с Масловскими материалами я обнаружила статью Татьяны Агаповой, посвященную поэтическому миру Виталия Семеновича, которую, думаю, будет крайне уместно здесь поместить, тем более в стихах Татьяна толк знает, у нее они замечательные.

Отчизна малая моя, моя судьба, моя пустыня...

«Крепкий орешек - Виталий Семенович, ох крепкий! С какой стороны ни посмотри. Литературная - не исключение. Уходил из жизни писателем, прозаиком. И уже уйдя, раскрылся как поэт.

Так он сам распорядился своим наследием - поэтическое оставил, вроде напоследок. Долгие годы хранил его, особо не обнародуя. А поэт в нем жил и было ему что сказать. Он и сказал. По правде, по совести. Но не в унисон со временем, в котором жил,- ни с социально-политическим его заказом, ни с модными веяниями.

А ведь поэтическая судьба Маслова, как и творческая в целом, - при его биографических данных - могла бы сложиться иначе. Моряк с атомного ледокола - первого, гордости советской эпохи! Да только пиши, прославляй триумфальное достижение коммунистических завоеваний - и ледоколом победно достиг бы официального литературного полюса. Со всеми вытекающими отсюда почестями. Ан, нет. Написанное Масловым, а это по большей части - в 60-е годы, лыком в тогдашнюю строку не очень-то ложилось.

Нельзя сказать, что в его стихах звучат какие-то крамольные призывы. Но гудят они тревожно и напряженно - подспудно, из глубины. Гудят и тревожат душу, сердце - как далекий набатный голос беды.

Несомненно, он гордился своей профессией, по-настоящему любил дело, которому служил, прекрасно осознавая значение арктических завоеваний и ледокольного флота для огромной страны. Но ликования в его стихах почти не слышится. И не могли они зазвучать победным хором - не того устройства был автор.

Тогда, когда светлые цели прекрасного коммунистического будущего были куда дороже человеческой жизни, как раз человек, его суть и судьба для Маслова были первозначными, главенствующими. А человеческие боли и тяготы, слабости и испытания, беда - они не для парада свершений.

Случайно ли, что именно "пробивная" ледокольная тема оказалась закрытой в его литературном столе? Не только стихи, но и проза - роман - остались при жизни неизданными. Написанные - не так, как "надо".

Зато в его стихах погибает человек, выпрыгивающий из переполненного вертолета, чтобы сберечь мешок картошки:

Просто на побережье, -
Чья не знаю вина,-

Пуду картошки свежей
Такая цена.

Какие уж тут "парады" и "победы"...

Восторженной романтикой морских дорог от масловских стихов тоже не веет. Не ходил он в море ни за мечтами, ни за туманами, очень даже модными в ту пору. Кстати, о моде. Взгромоздившаяся на котурны эстрады поэзия 60-х одинаково инородна для такого автора, как Виталий Маслов, как и конъюнктурный официоз.

А корабельная романтика у него такая:

Это скучно - каждый день одно –
Лед, да треск, да ветра завыванье...
Спящий Валя говорит про дом,
Валя бодрствующий - вечно занят.

И море у Маслова предстает таким, каким оно воспринимается в реальной жизни людьми, для которых морская стихия - неотъемлемая часть самой жизни. Он - росс, чьи предки шестью веками ранее пришли на северный берег из глубины России, чтобы породниться с морем. И принять судьбу вместе с прозванием - "поморы".

Разве будешь без моря счастливым?
Оно учит нас,
Оно кормит нас,
Оно выручит в трудный час.
Море било нас, И сгубило нас,
Но рыдало в наш смертный час...

Для Маслов-помора трудная доля с детства объединяет тех, кто далеко от родного дома, и тех, кто остался на берегу. Объединяет в испытаниях:

В Сёмже гордо отцов дожидаются дети,
И невесты молчат, когда море гудит,
И печально бунтует посуда в буфете,
И щемит от тревог в материнской груди.

Судьба, где трудов и тягот поболе, чем достатка и благополучия, не каждому по плечу. Особого замеса поморский люд. И сам Маслов - того числа. Недаром один из его земляков, известный капитан Леонид Селивёрстов, вспоминает о Виталии Семеновиче: "Наверное, такими и были наши далекие предки - новгородские первопроходцы, которые заселяли, осваивали и обустраивали наши суровые северные окраины. Люди отважные, упорные, крепкие, выносливые, знающие себе цену, с твердым прямым характером, с железной волей".

Примечательно, что и масловская поэзия наполнена борьбой человека с испытаниями - противостоянием, преодолением их. Его героев, ничем особенным не выделяющихся в обыденной повседневности, в критических ситуациях словно высвечивает яркая вспышка. И "простоватый" электрик Вася, когда "шторм ревет" и "сметает все", лезет на мачту к погасшему фонарю.

Надо, надо... Ползет Вася,
Скобы трапа сжимая льдистые –
Надо, надо... И бездна - пастью
Над висящим над нею Васей,
Над летящим над нею Васей...
Зубы сжал:
- Не сорвусь. Выстою...

Поэтическая волна в масловских стихах электрическим током бежит по отрезкам цепи, концы которой, как ключом, замыкает в моменты вызовов, бросаемых людям жизнью. Море на такие "замыкания" щедро. Шторма, заставляющие бессильных клясться расстаться с грозной стихией, нелегкая, сопряженная с опасностью и трудностями работа. Да и просто изматывающая долгая разлука с родными, любимыми - тоже испытание. И оно, порой, покруче шторма:

Скорей бы шторм!
Чтобы трудней, но проще.
Чтоб только не туман перед глазами.
Конец июля... Ревность душу хвощет
Слепой тоски косыми парусами.

Здесь даже возвращение домой, и то - преодоление:

И на диво будет звездам
В полярной выси немой
То нелюдское упорство,
С каким мы пойдем домой...

А вот мы как исследователи поэтического мира Маслова, пожалуй, пришли. В том смысле, что добрались к самой сокровенной болевой точки этого мира. В ее эпицентре от боли невыносимо дышать. За поэтической формулой нечеловеческого упорства, с каким моряки рвутся к родному берегу, для самого автора кроется много больше. Хоть и плывет он на победоносном атомном гиганте, но словно никак не достигнет заветной земли. Всю свою жизнь он будет стремиться в родную Сёмжу.

Но вот уйду, и каждый день –
Как новый камень под подушку.
И жив лишь тем, что снова я
Отчизна малая моя, моя судьба,
Моя пустыня...

Да, "родное чудо"! Та самая Сёмжа, которую он когда-то, пацаном, оставил:

Но только шел я не за жизнью легкой
В тринадцать лет усталою походкой:
Хотелось знать, везде ль, как в Сёмже, будет,
Везде ль столь тягостно живется людям?

Так же, как отец и мать, родина - какая ни есть - она единственная на свете. Исток, из которого вся человеческая жизнь проистекает. Может, в этом и есть чудо.

Отсюда, от Сёмжи, и весь настрой масловских музык. Где победные литавры и фанфары - и где "край отцовский" со "всей своею болью первозданной"? Далеки они друг от друга. И тем невыносимей разлука с родиной погибающей, обреченной - лишенной государством права на само существованье, а вместе с тем и права голоса.

Постоит ослепшая деревня,
Погорюет над обрывом сырым,
А потом сравняется с землею...
Только долго будут падать в море
И торчать, как кости, из обрыва
Срубов лиственничные остатки.
А когда заросшие погосты
Ссыплются в бушующие волны,
Ничего не будет, только море...

Смириться с этим? Не для того Сёмжа родила Виталия Маслова и дала ему в жизни первый и главный урок. С "Отчизной малой" никогда не прервется у Маслова пуповинная связь - сам он назовет ее спасительным якорем. И как знать, что больше: то ли отцовский берег будет в жизни держать его на этом сокровенном якоре, то ли сам он изо всех своих сил будет удерживать спасительный конец - чтобы не канул безвозвратно в морскую пучину, не исчез бесследно родной предел с заветного берега. Силился он вытянуть его. Или, хотя бы, успеть передать спасительный конец сыновьям.

Слабей, сильней, но держит он всегда:
И вы поймете, парни, обязательно,

Что якорь тот - не привязь, не беда,
Что трос его для нас - конец спасательный…»

Татьяна Агапова

Ушаковский ход-2007 под Андреевским флагом. Как всё начиналось

9.08.2007. Еду на оргкомитет в правительство Мурманской области, который возглавил губернатор Юрий Алексеевич Евдокимов. Мне предоставили слово. Я рассказала, что уже сделано, о письмах владыки, которые отправлены в епархии тех регионов, по которым пройдет ход, маршрут, список участников… Затем губернатор предоставил слово секретарю писательской Михаилу Орешете, который предложил людей в Ходе заменять, чтобы тем самым охватить их большее количество, включить в список и победителей конкурса «Храмы России». Юрий Алексеевич сказал, что можно сделать костяк Хода из десяти человек, а десять будут через десять дней меняться, но я с этим не согласилась. Поддержал меня и владыка. Я предложила костяк сделать из шестнадцати человек, а по пять через десять дней менять. Губернатор согласился. Я тут же зачитала, кто войдет в основной костяк: Большакова, Петр Бородачик, Виктор Тимофеев, Дмитрий Коржов, Марина Чистоногова, Людмила Демина, Валентина Кузнецова, Игорь Циркунов, Виктория Бакула, Ирина Поливцева, иерей Сергий Поливцев, Ирина Дубовская, Владимир Зяблов, Александр Синицын, представитель правительства области… Из писателей на замену поставлены Орешета, Колесов, Попов и Агапова. Затем губернатор дал задание распечатать списки и для Кольской ГМКа, которая вкладывает на это мероприятие деньги. После того, как оргкомитет закончился, меня к себе в кабинет пригласили Петр Васильевич Шевцов и Виктор Иванович Игнатенко, которые по заданию губернатора должны были вместе со мной готовить Ход. Забежал и Орешета. Шевцов ему предложил: «Давай подключайся к работе, так дела быстрее пойдут», но Орешета отказался, сославшись на ветеранов, Рыбачий и занятость… Мы стали работать втроем, а позже подключилась еще и бухгалтер писательской Людмила Демина.

2007 год в общественно-политической и культурной жизни Мурманской области отмечен своими духовно-важными вехами. Это, прежде всего, 190-летие памяти святого праведного воина Федора (Ушакова), 100-летие командиров подводных лодок, героев Советского Союза Магомета Гаджиева и Николая Лунина, 70-летие переформирования Военной флотилии в Северный флот, 50-летие первой атомной подводной лодки, 50-летие города подводников Гаджиево,10-летие первого Славянского хода «Мурман - Черногория».

Ход получил название Ушаковский после того, как в мае 2006 года на встрече с архиепископом Мурманским и Мончегорским Симоном секретарь писательской организации Николай Александрович Скромный выдвинул идею провести в 2007 году новый Славянский ход по городам-шефам чьи названия носят подводные лодки Северного флота. Это - «Кострома», «Орел», «Воронеж», «Тула», «Нижний Новгород» и т. д. Владыка Симон с вдохновением поддержал идею Скромного и наполнил ее глубоким духовным содержанием, предложив главной задачей поставить доставку мощей святого праведного воина Феодора Ушакова из Санаксарского монастыря Мордовии, где они покоятся, в Мурманск. Так сложился маршрут Ушаковского хода–2007: Мурманск – Кемь – Вытегра – Рыбинск – Кострома – Нижний Новгород - Саранск – Темников – Тамбов – Воронеж – Курск – Орёл – Тула – Константиново – Рязань – Подольск – Москва – Великий Новгород – Печеры – Псков – Санкт-Петербург - Петрозаводск – Мурманск и время - с 15 сентября по 13 октября.

Чтобы он благополучно прошел, остается только молиться Господу и Виталию Семеновичу…

Корни памяти

Октябрь 2007-го. 20 декабря 1994 года в «Мурманском вестнике» вышла статья поэта Александра Миланова «Корни памяти», который хотел рассказать читателям о творчестве Виталия Маслова, а получилось рассказывал больше о его жизни и признавался: *«Взявшись*

писать краткий портрет писателя, никак не могу дойти до характеристики его книг, потому как Виталий Маслов – бесспорно, могучий аккумулятор идей».

Саша Миланов был прав, о Маслове трудно рассказать в небольшой и даже в большой газетной статье, где держат рамки формата. И все же Александр отметил индивидуальность Маслова–писателя - это его язык. Он писал:

> *«О языке Маслова надо писать трактаты. Для некоторых читателей он может показаться тяжеловатым, перенасыщенным диалектизмами и архаизмами. Но поморы не говорят на санскрите. Потому особо ценно мнение о нем Сергея Залыгина. В одной из статей он писал: "Что-то в его творчестве настоящее, серьезное, искреннее... Язык Маслова - народный язык, он изобилует словами и словосочетаниями местными, временами текст производит впечатление притчи или даже сказа..."*
>
> *Язык наш тоже производное корней памяти, быть его защитником, хранителем, не бояться использовать в письме слова полузабытые, а порой и забытые - святая если не обязанность, то уж право святое - это точно.*
>
> *Порой кажется, что Маслов работает на износ, отдает себя не главному своему предназначению. Но уж таков его потенциал, таков общественный темперамент: книга стихов Октябрины Вороновой "Ялла" ("Жизнь") на русском и саамском языках, потом эта же книга, тоже с параллельными текстами, только на языке саамском и коми увидела свет благодаря, в принципе, нищенскому Фонду культуры и его, Маслова, радениям. В областной администрации он добивается ежегодной премии Баева-Подстаницкого в конкурсе на лучшую книгу года молодого, или, вернее, молодых авторов, возглавляет жюри конкурса на лучшее сочинение школьников по теме "Храмы России". Мало того, три лучших сочинения изданы опять же под эгидой Фонда культуры.*
>
> *Многие помнят акцию, развернутую по его инициативе, по сбору средств на создание памятника Николаю Рубцову в Мурманске и по изданию подарочного томика стихов поэта с иллюстрациями-оригиналами палехских мастеров. Средства в рублевский фонд кое-какие поступили, но в пыль эти деньги превратила гиперинфляция.*
>
> *Никак не нашли поддержки его предложения: а) назвать одну из улиц областного центра именем первой саамской поэтессы, первого среди саамов члена Союза писателей России Октябрины Владимировны Вороновой; б) присвоить имя Пересвета поселку нефтяников, назвав его Пересветом-на-Лавне...»*

Так, собрав россыпь из статей, исследований творчества писателя, воспоминаний о его жизни откристаллизовывается образ Маслова как человека высокодуховного, талантливого и цельного, человека - Личность и Творчество которого останется интересным всем возрастам людей и во все дни.

Выступать должны только члены Союза

20.10.2007. Как тяжело мне было в этот раз руководить Ушаковским ходом. Ехать в одном автобусе с людьми, которые постоянно посылали в твою сторону один негатив. Причем этими людьми оказались никто иные, как твои товарищи по писательской организации.

Конфликт произошел задолго до начала Хода, когда я встала на защиту одного из ходоков экспедиции 2006 года и которого пригласила ехать в нынешний Ушаковских ход-2007. Конфликт разразился из-за его критической статьи, в которой он больше всего и критиковал-то меня как руководителя. Но, видимо, кого-то уж слишком сильно задел его смешок и терпеть его, якобы, издевки, участники, титулованные членством Союза писателей, не захотели. Я же всегда считала, что каждый волен высказывать свое мнение, тем более, если оно написано с большим чувством юмора, тем самым противопоставила себя всем остальным писателям. И все же Господу было угодно собрать нас всех в одном автобусе.

Первый выплеск негатива я получила в Рыбинске от поэтессы-капитана, которая, как бы между прочим выражая мнение всех членов Союза писателей, заметила, чтобы я больше не смела выпускать на сцену педагога, пишущего в своих откровениях, как ей порой не хочется утром идти на работу в школу, якобы тем самым подрывая авторитет всех учителей. Хватит того, что у детей учиться желания нет… А через день поэты на встрече со своими собратьями

по перу читали уже свои откровения о том, как тошнотворно служить на флоте, быть женой поэта и так далее…

И эта же поэтесса–капитан взяла на себя функцию ревностно следить за мной на встречах, чтобы, не дай Бог, я не присвоила какое подарочное издание, громко подавая реплику из зала: «Надежда, смотри, ЭТО в писательскую организацию»… а когда я представляла ее, с напуском гениальности выходила и читала во всех городах одно и то же стихотворение про юнца в морской фирменной тужурке, постоянно оговариваясь, что это реальный случай и произошел он недалеко от того города, в котором мы в это время находились.

Еще один наш великий поэт и журналист достал всех своим творением, находя особый кайф читать весь ход: «Чух-чух паровоз». При этом всем непременно хотелось добавить: «…не стучите колеса, кондуктор, нажми на тормоза…». Свои неприязнь ко мне он выражал только в особо доверительном круге людей в корме автобуса, когда же в его поле зрения оказывалась я, вскидывал вперед правую руку, точно Ленин на броневике, и протяжно цедил: «Ну-у-у-у, Надя-я-я-я…» и в эту фразу вкладывал все свое накопившееся недовольство и разочарование во мне. На встречах с писателями в свое поле зрения он выбирал только достойных его великого дара, таких, как Коняев, Личутин, Курбатов, до остальных иногда снисходил, но опять очень избирательно. На мое же предложение кому-то из хозяев-поэтов (без особо значимого имени) выступить громко заявлял: «Не надо». И если я все-таки давала слово, вновь «забирался на броневик» и раздраженно-укоризненно цедил: «Ну-у-у-у, Надя-я-я-я…»

Другая поэтесса-журналист, читающая на каждой встрече что-то новое, не раздражала хотя бы этим, но своей ненавистью умудрилась достать меня больше других. Присоединившись к нам на втором этапе пути, дня четыре, из отведенных ей десяти, делала вид, что меня в автобусе вообще не существует, а когда я как-то все же стала проглядываться в ее взоре, то начинала резко высказывать мне все свои и чужие недовольства. Однажды подозвала к поэтам и высказала их мнение: впредь на встречах должны выступать только члены Союза писателей и никто больше.

Меня так и подмывало сказать этим заносчивым особам, что как раз их чтение стихов менее интересно людям, нежели выступление всех остальных. Но я как могла, гасила в себе проявления раздражения и обиды, мне нужно было завершить Ход без особых конфликтов и потерь.

Вот, когда я частенько вспоминала Маслова, и просила у него помощи и поддержки. Один из ходоков успокаивал: «Смирись и терпи, любое испытание нужно выносить достойно…» И мне ничего не оставалось, как смиряться и терпеть. Потому, пережив это испытание, затем мысленно благодарила всех этих поэтов, потому как жизнь не преподносила мне еще подобного рода урока, и так сдерживать себя, как сдерживала я в Ходе, никогда не приходилось. Единственно - приняла решение, что более в писательскую я не ходок. Возьму тайм-аут, как некогда сделал Маслов.

Эта дневниковая запись написана без имен и фамилий специально, потому как готовила я ее для размещения в свой очерк об Ушаковском ходе в журнал «Наука и бизнес на Мурмане», а затем передумала помещать, чтобы не омрачать общее впечатление от публикуемых там статей. О ком речь идет и так понятно. А сюда поместила без всяких изменений только для того, чтобы читатель понял, почему я по большому счету с некоторыми писателями прекратила общение. Никогда никому в жизни не навязывалась и навязываться не собираюсь. Это для того, чтобы стало ясно, почему во всех дневниковых записях я открыто говорю о тех или иных людях, а здесь якобы шифруюсь.

Масловские чтения в Мончегорске - 2007

5.12.2007. В канун Дня памяти Виталия Семеновича Маслова 4 декабря в Мончегорске проводились четвертые Масловские чтения под названием «Удивительные встречи». Первые прошли еще при жизни Виталия Семеновича в 2001 году. Когда ученики очень патетически говорили о нем, какой он интересный человек и достойный писатель, Виталий Семенович

сказал: «Ребята, а я ведь еще живой, такие слова произносят обычно на похоронах…» Через два месяца его не стало. Это так потрясло мончегорцев, что до 2005 года Масловские чтения они не возобновляли, потому эти только четвертые.

«Мончегорск – город особый, - считал Виталий Маслов. – Особый потому, что здесь всегда рады людям творческим. Особый, потому что с Мончегорска началось возрождение Славянских комитетов. Особый, потому что здесь чувствуется духовное единение поколений, мечтающих о возрождении Мурмана и Отечества».

Этот год для города юбилейный. Мончегорск отметил своё 70-летие! Потому четвертые Масловские чтения здесь открылись своеобразным поэтическим гимном городу, работой учеников 9-го класса школы № 8 Фризеным Андреем и Новиковой Екатерины «Образ Мончегорска в лирике»: *«В стихах, созданных в разное время, образ города различается. Сначала это город строителей, людей труда, покоривших суровую тундру. Позже на первый план выходит пейзаж Севера, его незаметная, но притягивающая красота. Безусловно, приемы, используемые авторами, обогащаются, становятся более разнообразными, точными. Авторы от общих картин и описаний природы, города переходят на детали, характерные именно для Мончегорска. Это светлый город, со своей незаметной, иногда причудливой осенней красотой, город ветров, жемчужина Заполярья».*

На чтениях собрались ученики и учителя, представляя практически все школы города. Рассказы их были очень искренны. Особенно душевно вспоминали Маслова учителя причем у каждого Виталий Семенович был очень свой. Чувствовалось, как здесь его любят и помнят. Впервые на чтениях выступал и настоятель Мончегорского кафедрального Свято-Вознесенского собора протоиерей Иоанн Баюр, который поделился со слушателями своими воспоминаниями о встречах в епархии с Виталием Семеновичем, куда тот нередко заходил, чтобы помолиться, рассказал о том, каким Маслов был искренне верующим человеком, насколько почтительно относился к правящему архиерею владыке Симону, исповедовался у него. Сказал, что благодаря Маслову и поклонный крест у собора в Мончегорске стоит. Я почитала свои рассказы о Виталии Семеновиче.

Познакомили ребят с родными местами писателя учащиеся Мончегорского лицея имени В.Г.Сизова. Они со своим учителем литературы Земфирой Занеевной Христофоровой показали поморскую народную сказку «Архиерейский суд», записанную Д.М.Балашовым на Терском берегу Белого моря. Сначала ребята и учительница стеснялись играть ее при священнике, но, когда увидели, с каким интересом он воспринимает все, осмелели.

Маслов много сил отдавал возрождению своей родной деревне Сёмже. Он писал:

> *«Погибшую деревню восстановить – не печь сложить. Я – последний, кто жил в гуще стариков-сёмжан. Жил одними с ними заботами, и многое успели они передать лишь мне одному, и я должен снять с себя этот груз – груз Памяти, рассказать о своих земляках».*

Я от души радовалась за мончегорцев, за их Масловские чтения, которые, считаю, прошли очень успешно, потому как иначе они и не могут проходить: Маслов был очень живым, активным человеком с горящими глазами и добрым сердцем.

Учителя были рады присутствию на чтениях отца Иоанна. Говорили, что это им посчастливилось работать с Масловым, что нынешним педагогам так не хватает духовного общения. А то, что на чтения сегодня стали приходить священники, всех духовно обогащает. Потому и необходимо продолжать Масловское дело, даже, может, находя новые формы работы (взаимодействия), но обязательно продолжать.

> ***Вера Петровна Королева:*** *«Больше всего в памяти о Маслове у меня остались поездки: на Ледокол "Ленин" и Соловки, когда Виталию Семеновичу в поезде 60-летний юбилей отмечали. Помню, как с девчатами выстроились от тамбура до купе поздравлять его. Пели песню-посвящение… В моей памяти он остался дедушкой, я тогда была еще очень молодой… У меня с ним не было дружеских отношений, наблюдала только со стороны и с большим уважением, почитанием к его возрасту. Я не сразу поняла его деятельности, это приходило с возрастом. А на ледоколе потрясло, что он везде с нами ходил, в самые низы судна спускался. И до сих пор осталось ощущение холодного металла и рядом очень теплого доброжелательного человека,*

который рассказывал нам, о ледоколе, как о своём родном доме. А когда я узнала о его смерти (это было в 9 утра), то даже на урок не смогла пойти. Только тогда мы поняли, что потеряли, какой человек рядом был! Такого второго уже не будет».

Антонина Григорьевна Беляева: *«Маслов - матёрый, редкостный человечище. С большой сильной душой, болеющей за свою родину, как большую, так и малую. И вместе с тем скромный. Только на таких и держится Россия. Мне очень запомнилась поездка учителей из разных школ Мончегорска на ледокол "Ленин" в 1999 году. У нас там вечер с праздничным обедом был. Мы танцевали, пели, читали стихи. Были в каюте капитана, в рубке Маслова. Настоящее духовное общение единомышленников. А в следующий раз ехали уже с учениками и нас встречал заместитель капитана: Маслов в больнице был ...»*

Валентина Алексеевна Ермоленко*: «Конечно, как и всем нашим, запомнилась поездка на ледокол и рассказ Виталия Семеновича, когда он показывал каюту старпома, о белом медвежонке. В один из походов в Арктику, они со льдины подобрали совсем маленького белого медвежонка, который затем и жил в каюте старпома и бегал за ним повсюду, точно собачонка. А когда медвежонок подрос, на ледоколе его уже оставлять было нельзя и решили в зоопарк отдать. На палубу опустили клетку и старпом, чтобы медведь последовал в нее, зашел сам. И надо было видеть глаза медвежонка, когда его снимали в клетке с ледокола.*

Я с Масловым начала общаться с 1993 года, как только у нас стал организовывался Славянский комитет. Мне Виталий Семенович запомнился очень родственным, он же родом с Сёмжи, и мама моя архангельская - с Няндомского района. У мамы с Масловым даже речь была одинакова, у них в лексике мягкость и растяжность преобладала, свойственная северянам. Поэтому я в Маслове всегда чувствовала родные корни, но отношения у нас складывались только деловые. У него всегда общественное стояло на первом месте. Он был очень закрытым человеком и о своем личном никогда не говорил. А если спрашивали о здоровье, отвечал, что вашими молитвами жив… Поэтому ни в свою личную жизнь, ни в свою семью он никого из нас не пускал. Однажды только на Праздник славянской письменности привез дочь Сашу, когда она еще училась в институте, и все.

Если его портрет рисовать, то Маслов для меня прежде всего человек с очень красивой душой. Помню, как ездили на Соловки на двух катерах, мончегорцы - на маленьком, и потому сильно запаздывали. И когда в поезде уже все спали, Маслов все ходил по пристани и нас высматривал. Усталый был, а все нас ждал, и радости его не было придела, когда мы наконец причалили к берегу.

Я Маслова видела и безбородым, и с бородой, но сейчас без бороды его уже не представляю, кажется, совершенно другой человек. Борода ему солидность и что-то патриаршье придавала…»

Татьяна Александровна Терлецкая*: «Вспомнила об ответе на один вопрос, по поводу гимназических программ по литературе. Маслов считал и говорил об этом, что гимназические программы слишком перегружены произведениями зарубежной литературы в ущерб произведениям русской, в которых воспроизводится образ русского православного человека. В этом он и видел ущербность гимназических программ.*

Часто обращаюсь к дневниковым записям Маслова "На костре моего греха", в которых он пишет о том, что не только верующие, но и верящие, атеистически настроенные люди видят надежду на возрождение духовности только в православии, в церкви, поскольку она является духовным стержнем, без которого нам не обойтись.

Православная позиция Маслова проявлялась всегда и во всем. И поклонный крест у церкви установлен благодаря Маслову, который обратился с просьбой к скульптору Вячеславу Клыкову, чтобы тот для Мончегорска воспроизвел копию поклонного креста с Прохоровского поля. Не случайно и один из первых праздников - День славянской письменности и культуры в Мончегорске был назван словами из Библии "Вначале было слово", на сцене звучала духовная музыка, слово пастыря, выступали церковные хоры, совершались крестные ходы вокруг храма. Да и на конкурс сочинений "Храмы России" Маслов ввел темы, связанные с православием. Он сумел объединить разных людей: епархию, администрацию и интеллигенцию Мурмана, особенно у нас в Мончегорске. Маслов всегда обращал внимание учителей на необходимость в учебном процессе уделять большое внимание вопросам православия, и только сейчас учителя начинают поворачиваться к этой идее.

Когда я была в Святогорском монастыре и слушала батюшку, который истово обращался

к нам со словом праведным, мне запомнился его горящий взор. Сам батюшка маленький а, выражаясь современным языком, владел неимоверной силы хоризмой. Помню, как люди, точно зачарованные им, повторяли молитву "Отче наш" и у меня возникла параллель с Виталием Семеновичем. Такой же горящий взгляд, пылающий, как уголь… И как мне было жаль, что не записала его речь, ведь сколько раз слушала, а не записала! А как он говорил! Сама форма выражения мысли. Маслов даже в процессе говорения философом был. Необычайная целеустремленность в сочетании с огромной человечностью и искренностью. О нем можно говорить бесконечно. В наших судьбах он сыграл большую роль. Я не могу сказать, что была атеисткой, просто не задумывалась о вере, а та духовная работа, по которой он нас вел, и вывела лично меня к идее православия. Он делал это очень мудро и ненавязчиво, что важно. Вообще я по натуре закрытый человек и благодаря только Маслову удержалась на этой стезе. Часто стала в церковь ходить. Для меня сейчас настало время собирания камней, когда-то я их разбрасывала, а теперь собираю. Наступило время понимания, как должно жить.

В Мурманск на чтения уже не ездила. Рада была только узнать, что премия Маслова присуждена профессору Людмиле Тимофеевне Пантелеевой. Этот человек как никто другой достоин ее по праву, и как педагог, и как подвижник, и как глубокий тонкий психолог-исследователь творчества Маслова».

Слово о Маслове Татьяны Кугавда

«Мои порывы в воспитании юных художников школы искусств города Мончегорска в духе любви к родному Отечеству и его истории, заключались в разных подходах, а вот выходов на какие-либо конкурсы, чтобы показать творчество ребят, не было. И, слава Богу, Наталья Павловна Журавкова, возглавлявшая в нашем городе тогда Славянский комитет, рассказала мне об Областном историко-литературном конкурсе «Храмы России» и познакомила с Виталием Семеновичем Масловым. И уже на следующий год мои ученики стали участниками этого конкурса и лауреатами его.

А со своей ученицей Наташей Герасимовой, лауреатом конкурса "Храмы России" я стала участницей поездок, организованных В.С. Масловым в 1995 году в Москву и на Соловки. Это было незабываемое и прекрасное время. Как организатор Виталий Семенович все тщательно и по мелочам расписывал и продумывал, ведь он вез детей: где ночевать, где кормить. Но прежде - это была тщательно продуманная им система ознакомления юных победителей с памятниками истории и культуры Отечества наипервейшего, по его словам, значения. Ему было важно, чтобы и ученики, и преподаватели оценили важность встречи именно с этими древними памятниками: Московским Кремлем и его Оружейной палатой, соборами... Но не только мощь и красоту архитектуры этих оплотов православия, по представлению Виталия Семеновича, мы должны были положить себе на душу. Показал он нам в Москве и памятники Кириллу и Мефодию, первопечатнику Ивану Федорову. В Троице-Сергиевой лавре Маслов рассказывал о личности Сергия Радонежского, его заслугах перед Отечеством, где в Троицком храме мы приложились к раке с мощами этого великого святого. Но и это еще не все… Была устроена встреча с настоятелем Сергиевой лавры, который поразил естественностью и простотой, рассказав о своем приходе в веру, в православие, и здесь мы впервые услышали историю перевоза через границу благодатного пасхального огня. И несмотря на вечер, нас свозили еще и в село Радонеж, живописнейшее место, где на возвышенности стоит прекрасный памятник работы скульптора В. Клыкова, изображающий Сергия Радонежского маленьким пастушком на фоне фигуры монаха…

...Были и другие удивительные встречи, о которых мы и помыслить не могли…. В издательском отделе Московской патриархии нас встречал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (ныне почившем). Каким же счастьем было общение с ним и полученное от владыки благословение!

Я бесконечно благодарна судьбе за встречу с Виталием Семеновичем, счастье общения с этим необыкновенным человеком, чьи заботы и деятельность были направлены на воспитание детей и юношества в духе любви к своему Отечеству и его истории. Он посеял поистине добрые семена».

Татьяна Юрьевна Кугавда, художник,
преподаватель школы искусств им. Воробья.
Мончегорск

«Русскую хрестоматию» А.Галахова

(Из очерка В.С.Маслова «На костре моего греха»)

Когда впервые увидел «Русскую хрестоматию» А.Галахова (1892 г.), прежде всего и больше всего меня поразило, что было это «изд. 22-е, без перемен». Двадцать два раза без каких-либо изменений издана хрестоматия, рекомендованная Ученым Комитетом Народного Просвещения в качестве учебного пособия реальным училищам и прогимназиям, гимназиям мужским и женским, семинариям учительским и духовным.

22-е - без перемен! Что это - косность, мертвечина?

Но открываю заднюю доску - многостраничное «Содержание», и сразу другой, удивительно радостный вопрос: «Да можно ли это назвать косностью - пусть даже и 122-е!» Аксаковы, Забелин, Батюшков, Буслаев, Жуковский, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Никитин, Лермонтов, Ломоносов, Давыдов, Языков, Крылов, Державин, Толстой, Гончаров - да всех перечислишь ли!

А кроме того - 27 народных песен.

Хотя почему - 27? А разве многие-многие стихотворения, увенчанные в хрестоматии именами авторов, не стали уже давным-давно народными песнями тоже, песнями широчайше известными и любимыми?

Вопросы, конечно же, чисто риторические. Ибо устойчивость учебника — отнюдь не последняя причина того, что прекрасные авторские тексты стали народными. Лучшие строки лучших кудесников слова жили в душах сразу нескольких поколений, и стоило появиться музыке, способной всколыхнуть души, чтобы запели все сразу, чтобы еще одна прочнейшая нить, именуемая народной песней, незримо скрепила ту историческую общность, что зовется русским народом.

Вот что значит - 22-е!

И невольно задаешься вопросом: ради чего чуть ли не каждый год меняются нынешние наши хрестоматии, всё более наводняясь материалом средним, случайным? А только что введенные новые так называемые гимназические программы делают этот вопрос еще более уместным, ибо с принятием этих программ школа наша делает еще один значительный и решительный шаг к разрушению духовной укрепы русского народа.

Поморский ход в Сёмжу к Маслову

Октябрь 2008 года. Как проходил Поморский ход в Сёмжу к Маслову, я знаю только по рассказам Валентины Евгеньевны Кузнецовой, которую после этого хода не узнавала: так она была вымотана им и физически, и морально. Ехала ради Маслова, а после призналась, что впервые, пройдя многодневные «Славянский ход-2006» и «Ушаковский-2007», после завершения этого когда уже дома несколько дней сильно плакала, так он ей нелегко достался. И как-то после него стала прямо на глазах стареть.

Она глубоко прочувствовала, как это ездить без благословения владыки, и затем писала в своей статье для «Православной газеты»:

*«Ход был не из легких: до Сёмжи добираться трудно. На автобусе от памятника первоучителей Кириллу и Мефодию в Мурманске мы отправились без благословения (раньше все ходы благословлялись) в Медвежьегорск, Пудож, Каргополь, Плесецк, Холмогоры, Камен**ку,** Сёмжу. Через реки Пинегу, Пезу, Мезень, Двину на пароме туда и обратно переправлялись одиннадцать раз. Морем до Сёмжи по полной воде добирались катером.*

<...> Современные поэты и писатели часто клянутся именем России или громогласно декларируют любовь к ней. Маслов Родиной не клялся. Риторических признаний в любви к ней не сочинял, все, что он писал, мы видели своими глазами в Поморском славянском ходе. Образ Руси в его творчестве естественен и прост, как дыхание здорового человека.

<...> На нашей улице праздник: тропа памяти достигла села Сёмжи родительского дома Виталия Семеновича Маслова. Тропу эту проложил Поморский славянский ход, посвященный памяти мурманского писателя Виталия Маслова, 70-летию Мурманской области, 30-летию областной писательской организации…

<...> Великие книги пишутся не на один день. Повести о Поморье Маслова — не моментальная фотография какого-то пусть и драматического эпизода, не сколок современной жизни. Они, эти повести, еще и пророчество на будущее.

<...> Хорошая, добротная национальная основа, стержнем которой является вера в Бога и любовь к России, отличала писателя-помора Виталия Семеновича Маслова. Писатель считал, что разрушение в душах россиян было начато с разрушения веры в Бога, с безбожием…

<...> Он был неискоренимо русским — в каждом слове, в каждом поступке. Был русским, когда поднимал проблемы поморских сел. Смело, честно, открыто говорил правду. Наверное поэтому книга "Крутая Дресва", уже набранная и подготовленная к печати в областном издательстве, была запрещена партийной цензурой. А как же! Ведь в этот сборник были включены и "Свадьба", и "У Стивыдорного". Был русским, когда возрождал праздник День славянской письменности и культуры, проведенный впервые в Мурманске, это он потом зашагал по всей России и стал общегосударственным праздником. Был русским, когда организовывал первый Славянский ход "Мурман-Черногория". Был русским, когда сохранял на страницах своих повестей поморскую речь. По повестям Маслова будут потомки изучать жизнь, быт, речь, судьбу народа, состояние Русского Севера и всей России XX столетия…

<...>Поздно вечером отправились на могилу Маслова. Возложили венок ко кресту. Затеплили свечи. Иерей Мезенского Свято-Богоявленского храма Алексей Жаворов, присоединившийся к Ходу в Каменке, отслужил на могиле заупокойную литию. Наутро отец Алексей освятил и два музея: Дом памяти, созданный Масловым еще при жизни, и Дом-музей В. С. Маслова, созданный вдовой Валентиной Устиновной в родительском доме писателя-помора. Освятить предстояло и две мемориальных доски, одну - Маслову на родительском доме, выполненную в Мурманске по заказу писателей области, другую - на Доме памяти от Мезени, переданную ходокам. С мемориальной доски Маслов улыбкой поддерживал нас...

<...>В Белогорске автобус сломался опять, нам определенно не везло. Прибыл на помощь микроавтобус. Когда ехали туда, нас еще незримо Маслов охранял, погода стояла солнечная, тяготы преодолевались, а тут… Вот уж где мы все испытали, как это ездить без благословения…»

30-летие писательской

22.11.2008. Подвезла Аллочку Синицыну на такси к ДК имени Кирова на юбилейный писательский вечер, а сама дальше на вокзал направилась. В 18:30 у меня поезд отходил на Москву. Еду от Мурманской и Мончегорской епархии, в которой уже больше года работаю редактором «Православной газеты», на фестиваль православных СМИ. Из Союза писателей мне так никто и не позвонил, о торжественном не сообщили. Звонили Алле Синицыной и сказали, что проходить оно будет 21 ноября, и только от Виктории Бакулы, которая на афише возле ДК прочла объявление, узнали: не 21-го состоятся торжества, а 22-го.

А ведь я уже решила: раз 21-го, то хотя бы ради Маслова схожу. В конце концов, Союз – это не те, кто ныне правят, Союз – это, прежде всего, те, кто создавал его и многие годы жил жизнью писательской.

Уже в поезде позвонила в Мурманск и узнала, что народу в ДК пришло совсем немного. Не было даже Людмилы Тимофеевны Пантелеевой, как оказалось, ее на юбилей просто не пригласили. Профессор-литератор, она с 1986 года, с Праздника славянской письменности и культуры, шла рука об руку с писателями, с Масловым, подготовила и издала хрестоматию по литературе Кольской земли, в которой напечатала практически всех писателей Мурмана, проводила Масловские чтения, самая наидостойнейшая, кто в первую голову должен быть на этом юбилее, как сказал бы Маслов, но оказалась забыта…

Со сцены звучали одни и те же фамилии: Орешеты, Чистоноговой, Агаповой, Тимофеева. Ни разу не был упомянут Александр Рыжов, Елена Кожеватова, даже Александр Попов, приехавший на юбилей писательской специально из Нижнего Новгорода.

Моя фамилия также не была бы озвучена, если бы не секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов, который прибыл на торжество из Москвы и привез для вручения мне Грамоту. Он даже помыслить не мог, что меня об этом событии даже в известность не поставили.

Где ты, Виталий Семенович, видишь ли, что с Союзом произошло? Смирнов Владимир Александрович, Миланов Саша, Викдан, Скромный Коля, где вы, мужики, составлявщие стержень, хребет писательской? Как случилась подмена ценностям? Когда бы при вас такое произошло?

Ты прости меня, Виталий Семенович, что не оправдала твоих надежд насчет писательской, постараюсь не подвести хотя бы в слове своем. Знаю: был бы жив - ни такого юбилея, ни такого отношения к людям не допустил бы, точно уверена, что просто до писательской бы многих ныне козыряющих членством своим не допустил …

И еще: всех вдов писательских на юбилейный вечер в ресторан пригласили, а Аллу Синицыну, Викдана вдову, – нет, походя взяли и обидели человека. Что ж пусть и это остается на совести устроителей этого торжества.

А меня, наверно, от этого юбилея Господь отвел, иначе не утерпела бы, вышла на сцену и высказала все, что за последние годы накипело в душе…

Православием жив

Виталий Семенович был не просто православным человеком, он был человеком глубоко воцерковленным. Многие сегодня говорят о себе, что они православные, но ничего не знают, ни о жизни Церкви, ни о ее истории, не ходят в храмы, не молятся…

Маслов изнутри верой горел, все его творчество пронизано обращением к Господу, вере, храму, иконе. В своей исповеди «На костре моего греха» он писал:

> *«Более чем трехвековой спор, более чем трехвековая пря между православными, слава Богу, вроде бы завершилась: братья во Христе – старообрядцы и так называемые никониане – снова назвали друг друга братьями.*
>
> *И вот мы можем спокойно положить рядом книги тех и других, сравнить их, сравнить обряды и службы. О многом, отнюдь не только о сложении перстов шел спор, и многое еще предстоит тем и другим осмыслить. Сравним, например, как объясняют крестное знамение те и другие, что значит при этом каждое прикладывание перстов.*
>
> *Старообрядцы (по протопопу Аввакуму):*
> *- на главу — являет ум нерожденный: Отец роди Сына, превечнаго Бога, прежде век вечных,*
> *- на пуп — воплощение Христа, Сына Божия, от Святыя Богоотроковницы Марии,*
> *- правое плечо — Христово вознесение и одесную Отца седение и праведных стояние,*
> *- левое плечо — грешных от праведных отлучение и в муки прогнание, в вечное осуждение.*
>
> *Православные-никониане (цитата — по официальному изданию Русской Православной Церкви, 1989 года): "— на лоб — чтобы Господь просветил наш ум,*
> *- на грудь — чтоб Господь осветил сердце и чувства,*
> *- на правое и левое плечо — для освящения нашей деятельности".*
>
> *Да если б только в этом разница! Однако, понимая погибельность раздора, и те и другие сумели через все противоречия переступить.*
>
> *Но помнят ли о всех бедах трехвекового раскола те, кто сегодня устраивает новую смуту, новую прю, новую катавасию, кто не желает слышать никого, кроме себя? Задумаемся, отрешась от суеты, — а не для того ли нынешняя катавасия и устраивается, чтобы вообще, навсегда, заглушить голос Православия как такового?*
>
> *В "Еще живых" привел я, со слов свидетелей, молитву, которую творила Зоя Евлампиевна на гибнущем катере, прося о помощи:*
>
> *— Никола Угодник и мати пресвятая Казанская Богородица! Спасите детей и души наши!*
>
> *Привел, не задумываясь о том, почему именно Казанская Божья Матерь и Никола Угодник.*
>
> *И только после дошло. В Сёмже было два храма: один, православный, освящен в честь Николая Мирликийского, Чудотворца (православная Святина празднуется в Сёмже 29 сентября), другой, старообрядческий-"австрийский", — во имя Казанской Божьей Матери (Святина старообрядческая в Сёмже —15 июля). Вот почему именно этих наших вечных заступников призвала на помощь Зоя Евлампиевна.*
>
> *Храм старообрядческий уже обрушился в море, его не восстановишь, всё.*
>
> *В октябре 1990 года зашел ко мне перед отъездом из деревни на зиму Николай Николаевич Филатов, член совета Дома Памяти и член нынешнего, первого после самостийного воскрешения. Сёмженского сельсовета. Сказал между всем прочим: "Стены-то у церкви православной, несмотря что без крыши, — очень ядреные! И шейка у главки — что надо, лишь одно только бревно под шейкой заменить".*
>
> *Дай-то Бог.*
>
> *Вроде бы завершилась распря... Но вот — неожиданное письмо — просят старообрядцы*

помочь им открыть в Мурманске храм старообрядческий.

Отвечаю жестко, нехорошо, но отказом:

"В Мурманске — два православных прихода и более 70 антиправославных, а по сути — антихристианских. И Вашему представителю был задан мною первый и единственный вопрос: из кого он намерен рекрутировать прихожан для своего старообрядческого прихода? Из адвентистов? Из баптистов? Из сатанистов? Оказывается, нет, оказывается — только из православных прихожан. Т. е. в итоге получим еще один — 71-й — антиправославный приход... Сегодня на русской земле — тяжелейшая брань духовная, решается опять тот же вопрос: быть — не быть. Как мы, вечно ратящиеся между собой, должны поступать в подобных случаях? При внешней угрозе должно обретать силу закона правило незыблемое: забудь о распре внутренней, кровь и сопли — на рукав, и плечо к плечу — на врага внешнего! А между собой потом продолжим, когда от внешнего отмашемся. Ваш представитель такого правила знать не хочет, он рвется в бой со своими. Для меня такое сейчас неприемлемо"».

В этом весь Маслов и был.

Слово о Маслове иерея Сергия Мищенко

«Это было в 2000 году на Пасху. В эту ночь, храмы как всегда были плотно набиты людьми, такое своеобразное застывшее море. И это была моя первая пасхальная служба в Свято-Никольском соборе Мурманска, в котором я прожил тогда около трех месяцев. И я обратил внимание на человека, стоящего передо мной. Почему обратил? Обычно в такой толпе и такой духоте человек не всегда может удержать молитву. Да и служба очень яркая, до первого возгласа "Христос Воскрес!" длившаяся довольно долго. И руки уже наливаются кровью, спина побаливает, ноги начинают перетаптываются сами собой и невольно обращаешь внимание на тех, кто молится рядом. Иной раз такое внимание на других, тех, кто несет молитвенный подвиг рядом с тобой, помогает тебе самому вновь сосредоточиться на молитве.

И вот перед собой я увидел человека, ниже себя ростом и очень крепкого. Меня поразила его натура, чем-то напоминающая кряжестый дуб. Он был старше меня, стоял столько же, сколько я, и ему должно было быть тяжелей, чем мне, ведь я был намного моложе его. У него была большая борода, распластанная по всей груди. И еще я понял, их двое. Немного впереди него стояла женщина - жена, но какая между ними чувствовалась разительная разница в духовном опыте. Жена стояла в брюках и, по-моему, даже с непокрытой головой. Он - человек старообрядческого вида и совершенно другого вида его спутница. И, несмотря на то, что нас оптекала плотная толпа людей, он очень медленно и внушительно полагал на себя крестное знамение. Понятно было, что каждый удар трех перстов в лоб, на чревное, на рамена сопровождался молитвой "Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь". Это чувствовалось, хоть человек и стоял ко мне спиной. Но иной раз, когда происходило движение людей, и я перемещался на шаг, то видел уже его профиль. Пару раз он оборачивался ко мне и тогда я мог разглядеть его лицо. В какие-то моменты он шепотом переговаривался со своей женой, и в этом чувствовалась его забота и внимание к своей спутнице, сможет ли устоять такую продолжительную службу. Чувствовалось, как он сильно за нее переживает, потому что я и сам переживал за свою жену. И этот кряжистый мужик меня вдохновлял и одновременно как бы укорял, что я молодой человек должен себя по струнке держать.

Я запомнил, что мне понравилось с ним рядом молиться, он явился для меня примером, но я также понимал, что этот человек не соборный прихожанин, потому что не видел его. Уже тогда я ходил на все службы и за три месяца вполне мог определить, кто прихожанин храма, а кто нет. И что интересно, на следующий год в эту же пасхальную ночь, в этом же самом месте у святой покровительницы моей дочери Екатерины этот мужчина опять встал прямо передо мной со своей женой. И я даже порадовался, что мой старый знакомый опять здесь. Похоже, что и он тоже обратил на меня внимание, улыбнулся. И я сразу почувствовал, что между нами состоялся какой-то своеобразный невербальный контакт. И опять такая же молитва, опять суровые поклоны, опять молчание. И даже при восклицании "Христос Воскресе", я чувствовал, у него не было внешнего открытого ликования, а скорее внутреннее. В храме он вел себя неэмоционально. А потом после этой пасхальной службы месяца через два-три я увидел его днем с кем-то разговаривающим у распятия. Тогда я как раз помогал расписывать храм, и понял, что он заходит в собор по каким-то своим делам. Я не знал кто он такой, но что он что-то из себя представляет, какой-то необычный человек, я это понял сразу.

А кто такой узнал совершенно случайно. Моя дочь тогда училась в школе и выиграла в каком-то литературном конкурсе. Их собирали в библиотеке и вручали призы. Одним из призов явился журнал голубого цвета "Площадь первоучителей" с памятником Кириллу и Мефодию на обложке и на одной из первых страниц фотография этого мужика. Но он там был моложе, без бороды и со взглядом каким-то немного административным. Тогда же, когда я его встречал, он был уже с крепкой сединой более молитвенный и духовный человек. И разница между фотографией в журнале и тем, которого я видел, была ощутимая. И помню, я у кого-то спросил: "А кто это такой?", мне пояснили: "Маслов, один из ведущих писателей нашей области". Я очень заинтересовался и стал читать, что было опубликовано в журнале. Затем пошел в библиотеку и взял еще его книг. Это были рассказы и повести, посвященные судьбам поморских деревень, написанные с огромной теплотой, где он поднимает вопросы разорения этих деревень в советский период. Когда читал, даже показалось, что я проник в эту его повествовательную ткань, именно в результате нашего необычного общения.

Этот человек остался в моей памяти очень приятным моментом моего с ним общения, хотя мы не обмолвились ни словом, и я никогда не слышал, как он говорит. Потом, когда я узнал кто он, прочел его книги, захотел с ним встретиться… Но узнал, что он уже отошел ко Господу.

Раньше говорили, чтобы напитаться энергией, нужно подойти и обнять какое-то дерево, услышишь его звучание, и я как-то верю в это, чувствую, что это так и есть. И Маслов мне представляется именно таким деревом - дубом, которого можно было обнять и получить от него порцию доброй энергии, которая исходила из него сильным потоком, даже создавалась некая напряженность этой положительной энергии. Человек, способный захватить другого человека в свое поле, свое жизненное пространство, не проронив при этом ни слова».

Ради сохранения того, что возможно было сохранить...

(Из очерка В.С.Маслов «На костре моего греха»)

«Архиепископ Сергий Страгородский написал в свое время удивительно ясную, нравственно выверенную картину спасения души - твоей, моей - православной. Как первый итог непрерывного земного доброделания и безоглядного упования на милость Божию, обязательных для каждого православного человека, приходит наконец такое состояние души, когда доброделание становится и естественной нашей потребностью, и обязательным условием личного земного счастья. Это состояние души есть первое, хотя и не единственное условие, при котором из зерна Веры и доброделания может взрасти древо, соединяющее в нашей душе земное с небесным. Взойдет ли, взрастет ли, увенчается ли вечным блаженством, нашим спасением - на то воля Божья, на него уповаем, но в нашей власти - непрерывное земное доброделание как души приуготовление.

Именно при рассмотрении вопроса о спасении открывается главная пропасть между православием и католичеством. Если для нас непрестанное доброделание даже в той стадии, когда оно стало уже души наслаждением, - лишь одно из условий, но отнюдь не гарантия будущего спасения, то для католиков доброделание как духовность, можно сказать, вообще не существует: делай добро или даже покупай индульгенцию - и ты спасся. Господь в этом случае - как бы должник или даже заложник. Вот откуда, в идее, нынешнее популярное "ты - мне, я - тебе". Для православия же сама такая постановка вопроса - великий грех. Самого по себе доброделания, если оно не обеспечено соответствующим состоянием души, недостаточно даже для того, чтобы назвать себя православным: что для католиков - высший предел веры, для нас - лишь подступы к ней...

Пали препоны, скрывавшие остатки того, что было великой Русской Православной Церковью. И души наши, почти столетие отвергнутые и от веры своей, и от святоотеческих заветов, снова обратили свой взор, необязательно пока духовный, к этим остаткам. И мы, кажется, осознали, что дальнейшая судьба России и русского народа зависит не столько от того, чем закончится игрушечное сражение между Горбачевым и Ельциным, вытянутыми в свое время из одного поганого партийного ведра, и не от того, какие программы будут приняты новыми бесчисленными "независимыми" партиями, чем завершится болтовня в выборных безответственных говорильнях, сколько от положения и состояния Русской Православной Церкви: возродится ли? как возродится? как обустроится? как духовно окормит чад своих и страну свою?

Удивительно и печально сегодняшнее состояние россиян - потомков русского и других, принявших православие народов. Есть не верящие ни во что, есть лишенные веры, но жаждущие ее, есть верующие и есть, наконец, люди, настроенные атеистически, однако верящие Православной Церкви как единственной надежде России в нынешний отчаянный миг. Причем жаждущие и верящие - многочисленнее - значительно, чем верующие, и речь сегодня должна идти в первую очередь о них, жаждущих и верящих, ибо именно из них будут состоять, если будут, новые православные общины при возрожденных и вновь возведенных храмах.

Препоны пали. И все мы - и жаждущие веры, и верующие, и верящие - узреть чаяли великую и чистую радость любви братьев во Христе, творящих в светлом порыве добро на той ниве, на которой, даст Бог, взойдет могучее неохватное древо спасения России.

А что зрим? Смрад и мерзость самости, раздоров, склок, самолюбий и бездуховное, почти католическое, но без ложных правовых прикрас, делячество. И это при том, что духовного опыта как у людей, верящих Православной Церкви, так и у людей, жаждущих веры, пока нет, им еще трудно понять, что и рядовые священники, и самые высшие иерархи — это еще не Церковь, а лишь служители ее, в разной степени к своей службе готовые, в разной степени ей соответствующие, и поэтому недостойный облик любого служителя Церкви неизбежно накладывается в глазах не окрепшего в вере человека на облик Церкви вообще и даже на облик самого Спасителя.

Владыки, отцы, братья и сестры! Вы - первый и последний оплот преданного и проданного Отечества нашего. Мы не призываем к недосягаемому нестяжательству, будьте стяжателями-иосифлянами-строителями, без этого Церковь нашу сейчас не поднять из руин, но... Несмотря ни на что, громадное большинство из нас от православия с его непостижимым для недругов нравственным и духовным максимализмом взор сыновний не отвратит, но... даже если многие служители наших храмов пока еще не могут стать вровень не только с высокообразованными проповедниками - защитниками православия, мудрыми философами-богословами прошлых веков и начала нашего века, но и с большинством рядовых священников того времени - это не вина нынешних священников, а беда их, - то пусть они, как и вы, хотя бы отрешатся от излишней суеты греховной, от неприемлемого нашей верой политиканства - сейчас так недостает сил для внутреннего духовного устроения наших храмов, наших приходов. И в то же время те немногие, кто вышел умудренный и закаленный из страшного недавнего преддверия адова, пусть бы стали они новым братством Св. Петра - братством высокообразованных православных священников-просветителей, готовых к духовному подвигу, способных дать мудрый отпор бесчисленным ересям, заполнившим нашу землю, вцепившимся жадно в слабеющее тело попираемого, раздираемого, едва живого нашего Отечества. Тяжек будет крест этого Братства, пока не придет на помощь, не подхватит святую ношу новое высокообразованное поколение священников. Но надежда на успех есть, ибо что сравнится с силой убеждения тех ревнителей православия, которые успели, загодя успели на себе испытать то, о чем глаголет Апокалипсис?

Но не ереси, не даже агрессивное папство, снова приблизившееся по безнравственности своих деяний к худшим своим временам, не возбужденное предвкушением близкой добычи, жаждущее крови мусульманство, - главная сегодняшняя беда: в душах православных не угасло упование, что с Божьей помощью мы сумеем противостоять любым басурманам. Главная беда - раздор внутри православия. Иерархии православные! И вы, кто ни на миг не покинул родную, истекавшую кровью землю, клал жизни, а то и души ради други своя, ради сохранения того, пусть и крохотного, что возможно было сохранить, - было бы не по-христиански хоть в чем-либо упрекнуть вас теперь, после времени... И вы, Русь Зарубежная, кто, пройдя через сравнительно краткую, но еще более страшную полосу гражданской войны, поднимал, ставил на ноги Зарубежную - тоже нашу! - Церковь, дабы хранить Веру, дабы не гасла лампада перед ликами святых покровителей Отечества, - вас ли после времени обвинять в чем-нибудь? И вы, спустившиеся в катакомбы, не убежавшие за рубеж и ни под каким видом не принявшие власть, враждебную своему православному народу,- вас ли винить, как бы ушедших в небытие, как не раз случалось в истории родной церкви, но не ставших по этой причине дальше от нашего Неба? Никто не вправе винить никого из вас! Но внемлите же всем страждущим, кто верит и кто жаждет Веры, и прекратите прю! Ей, пре, как и любой междоусобной катавасии, в которой еще никто никого никогда не услышал, всегда было не время, тем более и сейчас - не ее час, сейчас она греховна втройне. До ссор ли в сей трагический миг, когда, пользуясь вашими сварами, даже и святые храмы, возвращенные нам, нередко захватывают то похабные атеисты, то откровенные вековечные враги православия, то новообращенные дельцы, чье

неофитство сродни истуканству. Услышьте же, простите же и полюбите снова друг друга, и тогда, быть может, и наш вопрос, всё более отчаянный, почти стон, дойдет до ушей ваших:

- Что сделать, какому Богу молиться, чтобы не позорили наш народ и веру его те, кто волею судеб оказались у того или иного кормила православного? Не пустошь, но опустошенье оставляют раздоры ваши перед нашим взором духовным! Да, мы верим, плача, что сеющие слезами радостию пожнут, но те ли это слезы?»

Маслов и епископ Мурманский и Мончегорский Симон

Сентябрь 2009 года. Только придя работать в Епархию в «Православную газету», от владыки Симона я узнала, что Виталий Семенович частенько обращался к нему за советом, исповедовался. Владыка очень тепло и светло вспоминает Маслова. Помню, как в марте 2001 года разразился нешуточный скандал в связи с решением владыки Симона вывести за штат церкви и запретить в Богослужении отца Никодима (Каленчука). Российские писатели в Мурманске через СМИ возбудили общественное недовольство решением епископа.

А так как мне тоже был очень симпатичен отец Никодим, по приезде в писательскую я обратилась к Виталию Семеновичу с вопросом, почему мы молчим?

Видимо, Виталия Семеновича этим вопросом уже достали, потому он резко бросил:

- Это дела Церкви и только Церкви, и миряне не вправе вмешиваться в решения правящего епископа.

Я стала возмущаться, мол, что же получается, они там у себя в Церкви будут творить разные беззакония, а мы молчать и не вмешиваться…

Маслов оборвал меня, почти сорвавшись на крик:

- Не уподобляйся выскочкам Союза блиновского. Нам неведомо, что произошло в Епархии и почему владыка принял именно такое решение…

А затем в газете «Славянский ход» появилось его «Открытое письмо Патриарху», в котором он писал, что:

> *«Нынешняя компания против епископа Симона – не первая… Нынешняя ситуация в Мурманске будет более понятной, если вспомнить и учесть, что выступления против епископа Симона начались еще до его прибытия на Мурман, когда еще никто не знал, кто такой Симон! Мол, зачем нам чужой священнослужитель, у нас свой есть!..»*

Только из этого письма Маслова я узнала, что наш Славянский ход «Мурман-Черногория» проходил с благословения владыки:

> *«Когда в 1997 году… под руководством славянского движения "Возрождение Мурмана и Отечества", по благословению епископа Симона удалось провести к 120-летию победы на Шипке нашу самую значительную в последние годы общеславянскую православную акцию "Славянский ход Мурман-Черногория"…»*

Маслов понимал, что акция, предпринятая против решения епископа Симона, была не чем иным, как кампанией «вокруг (а по сути – против) православной церкви».

Только когда сама уже после смерти Маслова готовила и проводила Ходы, экспедиции, поняла, невозможно было в 1997 году Виталию Семеновичу провести Славянский ход без поддержки и молитв владыки Симона. Вспомнить только один перевал Проклятий, который автобус прошел благополучно, зависая при разворотах над пропастью в тысячу и более метров.

И вот теперь, работая с владыкой уже около четырех лет, начинаю понимать, как на самом деле люди далеки от понимания жизни Церкви, ее законов, веры, беспрекословного подчинения решению правящего архиерея.

А Маслов это знал, прозревал и уважал все решения владыки, чего, к сожалению, не скажешь о новом секретаре писательской организации…

Слово о Маслове владыки Симона

«Познаю человека я не сразу. Сначала я ему искренне верю и доверяюсь всему тому, что он говорит, что делает, и, конечно же, наблюдаю за ним. В такой вот ситуации появляются о нём знания. Лесть, ложь, корыстолюбие, зависть, тщеславие со временем разоблачаются.

О Виталии Семёновиче Маслове с первой же встречи сложилось доброе мнение, а затем и хорошие взаимные отношения с ним. Потом всё это только подкреплялось, утверждалось и переходило в отношения, так сказать, рабочие и духовные, что выражалось совместными рассуждениями о Церкви, о вере, о духовности, о жизни общества, о конкретных ситуациях и конкретных людях. Доходило до нелицеприятных замечаний и советов. Так что доброе первое мнение об этом человеке всегда только подтверждалось.

Виталий Семёнович всегда был сдержанным. Внимательным, уравновешенным и уважительным. В разговорах он схватывал не только сущность, но и всё, что вокруг неё: причину, всевозможные следствия этой причины и даже, на первый взгляд, ничего не значащие слова, мысли, схватывал и досконально переваривал, выверял, сопоставляя с жизнью. А жизненный опыт у него был огромный, и сам он походил на векового дуба. В нём чувствовались корни, глубина, правдивость, духовность и любовь».

Слово о В. С. Маслове протоиерея Василия Вольского

«Имя Виталия Семёновича Маслова мне знакомо с детства. Его книги были в нашей семье. Такое внимание к его творчеству было вызвано тем, что он коренной помор, причём помор во всех отношениях - и в физическом, и в духовном, и по характеру, и по речи. Маслов знал поморскую жизнь изнутри, впитал поморский дух с молоком матери и как никто другой умел это описать.

В конце 1990-х я преподавал в мурманском лицее №1, и одна ученица попросила у меня сборник произведений Виталия Маслова «Крутая дресва» для написания работы на научно-практическую конференцию. Какова была моя скорбь, когда она эту книгу потеряла! Дело в том, что Маслов сейчас не издаётся, восполнить эту потерю невозможно ни за какие деньги.

Когда я служил священником в Свято-Никольском кафедральном соборе Мурманска, помню Виталия Семёновича как прихожанина. Один или два раза, когда была моя очередь исповедовать, Виталий Маслов у меня исповедовался. Его исповедь я помню до сих пор. Долго помнятся обычно те исповеди, которые, кроме печали о человеке, приносят и радость за него. Полной неожиданностью в 2001году стала весть о кончине Виталия Семёновича.

Велика была моя радость, когда в 2011году Надежда Павловна Большакова приехала к нам в Полярные Зори на престольный праздник Троицы и подарила мне книгу В. С. Маслова – точно такую, какую потеряла моя ученица.

Дивны дела Твои, Господи! Благодарю тебя за подарок, Виталий Семёнович! Вечная тебе память!»

День памяти Виталия Маслова

9.12.2009. Сегодня День памяти Виталия Маслова, моего сердечного друга, верного товарища, настоящего учителя. С ним я чувствовала себя причастной к большому миру писателей, с ним писательская организация была для меня столпом высокой морали и нравственности, духовности и жизнеутверждения. С ним и только с ним я была частью нашей писательской организации. Его не стало, и мир писательской для меня постепенно стал рушиться… И я, перестав находить там порядочность, честность, чистоту Маслова, более связывать свою жизнь с ней уже не захотела… Сначала переносила это болезненно, но вскоре помимо работы в Музее саамской литературы и письменности мне нашлось дело еще и в нашей Мурманской и Мончегорской епархии. И в соработничестве с архиепископом Симоном поняла, что и здесь можно проводить множество творческих встреч, вечеров, писательских форумов… Постепенно образовавшиеся пустоты после моего отхода от деятельности писательской

организации стали, точно живительным кислородом, наполняться новыми людьми, идеями, экспедициями, новыми темами и героями моих новых книг…

Масловские чтения – 2009

19.12.2009. Написала и прочла рассказ «Последний день Маслова», приготовленный для Чтений этого года владыке Симону. Написала его в музее саамской литературы и письменности имени Октябрины в один присест, а затем еще два дня его редактировала. Писала от лица самого Виталия Семеновича. Сначала читала его Виктории Бакуле, затем Галине Перепелкиной, с которой создаем «Православную газету» и Валентине Кузнецовой. Все отозвались очень хорошо. Галина сказала, что впервые, несмотря на то что мы уже не раз в газете печатали материалы о Маслове, почувствовала его живым.

Владыка, прочитав, произнес: «Рассказ хорош, нигде не соврала, сказала чистую правду, все как было». Мне очень важно было услышать мнение владыки, ведь именно ему Виталий Семенович исповедовался, и кому как не архиепископу знать его мысли Маслова, переживания, смятение души…

17 декабря пошла на Масловские чтения в Университет. Пленарное заседание прошло с именем Маслова только вначале, когда Анатолию Васильевичу Александровичу, почетному полярнику и почетному работнику морского флота, вручали премию имени Маслова и в конце, когда выступал Дмитрий Коржов, все остальное – это поморские поездки и русско-норвежские связи. Затем была работа на секции, которую вела, как всегда (Господи, продли ее дни) Людмила Тимофеевна Пантелеева. Впервые на секцию пришло столько писателей: Коржов, Сорокажердьев, Тимофеев, Новоселова и я. Обычно на секциях прежних Масловских чтений были мы с Димой Коржовым, да изредка Леонтьевич Тимофеев или Николай Скромный.

Я прочла свой рассказ, - многих он растрогал до слез. Затем мы пошли с Тимофеевым и Масловой в Союз писателей на заседание Фонда Николая Скромного. Меня на выступление в нем благословил владыка. Не была в писательской три года. Там все очень изменилось, стало гораздо уютнее, чище, наряднее. Главная стена в три ряда оформлена фотографиями писателей. Самый верхний возглавляют все, кто уже ушел: Свен Локко, Василий Евграфов, Борис Романов, Виталий Маслов, Октябрина Воронова, Михаил Тверцов, Николай Скромный, Александр Миланов, Викдан Синицын, Евгений Гулидов. Не было почему-то портрета Владимира Смирнова. Может еще не сделан или взяли для проведения какого-нибудь мероприятия?

Два нижних ряда это ныне здравствующие писатели, причем случайно или специально средний ряд открывает фото мое, а закрывает фото Надежды Новоселовой. Две Надежды. Надежды на что? Прислушивалась к своим ощущениям и отметила: писательская даже своим новым оформлением стала для меня чужой…

Заметила, как сдал Леонтьевич Тимофеев, они с Володей Сорокажердьевым остались «последними из могикан», стоявшими у истоков писательской организации.

Говорили о переиздании четырехтомника Николая Скромного «Перелом». Целесообразно ли? Проблема – молодежь растет нечитающей, может, разумнее диски издавать с начитанным текстом романа, может, хоть слушать станут. Хотя и на это уповать не стоит. Нынешнее время, как болезнь: пока не переболеют, не пресытятся отравой нижепоясной, к свету не потянутся, а тем более, к книгам, заставляющим думать, размышлять, чистящим дух и врачующим душу, к которым относится и «Перелом» Скромного. Ведь чтение это огромный труд для души.

Поморское говоря Маслова

3.10.2010. О языке Маслова можно писать целые трактаты, но это прерогатива словистов, я же просто получаю удовольствие, читая масловские поморские говоря: «…**увильнула** жизнь из деревни», «И **откуль** тебя сюда в председатели колхозные **вытолкнули**», «Паисий чувствует себя совсем по-особому: **потюкивает** топориком тихонько, **поговаривает** карбасом невнятно, и столь ему здесь хорошо – лучше не бывает», «…Вот и **отшоркалась**…», «**Робят нать пообиходить**», «Наконец, **зашарчало** рядом с домом», «Куда **правитесь,** молодой человек?»,

«Прежде и то **норовили обробиться** до белых комаров», «Но ведь **попусти**, и что – после-то нас?», «…**оборони** бог», «…**запетушился** Бутора», «Ври-и! – Анисимко **пошамкал**», «Да **отвратит** судьба свой лик суровый от тех, кто в море водит корабли», «…шла, людей **не чуралась**», «Когда церкви **зорили**, - говорили Анфиса Алексеевна, - часовен на берегу не **ворошили**, только все божественное вон **высвистывали**», «…чтобы у любителей **липшего** повода в дом врываться, **впиливаться**, углы обшаривать», «-**Выняться** – значит ухватиться где-то за берег, вытянуться с лодкой на твердую землю», «А вот деревня Крутая Дресва стоит на обрыве своём!.. **Отсечена** с двух сторон, будто на постамент поставлена… Ни убавить, ни прибавить. Ощущение вечности»

Мы видим, с какой любовью, вкусненько подает Маслов свою поморскую говорю, его не устраивают обычные глаголы, применяемые большинством литераторов: «идти», «стучать», «говорить», «смотреть» и так далее, и поэтому мы так остро чувствуем в его цокающем, окающем языке особую мелодику и поэтику, сохраненную архаичную восточнославянскую мягкость согласного звука. В глаголах, которые применяет Маслов, исходит особая энергетика, на глазах ускользающего времени, особый эмоциональный настрой его героев, поморский характер. Причем для Маслова это вполне естественное письмо, потому как и его повседневная жизнь была насыщена этим самым поморским говором.

Новость еще об одной премии имени Пикуля

14.10.2010. После завершения Фестиваля православных СМИ в Москве, я, Владимир Зяблов, журналист, фотограф из Кандалакши, и Виктория Бакула зашли в Союз писателей России. Нас приветливо встретил секретарь Союза Геннадий Иванов. Усадил за стол, стал угощать чаем с творожными булочками. Затем, обращаясь ко мне, радостно произнес:

Знаешь, Надежда, мы тут решили вашего секретаря писательской Михаила Орешету поддержать. Дали ему за военно-патриотическую деятельность премию имени Валентина Пикуля.

Я чуть чаем не поперхнувшись, спросила:

- А за какую из книг?

- А я книг его и не видел, - все с тем же оптимизмом произнес Иванов, - мы ведь ему не за книги дали, а за патриотическую работу.

- Понятно, - произнесла обреченно я, - за ту работу, за которую он в Администрации зарплату получает. Могли бы дать ему и за то, что он еще и секретарем подрабатывает.

Мне сделалось тоскливо. Вот уже и Союз писателей России стал писательские премии не за книги писателям давать, а за деятельность, к чему идем?

Маслов гордился тем, что его именно писательский труд оценен был так высоко, а здесь писательством и не пахнет.

А в декабре узнала еще, что Михаил Орешета объявлен лауреатом Масловской премии… От скромности он конечно не умрет, спокойно принял ее, несмотря на то что является членом совета Оргкомитета по присуждению этой премии. Ему бы у Виталия Семеновича скромности поучиться, который на 20-летии писательской организации на торжественном со сцены драмтеатра во всеуслышанье от предложенной ему за его общественную деятельность годовой стипендии отказался и пока секретарствовал ни одной своей книги не издал… Надеялась, что Масловскую премию хотя бы Виктору Леонтьевичу Тимофееву дадут, кто поистине достоин ее, но…

Поддержка Маслова во сне

1.11.2010. В последние две недели много писала о Маслове, решив к десятилетию его памяти издать книгу своих воспоминаний о нем. И пока пишется, работаю над ней. Сегодня проснулась в девять утра от осознания, что только что во сне ко мне приходил Виталий Семенович и я говорила с ним. Сон прямо сказать деловой. Будто встретила я Сашу Маслову (дочь Виталия Семеновича) с какими-то женщинами близкими к писательской, будто среди них была и Людмила Демина, но никого из моих близких: ни Валентины Кузнецовой, ни Аллочки

Синицыной, ни Виктории Бакулы. Встретилась с ними и стала говорить Саше, что рада ее сотрудничеству с «Православной газетой». Она что-то начала рассказывать об отце, и мне захотелось это записать, а ручки и листка под рукой не оказалось. Сказала, чтобы подождали меня, и вроде пошла к себе в издательский. Села там за круглый стол, на котором лежали какие-то бумаги, верстка «Православной газеты», которую я правила, и стала записывать. Заходит в комнату Саша с женщинами. Я извиняюсь, что в комнате не совсем прибрано, мол, обстановка рабочая. Женщины садятся за стол напротив меня, их трое, а Саша - по левую сторону на стул. В это время с правой стороны от стола, противоположной входной двери, откуда-то выходит молодой в морском кителе Маслов и почему-то без очков. Проходит на середину комнаты, берет стул и садится напротив меня и Саши, причем я знаю, что и Саша его видит, но далее в разговор она с отцом не вступала, а наблюдала нашу встречу с ним как бы со стороны. Я здороваюсь с Масловым и говорю, что не видела его еще таким красивым и молодым, только если на черно-белых фотографиях. А сон цветной. Он отвечает: «И таким в свое время хаживал». Начинаем говорить о делах. При разговоре он правой рукой все поправлял спадающую на глаза длинную челку, забирая ее вверх. Сказал, что доволен, что я работаю а газете в Епархии, что пишу книгу воспоминаний о нем, что пришел специально поддержать меня в этом. Затем на какой-то момент задумался и печально произнес:

- Только не думал я, что писательская, на которую было столько сил потрачено, так быстро разваливаться начнет, что все будет так плохо там.

Чтобы отвлечь его от этих мыслей, я спросила, а чем он сам занимается? Ободряясь, произнес: «Как всегда, работаю. Работы много, без дел некогда сидеть».

Я, обращаясь к Саше, говорю:

- Теперь ты собственными глазами увидела, что твой отец приходит ко мне в сны и говорит со мной, слышала и его мнение о работе нашей писательской.

Саша смотрит на отца, который так и остается сидеть здесь, правда точно в стоп-кадре, и произносит: «Да, я все увидела и услышала, но лучше об этом другим не говорить, они тебе все равно не поверят, посмотри на женщин, они все точно в другом измерении находятся и не видят отца». Я глянула на женщин, а те и правда, сидят, что-то обсуждая, будто нас рядом и нет. Такой сон…

Слово Анатолия Сергиенко о Маслове

О встрече в Североморске в ноябре 2001 года с Виталием Семеновичем Масловым, у заслуженного художника России Анатолия Сергиенко остались самые теплые воспоминания:

> *«Так жалею, что наша встреча состоялась слишком поздно и я не успел с ним близко познакомиться. Сразу привлекла его внешность – глыба! Монументальность в нем была потрясающая, он сразу напомнил мне старых русских писателей, а потому из круга людей и выделился сразу. Еще запомнились его глаза! Они точно пронизывали тебя насквозь. Да и морщинки в уголках его глаз, когда он смотрел на тебя, довершали портрет очень обаятельного человека-мудреца, с которым хотелось общаться. А борода! Люди, я это очень хорошо почувствовал, благоговели перед ним, благоговели, слушая его речь…*
>
> *Я наблюдал, как иногда молодой поэт, написавший всего-то несколько стихотворений, а уже ходит с видом уставшего от славы человека. А у Маслова только представить, сколько написано, сколько за плечами сделано! И при этом он в общении оставался прост, доступен и демократичен. Мне, кроме того, что он был поэтом, писателем, запомнился еще и как большой общественный деятель, и то, что задумывал, практически все выполнял. Скорее всего, это шло от его большого авторитета, потому как у нас на Мурмане - это выдающийся человек, его уже почти десять лет нет, а авторитет его с каждым годом только возрастает.*
>
> *Когда я работал над его портретами для вдовы и для писательской организации, то, рисуя Виталия Семеновича, я много беседовал с ним, как с живым, рисовал не просто создавая документальный портрет, а как именно я его видел и понимал. И еще, что хочется отметить, мне очень радостно, что все люди, кому он при жизни помог, кого вырастил и воспитал писателями или поэтами, всегда очень высоко вспоминают его, неся имя Маслова, точно икону»...*

Поэтическое слово перешло к дочери

5.11.2010. Удивительно, но после сна дочь Виталия Семеновича Александра Маслова прислала мне для «Православной газеты» стихи:

****

Взберусь на гору, где туман клубится,
Взгляну в низину, где вода сверкает.
Под облаком звенят призывно птицы,
И сердце щемит красота земная.

Воздену к небесам, чудес алкая,
Как Моисей века назад ладони.
Слова молитвы древней улетают,
Луч ослепительный в тумане тонет.

И детство мне беззубо улыбнется,
Тая веков распахнутые своды.
И рыбой в сетке гневно повернется
Надменное желание свободы.

Первый снег

Осенний свет еще струится в небе,
Сквозь тучи пробиваясь черноризье,
Прозрачный воздух пахнет свежим снегом
И ожиданьем холодов пронизан.

Сменивши облаченье в одночасье,
Безлюдный храм взывает к небу с плачем,
Как на войне - молящий о причастье,
Как в Рождество замерзший нищий мальчик.

Александра уже много лет поет на клиросе Свято-Никольского кафедрального собора в Мурманске, а последние года два работает еще и в Союзе писателей бухгалтером. Она оказалось очень близка по духу своему отцу, и еще одно приятное открытие - пишет стихи. Искренне рада за нее!

Беседа со звонарем

(Из очерка В.С.Маслова «На костре моего греха»)

«…скажу о сне, привидевшемся мне в ночь перед началом работы. Это был долгий, очень долгий, но не изнуряющий сон, беседовал я со звонарем старым — из тех, кто и после семнадцатого года открыто говорил о Боге как о Спасителе, кто сумел пройти не сломившись и воды и трубы. Он рассуждал, убеждал, предупреждал, что нынешнее залповое возвращение храмов и монастырей под руку Православной Церкви совершается ради окончательного низвержения Православия. И потрясла внутренней глубиной последняя фраза звонаря, ради которой я должен был проснуться, чтобы записать: он произнес задумчиво, как бы прощаясь, что будет повторять это "пока горит душа моя на костре моего греха"…»

Виталий Маслов

Огрызко против Смирнова

15.03.2011. В журнале «Мир Севера» за № 5-6 вышла статья Вячеслава Огрызко, московского критика, редактора газеты «Литературная Россия» и журнала «Мир Севера», под названием «Поскупилась жизнь на злато», посвященная трагической истории развития саамского языка и творчеству первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой. И никто бы

автору не предъявил претензий, если бы не одно но… Это «но…», смысл которого раскроется ниже, задело за живое сначала сотрудников Областной научной библиотеки, которые первые обратили внимание на эту статью, так как, а где еще сегодня найдешь этот журнал, как не там, затем мурманского писателя, журналиста Дмитрия Коржова и, конечно, меня… Но прежде чем раскрывать суть этого «но…», я перенесусь в счастливый для меня в литературном отношении 1996 год.

Когда вышла книга моих сказок «Подарок чайки», я видела, как счастлив и горд вместе со мной был и Виталий Семенович. Он оглаживал ее, вглядывался в наскальные рисунки на ее обложке, пролистывая, останавливался то на одной, то на другой странице, втягивал в себя типографский запах и растяжно говорил:

- Это, любушка, первая твоя совсем еще маленькая, но уже победа!

Я, наблюдая за его действиями, удивлялась, книга моя, а он ей радуется больше, чем я. А может моя радость за два года, после того как она была сверстана, перегорела уже… И вдруг его лицо озарила хитрющая улыбка и он весело произнес:

- А, знаешь-ка, что я придумал, ты возьми-ка ее да пошли в Москву Вячеславу Огрызко, он сейчас из литературных критиков силу набирает, да еще свою статью «Саамщина» пошли, да о роде Матрехиных про Октябрину пошли, я тебе его сейчас и адрес, и телефон дам. Ты еще не читала его книгу «Праздник на все времена»?

Я сказала, что нет, и он уже, убегая к себе в кабинет, кричал: «Я тебе ее сейчас покажу».

Виталий Семенович, казалось, находился в ударе. Не прошло и трех минут, как прибежал обратно и протянул мне не одну книгу, а сразу две. Вторая - «В начале было слово…»

- Эту Семен Иванович Шуртаков написал. В ней десятилетний путь Праздника славянской письменности и культуры уже описан, она только в том году вышла, а Огрызко свою в 1991-м выпустил. И о нас в ней упомянул, что мы первые этот праздник у себя на Мурмане провели. У Шуртакова и о музее Октябрины Вороновой найдешь…

Я все сделала, как посоветовал Виталий Семенович, а когда в августе позвонила Вячеславу в Москву и услышала в ответ, что все прочел и от всего в восторге, была на седьмом небе от счастья…

Затем в том же 96-м в декабре ехала в Салехард на Международную конференцию писателей Севера «Слово в духовном возрождении народов», ехала вместе с московскими писателями, в том числе и с Вячеславом Огрызко. Об этой поездке у меня написан большой очерк. Приведу небольшую зарисовку под названием «Московская писательская братия»:

«Москвичей на конференцию едет четверо. Владимир Ерёменко, секретарь Союза писателей России, на редкость красивый мужчина. Высокий, седовласый, с огромными карими глазами. Несмотря на свой высокий пост, в отношениях со всеми мягок, совсем не задавала, рассыпается в комплиментах и постоянно приглашает меня к ним в купе на разговоры. Юрий Поликарпович Кузнецов, известнейший на всю Россию поэт, лауреат Государственной премии, с которым мы необычным образом обменялись книгами. Я ему подписала сказки, он в ответ протягивает свою - сборник стихов "Бис", при этом небрежно чиркнув в нем только фамилию. Я возмутилась:

- Нет, поглядите на него, я с надписью дарю, а он мне фамилию чирк и считает достаточно. Да я такую книгу и принимать не буду. Кто увидит, скажет: не верим, что твоя? Где написано? Может ты ее у кого "увела"?

У Кузнецова от удивления вытянулось лицо. Он медленно произнес:

- Но я, деточка, никому и никогда книг не подписываю. Только автограф ставлю, - и уже более возмущенно, - между прочим, мой автограф итак многого стоит.

Я была неумолима:

- Может для кого-то и стоит, а мне такая книга не нужна. Не люблю скупых людей ни в чем, а тем более скупых на доброе слово человеку, - сказала и протягиваю книгу назад, - С таким автографом, ты ее любому в Салехарде сможешь задарить.

Кузнецов от моего неслыханного нахальства аж взвизгнул:

- Нет, ребята, вы только посмотрите на нее, она МОИМ автографом пренебрегать вздумала…

Помолчал секунду и выше дописал: "Надежде – северянке сердечно". Протянул снова и уже более мирно спросил:

- Надеюсь, тебя так устроит?

Я как ни в чем не бывало прочла надпись и довольная произнесла:

- Это по-нашему, за такой автограф я тебя даже поцелую.

И недолго думая, тут же чмокнула столичную знаменитость в небритую щеку.

Третьим был поэт Виктор Верстаков – афганец, которого все называли полковником. Этот мало говорил, больше наблюдал или пел свои афганские песни, ближе, чем на метр, меня к себе не подпускал. И, наконец, Вячеслав Огрызко. Уникален во всем. С виду чуть женственен, это ощущение приходит от его припухлых губ, щек, полноватой фигуры. И, правда, Маслов говорил - большой умница! Настоящая ходячая энциклопедия, причем энциклопедия северная. А говорун - непереговорить никому. О Севере знает столько, что поражаешься, как человеческий мозг может вместить столько информации о писателях, поэтах, их произведениях, сами произведения, причем из многих цитирует места наизусть. Называет даты выпуска книг. Знает все конфликты между теми-то и теми-то, что происходят на Северах. Когда меня представлял своим попутчикам, делал это вдохновенно-возвышенно, как обычно делает это Тимофеев...»

Затем мы встречались на конгрессах финно-угорских писателях, на которых я и стала замечать, что далеко не все писатели финно-угорского мира относятся к Вячеславу благодушно, бывала свидетелем, когда кто-то высказывал ему свои обиды, недовольства, даже пытался побить… По статьям о писателях его двухтомного библиографического справочника, я увидела, как он порой неординарно подходит к биографиям писательской братии, точно по названию статьи Сергея Шаргунова «Огрызко оставляет от писателей лишь огрызки»…

Дочь в Областной детско-юношеской библиотеке сделала мне ксерокопию статьи Огрызко «Поскупилась жизнь на злато», которую я внимательно прочла и увидела, как небрежно Слава обращается к любой теме, которую поднимает здесь, перевирая факты даже в биографии Октябрины Вороновой, на которую постоянно ссылается. Читаешь статью и чувствуешь, как автор незримо с кем-то сталкивает поэтессу: то это Октябрина и «научные поборники» саамского языка Римма Дмитриевна Куруч с Ниной Елисеевной Афанасьевой, то Октябрина и саамский поэт Аскольд Бажанов: *"Земляки советовали Вороновой повторить опыт нотозерского саама Аскольда Бажанова, который еще в юности начал слагать стихи на русском языке. Но Воронова считала, что Бажанов, прекрасно знающий обычаи сородичей, в своих русских сочинениях многое упростил и усреднил…"*, когда в Музее саамской литературы и письменности ее имени имеется анкета, где рукой Октябрины черным по белому написано: *«Я по национальности саами. И стихотворение по-саамски ко дню начала учебы сына написала. Русских поэтов хороших много, поэтому я и не писала стихи на русском». А на вопрос, "почему?" - "Хотелось сказать правду на родном языке о людях, о себе, о жизни*". И уж совсем непростительное столкновение – Октябрина и ее переводчик поэт Владимир Смирнов: *"…в Мурманске с Вороновой довольно-таки долго работал Владимир Смирнов. Он был очень хорошим человеком и отлично знал, что такое Север. Только вот поэт из него так и не вышел. Соответственно и переводы у Смирнова были никакие. Воронова до последнего надеялась, что встретит серьёзного поэта, который поймет и адекватно передаст ее боль. Однако судьба распорядилась иначе"…*

Здесь Огрызко совсем перегнул палку, ведь живы еще люди, сестра родная Шура, близкая подруга Александра Антонова, вдова Смирнова, я и т.д., кто может подтвердить, как высоко ценила Октябрина переводы Владимира Александровича, говоря, что он, как никто, понял ее душу, что именно в его переводах она почувствовала тундру, родное, свое... Я не считаю себя специалистом в разборе поэзии, но скажу только одно – поэзия Смирнова очень достойная, песенная, душу трогает.

Походя, без должного уважения, упоминает Огрызко и о Виталии Семеновиче Маслове, который для него просто «бывший радист атомохода "Ленин", воскресивший в своих романах порушенную жизнь поморов… Вот оно московское пренебрежение провинциалами. Только мне кажется, пройдет время, и люди вспомнить не вспомнят, кто такой был Вячеслав Огрызко, а вот Маслова будут помнить всегда, потому как имя его в одном ряду со святыми первоучителями Кириллом и Мефодием стоит, он не склочничал, как некоторые, он ПОСТУПКИ российского значения совершал! Настоящим пассионарием был…

Горько другое, горько в который уже раз разочаровываться в людях, и не просто в людях, а в писателях…

Открытие произошло!

02.09.2011. Еще в октябре 1994 года в Мурманской областной детско-юношеской библиотеке Виталий Семенович Маслов и директор библиотеки Валентина Павловна Махаева

при многочисленных гостях торжественно открыли новый литературный музей! Вот тогда-то Виталий Семенович впервые и озвучил свое желание увидеть у библиотеки еще и аллею писателей. Слушая эту пламенную речь Маслова, я подумала, а бюсты кого на этой аллее устанавливать станем: Баева, Подстаницкого, Рубцова, Вороновой? Более-то и некого. Тогда еще были живы Владимир Смирнов и Борис Романов, Дмитрий Балашов и Александр Миланов, Евгений Гулидов и Василий Евграфов, сам Виталий Маслов и Викдан Синицын, Николай Скромный и Станислав Панкратов, Михаил Тверцов и Свен Локко… Те, кто поднимали культуру и литературу Кольского края. Все они были живы…

С тех пор прошло пятнадцать лет и, слава Богу, нашлись люди, чтобы мечту Маслова воплотить в жизнь. В своем выступлении Михаил Орешета назвал их всех. Это Иван Колыш (бюст Николая Рубцова), Александр Хохлов (бюст Владимира Смирнова), Михаил Ненашев (бюст Валентина Пикуля), губернатор Мурманской области Дмитрий Дмитриенко (бюст Виталия Маслова). Губернатор выполнил свое обещание об установке бюста Маслова на аллее писателей, озвученное им на Празднике славянской письменности и культуры 24 мая 2011 года.

Автор бюста - скульптор Александр Арсеньев. Портретное сходство великолепное, правда, многим непривычно было видеть Маслова без очков. Может, потому он и показался старичком-добрячком тем, кто не знал его при жизни, особенно детям. До меня долетели их разговоры-рассуждения: «Добрый какой!», «Он хоть и писатель, но ведь дедушка, потому и добрый». Но мы-то знали Маслова и как великолепного оратора, и как бескомпромиссного политика, и как дальновидного провидца. А с детьми он был именно таким – добрым до бесконечности, потому что любил. Кто знает, может это и правильно, что у детской библиотеки будет стоять Маслов - «добрый дедушка». Но мне все же по духу, по характеру ближе бюст скульптора Николая Селиванова, который в миниатюре можно увидеть только в Есенинском музее МОДЮБ. Это тоже мой субъективный взгляд и мое субъективное мнение, потому как нет такого портрета, который бы нравился всем, как нет и такого писателя, который бы являлся вдохновителем всех.

Вечная память…

А заканчивая свои воспоминания, я только и могу добавить - пусть будет вечная память Виталию Семеновичю Маслову, человеку, вернувшему России Праздник славянской письменности и культуры, организатору Славянского хода-1997 «Мурман – Черногория», писателю, раскрывшему людям мир поморов Русского Севера, моему большому другу и наставнику, который постоянно живет в моем сердце, с которым я и по сей день мысленно разговариваю…

Вечная память всем, кто делал историю Кольского края, а значит, стал сопричастен истории всей России.

Вечная память Борису Степановичу Романову, весть о кончине которого в Мурманск пришла через несколько месяцев после Хода-1997. И на могиле которого мы побывали в 2002 году в третьем Славянском ходе - и я облегченно вздохнула, так как выполнила просьбу Виталия Семеновича Маслова, который в Ход мечтал поехать сам. Это было так по-христиански, навестить могилу товарища. В последней повести «Мила» Борис Романов, не щадя себя правдой своих поступков, вывел удивительно светлый и нежный образ своей жены, который, как ни странно сумел и образ самого Романова поднять над суетой жизни до образа поднебесного…

Вечная память Дмитрию Михайловичу Балашову – великому русскому историческому писателю современной России, собравшему и записавшему фольклор поморов Кольского Севера, моему другу и крестному отцу в литературе, который до сих пор подвигает меня на новые писания и искания о нем…

Вечная память Октябрине Владимировне Вороновой (в крещении Ирине), первой саамской поэтессе, реальная жизнь которой была положена на алтарь только-только зарождающейся саамской литературы. Я знала ее ровно десять лет до ее кончины, но наблюдала только со стороны, так ни разу и не приблизившись к ее душе при жизни… Но затем создала музей имени Октябрины, и образ этой не похожей ни на кого женщины стал родным и понятным…

Вечная память Владимиру Александровичу Смирнову, образ которого никогда не покидает меня, освещая своей доброй улыбкой. И несмотря на то что мне с ним пришлось общаться по времени меньше других писателей, это только физическое время, а на духовном уровне наше общение вечно…

Вечная память Александру Александровичу Миланову, Саше, Сан Санычу, который в моем восприятии так и остался вечным странником северных тундр, гор, рек, озер… Он, как никто другой, умел перенести в свои стихи и бывальщины состояние природы, характеры людей, повадки зверюшек,... Да и рассказчиком был великолепным, более скажу талантлевейшим живописцем слова. Тундра была для него великим откровением, и он свое земное сердце отдал ей безраздельно. Он не умер, он до сих пор там, он и есть уже сама тундра, слился с ней в преодолении одного препятствия за другим.

Вечная память Борису Макаровичу Соколову, вечному капитану атомного ледокола «Ленин», который если бы был жив, верю, обязательно договорился с кем-нибудь, чтобы свозили меня на Северный полюс увидеть настоящее полярное сияние, такое, какое наблюдали они в своих походах частенько с Масловым. Увидеть и затем описать эту красоту в слове - вот о чем моя мечта после наших с ним бесед…

Вечная память Евгению Ивановичу Гулидову, с которым у нас так и не состоялось ни одной встречи, только через портрет, висевший в писательской, да стихи…

Вечная память Василию Васильевичу Евграфову, жаль, очень жаль, что он в поисках себя, так и не обрел дома…

Вечная память Викдану Викторовичу Синицыну (в крещении Виктору) – поэту, писателю, моряку, участнику Славянского хода «Мурман – Черногория», моему дорогому другу, разлуку с которым мне смягчила его вдова Аллочка. Как может уйти из души то, что дорого? Никак! Оно остается в тебе. Остаются наши с Аллочкой воспоминания, наша любовь к нему, наша преданность его памяти…

Вечная память Николаю Александровичу Скромному, с которым нас связывали многие доверительные беседы в поездках с выступлениями, в Союзе, у меня в музее имени Октябрины. Скромный, который, не смотря на свой писательский талант прозаика самого высокого класса, со мной с первого момента нашего знакомства оставался прост в общении, не обижался на мою резкую подчас в его адрес критику, оставался в чем-то даже неуверенным и закомплексованным, а потому спешил посоветоваться, прислушаться… И до последнего вздоха в писательской старался всех примирить…

Вечная память Станиславу Александровичу Панкратову, который так надеялся, что и его портрет будет висеть в писательской организации, но пока он улыбается только мне в Музее саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой, и к могиле которого дороги моей жизни меня все таки привели, и я поклонилась ему от всех, кто пока еще не имеет возможности попасть в Кижи…

Вечная память Михаилу Тверцову (Олегу Викторовичу Михайлову), который был и человеком хорошим, и писателем, и моряком, и кандидатом географических наук, и автором более пятидесяти работ по геоморфологии, структуре Мирового океана… Встречался с Константином Паустовским, видел живой в солидном возрасте Анну Ахматову и мальчишками Иосифа Бродского и Евгения Рейна, слышал как читал стихи молодой моряк Николай Рубцов… Все в Михаиле Тверцове, просто у нас не срослось, так бывает…

Вечная память Свену Петровичу Локко, большому финскому художнику полотна и слова. До сих пор не могу себе простить, что не забрала сразу, подаренную мне им картину в далеких уже 90-х, постеснялась. А сегодня она стала собственностью Областной научной библиотеки. Теперь я на нее только со стороны и гляжу, и все же знаю: Свен ее мне подарил. Я всегда чувствовала, особую, идущую из его души, ко мне теплоту, и это чувство остается во мне, и по сей день…

Вечная память вам, соединившим своими сердцами вокруг себя всех нас.

И ты, читатель, если проникся этими людьми, затепли в храме свечу за них, помяни их и помолись за их Царствие Небесное.

Послесловие

«После критического разбора от книги остался пух и прах»

02.02.2012. После проведения 8 декабря в Областной научной библиотеке презентации книги «Мой Маслов» я сказала иеромонаху Тарасию (Перову), некогда помощнику Василия Калайды, депутата Мурманской областной Думы (тогда он был еще Ильей и прекрасно знал Виталия Семеновича), что на презентации меня просто распяли. Отец Тарасий по-масловски добро усмехнулся и растяжно произнес: «Христа распяли за веру, быть распятой за Маслова, тоже достойно».

А потому здесь я и решила привести высказывания тех, кто выступал с критикой на этой презентации, а также отзывы людей, кому книга понравилась. Спасибо и тем и другим. Может, не случись этого «распятия», не подготовила бы я второе издание книги, очистив от ошибок и опечаток, добавив новые материалы и воспоминания.

> ***Валентина Устиновна Маслова:*** «…Автор откровенно делится воспоминаниями о Маслове, близком ей по духу, а также о писателях и других людях. И какими же предстают на страницах книги эти люди, с которыми свела её судьба? Что их духовно объединило? И почему вдруг распался, по словам, Надежды Большаковой, духовный Союз писателей? Ответы на эти вопросы очень сложно в книге найти…
>
> О том, каково автора представление о членах Союза писателей Мурманской организации, даёт представление список поэтов и писателей с ассоциациями автора. Только три члена Союза писателей ассоциируются, как писатели, остальные под кличками, которые никакого представления о них, как о писателях не дают…»
>
> ***Дмитрий Валерьевич Коржов***: «…поймите главное, об этой книге не надо говорить вообще, её стоило бы в принципе не заметить, потому как книги как таковой, как явления культуры нет».
>
> ***Владимир Васильевич Сорокажердьев***: «Дело не в обиде. Большакова назвала меня отшельником, я этому слову рад. А кто я? Отшельник и есть. В последние годы много по тундре езжу. Здесь был задан вопрос, что за жанр книги? Я думаю, это публицистика. Публицистика–дневник. И с Коржовым, что эта книга не явление, не согласен, может быть сейчас она не явление, а потом… Думаю, лет через двадцать это будет ценнейший источник нашей сегодняшней жизни».
>
> ***Надежда Георгиевна Благова: «***Я и начну с последних слов Владимира Васильевича. И какой же предстанет жизнь литературного края через двадцать лет, что в этой книге мы прочитаем об этой жизни? Мы прочитаем о том, что был некто Маслов, который был жутким человеком, величие которого мы в книге не увидим, мы увидим, какой он был непримиримый, как он грубо разговаривал, никогда Большакову не называл по имени, всегда только по фамилии и так далее…
>
> Каким нам представляется Маслов в этой книге?.. Есть ли там какое-то общественное значение Маслова? Есть ли там Маслов, про которого Надежда Павловна говорит, на которого мы сейчас наводим глянец?
>
> …Как мы такую книгу ученику порекомендуем? И что из этой книги ученик поймёт? Что Маслов был вот такой? И потом, первая часть - дневники. Ну, хорошо, дневники. Маслова я так воспринимаю, имею права так описывать, а дальше вторая часть - что? Вторая часть – это слова о Маслове других людей. Но извините, если это дневник, то почему здесь слова других людей приводятся? Отрывки печатаются из того, что уже опубликовано? Книга изобилует и орфографическими, и информационными. Как мы такую книгу ученику порекомендуем? И что из этой книги ученик поймёт? Что Маслов был вот такой?»

Антисловари

27.03.2012. Здесь самое время признаться, хоть делать это и стыдно. Права Надежда Георгиевна, я, правда, до сих пор пишу не слишком грамотно, что очень угнетает. А все началось с моей учебы в Новгородском КПУ на режиссерском отделении, когда в училище по сценречи нам ввели в обязанность вести «Антисловари», куда мы постоянно записывали слова

неправильно произносимые людьми в повседневной жизни. К примеру, если я слышала, что кто-то сказал «булоЧная», тут же относила его к неправильно произнесённым, а в графу правильных записывала «булоШная», если говорили «кОрова», то перечёркивала букву «о», писала правильно «кАрова», как вместо «Омлета» записывала «Амлет» или «ОгОрода» - «АгАрод», вместо «сердеЧность» - «сердеШность», «Остановки» – «Астановка», и так далее. Нас учили правильно говорить, обозначая тексты палочками, галочками, подчеркиванием, что в свою очередь означило: длинные паузы, люфтпаузы, ударные слова. О, тогда на курсе я считалась одной из лучших студенток!.. Зато сегодня к своему ужасу осознаю, что продолжаю писать, как говорю, и ставить знаки препинания совершенно не по установленным правилам русского языка, а по внутреннему ощущению текста, прочитывая каждое произведение вслух, чтобы не просто видеть его глазами, а и слышать звучание… И потому замечание Благовой – принимаю.

А насчет дневников, так свой первый я завела в 7-м классе, потому как росла мечтательницей, а девизом взяла слова Моцарта: «Жизнь – это улыбка даже тогда, когда по лицу текут слёзы». Писать в дневник - одно из любимых моих тайнодействий. Записываю все, что радует или огорчает, встречи с интересными людьми, писателями, даю оценки тем или иным событиям, характеристики, вклеиваю вырезки, если их содержание отражает мои собственные мысли и представления… Пишу откровенно, не боясь, что у меня, их кто-то прочтёт. Даже если прочтут, ничего криминального там нет. Я такой же человек из крови и плоти, как все, со своими слабостями, сильными чертами, греховными мыслями, влюблённостью…

Дневник мерило моих дел – праведных и не очень, и потому здесь я стараюсь душой не кривить. Иногда, перечитывая те или иные страницы, до слёз смеюсь сама над собой, а иногда, от откровенности написанного, в жар бросает, но чаще искренне радуюсь, что зафиксировала то или иное событие, стертое уже из памяти временем.

> ***Валентина Петровна Тимофеева: «***А я думаю книги о том, как было, как начинали в советское время уже выходили и могли быть разного жанра. Тот путь, который прокладывали писатели, был очень тяжёл и тернист. И не только Маслов тогда работал. Сейчас пишут: Маслов организовал Дни славянской письменности… Но в то время секретарём писательской организации был Тимофеев Виктор Леонтьевич, и весь претруднейший путь: разговоры с обкомом, разговоры с Москвой легли на него. Только благодаря настойчивости Виктора Леонтьевича и умению убеждать – праздник состоялся…
>
> …Некоторые из писателей не очень-то помогали писательской в силу каких-то своих представлений о жизни, а вот Тимофеев и Маслов больше всего делали для организации, и писать о них нужно. И я тоже, когда впервые прочитала книгу Надежды, меня поразило: о себе ты пишешь или о Маслове? Мне показалось, что больше о себе…»
>
> ***Роза Хабибовна Смирнова: «…***Неточностей в книге Большаковой, думаю, нет, потому как события записывались чуть ли не ежедневно, а вот у Сорокажердьева как краеведа и историка неточностей масса, и то проходит. И обижаться здесь нечего».
>
> ***Елена Деревякина: «…***Я не буду говорить о художественности книги, о том, что она из себя представляет, сколько там правды, сколько лжи. Книга, на мой взгляд, книга-исповедь. Когда я прочитала злачные места, на которые указали, сказала: ″О-о-о! Да эта книга такая-сякая. А потом села и подумала, это надо же иметь мужество, чтоб так открыто исповедаться перед нами живыми, которые после прочтения в лицо могут все высказать… И то, что я сегодня услышала, это не каждый выдержит…″
>
> …Второй раз я эту книгу пролистала и отметила очень много таких фактов из биографии Маслова, каких не узнала бы никогда, не увидела нигде. Надежда, у тебя здесь очень большой труд. Может, потому что это первая такая большая книга о Маслове, потому в ней и столько яркого, нужного.
>
> … Я считаю, что вот из таких книг и создаётся история».
>
> ***Игорь Борисович Циркунов: «***…А я считаю: взять бы эту книгу, Надя, и тебе по голове. Это не русский язык, это черт знает что. Потому, что за целый день при чтении ее, я не смеялся даже, а ржал, падая с дивана...

Дневник, не дневник… Да если бы у нас был чемпионат книг-уродцев, эта книга первое место конечно не заняла, есть и похуже, но это не означает, что думаю, то и пою. Это всё-таки книга, а не устный жанр, в котором оговорилась, не то слово употребила, окончание неправильное… Это книга!

…Теперь о том, что здесь написано. Действительно тут нет никакого Маслова, он, конечно, твой, может быть, но я-то его не вижу. Я вижу тебя, твои поцелуи, твои обнимания. Действительно, книгу нужно было назвать не «Мой Маслов», а «Я – Большакова». Все про тебя. Здесь нет анализа, который бы я хотел найти о его творчестве.

…Поэтому, когда говорят: явление, не явление, это явление, но как камень в огород».

Виктория Борисовна Бакула: «…Случайно мне попалась высказывание Алексея Крышанкова: ″После критического разбора, от книги остался пух и прах. Но ведь пух с крыльев Пегаса, а прах с его копыт″.

В названии книги Большаковой заявлено - ″Мой Маслов″, и этим снимается много вопросов. Понятно, что в книге – максимум субъективности и минимум объективности. Имела ли Большакова на это право? Конечно. Ровно такое же, как все другие авторы. У Надежды действительно был ″мой″, то есть ЕЁ Маслов. Вот этого Маслова я знала очень хорошо. Он был образцом для Надежды, кумиром в каком-то смысле. Она на подсознании подражала ему даже в Славянских ходах, даже в каком-то смысле боготворила. Во всяком случае, уважение её к Маслову было безграничным, и его мнение, его взгляд на многие вещи и после его смерти оставался и остаётся для неё законом. Я думаю, Маслов для Надежды - планка в писательском труде, в человеческой сути, ориентир в жизни, в общении с другими людьми, не БЫЛ, а ЕСТЬ. Композиция произведения чётко разделена: до смерти Маслова и после смерти Маслова. Кульминация – смерть. Это кульминация, прежде всего, Надеждиной жизни, потому что и после смерти Виталия Семеновича он остаётся на страницах её дневников. Он – тот же, она – другая. Мы видим, как мучительно переживает она его уход на каждой странице воспоминаний, как ворошит прошлое, теребит незаживающую рану: Маслова нет, а для неё он – есть. Она являет его в каждой строке своих воспоминаний, и ей удаётся это. Уже во многих откликах на книгу я слышала: ″У тебя Маслов живой получился!″ Образ Маслова, на мой взгляд, - это творческая, профессиональная удача писателя. Потрясает рассказ от лица Виталия Семёновича. Очень сильное впечатление, волосы дыбом. Зримо, образно, когда читала, плакала…

Об отношении Надежды к Маслову можно писать много. Реакция, когда читала книгу, – всем досталось, а самой больше всех! В своей книге Надежда оголила душу, распахнула ее читателю, а это чревато. В такой ситуации обязательно найдутся те, кто захочет плюнуть в неё, растоптать незащищённость. И ведь для такой искренности нужна смелость и мужество, какими и обладает Большакова-писатель. По сути своей Надежда - добрый человек, она никогда не ставит задачу уколоть человека, обидеть, она этого не умеет. Просто говорит правду. Свою правду, хотя бывает ли своя правда? Она очень скрупулёзно и серьёзно относится к жизни как к данности, ей удаётся фиксировать жизнь во всех её проявлениях. В её дневниках мы обнаружим такие факты, которые, казалось бы, знали все сами, но не обращали на них внимания, а она вот, глядите-ка, ухватила, зафиксировала, пережила. В её дневниках все от начала и до конца подаётся в хронологической последовательности, документально, и только потом может быть высказано своё мнение, но ничего не перевирается. И кто ещё вот так, перед всем честным народом, смог бы распять себя? Возникает тихий и назойливый вопросик: а зачем это нужно? Ответ может быть только один: а по-другому не умеет. Маслов сам учил этому Большакову, потому как сам говорил всегда только правду.

Её книга и интересна своей откровенностью, а письма, включённые в дневник, вообще шедевр искренности и высоты духа. Вот где Большакова явлена лучше всего. ″Настоящая дочь Маслова″, - сказал в свое время Викдан Синицын, и хочется это повторить. Её книгой Маслов, с моей точки зрения, увековечен. Нужна гражданская смелость так писать. Гражданская потому, что в книге своей она запечатлевает эпоху, время, в которое жили и живут те, кто книгу читает, а жизнь человеческая никогда не бывает контрольной работой без ошибок, но всем-то хочется, чтобы об их ошибках никто не знал, вот написанное и возмущает. Но, позвольте, причешите-ка жизнь, приоденьте, и о чем писать? Да будь так, никто бы и не знал нашей истории, столько раз переписанной в угоду и для. Да во все века художественная литература (классической она становилась позже, и не современникам дано оценивать ее с такой точки зрения), а не история доносила до нас правду о нашем прошлом. Смешно было бы это отрицать.

Читая книгу, я делала на полях пометки и очень часто писала одно слово: ″смело″, ″смело″, ″смело″… И ведь действительно смело. Надежда не боится сделать достоянием всех и себя со

своими мыслями, переживаниями, мнениями. Причём она приводит массу оценок самой себя другими людьми. А ведь мы видим, что она не ангел, и поведение её бывает эпатажным для кого-то, кого-то раздражает, бывает оно и несуразным, но Надежда ничего не ретуширует, доносит до читателя правду. Часто ли среди нас найдётся такой человек, можем ли мы так делать? И если не принимаем таких откровений, сами не пишем так ответственно, зато осуждаем за это других, значит ли это, что боимся выйти из раковины и сорвать с себя маску? Белыми воронами на Руси всегда называли подобных людей, но время рассудит.

Я читала книгу с карандашом в руках, исписала все форзацы и многие поля, потому что книга звала не только к размышлению, но и к разговору, иногда к спору. Произведение написано, с моей точки зрения, в лучших литературных традициях потому, что написано с любовью ко всему и всем и с болью за все, что совершается ныне в отсутствии Маслова – большого человека, настоящего гражданина, главного человека в судьбе многих на Мурмане. Книга потрясающа по информативности, глубине, Памяти с большой буквы. Всесторонне, крупным планом показан Маслов. Величие этого человека – писателя, общественного деятеля – осознают после прочтения книги даже те, кто не знал его лично, и поэтому книга просто необходима.

…Да, остальные герои по сравнению с Масловым меркнут, но автор и не задавался целью – одинаково выпукло нарисовать всех. Не каждому дано быть таким, как Маслов. Добавлю лишь одно, книга Большаковой – книга-друг для меня, с которой можно беседовать. Написанное Надеждой – это уже зрелость. Это не проба пера, и Большакова в этой книге не только распахнутая миру провинциалка с незащищённой душой, но умудрённая пережитым, рассудительная, на многих страницах горюющая о том, что не состоялось в некогда сплочённой писательской семье, горюющая о разрушении некогда этой самой семьи, когда-то такой родной, выпестовавшей ее - писателя, и это горькая правда. Изменится ли что? Хочется верить. А потому сегодня ей приходится держать удар и помнить: Маслов говорил, что она может все…»

Енакентий Терзян: «…Виталия Семёновича я знал живым. У меня уши, видите, ещё красные. Дорогие женщины, вы чуть ли не дошли до нижнего белья. …Это было похоже на улей, и я чувствовал, что вы точно пчелы кусали меня, так эмоционально я воспринимал выступления той и другой стороны…»

Нина Ивановна Глущенко: «Сегодняшние выступления практически у всех были со знаком минус. Я скажу, у меня на полке стоят все книги Маслова, но к стыду своему, после прочтения я не открывала их больше десятка лет. А когда прочитала книгу Большаковой, уже третий месяц читаю и перечитываю книги Маслова. И считаю это самой главной заслугой книги Надежды».

Светлана Адиковна Дячок: «Да, непростая презентация прошла у нас и, заканчивая вечер, я скажу, что Маслов сегодня был показан как многогранный, большой не простой человек с лёгкой походкой, как сказала Татьяна Шорохова, известная мурманская художница. И тоже выскажу своё мнение. Я не была знакома с Масловым лично, но после прочтения книги Надежды, он для меня стал живым и ярким. То, что я читала в журнале ″Наука и бизнес на Мурмане″, это были тексты памяти, тексты почитания, а вот его неуёмную энергию, живость я нашла только у Большаковой. Да и образы того костяка писательской организации, с которой я знакома, работаю, для меня оказались очень позитивными. Это образы Тимофеева, Скромного, Викдана Синицына. Это люди действительно мужественные и очень талантливые. И спасибо всем за то, что так активно высказывались, думаю, не стоит обижаться друг на друга, потому как у каждого Маслов свой. Тот, кто его знал, и тот, кто не знал, как я. И Надежде большое спасибо за этот большой труд и смелость».

Отзывы о книге разных людей

Елена Михайловна Григорьева (руководитель миссионерско-просветительского отдела Новоторжского Борисоглебского монастыря. г.Торжок): *«На дворе давно не тридцать седьмой, но что-то не так. Уже рассыпался в прах семидесятилетний Колосс на глиняных ногах, и даже пыль осела. Вот она долгожданная свобода – говори, пиши, радуйся и, главное, живи!*

Но отчего в одночасье вчера еще открытые и близкие люди с каждым днем все больше и больше превращаются в подобие маленьких Колоссиков? Почему сейчас, когда мы вроде бы свободны, говорить искренне стало стыдно, предосудительно? Получается, победив старые предрассудки, мы придумываем новые? Нет, я не имею в виду пропаганду пошлости и насилия, многие именно в этом сегодня как раз и не видят ничего предосудительного. Но как только человек

начинает говорить о духовном, о нравственном, вот тут-то и начинается истерия, поскольку мы даже не заметили, как черное стало востребованнее белого.

Этот рой вопросов не давал мне покоя. Пространство вокруг меня пустело, становилось холодным и неуютным. И видно в утешение моей мятущийся душе судьба послала поездку на Форум православных СМИ в Мурманск. Надо ли говорить о том, что это был настоящий праздник общения, что именно здесь я нашла множество ответов на свои "почему"?! И, что самое удивительное, весь этот рой мыслей, чувств, впечатлений упорядочился в книге Надежды Большаковой "Мой Маслов". На самом деле эта книга не о Маслове, это гимн той плеяде замечательных людей, которых он сумел собрать вокруг себя. Они оставили в сердце моем огромное тепло, радость и какую-то особенную правду жизни, вот в этих воспоминаниях Надежды. Она умудрилась влюбить меня в Викдана Синицына. И так образ за образом оживали во мне те, кого уже нет, ближе и понятнее становятся те, кто продолжают жить и творить. Это искренняя летопись для тех, кто захочет окунуться в реальную атмосферу ушедшей эпохи. Именно реальность, такая, какая есть, нужна в жанре, выбранном Надеждой. Не всякий решится на исповедь перед народом, перед вечностью.

И если бы меня кто спросил: "Так о чем же книга Большаковой, что вызвала в тебе такую бурю эмоций, что заставило читать ее на одном дыхании?" Коротко – это трубный Гимн ДРУЖБЕ. А еще - искренний крик счастья и боли. Такой крик может оглашать землю при рождении ребенка и при уходе самого дорогого, близкого душе человека. Боль утраты, что рядом уже не будет счастья, опоры, тепла… Радость за то, что это было, было, было!

"Маслов! Мой милый Виталий Семенович, как часто я ловлю себя на мысли, что скучаю по тебе…", и дальше: "Маслов сказал…", "Маслов бы не позволил…", Маслов в каждом событии, в каждой новой личности, появляющейся в дневниковых записях – Маслов, ваяющий из каждого монолит с глубоким и очень человечным содержанием.

Он в окружающем пространстве, наполняя его СМЫСЛОМ, ЖИЗНЬЮ, СОВЕСТЬЮ, СОДЕРЖАНИЕМ, - всем, что дорого стоит и дается ценой собственного здоровья и благополучия. Ценой жизни!

Читаешь, и строка за строкой вырисовывается образ удивительного человека, который очень многое успел сделать, но и многое не успел, потому что не просто горел, огнем полыхал. Кто-то грелся у этого огня, кто-то обжигался и отходил…

Надежда – тоже факел, возгоревшийся от этого огня. Она в поте лица собирает хворост, чтобы сложить и разжечь такой же костер, только теперь в память о нем и в продолжение его дел. И он разгорается, и теперь уже вокруг ее костра собираются люди, но находятся и такие, что смотрят только со стороны, возмущаясь ее неслыханной дерзостью: "Что себе позволяет? ", "Как смеет?", "Только у нас право на этот костер! " Стоят, негодуют, тратя попусту силы свои и талант. А Маслов смотрит с небес и говорит тем самым своим добрым и ласковым голосом, который так хотела услышать Надежда: "Да помогите же, вы, моей любушке!"».

Любовь Владимировна Маренич (библиограф МУ ЛМБ п.Ревда Мурманской области): *«Книга Надежды Большаковой "Мой Маслов" написана настолько искренне и интересно, что я прочла ее дважды, всецело погружаясь в атмосферу душевности и дружбы автора и секретаря Мурманской писательской организации Виталия Семеновича Маслова. Чувствовала, какой неразрывной нитью на духовном уровне связаны эти люди. Маслов в книге показан глубоко человечным писателем и подвижником, потому что автор обратилась к его истокам, семье, биографии. Показала в лицах историю развития, возглавляемой Масловым писательской организации, чего я раньше нигде не читала. Человечность, душевность, искренность, переживания автора не оставляют равнодушной. Книга написана с огромной любовью, как к самому Виталию Семеновичу, так и ко всем остальным писателям Мурмана, а еще с большим юмором и критикой по отношению автора к самой себе. Я считаю эту книгу Надежды одним из ее лучших произведений».*

Павел Викторович Фёдоров *(доктор исторических наук, профессор кафедры истории, проректор по НИР Мурманского государственного гуманитарного университет г.Мурманск): «Глубокоуважаемая Надежда Павловна! С удовольствием познакомился с Вашей книгой-дневником "Мой Маслов". Ваша откровенность книге ничуть не вредит, а, скорее напротив, придаёт дневнику характер подлинности, превращает его в ценное документальное свидетельство, по которому потомки будут судить нас и наше время. Даже сегодня не всегда получается говорить то, что думаешь, - иногда это оправданно, а порой является предвестником собственной*

слабости, прежде всего, духовной. Полагаю, что Ваше откровение стало гласом Правды, поскольку долго Вами накапливалось, переживалось и прорывалось наружу.

А неприятие книги некоторыми людьми можно объяснить только желанием Ваших оппонентов умолчать Правду или преукрасить прошлое. Так часто бывает. Но мы ведь с Вами знаем, что мемуары, дневники и эссе ради того и пишутся, чтобы вопросы, которые расставляет сама жизнь, не были смыты из нашей памяти. Подвижничество мемуариста - это особая тема в нашей культуре. Как часто мне приходилось видеть живых свидетелей Истории, отвечавших на мою мольбу сказать о прошлом... своим молчанием. Увы, не каждый в жизни решается на Откровение. Многие забирают свои раздумья с собой в могилу. Возможно, дело в том, что любое Откровение - это ещё и Исповедь, признание своих грехов и ошибок».

Нина Владимировна Киселева *(жена профессора А.А.Киселева г.Мурманск): «Ваша книга о Маслове у меня на тумбочке, а не в шкафу. Время от времени открываю ее наугад, и мне кажется, что захожу на огонек, где не чувствую себя лишней. Иногда пытаюсь разгадать секрет "мозаики" Вашего текста, но не могу. Бесспорно, Ваш литературный почерк индивидуален. А эта книга проникнута признательностью к Учителю, от горечи утраты которого душа автора страдает, и невозможно эти страдания скрыть. Очень давно у меня не было настольных книг...*

Я видела В.С. Маслова, но лично знакома не была, хотя много о нем слышала отзывов. Всем ясно, что Маслов – один из столпов Кольской литературы. Но у каждого читателя - он свой. Как и у Вас, Надежда. И у Цветаевой был "Мой Пушкин". Вы смело предложили свои, непричесанные, живые, от души написанные воспоминания. Жаль, что он никого не слушал, через сердце пропускал все неурядицы, которых было полно при том обилии общественных дел, которыми он занимался. Как рано он ушел...

Ваши определения коллег-писателей очень метки и ничуть не обидны. Справедливо и то, что Вы сказали о писателях - есть писатели, но есть и писатели-публицисты, историки и т.д. А на странице 36 в своем высказывании – "...я не виновата, что родилась бабой, да еще угораздило меня писать..." приблизились к фразе Пушкина: "Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом»... "»

Нина Максимовна Солобай *(член Есенинской научной группы ИМЛИ, секретарь международного есенинского общества «Радуница», архивист. г. Москва): «Книга Надежды Большаковой "Мой Маслов" мне попала случайно. Но это оказался счастливый случай, как сейчас говорят, "нечаянная радость"... Валентина Евгеньевна Кузнецова просила передать ее Сергею Ивановичу Субботину, члену Есенинской группы ИМЛИ, которого я давно знаю и имею удачу сотрудничать с ним более пяти лет. Сначала я книгу полистала, затем прочла все, относящееся к Валентине Евгеньевне, – человеку, которого знаю уже более двадцати лет, очень люблю и уважаю… Тем более отрадно было увидеть такое же отношение автора к ней. Затем появилась потребность узнать о человеке, жизнеописание которого включало столь близкие мне страницы…*

Имя Маслова вспомнилось почти с первых страниц – Валентина Евгеньевна рассказывала о нем. Оказались знакомыми и другие имена. Всю книгу я прочла залпом, еще раз перечитав главы о Славянских ходах, о Валентине Евгеньевне…

И когда я уже себе получила в дар эту книгу, неторопливо перечитала вновь. Мне была необходима такая искренность душевно близких мне людей. Убеждена, что в этой книге-дневнике (что определяется и жанром) нет ни строчки фальши, надуманности и видно, что автор не боится и не стыдится своей непосредственности (женской, а иногда почти детской). Зная, надеюсь, хорошо Валентину Евгеньевну, я думала – Большакова тот человек, с которым мне было бы очень легко и очень интересно. Это живой человек, настоящая женщина. Ей есть, что сказать, и она сказала. Книга стала ее потребностью, поэтому и получилась… И это нравственное чтение… Она пишет хорошим русским языком, мысли излагает понятно, а это, я считаю, самое главное. Что же касается – Маслова. Он Герой? Да! Несомненно! Личность, вызывающая большое уважение и интерес!»

Ольга Николаевна Балашова *(заведующая Центром исторического чтения имени Д. Балашова. г. Великий Новгород): «Прочитала книгу-дневник Надежды Большаковой "Мой Маслов" и порадовалась – ну вот, встретилась с Виталием Семёновичем вновь. Именно – встретилась. Часто ушедшего человека нам хочется представить этакой иконой, белым и пушистым. И теряется его обаяние, живость. Поэтому, наверно, неинтересно читать те воспоминания, где герой "причёсан" и "умыт". Это не значит, что он должен быть представлен эдаким исчадьем, но… "кто безгрешен, тот пусть первым бросит в меня камень"?*

И Виталий Семёнович предстаёт в книге Большаковой именно живым. Мы видим глыбу, человека, который перед собой ставит такие цели, которые и целому сообществу людей подчас не осилить. Причём не только ставит, но добивается их выполнения. И в тоже время, Маслов – ранимый, эмоциональный, взрывной. Читатель видит, какие трудности приходится преодолевать Виталию Семёновичу, чтобы писательская организация жила, а Праздник славянской письменности и культуры не только возродился, но и стал национальным праздником всей новой России. Мы как бы соучаствуем с Масловым во всех его делах и начинаниях. И кожей чувствуешь, через что пришлось ему пройти: и начальство, и свои братья-писатели, и…

Все воспоминания Надежды пронизаны уважением и огромной любовью к Маслову. И мне кажется, что прочитавший книгу, даже если и не знал Виталия Семёновича, также проникнется искренним уважением к этому удивительному человеку.

Автор использует хороший приём, включая в свои дневниковые записи еще и воспоминания людей, знавших лично Виталия Семёновича, друживших с ним, выдержки из разных книг самого писателя, что даёт развёрнутое представление о Маслове и как о писателе, и как о человеке, и как о гражданине, во многом подтверждая и обогащая мысли самой Большаковой. Кстати, прочитав эту книгу-дневник, очень хочется познакомиться уже и с произведениями самого Виталия Семёновича. Некоторые его публицистические статьи я читала, а вот прозу, к стыду своему, не знаю совсем. А то, что он писал стихи, узнала только из книги Надежды. К сожалению, в Великом Новгороде даже в библиотеках произведений Маслова нет. Так что спасибо Надежде, что она хоть немножко, но дала возможность прикоснуться к творчеству замечательного писателя, чудесного человека Виталия Семёновича Маслова».

Татьяна Юрьевна Кугавда *(художник, преподаватель детской школы искусств им. В. И. Воробья г. Мончегорск): «До утра читала книгу о Маслове. Я бы назвала ее "Исповедью" или "Страстями по Маслову" - по аналогии "Страстей по Матфею"... На самом деле написано очень страстно-оголенные чувства и нервы, автор, точно огонь, находящийся уже "на костре своего греха". Все в книге понравилось... Правда - Высокая... Сильная… Достойная! Преклоняюсь пред силой духа автора».*

Дмитрий Анатольевич Ермолаев *(поэт, писатель, сотрудник Мурманского государственного архива. г.Мурманск): «Каждый пишет, как он дышит, и в отношении Надежды Павловны это проявляется со всей очевидностью. Потому что так, как она про Маслова написала, я бы никогда не написал. Она человек определенного характера, определенных взглядов, и она действительно написала своего Маслова. Причем уже в заголовке подчеркнув субъективность своего взгляда, написала не просто "Маслов", а "Мой Маслов", то есть это моя точка зрения. И в этом смысле я не совсем понимаю претензии, которые ей были высказаны на презентации в научной библиотеке, поскольку тут, как мне кажется, необходимо отделить злаки от плевел, политику от литературы. Потому как те претензии, что высказывались, на мой взгляд, носили именно политический характер. А главный упор все-таки нужно делать на литературу. В этой книге удалась главная мысль, что и позволяет считать книгу состоявшейся - литературный портрет Маслова получился! И получился наиболее объективным даже из всего того, что я читал когда-то о Виталии Семеновиче. И, может быть, получился наиболее близким к реальности как раз за счет этой субъективности. Парадоксально? Да! Наиболее объективный портрет получается из субъективной формы изложения. А все потому, что Маслов дан в потоке жизни, в потоке событий и из частного слагается целое».*

2013 год. Свое отношение к книге высказывается до сих пор…

Валентина Евгеньевна Кузнецова *(создатель музея Сергея Есенина на Мурмане. п. Росляково Мурманской области): «Книга «Мой Маслов» написана Надеждой по своим дневникам, а вышло, что здесь я увидела и мое восприятие Маслова. Это и мой Маслов тоже. Когда я взяла книгу в руки, читала ее не отрываясь от начала до конца. Не могла оставить прочтение даже на следующий день. Это была и моя боль, и наша боль общая. Боль всех, кто знал и любил Маслова. Здесь было все правдой из того, что я прочитала и знала. Особенно четко я представляла все, что происходило в рассказе, помещенном в книге Надежды «Последний день Маслова». Ведь я была одним из участников этого дня, и с болью до сих пор вспоминаю разговор Виталия Семеновича с Синицыной, снова вижу, как он резко бросает очки, а затем порывисто лезет за ними под стол, не дав нам всем даже опомниться. Вспоминаю,*

как мы с Надеждой вели его, плохо чувствующего себя до писательской. Я в этот день живым Маслова видела в последний раз и до мельчайших подробностей помню все. А Надежда сумела описать это так, что вновь и вновь сжимается сердце от боли и выступают на глазах слезы.

Но было и то, что по прочтению в книге я сразу не приняла, опасаясь, что это не примут и некоторые писатели. Мне кажется, не надо было писать Надежде о том, как принимали в Союз писателей Дмитрия Коржова, и я сразу сказала ей об этом. И что не надо было бы писать о премии Пикуля, которую получил Орешета. Чувствовала, что писатели, бывшие участниками Ушаковского хода, воспримут книгу с огромным негативом, так оно и вышло. И будучи на двух презентациях этой книги, я увидела, как мои предположения полностью оправдались. Они не простили Надежде правды, рассказанной ею и стали резко обвинять ее в том, что книга нечестная, лживая, ненужная. Не думаю, что они были правы. Книга правдивая и любовь к Маслову, и уважение огромное, и талант Маслова в книге четко показаны, а то, что она вызвала такую реакцию некоторых читателей, подчеркивает, что мы не привыкли слышать о себе честную правду, о которой поведала Надежда в книге. По окончанию первой презентации я сказала В. У. Масловой, Н. Г. Благовой и Т. В. Рыжовой, что они не могут простить Надежде Ушаковского хода, кто-то из них вообще не стал участником его, а кто-то только на определенном этапе. Они судили не книгу, а сводили свои счеты, и было обидно за них.

А книга нужная, ведь это первая книга о Маслове. Надежда единственная из всех писателей сделала на годовщину его памяти и фильм о нем «Мы… не безродны, если память есть!». Прошло одиннадцать лет, и никто о Маслове кроме нее подобного более не создал и не написал.

А книгу эту я посылала в Есенинские музеи, друзьям в Институт Мировой Литературы им. Горького, и ответ от всех был один: книга интересная, нужная, пронизана любовью. Мне говорили, что они не зная Маслова, узнали его из книги Надежды, полюбили, и позавидовали, что у нас в Мурманске был такой писатель, который объединял нас всех, помогал нам в есенинской работе, просили прислать его книги. Я послала книги Маслова в ИМЛи, нескольким своим друзьям-есенинцам в Барнаул, в Москву, в Санкт-Петербург и в Вологду. Прочитав его произведения, например, автор многих книг о Есенине Корохин Лев Федорович написал в ответе мне, что писатель этот уровня Абрамова, Личутина, Залыгина, что по книгам Маслова еще будут изучать язык Поморья.

Юлия Владимировна Ларина *(социальный работник г. Кируна (Швеция)): «Надюша, прочла книгу о Маслове. Брала её в руки с сомнением, а будет ли мне интересно, так как люди, которых ты описываешь, мне не знакомы, события, про которые ты рассказываешь - прошли мимо меня. Но начала и прочитала за два дня... Не ожидала даже, что так втянусь. Ты так живо и без прикрас все описала, что я почувствовала себя свидетелем всего, что происходило на вашей писательской кухне. Даже слёзы наворачивались иногда... Сложно сначала было запомнить, кто есть кто, но потом всё встало на своё место. Молодец ты! Есть, конечно, замечания, но прогресс в твоём творчестве неоспорим...»*

Раиса Владимировна Захарова *(заведующая организационно-методическим отделом МУК МБКр г. Кола): «Надежда! Спасибо ещё раз за встречу! Начала сегодня 17 марта 2013 года в 6-30 читать "Мой Маслов", три часа не могла оторваться, словно рядом с тобой жила тогда! Спасибо: зримо, живо, человечно, искренно, чувственно!!!»*

УДК 821.161.1.09(093.3)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б79

На первой странице обложки:
рисунок Татьяны Шороховой

Фото на второй странице:
Виталий Семенович Маслов в Музее саамской литературы и письменности им. Октябрины Вороновой, Ревда, 1996 год

Большакова Н.П.
Б79 Мой Маслов. Книга-дневник/ Надежда Большакова. – Мурманск : Опимах, 2011. – 256 с., 6 л. илл., фото на вкл.

Предлагаемая читателю книга посвящена Виталию Семеновичу Маслову – писателю, поэту, общественному деятелю, Гражданину.

Это книга-дневник, в которой автор очень откровенно делится воспоминаниями о Маслове, близком ей по духу, а также о писателях и других людях, с которыми свела её судьба.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-903748-47-1 УДК 821.161.1.09(093.3)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-903748-47-1 © Н. Большакова, 2011